
Министерство образования и науки
Российской Федерации
Омский государственный педагогический
университет

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Omsk State Pedagogical University

**Вестник
Омского государственного
педагогического
университета**

**Newsletter
of Omsk State
Pedagogical
University**

**ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

**HUMANITARIAN
RESEARCH**

**Научный журнал
2014 • № 3 (4)**

**Scientific journal
2014 • № 3 (4)**

Омск
Издательство ОмГПУ
2014

Omsk
Publishing house OmSPU
2014



ISSN 2309-9380

**ВЕСТНИК
ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

**Научный журнал
2014. № 3 (4)**

Редакционный совет

Волох О. В., доктор политических наук, профессор,
председатель редакционного совета
Федяев Д. М., доктор философских наук, профессор
Чекалёва Н. В., доктор педагогических наук, профессор
Шаров А. С., доктор психологических наук, профессор

Редколлегия журнала

Федяев Д. М., доктор философских наук, профессор,
главный редактор
Горнова Г. В., доктор философских наук, доцент,
заместитель главного редактора
Федяева Н. Д., доктор филологических наук, доцент,
заместитель главного редактора

Антилогова Л. Н., доктор психологических наук, профессор
Беренд Н., профессор (Маннгейм, Германия)
Буренкова С. В., доктор филологических наук, доцент
Коптева Э. И., доктор филологических наук, доцент
Красноярова Н. В., кандидат философских наук, доцент
Кротт И. И., кандидат исторических наук, доцент
Пекарская И. В., доктор филологических наук, профессор
(Абакан)
Пивоваров Д. В., доктор философских наук, профессор
(Екатеринбург)
Рагулина М. И., доктор педагогических наук, профессор
Родигина Н. Н., доктор исторических наук, профессор
(Новосибирск)
Смит П., профессор (Арлингтон, США)
Филатова А. Ф., доктор психологических наук, доцент
Чернявская Е. А., кандидат психологических наук
Чуркин М. К., доктор исторических наук, профессор
Чуркина Н. И., доктор педагогических наук, доцент
Шипилина Л. А., доктор педагогических наук, профессор

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-59612
от 10 октября 2014 г.

Адрес редакции:

644099, Омск-99, Набережная Тухачевского, 14, ОмГПУ
ФГБОУ ВПО «ОмГПУ»: 644099, Омск-99, Набережная
Тухачевского, 14
Омск, Издательство ОмГПУ, 2014

© Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования «Омский
государственный педагогический университет», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Валевич Е. С.
Противоречивость персонализма
в культуре потребления10

Гопко В. В.
Так ли избыточно избыточное потребление?...13

Горнова Г. В.
Антиномичность культуры.....16

Кениспаев Ж. К.
Диктаторы из прошлого.....20

Красноярова Н. Г.
Основные принципы философии культуры
как методологии.....23

Нефедова Л. К.
Имманентное и континуальное начала
детского Мы.....26

Пивоваров Д. В.
Религиозно-философские модели человека:
трехмерный человек.....29

Шаров А. С.
Превращения в культуре и развитии человека...35

Штехман Е. А.
Общие вопросы теории антропологического
исследования категорий *долг* и *желание*.....38

ФИЛОЛОГИЯ

Будехин С. Ю.
«Гамлет» Шекспира и трагедия мести:
эволюция жанра.....44

Глотова Е. А.
Семья в русском национальном сознании.....47

Езан И. Е.
Цитированный способ передачи
информации в немецкой журнальной
публицистике.....51

Николенко О. Ю., Файлерт Н. А.
Названия мифических существ: история
лексической группы по лексикографическим
источникам.....54

Ощепкова Т. В. О терминологизации общеупотребительной лексики как одном из способов терминообразования в подъязыке герменевтики.....57	Фадеева О. А. Символическая коммуникация имиджа политического лидера97
Попова А. Н. К проблеме семантического моделирования образа ребенка в русской языковой картине мира.....61	КУЛЬТУРОЛОГИЯ
Уланов А. В. Константы военной языковой картины мира в русском языке начала XX века.....64	Гусев Д. А. Декоративно-прикладное творчество как форма проявления общенациональной идентичности России102
Шадрина А. А. Анализ эмоционального компонента значения слова «родина» в условиях учебного триязычия.....68	Кассал Б. Ю. Палеолитические изображения представителей рода Bison: зоологическая оценка одного аспекта103
Шестова А. А. Семантическая связь между отражающими явления техногенной цивилизации словами в русском и английском языках.....71	Федяев Д. М. Обаяние ножа: тенденция символизации вещей в современной культуре107
ИСТОРИЯ	ПЕДАГОГИКА
Чуркин М. К. Сибирская региональная идентичность в переселенческом процессе второй половины XIX – начала XX вв.78	Лупаренко С. Е. Детская игротка в системе внешкольного образования в СССР (1930–1950 гг.)114
Чуркина Н. И. Чтение в системе подготовки педагогических кадров: историко-педагогический взгляд на проблему81	Мыльникова С. А. Подготовка преподавателей вуза к межкультурной коммуникации в сфере образования118
СОЦИОЛОГИЯ	Федяева Л. В., Серикова А. К. Организация профильного обучения в сельской школе120
Гунбина С. В., Литвак Р. А. Проблема развития социальной активности студентов в современном обществе86	Чечулина Н. А., Скибицкий Э. Г., Лихачев А. С. Формирование изыскательской компетентности начинающего исследователя122
Кравцова Т. В. Понятие академической мобильности в гуманитарном знании88	ДЕЛИМСЯ МЕТОДИЧЕСКИМ ОПЫТОМ
Мельникова Н. А., Горбачева Ю. С. Специфика коммуникаций в выставочных технологиях сферы <i>business-to-business</i>90	Жесткова Е. А. Опыт партисипативной организации образовательного процесса в Арзамасском филиале Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского128
Степнов П. А. Фонды целевого капитала (эндаумент-фонды) в сфере образования России94	Зернина Е. В., Чурсина Ю. А. Формирование профессиональных компетенций бакалавров-экономистов посредством интерактивных образовательных технологий130

Маклаева Э. В.

О подготовке будущих учителей начальных классов к формированию и развитию пространственных представлений младших школьников.....134

Филиппова Л. В.

Опыт разработки учебного курса «Речевое мастерство педагога»138

СЛОВО МОЛОДЫМ**Ковалевский А. А.**

Постнигилизм как форма современного мировоззрения142

Новикова И. В.

Способы репрезентации категории эмотивности в библейском тексте (на материале англоязычного варианта Книги притчей Соломоновых)145

РЕЦЕНЗИИ**Карпова Л. М.**

Наука в «кривом зеркале» антисциентизма ...150

ПРОЕКТЫ ОмГПУ**Сюк Т. Н.**

Использование электронных образовательных ресурсов при реализации социального просветительского проекта, популяризирующего грамотность и культуру речи154

СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ**Воробьева З. В., Вострова К. О.**

Реликвии и раритеты семейной библиотеки Воробьевых: к 80-летию со дня рождения Ю. В. Воробьева158

Сведения об авторах164

Информация для авторов166



ISSN 2309-9380

**NEWSLETTER OF OMSK STATE
PEDAGOGICAL UNIVERSITY.
HUMANITARIAN RESEARCH**

**Scientific journal
2014. № 3 (4)**

Editorial Board

Volokh O. V., Doctor of Political Sciences, Professor,
Editorial Board Chairman
Fedyayev D. M., Doctor of Philosophical Sciences, Professor
Chekaleva N. V., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
Sharov A. S., Doctor of Psychological Sciences, Professor

Editorial Staff

Fedyayev D. M., Doctor of Philosophical Sciences,
Professor, Editor-in-chief
Gornova G. V., Doctor of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Deputy Chief Editor
Fedyayeva N. D., Doctor of Philological Sciences,
Deputy Chief Editor
Antilogova L. N., Doctor of Psychological Sciences, Professor
Berend N., Professor Dr. (Mannheim, Deutschland)
Burenkova S. V., Doctor of Philological Sciences, Associate
Professor
Kopteva E. I., Doctor of Philological Sciences, Associate
Professor
Krasnoyarskaya N. V., Phd in Philosophy, Associate Professor
Krott I. I., PhD in History, Associate Professor
Pekarskaya I. V., Doctor of Philological Sciences, Professor
(Abakan)
Pivovarov D. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor
(Yekaterinburg)
Ragulina M. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
Rodigina N. N., Doctor of Historical Sciences, Professor
(Novosibirsk)
Smith P., Professor (Arlington, USA)
Filatova A. F., Doctor of Psychological Sciences, Associate
Professor
Chernyavskaya E. A., PhD in Psychology
Churkin M. K., Doctor of Historical Sciences, Professor
Churkina N. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Associate
Professor
Shipilina L. A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

Certificate of registration ПИ № ФС77-59612
от 10 октября 2014 г.

Editorial office address:

OSPU, 14, Naberezhnaya Tukhachevskogo,
644099, Omsk-99

FSBEI HPE «OSPU»:

14, Naberezhnaya Tukhachevskogo,
644099, Omsk-99

OSPU Press Omsk, 2014

© Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional
Education «Omsk State Pedagogical University», 2014

CONTENTS

PHILOSOPHY

Valevich E. S.

The inconsistency of personalism in the culture
of consumption10

Gopko V. V.

Whether excess consumption is so superfluous? ...13

Gornova G. V.

The antinomy of culture16

Kenispaev Zh. K.

Dictators from the past20

Krasnoyarova N. G.

The basic principles of the philosophy
of culture as a methodology23

Nefiodova L. K.

Inherent and continual started baby We26

Pivovarov D. V.

Religious philosophical model of man:
three-dimensional man29

Sharov A. S.

Conversion in culture and development
of the person35

Shtekhman E. A.

General issues on theory of anthropological
research of the categories 'Debt' and 'Desire'38

PHILOLOGY

Budekhin S. Yu.

«Hamlet» by Shakespeare and the tragedy
of revenge: evolution of the genre44

Glotova E. A.

Family in russian national consciousness47

Ezan I. E.

The quoted way of information transfer
in German journalistic publicism51

Nikolenko O. Yu., Fajlert N. A.

The nominations of mythical creatures:
the history of lexical group according
to lexicographic sources54

Oschepkova T. V.

Turning everyday words into terms as a means
of enriching terminology of hermeneutics57

Popova A. N.

To the problem of semantic modeling of child image in Russian language picture of the world61

Ulanov A. V.

Constants of the military linguistic picture of the world in the Russian language at the beginning of the XX century64

Shadrina A. A.

The analysis of an emotional component of the meaning of word «homeland» in conditions of educational trilingualism68

Shestova A. A.

The semantic relation between the Russian and English words reflecting the phenomena of the technogenic civilization71

HISTORY**Churkin M. K.**

Siberian regional identity in the resettlement process of the second half of XIX – early XX centuries78

Churkina N. I.

Reading in the system of teaching staff training: historical-pedagogical point of view on the problem81

SOCIOLOGY**Gunbina S. V., Litvak R. A.**

Problem of development of students' social activity in modern society86

Kravtsova T. V.

Concept of academic mobility in the humanities88

Melnikova N. A., Gorbachova Yu. S.

Specifics of communications in exhibition technologies of *business-to-business* field90

Stepnov P. A.

Endowment funds in the Russian educational sphere94

Fadeyeva O. A.

Symbolic communication of a political leader's image97

CULTUROLOGY**Gusev D. A.**

Arts and crafts as a form of manifestation of the Russian national identity102

Kassal B. Yu.

Paleolithic images of representatives of the genus *Bison*: zoological evaluation of one aspect103

Fedyaev D. M.

Charm of the knife: tendency of symbolization of things in modern culture107

PEDAGOGICS**Luparenko S. E.**

Children's games library in the system of extracurricular education in the USSR (1930–1950).....114

Mylnikova S. A.

University teachers' training for intercultural communication in the sphere of education118

Fedyaeva L. V., Serikova A. K.

Organization of subject oriented education in a rural school120

Chechulina N. A., Skibitskiy E. G.,**Likhachev A. S.**

Exploratory competence formation of the young researcher122

SHARING METHODOLOGICAL EXPERIENCE**Zhestkova E. A.**

Experience of participatory organization of the educational process at Arzamas branch of N. I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod128

Zernina E. V., Chursina Yu. A.

Moulding economists' professional competence through interactive educational technologies130

Maklayeva E. V.

About future primary school teachers' training for the formation and development of primary school students' spatial concepts134

Filippova L. V.

Experience in development of the training course "Speech proficiency of the teacher"138

LET THE YOUTH SAY**Kovalevsky A. A.**

Postnihilism as a form of modern ideology142

Novikova I. V.

The Category of emotivity and the ways it is represented in the Biblical Text (On the English variant of the Proverbs)145

REVIEWS**Karpova L. M.**

Science in «distorting mirror» of antisecularism ...150

PROJECTS OF OSPU**Skok T. N.**

The use of electronic educational resources in the implementation of social and educational projects that promote literacy and culture of speech154

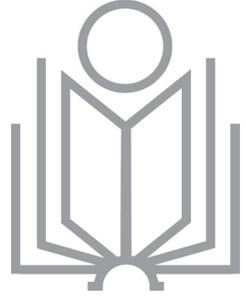
MEMORY PAGES**Vorobyova Z. V. , Vostrova K.O.**

Relics and rare books of the Vorobyovs' family library: dedicated to 80 years from the birth of Yu. V. Vorobyov158

Information About the Authors164

Information For the Authors166

ФИЛОСОФИЯ



Валевич. Е. С.

Противоречивость персонализма
в культуре потребления

Гопко В. В.

Так ли избыточно избыточное потребление?

Горнова Г. В.

Антиномичность культуры

Кениспаев Ж. К.

Диктаторы из прошлого

Красноярова Н. Г.

Основные принципы философии культуры
как методологии

Нефедова Л. К.

Имманентное и континуальное начала
детского Мы

Пивоваров Д. В.

Религиозно-философские модели человека:
трехмерный человек

Шаров А. С.

Превращения в культуре и развитии человека

Штехман Е. А.

Общие вопросы теории антропологического
исследования категорий долг и желание

ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ПЕРСОНАЛИЗМА В КУЛЬТУРЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ¹

В статье рассматриваются существенные особенности процесса персонализации в современном обществе, который по сути своей, весьма противоречив. Определяется роль культуры потребления в этом процессе. Индивид в попытках подчеркнуть свои индивидуальные качества следует навязанным культурой потребления представлениям о человеке (психологическим, нравственным, эстетическим и т. п.), утрачивая при этом свою уникальность и превращаясь в определенный «продукт» общества потребления.

Ключевые слова: консьюмер, культура потребления, Нарцисс, персонализация, пустота, самозванство.

В современном обществе потребления процесс персонализации становится чрезвычайно актуальным явлением. Все больше и больше людей стремятся выделиться из массы себе подобных, пытаются любыми способами подчеркнуть свою уникальность. Ж. Липовецки называет таких людей Нарциссами, и в своей книге «Эра пустоты» представляет всесторонний критический анализ существенных особенностей человека данного типа: «нарциссизм означает возникновение нового типа человека с повышенным вниманием к самому себе и своему телу» [1, с. 79].

По мнению Ж. Липовецки, процесс персонализации преобразует все сферы общественной и частной жизни. Для того чтобы раскрыть суть этого процесса, необходимо обратиться к этимологии слова «персона». Во французском языке слово *personne*, от которого образовано понятие «персонализация», имеет несколько значений. Первое соответствует русскому «персона» – человек, лицо, особа и все связанные с этим смыслом. Во втором значении *personne* – никто, что-либо и т. п. Таким образом, «персонализация – это не только индивидуализация, или преломление разного рода ценностей через мировосприятие отдельной личности, но и опустошение, превращение в ничто, исчезновение» [1, с. 8].

В приведенном этимологическом описании уже содержится определенная противоречивость процесса персонализации: с одной стороны, стремление любой ценой (следуя моде, экспериментируя с внешностью, совершая неординарные поступки, эпатажируя публику и т. д.) выразить свою индивидуальность, подчеркнуть свою непохожесть на остальных и при этом добиться одобрения и восхваления, а с другой стороны, следуя этим целям, ориентируясь на принятые большинством, а следовательно, заведомо одобряемые представления о внешности, поведении, образе жизни и т. д., человек утрачивает свою естественную уникальность.

Об утрате индивидуальности, «автоматизации» индивидуума и, как следствии, обнищании культуры писал

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России (государственное задание).

THE INCONSISTENCY OF PERSONALISM IN THE CULTURE OF CONSUMPTION

The article discusses the essential features of the process of personalization in modern society, which, in essence, is quite controversial. Defines the role of consumer culture in the process. The individual, in an attempt to emphasize their individual qualities, should be imposed by the culture of consumption notions about the person (psychological, moral, aesthetic, etc.), forfeiting their uniqueness and turning into a «product» of consumer society.

Keywords: consumer, consumer culture, Narcissus, personalization, emptiness, imposture.

и Э. Фромм. Несмотря на то, что его размышления основаны на гендерном аспекте этой проблемы (как утрате в современном обществе естественных женских и мужских качеств, постепенном исчезновении различий между полами), в них содержится очень точная психологическая и нравственная характеристика человека общества потребления.

«Заурядный человек, – пишет Фромм, – предлагает себя в качестве товара и чувствует, что его стоимость зависит от его способности продавать себя и от признания его другими людьми. Он замечает, что цена его не определяется ни внутренней или потребительской ценностью его личности, ни его силой или способностью любить и ни его человеческими качествами. Она определяется тем, как он может продать эти качества или благодаря им достичь успеха и признания других людей» [2, с. 120]. Таким образом, самооценка, чувство собственной значимости человека оказываются полностью зависимыми от мнения других людей.

По мнению З. Баумана, современная культура порождает «ассоциативную индивидуальность», которая характеризуется «постоянной утратой связи между внутренней душой и внешней формой социальных отношений» [3, с. 96]. Преодоление этого разрыва непосредственно связано с поиском новой идентичности, приобретаемой в процессе персонализации.

Неспособный выразить свою уникальность посредством творчества, отличаться развитыми духовными качествами, человек, ориентированный исключительно на потребление (Нарцисс), прибегает к различным способам внешнего самовыражения. Одной из ценностей для современного человека, наряду с неумным потреблением материальных благ, становится собственное тело и забота о нем, включая и опасное экспериментирование (тату, пирсинг, пластические операции и т. д.). «Свойственное нарциссам обожание собственного тела, ежедневно проявляемое в тысяче мелочей: переживания, связанные с возрастом и появлением морщин, заботы о здоровье, о «фигуре», о гигиене, ритуалы контроля и ухода за собой (массаж, сауна, спорт, соб-

людение режима); ставшие культом посещения солярия и терапевтических кабинетов (злоупотребление услугами врачей и фармацевтов) и т. д.» [1, с. 94].

Модельный бизнес и индустрия «звезд», имеющих «желанную» внешность и ведущих идеальный, в контексте общества потребления, образ жизни, также не только способствуют, но и создают формат нового человека, движимого бесконечно производимыми потребностями и стремлением к недостижимому в реальности идеалу [4, с. 330].

Находясь под влиянием ценностей культуры потребления, СМИ, рекламы, вооружившись достижениями современной медицины, человек, лишенный развитых духовных качеств, утрачивает свою телесную целостность и неповторимость. «Тело из онтологической сущности превращается в объект манипулирования, игры, в подобие костюма, который можно не только украшать, но перекраивать и менять» [5, с. 142].

Несмотря на то, что случаи изменения человеком своего биологического пола являются единичными, но и они уже не воспринимаются, особенно в прогрессивно развитых обществах, как «из ряда вон выходящее» явление. При этом вместе с телом закономерным образом меняется и идентичность личности, а точнее, внутренняя сущность человека приходит в согласие с внешней оболочкой. В данной ситуации процесс персонализации, по сути, начинается заново, но уже в рамках изменившейся идентичности человека. Этот процесс имеет и свои особенности, и свои трудности (главная из которых – это адаптация «изменившегося» человека в условиях социума). Но это уже тема отдельного исследования.

Наряду с ежедневной заботой о красоте внешней, сегодня стало очень модным заботиться и о своем психологическом состоянии. Человек с невероятным увлечением занимается «самопознанием» и «самоусовершенствованием», «направляя страсти на собственное «Я», которое становится пупом земли, «пси»-терапия, дополненная физическими упражнениями или восточной философией, создает ранее неизвестный образ Нарцисса, отныне отождествляемый с понятием *homo psychologicus*» [1, с. 85].

Еще одна особенность процесса персонализации раскрывается в явлении, которое Г. Л. Тульчинский именует самозванством, «всегда претендующим на некую исключительность» [5, с. 143], источником которого является кризис, утрата идентичности.

Самозванство – не новое явление, но его суть и масштабы с течением времени существенно трансформировались: «если ранее мы имели дело преимущественно с «высоким самозванством» исторических личностей, то в наше время самозванство становится феноменом обыденной жизни» [5, с. 156], оно «становится уделом каждого, условием и технологией жизненной реализации, тестом на жизненную компетентность» [5, с. 161].

Потребительская культура, провозглашая систему ценностей, в которой потребление занимает ключевую позицию, создавая на ее основе определенные стандарты красоты, поведения, образа жизни и т. д., уводит человека в мир иллюзий и грез. Но все это крайне необходимо Нарциссу, поскольку он, одержимый собой и не имея опоры, «способен дать сбой или рухнуть в любой момент, столк-

нувшись с препятствием, которое он дерзнет встретить» [1, с. 75]. Ценности и идеалы общества потребления становятся его индивидуальной системой социальной навигации.

Сам же процесс потребления давно вышел за рамки простого удовлетворения естественных потребностей. Сегодня его масштабы и качество становятся мерилom жизненного успеха человека. Но здесь возникает естественное экономическое противоречие: неограниченные желания и жажда потребления ограничены возможностями человека, в первую очередь финансовыми. «Наслаждаться безудержным потреблением хотят многие, но не каждый может позволить себе подобный образ жизни. Это особенно актуально в России, где дистанция между очень бедными и богатыми очень велика. Конечно, это способствует напряжению в обществе, падению нравственности и постановку во главу всего мироздания принципа материального благополучия» [6, с. 53].

Одним из следствий процесса персонализации Ж. Липовецки считает массовое опустошение, всеобщее равнодушие, гигантской волной охватившие наше общество. «Все социальные институты, все великие ценности и конечные цели, создававшие предыдущие эпохи, постепенно оказываются лишены их содержания. Что это, если не массовое опустошение, превращающее общество в обескровленное тело, в *упраздненный организм?*» [1, с. 58].

К подобному мнению приходит и Ж. Бодрийяр, описывая особенности современной культуры, превратившейся в «производство отходов»: «Люди становятся отбросами своих собственных отбросов – вот характерная черта общества, равнодушного к своим собственным ценностям, общества, которое самое себя толкает к безразличию и ненависти» [7, с. 108].

Ж. Липовецки крайне пессимистично относится к изменениям, затронувшим сегодня все сферы жизни человека и общества. Свою позицию он выражает в ряде риторических вопросов: «кто еще может верить в труд, узнав о масштабах прогулов и *turn over* (текучесть рабочей силы), о страсти к отпускам, уик-эндам, развлечениям, которая не перестает усиливаться, когда уход на пенсию становится всеобщим стремлением, если не идеалом жизни; кто еще может верить в семью, когда число разводов неуклонно увеличивается, когда стариков загоняют в дома престарелых, когда пожилые желают оставаться «молодыми» и участвуют в конкурсах «пси»; когда супружеские пары становятся «свободными», когда узаконены аборты, применение контрацептивов; кто еще может думать об армии, когда принимаются все меры для того, чтобы ее реформировать, когда уклонение от военной службы уже не считается бесчестьем; можно ли говорить о добросовестности, экономии, о профессиональной этике, об авторитете, о санкциях?» [1, с. 59].

Культура потребления вкупе с прогрессивным развитием информационно-коммуникационных технологий расширяет сферу социальных контактов человека и способов его самопрезентации. Сам же процесс персонализации уже давно вышел за границы реального мира. Тотальное использование Интернета и социальных сетей призваны помочь человеку в раскрытии своей сущности и репрезентации своей уникальности. В виртуальном пространстве,

во-первых, можно быть кем угодно, наделить себя желаемыми качествами, приблизиться, пусть и вымышлено, к своему идеалу; во-вторых, есть возможность общаться с самыми разными людьми, не ограничиваясь личными (родственными) контактами, профессиональной сферой, территориальными границами.

У подобного процесса виртуальной персонализации есть и обратная сторона: все чаще пользователи Интернета лишаются всяких возрастных, половых, этнических признаков, закрепленных за ними в реальном социуме. Порой сложно даже представить, кто же на самом деле скрывается за интернетовским ником или аватаркой. Возникает недоверие, страх разочарования и как результат все та же пустота и равнодушие, что и в реальном мире. При этом «нам лишь кажется, что люди становятся более общительными и готовыми к сотрудничеству; прячась за ширму гедонизма и одиночества, каждый цинично использует чувства себе подобных и преследует собственный интерес, совершенно не заботясь о грядущих поколениях» [1, с. 107].

Самозванство, самопрезентация, стремление продать себя как можно выгоднее на рынке различного рода взаимоотношений (профессиональных, личных и т. д.) заставляет людей «воспринимать мир как контейнер, полный объектов для одноразового использования; весь мир, – включая других людей» [3, с. 175]. Исходя из этого, человек научается все эффективнее «применять особые техники фрагментации межличностных связей, сосредоточивая внимание на функциональной стороне отношений и потенциальных или реальных выгодах от них. В личностных соприкосновениях людей исчезает теплота, понимание, заинтересованность в другом, поскольку Другой – конкурент (в разных сферах жизнедеятельности и в разных сферах активности)» [4, с. 62].

Таким образом, связи и отношения в современном обществе «имеют тенденцию рассматриваться как вещи, которые нужно использовать, а не создавать, и с ними обращаются соответствующим образом; их оценивают по тем же критериям, что и все другие объекты потребления» [3, с. 176].

При этом «общество потребления готовит самую страшную ловушку для человека – оно исключает его из процесса созидания своей жизни, самореализации, самоторения» [4, с. 55]. «Человек превращается в винтик системы потребления, которая обеспечивает бесперебойную

работу системы производства. Он лишается не только свободы выбора, но и свободы желаний, свободы творчества и, наконец, своей субъектности» [4, с. 58].

Потребительская культура предлагает быть индивидуальным и отличным от других, следовать стилю, приобретать брендовые вещи, которые подчеркивают индивидуальность и стильность консьюмера. И для этого создаются все необходимые условия (производство, развитая сфера услуг, реклама и многое другое). Но вместе с тем, декларируя эти ценности и адресуя их максимально широкой публике, потребительская культура усредняет и деперсонализирует каждого мнительного реципиента, так как, желая подчеркнуть свою индивидуальность, люди подчеркивают ее примерно одними и теми же товарами и стилями поведения.

Таким образом, общество потребления все больше и больше навязывает человеку массовые ценности, которые не всегда становятся его личными ценностями. Возникает замкнутый круг: провозглашается ценность уникальной личности, а на деле создается общество однотипных людей, порождается массовость.

1. Липовецки Ж. Эра пустоты. СПб. : Владимир Даль, 2001. 332 с.
2. Фромм Э. Мужчина и женщина. М. : АСТ, 1998. 512 с.
3. Бауман З. Текучая современность / пер. С. А. Комаров, под ред. Ю. В. Асочакова. СПб. : Питер, 2008. 238 с.
4. Девиантность в обществе потребления / Я. И. Гилинский, В. Ильин, Т. В. Шипунова и др.; под ред. Я. И. Гилинского, Т. В. Шипуновой. СПб. : Алеф-Пресс, 2012. 464 с.
5. Тульчинский Г. Л. Новая антропология (персонология): самозванство или личность как автопроект? // Нева. 2010. № 6. С. 140–163.
6. Дмитриева Л. М., Сибин М. С. Реклама как конструкт виртуального пространства культуры. М. : Магистр, 2011. 112 с.
7. Бодрийяр Ж. Город и ненависть // Логос. 1997. № 9. С. 107–116.

© Валевич Е. С., 2014

ТАК ЛИ ИЗБЫТОЧНО ИЗБЫТОЧНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ?

В течение длительного времени в статьях и монографиях значительного числа авторов бескомпромиссной критике подвергается так называемое массовое общество, одной из осуждаемых характеристик которого является стремление современного человека к избыточному потреблению. Эта критика превратилась в своего рода философскую банальность. В статье предпринята попытка поставить вопрос об обоснованности безоговорочного осуждения «потребительства» и показать односторонность такого подхода.

Ключевые слова: избыточное потребление, массовый человек, интересы человека, вещи, мода.

Начиная с конца XIX в. и до сегодняшнего дня, в работах социологов, философов, психологов и других обществоведов регулярно подвергается безоговорочному осуждению, носящему характер приговора, стремление современного массового человека к потреблению, которое (потребление) характеризуется как избыточное [1].

Критика эта во многом справедлива, прежде всего если речь идет об удовольствиях, источником которых являются алкоголь, наркотики, примитивные развлечения (особенно, если они замешаны на первых двух), клубно-ночное уничтожение времени и многое другое, наносящее вред здоровью, разрушающее семьи и в конечном итоге опустошающее жизнь.

Столь же суровому осуждению подвергается стремление того же массового человека к обладанию вещами, которые не приносят реальной пользы, но приобретаются не столько по причине практических нужд, сколько по причине устойчивого желания продемонстрировать окружающим и, главное, самому себе свой, если и не самый высокий, то постоянно растущий статус. Массовый человек без устали гонится за брендами, полагая это важным, достойным приложения сил занятием. Речь идет о так называемом демонстрационном потреблении, которое служит «средством поддержания репутации», как писал Т. Веблен [2, с. 108]. Американский экономист и социолог имел в виду потребительское поведение состоятельных людей, представителей, по его терминологии, «праздного класса». Но в течение минувшего века в сфере потребления произошли существенные изменения, в результате которых оно стало массовым, и показное потребление перестало быть уделом исключительно богатых людей. Массовым потребителем стал не только человек большого и среднего достатка, но и человек достатка более скромного.

Кто же этот массовый человек, «человек-масса», выражаясь языком Ортеги-и-Гассета [3]? Существует ли он реально или все-таки массовый человек – это некая условность, некий мысленный конструкт, что-то вроде «геометрической точки» у математиков, который в реальности

WHETHER EXCESS CONSUMPTION IS SO SUPERFLUOUS?

For a long time in articles and monographs of considerable number of authors the so-called mass society is exposed to uncompromising criticism, one of which condemned characteristics is the aspiration of the modern person to excess consumption. This criticism turned into some kind of philosophical banality. In article an attempt to raise a question of validity of unconditional condemnation of “consumerism” and to show an unilaterality of such approach is made.

Keywords: excess consumption, mass person, interests of the person, things, fashion.

не существует, но которого можно бесконечно и беспригодно осуждать, не опасаясь ответной реакции? Ортега-и-Гассет дает определение массового человека: «В силу ряда причин человек-масса – это тот, кто не может оценить самого себя, как с плохой, так и с хорошей стороны, это тот, кто чувствует себя «таким, как все», но отнюдь не переживает из-за этого. Ему нравится чувствовать себя таким, как все» [3, с. 43–44]. Если это определение попытаться упростить, то массовый человек – это тот, кто хочет «жить, как люди», чтобы у него все было «как у людей» или «не хуже, чем у людей».

Абстрагируясь от авторитета Ортеги-и-Гассета как философа и писателя и от ставшей традиционной критики массового общества, можно сформулировать ряд элементарных вопросов:

1. Почему, собственно говоря, «жить, как люди» – это плохо?

2. Если у вас все «не как у людей» – это хорошо?

3. Что значит быть не таким, как все? (Чикатило, безусловно, не такой, как все, большой оригинал, так сказать).

4. Если же речь идет о наличии у человека собственной позиции, собственного мнения по каким-то важным или, может быть, важным только для него проблемам бытия, то почему эти позиция и мнение не могут совпадать с позицией и мнением большинства? Большинство нередко ошибается. Но всегда ли? В конце концов, нормы морали, позитивные традиции того или иного общества в конечном итоге вырабатываются и закрепляются большинством.

Многие люди живут сегодня достаточно «узкими» интересами: заботами о детях, включая и заботу о том, чтобы их дети были одеты «не хуже, чем у людей», радостью, которую приносят покупки, удовлетворением сытостью, застольем, просмотром телепередач и т. п.

Такой образ жизни нередко подвергается критике как проявление бездуховности. Но что можно предложить взамен этой бездуховной жизни?

Человечество, по крайней мере его большая часть, смогло пережить короткие, но весьма жестокие эпохи вов-

леченности в осуществление великих идей – свободы, равенства и братства, национально-расовой, коммунистической. Цена этой вовлеченности неизмерима: десятки миллионов жизней, загубленных на полях сражений, в концлагерях, в подвалах соответствующих спецслужб. Манипулировать человеком, изгоняя из его сознания разум и совесть, можно и с использованием самых высоких понятий, связанных с непреходящими ценностями. Играя на патриотических струнах личности, власть способна заставить терпеть недостаточное потребление в тех случаях, когда она, власть, не способна обеспечить потребление избыточное. Трудно найти понятие, умело играя которым, нельзя спровоцировать человека на действия, каковых он сам от себя не ожидал. Превращать личность в реципиента манипулятивных технологий достаточно легко, используя наукообразность и пафосность. Более того, бездуховность, заключенная в информационную обертку высоких слов, при должных усилиях со стороны манипуляторов, будет восприниматься объектом манипулирования как самая высокая духовность. Приказы параноидального лидера в подобной ситуации можно выдавать за приказы родины, и тогда «родина» посылает людей в чужую страну воевать за высокие идеалы.

«Люди существуют для того, чтобы служить высоким идеалам, но в то же время мы имеем право сказать, что без высоких идеалов нет и самого человека», – утверждал известный политический деятель минувшего века [4, с. 317].

Результаты попытки осуществления «высоких идеалов», предложенных этим политическим деятелем, известны. Кстати, этот же политический деятель был последовательным противником следования моде молодыми людьми. Он писал в том же произведении: «Вопрос об одежде тоже имеет известное значение. Наша молодежь должна одеваться так, чтобы это содействовало указанной цели. Просто жалко смотреть, как наша молодежь становится жертвой глупейших мод» [4, с. 345].

Во времена масштабных войн, природных и иных катаклизмов стимулами развития экономики, с одной стороны, и стимулами минимизации потребления – с другой, являются сами войны и катаклизмы. В мирное время экономику, среди прочего, стимулирует – и весьма существенно – стремление к потреблению. Попытки нормировать последнее, предпринимавшиеся в социалистических странах, как известно, оказались неудачными, но удачно обеспечили экономическое отставание социалистического лагеря от западных стран.

Последовательность критики потребительства и бескомпромиссность тона его критиков имеет, как представляется, ряд причин.

Во-первых, возможности обеспечения вещами, т. е. уровень удовлетворения потребностей людей в обществе, различны и далеко не всегда соответствуют представлению людей о справедливости.

Во-вторых, существует устойчивая инерция критики массового общества, массовой культуры, массового потребления, которая не всегда позволяет увидеть их позитивные стороны.

В-третьих, принято считать, что массовый человек в высокой степени подвержен влиянию со стороны манипуля-

торов. Критика потребителя справедлива, если речь идет о человеке, который озабочен лишь приобретением вещей и получением удовольствий, что, бесспорно, ослабляет его моральные, интеллектуальные и волевые качества.

Безусловно, в наши дни стремление к манипулированию общественным мнением со стороны власти практически во всех странах достигло расцвета. Средства массовой информации, оснащенные современной телевизионной и интернет-техникой, получили возможность организовывать общегосударственные шоу по самым различным вопросам, включая и политические. Современное общество подверглось, если можно так выразиться, шоуизации, одной из задач которой является стремление власти вызвать в обществе чувство хронического переживания праздника, стремление развлекать и отвлекать [5]. Современный успешный политик – это хороший шоумен. Вместе с тем, как представляется, далеко не к каждому современному человеку применим ярлык «человек-массы». Значительная часть людей прекрасно понимает истинные мотивы тех или иных действий власти (чего, кстати сказать, власть не всегда осознает). Кроме того, направление потока сознания человека к так называемому вещизму, возможно, более предпочтительно, чем его (сознания) поглощение какими-либо «великими идеями», которые могут потребовать великих жертв. Предпочтительнее тяга человека к хорошему модному костюму, чем к строгой гимнастерке с васильковыми петлицами. Если, кстати, вспомнить не столь уж далекое советское прошлое, то поиски хорошего модного костюма могли занять не один месяц.

К тому же не до конца понятна позиция беспощадных критиков всего, так сказать, массового – массовой культуры, массового потребления, массового общества. Какое общество, если обратиться к истории, с их точки зрения, является образцовым, заслуживающим позитивной оценки: крепостническая империя, советская сталинская империя или хронически отстающая от западных стран, кормящая народ лозунгами постсталинская страна?

Если обратиться к императорской России XIX в., то напрашивается банальный вывод: массовое общество более предпочтительно, чем общество массовой неграмотности.

Что же касается так называемого объективного подхода к оцениванию сталинизма, на котором настаивают его сторонники, то таковой также может служить инструментом манипулирования сознанием человека. Если в сталинской эпохе, прибегая к объективному подходу, предлагается в качестве позитива рассматривать индустриализацию и сопутствовавший ей трудовой энтузиазм масс, то в эпохе нацизма в Германии с позиций объективности можно позитивно оценить прогресс в развитии промышленности, ликвидацию безработицы и, опять же, трудовой энтузиазм масс.

Что касается послесталинского периода, который по прошествии времени вспоминается все с большей теплотой, что, впрочем, объяснимо (идеализация прошлого влечет за собой его мифологизацию), то напрашивается элементарный вопрос: если все в названное время было столь замечательно, то в силу каких причин распался Советский Союз? На этот вопрос дано множество ответов, которые убедительно показывают, что многое в советском

прошлом действительно заслуживает позитивной оценки, но далеко не все, в том числе хронический дефицит предметов потребления.

Главную роль в пропагандировании моды на те или иные вещи играет реклама, не критиковать которую то снисходительно, то сурово, если о ней заходит речь, стало просто неприлично. Во многом такая критика справедлива. Заметим лишь, что важную, едва ли не главную роль в современной рекламе различной продукции играет внешняя красота – красота предметов быта, квартир, одежды, человеческого тела. Можно возразить, что это не красота, что в ней нет глубины, что это всего лишь красивость, так как она преподносится потребителю вне морали, узко и прямолинейно. Вместе с тем, когда перед взглядом индивида возникает образ красивых вещей и красивого человека, коннотации воспринимаются с трудом. Причем следует учесть, что если в каком-нибудь телевизионном ролике какая-либо кинозвезда рекламирует краску для волос, то и краска для волос рекламирует кинозвезду, ее красоту, молодость и успешность. Представляется, что такая реклама может вызвать у смотрящей ее девушки не только примитивное желание изменить природный цвет волос или труднодостижимую мечту стать актрисой, но и вполне реализуемое, но требующее волевых усилий, стремление всегда быть «в форме» и, действуя, а не только мечтая, добиваться успеха.

Кроме того, нельзя забывать и о прямом, первичном информационном назначении рекламы вещей: предлагать ту или иную продукцию – средства гигиены, улучшения внешности, укрепления здоровья, расширения границ молодости – и много других полезных вещей. мода, раскрашивая быт и труд, вносит в них разнообразие.

Что касается погони массового человека за брендами, о чем упоминалось выше, то можно заметить, что последние создаются прежде всего их высоким качеством и только потом рекламой. Никакая рекламная фирма не будет рекламировать продукцию низкого качества. Если же допустить, что такая фирма найдется, то потребитель быстро оценит должным образом и продукцию, и фирму.

Р. Гвардини считал появление массового общества закономерным и призывал понять, какие новые возможности могут открыться при этом. «Так имеем ли право ополчаться против массового общества из-за того, что оно, развиваясь, неизбежно нанесет ущерб всем ценностям личности и культуры? Имеем ли мы право, только из-за того, что культурный уровень тысячи человек ниже, чем у десяти, заявить: пусть не рождается тысяча, пусть рождается только десять» [6, с. 145].

Возвращаясь к поставленному в заглавии статьи вопросу, можно констатировать, что, во-первых, избыточное потребление более предпочтительно, чем потребление недостаточное, и, во-вторых, реализация желания иметь современные бытовые вещи, быть модным и красиво выглядеть не только совместима с патриотическими чувствами, но и способна усилить последние благодаря чувству

удовлетворенности хорошей жизнью, для которой страна создает соответствующие условия.

Кроме того, если представить, что обеспеченность людей современными вещами, которые заняли прочное место в быту и труде, вдруг по каким-либо причинам существенно сократится, т. е. возродится дефицит предметов потребления, то большая часть критики со стороны интеллектуалов будет перенесена с массового человека-потребителя на органы власти, которые не могут создать условий для обеспечения людей необходимыми вещами.

Что касается стремления людей к приобретению вещей, стремления модно выглядеть, то с таковым связан комплекс позитива, составляющие которого можно рассмотреть:

- как двигатель развития промышленности (а значит, и трудовой занятости);
- как фактор стимулирования красоты и гигиены;
- как фактор облегчения домашнего труда и сокращения времени его продолжительности;
- как фактор осовременивания и, если угодно, омоложения человека. мода всегда современна, в этом ее суть; мода заставляет человека менять свой образ; изменение образа – это обновление, которое может способствовать омоложению. Известно, что массовая культура (или по крайней мере ее значительная часть) обладает психотерапевтическим эффектом. Представляется, что аналогичный эффект свойственен и моде, и приобретению новых вещей.

«Быть можно дельным человеком / И думать о красе ногтей: / К чему бесплодно спорить с веком? / Обычай депот меж людей» [7, с. 195].

1. Ильин А. Н. Культура, стремящаяся в никуда : критический анализ потребительских тенденций. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2012. 265 с.

2. Веблен Т. Теория праздного класса. М. : Прогресс, 1984. 336 с.

3. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства и другие работы. М. : Радуга, 1991. С. 40–228.

4. Гитлер А. Моя борьба / пер. с нем. М. : Т-Око, 1992. 587 с.

5. См.: Гопко В. В. «Шоуизация» общества // Человек в контексте эпохи: материалы региональной науч. конф., посвященной 85-летию М. Е. Бударина. 30 ноября 2005 г. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2005. С. 46–52.

6. Гвардини Р. Конец нового времени // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 127–163.

7. Пушкин А. С. Евгений Онегин. Пушкин А. С. Собр. соч.: в 3 т. М. : Художественная лит., 1986. Т. 2. С. 186–353.

© Гопко В. В., 2014

АНТИНОМИЧНОСТЬ КУЛЬТУРЫ

В статье анализируется методологический потенциал антиномического подхода к культуре. Антиномичность рассматривается как неотъемлемое свойство культуры, как один из механизмов ее развития. Фиксируется связь свободы и антиномичности.

Ключевые слова: антиномия, культура, свобода, рациональность.

Идея противоречий бытия, познания как взаимодействия противоположностей является одной из основных философских идей. Традиционно антиномии понимаются как форма существования противоречий в познавательной деятельности, образованных двумя равным образом логически доказуемыми, обоснованными и приемлемыми умозаключениями, каждое из которых признается истинным. Но антиномии, в отличие от формально-логических противоречий, указывают не только на формализацию самого процесса вынесения суждений, но и на реальные противоречия, существующие в объективной действительности.

Диалектическое противоречие, понимаемое как взаимодействие взаимоисключающих сторон предметов и явлений, находящихся во внутреннем единстве, являющееся источником самодвижения и развития, разрешается в синтезе. Антиномии понимаются как в целом неразрешимые противоречия на данном уровне существования целостного объекта. Антиномии отсылают нас к существованию бесконечного целого, в котором опосредованы полярные противоположности. Для совмещения полярностей этого целого, для определения меры их тождества и возможности взаимоперехода необходимо постигнуть это бесконечное, что является весьма проблематичным.

Д. В. Пивоваров указывает, что антиномизм как принцип и метод философского познания схож с диалектическим методом, в котором основной акцент ставится на схватывание тождества полярных противоположностей, но антиномизм констатирует, что в силу равной обоснованности опытом и логикой все стороны антиномии должны оцениваться как относительно истинные и отождествляться друг с другом только проблемно и только в оговариваемых пределах [1, с. 172].

Антиномии культуры – это противоречия развития, которые меняют форму и содержание, но остаются неразрешенными до тех пор, пока существует развивающийся объект.

В качестве антиномических могут выступать только предельно общие суждения, истинность которых невозможно подтвердить критерием практики. Это гносеологический аспект антиномий. Как правило, он актуализируется тогда, когда теория, в рамках которой существует антиномия, подходит к пределу своего развития и уже начинает оформляться метатеория, способная снять данное противоречие. Антиномия может быть выделена в структуре любого познавательного противоречия в качестве ядра этого

THE ANTINOMY OF CULTURE

The article analyzes the methodological potential of antinomic approach to culture. The antinomy is regarded as the inalienable property of the culture, as one of the mechanisms of its development. Fixed connection between freedom and antinomy.

Keywords: antinomy, culture, freedom, rationality

противоречия, в котором сосредоточивается основной эвристический потенциал противоречия [2, с. 17].

В онтологическом аспекте антиномия представляет собой отражение объективно существующих реальных противоречий. В антропологическом аспекте фиксируется способность человеческого мышления, удерживая в сознании тезис и антитезис антиномии, не терять ощущения целостности бытия, не быть парализованным нерешительностью и осуществлять свободный выбор, реализовывать его в практической деятельности.

Существуют два основных подхода к пониманию антиномий. Узкий подход подчеркнуто гносеологичен, в нем основной акцент делается на формализации процесса рассуждения, узкий подход реализуется в логике, в методологии науки, в математических и физических теориях. Широкий подход онтологичен, антиномии в широком смысле затрагивают мировоззренческие проблемы, смысловые вопросы, характерные для универсального философского дискурса. Можно предположить, что в первом случае основное внимание уделяется различию, подчеркивается взаимоотрицание, полярность членов оппозиционной пары, а во втором случае артикулируется момент неявного единства, взаимообусловленности, взаимополагания, отсылающего к единому онтологическому основанию: к «отсутствующей структуре» (У. Эко), к выходу в сферу трансцендентности (И. Кант), где тезис и антитезис вместе выражают истину, где сама истина становится антиномией (П. А. Флоренский).

Универсальные бытийные проблемы требуют своего постижения при помощи системы антиномий, частота обращений к которым возрастает в кризисные периоды развития культуры и общества. Понимание антиномий в широком подходе отражает специфику философского вопрошания, поскольку не все вопросы предполагают наличие точного ответа. Когда спрашивают, который час, или чему равна сумма углов треугольника, – ясно, что ожидают вполне определенного ответа. Но, когда задают вопросы о том, справедлив ли Бог, бессмертна ли душа, свободна ли воля, ясные, точные и безапелляционные ответы способны привести человека в бешенство или в отчаяние. В таких предельных случаях неумение ответить на вопрос свидетельствует о знании, а нежелание спрашивать или получать окончательные ответы, возможно, – о близости к истине [3].

Надо отметить, что остается открытым вопрос о возможном разрешении антиномий. С одной стороны, разрешение мыслится принципиально невозможным без выхода за пределы полярности, конституированной противоположностями, с другой стороны, намного реже указывается, что способ разрешения антиномий может быть найден в синтезе, реализованном посредством диалога между сторонами антиномии, когда каждый новый уровень диалога будет придавать новое качество антиномии.

Если пытаться преодолевать антиномии культуры, выбирая одну из сторон антиномии в качестве единственно истинной и отрицая другую, то такое упрощение реальной проблематичности бытия будет приводить к формированию репрессивных типов культуры. П. А. Флоренский указывал, что положительное разрешение антиномий может быть только догматическим, так как опытное познание мира как целого невозможно, поскольку бесконечность всегда задана нам, но никогда не дана. Отрицательное же разрешение антиномий может быть либо скептическим, либо критическим и тоже не даст нам достойной возможности выхода из антиномической ситуации [4, с. 13–14].

Также остается открытым вопрос о количественной стороне антиномичности: конечно или бесконечно число антиномий, сколько их вообще может быть? Рассмотрим крайние позиции. И. Кант считал, что существуют четыре антиномии разума. П. А. Флоренский писал, что антиномий может быть великое множество, по большому счету на каждый акт рассудка может приходиться своя антиномия.

Антиномическая рефлексия – характерная черта русской религиозной философии. Необходимо отметить идею, высказанную П. А. Флоренским, – идею о связи антиномии и свободы. Одной из основополагающих идей христианства является идея о неразрывной связи истины и свободы. «Истина сделает вас свободными» [Ин, 8:32]. По П. А. Флоренскому, «истина есть антиномия, и не может не быть таковою», лишать истину антиномичности, значит, делать наше мышление плоским и скучным [5, с. 147–148]. Но, с другой стороны, тварный мир рассыпается в противоречиях, антиномии раскалывают целостность человеческого существа. Противоречий чувств и антиномий рассудка может быть великое множество, антиномий может быть столько, сколько может быть актов рассудка, поэтому на помощь человеку приходит вера, чтобы помочь преодолеть антиномии действительности. Истина может воплощаться в религиозном догмате, антиномичном по своей природе, но, как ни парадоксально, специфика религиозного догмата состоит в том, что он не стесняет свободы, так как никого нельзя заставить верить, и никого нельзя заставить не верить. И сама истина побуждает человека искать истину [5, с. 489].

К антиномии свободы обращался и полемизировавший с П. А. Флоренским Н. А. Бердяев, он усматривал в ней, с одной стороны, источник страдания, с другой стороны, условие возвышения духа, его победы над «рабством объективации». Но выйти из-под власти объективации человек может только самостоятельно, он не сможет, не утратив свободы, обратиться к соборности [6].

Почему оказываются связанными свобода и антиномичность? Возможно потому, что антиномия указывает на

полярности бытия, содержит равно обоснованные противоположности, оцениваемые как относительно истинные, и поэтому предоставляет нам возможность как выбора жизни, так и рефлексии над жизнью, возможность поиска скрытого единства, взаимосвязи между противоположностями, возможность диалоговых отношений между разными гранями культуры, так как диалог возможен только тогда, когда различия осознаются. Разум, изначально имеющий возможность выбора, может мыслить свободно.

Но И. Кант отмечал следующую закономерность: когда человеку приходится делать выбор между тезисом и антитезисом антиномии, исходя не из необходимости найти логический критерий истины, а из своих практических интересов, то всякий здравомыслящий человек склоняется к выбору тезиса. Утверждения, что мир имеет свое начало, что душа бессмертна, что человеческая воля свободна и стоит выше принуждения законов природы, что в основе мира лежит некая первосущность, поддерживают уверенность человека в стабильности бытия, что очень важно для его практической, повседневной жизни. Антитезис же лишает его этих опор или человеку только кажется, что лишает.

Человеческий разум по природе своей архитектоничен, так как он склонен все знания приводить к определенной непротиворечивой системе для сохранения устойчивости, целостности «здания разума», но положения антитезиса делают невозможной завершенную непротиворечивость мышления, поэтому само строение человеческого разума способствует естественной благосклонности к утверждениям тезиса. Если бы человек смог отрешиться от соображений практического интереса и рассматривал тезис и антитезис только с точки зрения их основного содержания, то он впал бы в состояние постоянного колебания, в котором ему бы вначале казалось, что человеческая воля свободна, а затем он считал бы свободу самообманом. Эти колебания могут быть длительными, но они носят спекулятивный характер, и прекращаются, когда дело доходит до практических интересов реальной жизни, поэтому обыденный рассудок из соображений удобства выбирает положения тезиса. Но мыслящему и пытливому человеку необходимо хотя бы в рефлексии, отказываясь от предвзятости, удерживать в мышлении равновесие тезиса и антитезиса [7, с. 433–434, 439]. «Субъект, поднявшийся до критики оснований собственной мысли и практики, обретает личностную уникальность, свободу» [8, с. 100].

Антиномичность культуры демонстрирует такую связь свободы с антиномиями еще и потому, что сама культура представляет собой, по сути, самоосуществление свободы. Природная основа человеческого бытия подпадает под власть причинности и необходимости, в социальной реальности утрачен генетический способ передачи поведенческой информации, его восполняет культура, которая передает опыт деятельности людей от поколения к поколению, от вида к индивиду. Человеческие потребности, знания, идеалы и ценности опредмечиваются в создаваемой искусственно предметной среде «второй природы», которая объективирует содержание духовной жизни людей, вырывает духовные идеи, ряд произведений искусства из-под власти времени. Каждое новое поколение распределит

ет сохраненный в веках опыт предков, при этом изменяет его – либо развивая, совершенствуя, либо разрушая. Изменения возможны. Так, аккумулируемый культурой опыт не кодируется генетически, как у животных, а осуществляется на основе свободы, поэтому возможен выбор оптимальных форм поведения и деятельности [9, с. 55–56]. Свобода сама по себе также антиномична. Самые известные оппозиции свободы – это свобода позитивная и негативная, «свобода от...» и «свобода для...», свобода внешняя и внутренняя.

Для культурологической эпистемологии характерны дискурсивные практики бинарного типа, в которых определяется понятие культуры, ее функции, влияние культуры на социум. П. А. Флоренский связывал происхождение культуры с культом, в качестве «перводеятельности», т. е. той деятельности, благодаря которой человек становится человеком, деятельности, являющейся трансцендентальным источником всех видов разумной деятельности и самого разума, он рассматривает деятельность культовую. В культе пересекаются усия и ипостась (сущность и способ бытия), трансцендентный идеал и его субъективное отражение. Получается, что само основание человеческого разума исходно антиномично и потенциально трагично: первородный грех и его искупление начали определять развитие личности, сделали возможным само развитие. Непосредственное снятие антиномии возможно только в Боге, так как только таким образом может быть достижима гармония усия и ипостаси, тождество идеи и облика, абсолютного смысла и субъективной воли. Для человека же возможно только опосредованное снятие антиномии путем реализации конкретной культовой деятельности [10].

Понимание и принятие антиномичности бытия, а не ее отрицание, являются условиями свободного выбора, который способствует реализации личностных начал в культуре. Эта антиномичность указывает на постоянное, но неявное присутствие трансцендентности в наличном бытии. А так как в этой философской традиции культура генетически связана с культом, следовательно, культура потенциально антиномична, как потенциально антиномичен и сам человеческий разум. «Антиномии – это суть такие полярно-противоположные высказывания, которые противоречат друг другу и к которым, однако, разум вынужден приходить в силу данной своей организации» [4, с. 4].

Рассматривая антиномичность культуры, можно выделить две основные группы антиномий, определив их как «внешние» и «внутренние». Внешние антиномии – это антиномии, в которых культура выступает одним из членов оппозиционной пары. Внутренние антиномии отражают объективные противоречия, существующие внутри самой культуры. К первой группе относятся: антиномия природы и культуры, антиномия культуры и цивилизации, антиномия культуры и жизни. Эти классические антиномии разрабатывались философами Просвещения, представителями романтизма, а также Г. Зиммелем, О. Шпенглером, А. Тойнби, Н. А. Бердяевым, А. Швейцером.

Ко второй группе мы можем отнести антиномию рациональности и иррациональности, аполлонического и дионисийского начал в культуре, антиномию традиции и новации, антиномию идеального и материального, антиномию

высокой и низкой культуры, антиномию объективного и субъективного, антиномию индивидуализма и коллективизма, антиномию подлинного и неподлинного существования человека, антиномию естественного и искусственного, органицизма и механицизма, антиномию нормативного и маргинального, частного и общественного, центра и периферии и т. д.

Противоречие между рациональностью и иррациональностью в культуре является антиномическим, на его материале можно рассмотреть связь антиномии и свободы. Эту проблему затрагивал В. Н. Порус в рамках исследования специфики научной рациональности. Рациональность как фундаментальная характеристика человеческой деятельности представляет собой культурную ценность. Научная рациональность, как и любой образ познавательной деятельности, имеет, в свою очередь, социокультурную разность.

Субъект, отождествляющий свою рациональность с какой-либо системой критериев, любое отклонение от этой системы будет считать иррациональным. Поэтому «еретики», отступившие от системы критериев, становятся проповедниками новых догм, создают новые концепции, так как быть рациональным можно только внутри определенного стиля мышления, внутри принятой системы. В этом состоит парадокс рациональности: субъект может быть рационален тогда, когда он иррационален, и наоборот. Рациональность часто рассматривают в качестве ограничителя субъективной свободы, так как она задает определенные критерии познания и деятельности. С другой стороны, рациональность так же часто понимают как феномен, способствующий свободе и творчеству, поскольку рациональность способна преодолеть нормативность критериальной системы и вывести познание и деятельность на новый уровень. «Противоречие между нормативно-критериальной и критико-рефлексивной рациональностями – это одна из форм, в которые отливается противоречивая и трагическая по своей сути человеческая свобода» [8, с. 99].

Связь между свободой и рациональностью не сводится к простой противоположности, она более сложная и глубокая: противостоит свободе только «рассеченная» рациональность, отождествляемая с одной из своих сторон. Трагическая парадоксальность рациональности состоит в том, что сама по себе рациональность является результатом усилия воли и мысли. Чтобы быть рациональным необходимо быть свободным, но невозможно стать свободным, не преодолев в себе рациональность. Рациональность рождается в свободном и личностном напряжении духа, но в своем развитии стремится превзойти субъективность [8, с. 98–100].

А. Л. Никифоров анализирует парадоксальность связи свободы и рациональности в аспекте свободы деятельности, которая, с его точки зрения, находится на более высокой ступени по отношению к свободе выбора. Свободная деятельность всегда иррациональна, так как нарушение стандартов рациональности является одним из важных признаков свободы, поэтому рациональная деятельность несвободна, а свободная деятельность – иррациональна. Но если свободная деятельность успешно достигает своей цели, то она порождает новые стандарты рациональности.

Рациональная деятельность всегда совершается в соответствии со стандартами рациональности, поскольку есть элемент подчинения стандартам, значит, в ней свобода отсутствует. Свобода всегда опережает рациональность, но рациональность ее всегда настигает, превращая свободную деятельность одного индивида в рациональную деятельность, воспроизводимую другими индивидами. Такая оппозиция свободы и рациональности, рационализация свободы в процессе деятельности является одним из механизмов прогресса [11, с. 294–295].

Антиномия рациональности и иррациональности в культуре затрагивает мировоззренческую проблематику, так как связана с универсальными отношениями человека к бытию. Ценность разума как основы познания и поведения людей, отношение к знанию как к благу, возможность рационального объяснения жизни противостоит алогичному, интуитивному постижению бытия. В основе «культурного рационализма» лежит представление о космическом порядке, гармонии, о целостности личности, главная задача человека – постижение гармонии. В основе иррационализма акцент ставится на диссонансе, отсутствии упорядоченности. Атрибутом человека становится «разорванность» сознания, жесткий порядок понимается как причина утраты человеческой свободы. Иррациональность отказывает рациональности в универсальном значении, сводит ее к инструментальной, служебной функции. Иррациональность не рассматривает рассудок и разум в качестве формообразующих элементов культуры. Поскольку это антиномия культуры, то рациональность и иррациональность выступают ценностями самой культуры, «основной вопрос» данной антиномии о первичности-вторичности рациональности или иррациональности решается представителями разных подходов диаметрально противоположным образом. Философия жизни, экзистенциализм, феноменология, интуитивизм, психоанализ в качестве первоосновы культуры выделяют саму жизнь, жизненный порыв, экзистенцию, переживание, бессознательное, волю, абсурд и т. д. Представители классического и современного рационализма в качестве оснований культуры видят принципы разума, целесообразность, логику. Но единым онтологическим основанием, в котором происходит взаимоположение противоположных тезисов рациональности и иррациональности выступает сама культура. Современная культура поставлена перед необходимостью достойно ответить на два вызова, которые могут разрушить ее основания: контркультурного иррационализма и гипертрофированной рациональности [8, с. 5].

Таким образом, антиномичность тесно связана со свободой, возможно, составляет одно из оснований свободы (если не придерживаться концепции безосновности свободы). Особенно отчетливо эта связь прослеживается в аспекте свободы выбора, в данном случае выбора либо тезиса, либо антитезиса антиномии, либо постижения целостности антиномии, при котором выбор мыслится только

потенциально возможным с условием выхода за пределы наличного бытия антиномии. Поскольку самоопределение относительно тезиса – антитезиса антиномии требует от человека определенных духовных усилий, то выбирая одну из частей антиномии (по мысли И. Канта, чаще тезис), не желая удерживать в уме обе полярные возможности, личность совершает бегство от свободы.

Методологический потенциал антиномического подхода к осмыслению культуры обусловлен тем, что антиномичность – неотъемлемое свойство культуры, один из механизмов ее развития. Число антиномий культуры неопределенно, в любой период развития культуры часть противоречий будет сниматься в новом синтезе, часть так и останется неразрешенными. Антиномии могут быть разрешены частным образом, например, в отдельном произведении художественного творчества, но в более широком проблемном поле культуры так и останутся несинтезированными.

1. Пивоваров Д. В. Основные категории онтологии. Екатеринбург : УрГУ, 2003. 320 с.

2. Уваров М. С., Белоусов В. А. Антиномичность как атрибут научного мышления. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1993. 208 с.

3. Шестов Л. Афины и Иерусалим. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/shestov/shest17.htm> (дата обращения: 15.09.2014).

4. Флоренский П. А. Космологические антиномии И. Канта. С приложением excursus об антиномической структуре разума. Сергиев Посад : Тип. Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1909. 32 с.

5. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины // Флоренский П. А. Соч. : в 2 т. М. : Правда, 1990. Т. 1. 840 с.

6. Порус В. Н. С. Л. Франк: антиномии духа как основания культуры // Вопросы философии, 2008. № 1. С. 51–64.

7. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч. : в 6 т. М. : Мысль, 1964. Т. 3. С. 69–697.

8. Порус В. Н. Рациональность. Наука. Культура. М. : Гриф и К°, 2002. 352 с.

9. Каган М. С. И вновь о сущности человека // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира: сб. ст. / под ред. Б. В. Маркова, Ю. Н. Солонина, В. В. Парцвания. СПб. : Петрополис, 2001. Вып. I. С. 48–67.

10. Бородай Ю. М. Культ, религия и культура // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2001. Т. 2. С. 338–339.

11. Никифоров А. Л. Соотношение рациональности и свободы в человеческой деятельности // Исторические типы рациональности / отв. ред. В. А. Лекторский. М. : РАН, Ин-т философии, 1995. Т. 1. С. 282–299.

ДИКТАТОРЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Статья посвящена анализу причин возвращения современного человека к архаическим пластам своего сознания. Значительную роль в жизни человека играет его духовный опыт, полученный в прошлом. Утверждается, что инновации на самом деле представляют собой хорошо замаскированные консервативные идеи, которые и определяют социальное поведение человека

Ключевые слова: человек, сознание, диктаторы, поведение.

Размышляя над особенностями современной жизни, приходишь к выводу, что трендом последних лет является стиль ретро: ретро музыка, автомобили, мода, фильмы и т. д. В школе родители и учителя навязывают детям универсальную форму одежды, объясняя это организационными, этическими и эстетическими соображениями. Но истинной причиной является неосознанная тоска старшего поколения по прошлому и, в частности, по советской школьной форме одежды. Возрождаются давно забытые ГТО, символы СССР стали новым словом в российской культуре, хотя эта страна уже давно исчезла с политической карты. Такое впечатление, что призраки из прошлого постоянно сопровождают нас. За внешними проявлениями жизни, которые кажутся случайными, всегда скрываются более глубокие внутренние причины.

Актуальной в связи с этим представляется тема трансформации ценностной системы современного человека. Очевидно, что мы изменились, не вызывает сомнения тот факт, что наш мир переживает очередную революцию. За последние несколько сотен лет практически не было исторической эпохи, которая бы отличалась стабильностью, здоровым консерватизмом и конфуцианским отношением к традициям. Европейская цивилизация, на которую Россия стремится быть похожей, – это постоянные трагедии, революционные перевороты, кардинальные смены социальных, политических и экономических устоев государств.

Общество находится в перманентном состоянии изменения, напоминающем буддистские дхармы, часто связывают с влиянием на него инноваций, передовых идей, научных открытий и со всем тем, что принято называть прогрессом. Позволим себе не согласиться с общепринятым мнением. На наш взгляд, современный человек повернулся лицом к прошлому, а спиной к будущему, так как ему все время приходится сверять настоящие события со стандартами его детства и юности. Значительную роль в формировании мировоззрения человека играет опыт, приобретенный им в прошлом. Утверждаем, что полученные навыки жизни и принципы мышления человека впоследствии остаются практически неизменными на протяжении всей его жизни. Старые образцы порядка, закрепленные

DICTATORS FROM THE PAST

The article is devoted to analysis of the reasons for the return of modern man to the archaic layers of his consciousness. A significant role in a person's life plays his spiritual experiences in the past. It is argued that innovation actually are well camouflaged conservative ideas that shape the social behavior of man

Keywords: human, consciousness, dictators, behavior.

в его сознании, могут маскироваться под новые уже изменившиеся условия социального мира, но тем не менее они играют определяющую роль. Иначе говоря, наш статичный, уже окончательно сформировавшийся духовный опыт является единственным средством реагирования на происходящие события в динамично развивающемся мире. Возникает ситуация несовпадения двух систем, одна из которых является закрытой, а другая открытой и в состоянии постоянного движения. Предполагаем, что страх перед неизвестным будущим, который время от времени охватывает человека, связан именно с этой ситуацией. Конечный человек в бесконечном мире ищет надежную опору в древних принципах устройства мира, которые совершенно не отвечают новым реалиям. Эту проблему человек обыденный решает просто: он убежден, что если его взгляды не соответствуют действительности, то тем хуже для нее.

Именно поэтому современный человек, не обремененный самостоятельным критичным мышлением, обращается к архаическим способам экспликации мира, в частности к мифам, которые обладают значительным объяснительным потенциалом. Мифы, проверенные временем, ставшие элементами коллективного архетипа, отвечают нашим представлениям о правильном устройстве мира. Понятие мифа в данном случае используется в его первоначальном смысле – как предание, вымысел, результат устного народного творчества. Одной из главных функций мифа является необходимость придания легитимности событиям, которые не согласуются с принципами рационализма, со здравым смыслом или с юридическими законами. Например, решение задачи по созданию учебников, в которых описывается только героическое прошлое народа (государства), можно назвать мифотворчеством. Допускаем, что речь идет о воспитании молодого поколения на достойных примерах прошлого, но тогда нужно отказаться от претензии на объективное описание исторических событий. Современная историческая наука по какой-то причине следует древним традициям летописей, в которых очень трудно отличить правду от вымысла.

В античности мифы уступили место рациональным формам мышления – философии и науке, которые впол-

ледствии стали основными способами познания действительности. Но научное мышление – это постоянное интеллектуальное усилие, выход за пределы обыденного сознания, работа памяти, стремление к объективности, беспристрастности. Вместо такой тяжелой мыслительной деятельности человек порой предпочитает обращаться к старым преданиям, которые уже сформулированы и не требуют особых интеллектуальных затрат. Мифы сегодня – это инструмент обыденного сознания, архаичный способ объяснения мира, который по наследству передается каждому следующему поколению. Это уже готовые формы, которые понятны человеку и импонируют ему своей ясностью и аксиоматичностью. Современные мифы возникают тогда, когда мы не желаем самостоятельно мыслить.

Внешней причиной возврата к примитивным формам отношения к миру является, как ни странно, общая тенденция повышения комфорта жизни человека. Его постепенно освободили не только от тяжелого физического труда, но и от необходимости на основе мыслительной деятельности принимать самостоятельные решения. Если в традиционном обществе научная и иная информация некоторым образом трансформировались в различные виды социальной активности человека, то в наши дни информация имеет порой обратный эффект. «Вместо того чтобы, – пишет Ж. Бодрийяр, – трансформировать массу в энергию, информация осуществляет дальнейшее производство массы. Вместо того чтобы информировать, то есть, в соответствии с ее предназначением, придавать форму и структуру, она еще больше ослабляет – «поле социальности» под ее воздействием неуклонно сокращается. Все увеличивающаяся в своих размерах, создаваемая ею инертная масса совершенно неподконтрольна классическим социальным институциям и невосприимчива к содержанию самой информации. Ранее властвовало социальное – и его рациональная сила разрушала символические структуры, сегодня на первый план выходят mass media и информация» [1, с. 201–202].

Привязанность человека к прошлому, возможно, связана и с особенностями структуры головного мозга, который в некотором смысле является инструментом сознания. Известно, что физическая природа человека лишь на небольшой процент отличается от природы высших животных. Префронтальная кора головного мозга, с которой ассоциируется мыслительная деятельность человека, как небольшая корка льда над океаном животных инстинктов. Все остальное – это очень древние структуры, которые сохраняют свою инвариантность на всем протяжении человеческой истории. Постоянные провалы в прошлое, возвращение к истокам, деструктивным, неразумным способам решения социальных конфликтов, видимо, связаны и с этой стороной человеческой природы. В моменты смертельной опасности срабатывают старые проверенные временем инстинкты самосохранения, а навыки цивилизованной жизни уходят на второй план. Убедиться в этом можно на городских улицах, наблюдая за тем, как «общаются» друг с другом агрессивные участники дорожно-транспортных происшествий. Призрак злобного двуного существа с палкой в руках, видимо, еще долго будет бродить рядом с нами, напоминая таким явным образом о нашем неда-

леком прошлом. «Сумма нашего существования, – пишет В. Виндельбанд, – деленная на разум, никогда не разделится без остатка... в личном существовании всегда остается нечто непроницаемое» [2, с. 12].

Мир давно стал многополярным, а государства – многонациональными, это следствие сложных процессов мировой истории. Но некоторые ретрограды мечтают вернуться к средневековым стандартам жизни путем очищения языка от заимствований, построения мононационального государства, не понимая, что эта эпоха уже давно миновала. Они, по сути, призывают нас вернуться к городам-государствам, изолированным античным полисам, ведущим между собой войну за лидерство. Не оставляют в покое современный мир различные мифы о богоизбранности народа, его особой миссии в мировой истории. Подобная социальная инфантильность – это попытка остановить время, жить в прошлом, детскими представлениями о себе и обществе. Историческое невежество является основой для подобных духовных интенций. Если бы ретрограды, читая исторические книги, узнали хотя бы некоторые подробности быта и нравов прошлых веков, то их энтузиазм стал бы гораздо меньше. Новые нетривиальные идеи воспринимаются как возможность изменить жизнь к лучшему. Но они требуют изменения и самого человека, его мировоззрения, системы ценностей. Примером может служить марксистская теория конфликта, которая в России была реализована на основе старых религиозных символов. Место Бога заняли классики марксизма, а новой Библией стали их произведения, возведенные в ранг истины в последней инстанции. Известный тезис «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно» является характеристикой скорее религиозных догматов, а не научной теории, которая должна проверяться и подвергаться критике. Но сама социальная теория марксизма, на наш взгляд, имеет большой эвристический и прагматический потенциал именно в современную эпоху господства олигархического капитала. Во всяком случае, эта теория не противоречит эпохе перманентных революций.

Догматичное мышление не позволяет реализовывать социальные проекты согласно планам их авторов, которые сильны в теоретическом осмыслении проблемы, но практически бессильны изменить инертную природу человека. «Мы должны, – пишет Эпиктет, – при случае и по мере сил стараться склонять людей жить разумно; но успех наших слов зависит не от нас, от нас только зависит самим правильно поступать, и это главное» [3, с. 645].

Было бы неверно всех тоскующих по прошлому объявить невежественными и, повесив на них этот ярлык, идти дальше. Но это не научный подход. Полагаем, что ностальгия по прошедшим эпохам есть проявление внутренней связи между поколениями. Древний культ предков основан на признании постоянной духовной связи между живыми и умершими. В медицине существует понятие фантомной боли, думаю, что нечто подобное случается и со всем тем, что мы теряем в ходе эволюции. Неосознанная тоска по утраченному выражается в различных мифах, которые позволяют нам в ментальной форме реанимировать прошлое. Мир никогда не станет прежним, но человек не желает признавать этого, он не сдается, и при первой же возможности создает суррогат исчезнувшего мира. К таковым можно

отнести различные социальные сети, в которых люди ищут свою прежнюю жизнь: бывших соседей, сослуживцев, одноклассников, однокурсников, свою первую романтическую любовь. Подобные действия есть не что иное как погоня за призраками прошлого: если оно уже исчезло и ничего не вернуть, то при желании можно создать его виртуальный двойник. Подобный уход от реальности в иллюзии трудно назвать рациональным поступком, скорее, это алогичная сторона нашей сущности. Некоторым образом напоминает болезненную тягу людей бродить по ночным кладбищам. Если нет достойного настоящего, то его следует искать в прошлом. Поэтому человек, не реализовавший свой талант, постоянно ссылается на причины, помешавшие ему пройти свой путь, он создает миф о себе как талантливом, одаренном, но не признанном обществом человеке. Для него важно не то, что с ним будет, а то, что с ним могло бы быть при более благополучном стечении обстоятельств. Он обречен жить прошлым, потому что все его надежды остались там. По сути, его путь уже завершен, ему остается только писать комментарии к небольшому тексту своей жизни.

Многочисленные религиозные войны кроме территориальных претензий к соседям имели целью создание теократического государства с соответствующей системой ценностей. Средневековый догматизм и фанатизм настолько закреплены в нашем сознании, что проявляют себя и через тысячу лет после эпохи схоластики. Современное информационное общество, основанное на научных знаниях, инновациях, имеющее целью построение демократического государства, каким-то странным образом соседствует с религиозной нетерпимостью людей, жестокостью по отношению к оппонентам, постоянной борьбой с ересью и поиском врагов нации. Отношение к людям с другой идеологией жизни в точности соответствует средневековым канонам: по мере возможности их физически уничтожают, потому что знают, что идеи умирают вместе с их носителями. Вызывает недоумение, почему в век компьютерных технологий человек руководствуется нормами жизни тысячелетней давности. В научной среде давно практикуют такую форму выявления истины, как дискуссия, которая предполагает обоснование своего тезиса наряду с критикой и опровержением тезиса оппонента. Но дискуссия невозможна без определенных знаний, навыков и культуры общения. Вместо конструктивного диалога с оппонентами современный человек порой ведет себя как представитель закрытой религиозной секты, которая не до-

пускает ни малейших отклонений от оригинального текста. Для сектанта «правильные» идеи – это высшая ценность, за которую можно и нужно проливать кровь, т. е. приносить человеческие жертвы. Они служат старым, отжившим свой век идеям, которые захватили их неокрепшие умы и навсегда поселились в их черепных коробках. Думаю, в эпоху острых политических споров следует чаще вспоминать Б. Рассела, который считал, что человек не должен отдавать жизнь за идеи, так как он может ошибаться.

Если неадекватного в социальном или психическом отношении человека общество может сразу заметить и принять меры безопасности, то неадекватных в идейном отношении людей по внешним признакам узнать трудно. Они, люди из прошлого, ничем от нас не отличаются, но некоторые из них представляют серьезную опасность для государства, так как являются носителями деструктивных архаических идей, направленных на разрушение всего того, что не соответствует их представлениям о порядке. Такие допотопные идеи легко заражают толпу, так как для их понимания не требуется интеллектуальных усилий, они импонируют своей простотой и эффективностью. В закоулках нашего сознания достаточно много подобных примитивных образцов поведения, но мы их локализуем, понимая их опасность для общества. Но в любой момент эти идеи могут стать доминирующими в нашем сознании, если мы на некоторое время утратим навыки культурной жизни, потеряем бдительность и чувство социальной ответственности. Старые, отжившие свой век идеи, как диктаторы из прошлого, постоянно угрожают нашей современной цивилизованной жизни. Они категоричны, не приемлют плюрализма мнений, политического, этнического, религиозного и иного многообразия. Иными словами, они противоречат ценностям открытого демократического общества.

1. Бодрийяр Ж. Фантомы современности. М.: Алгоритм, 2008. 272 с.

2. Виндельбанд В. Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия. М.: Наука, 1993. 105 с.

3. Эпиктет. В чем наше благо? // Древнеримская философия: От Эпиктета до Марка Аврелия. М.: АСТ, 1999. С. 625–700.

© Кениспаев Ж. К., 2014

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ КАК МЕТОДОЛОГИИ

THE BASIC PRINCIPLES OF THE PHILOSOPHY OF CULTURE AS A METHODOLOGY

В статье рассматривается философия культуры как рефлексия культуры, обращающаяся к сущностным проявлениям ее целостности и многообразию способов ее выражения, определяются основные принципы культурфилософской методологии исследования.

Ключевые слова: культура, философия культуры, принципы философии культуры как методологии, «все во всем», «мировое событие», концепт, фрагмент.

The article discusses the philosophy of culture as a reflection of culture, referring to the essential manifestations of its integrity and diversity of ways of its expression; defines basic principles of philosophy of culture as methodology.

Keywords: culture, philosophy of culture, principles of the philosophy of culture as a methodology, «all in all», «world event», concept, fragment.

Философия культуры как рефлексия культуры обращается к ее сущностным проявлениям как целостности и выстраивает на этой основе свою культурфилософскую методологию исследования. Мое понимание философии культуры как методологии базируется на следующих принципах-идеях:

1. Прежде всего в исследовании культуры как целостности и культурных феноменов как отдельных ее проявлений необходимо исходить из определенного понимания культуры. Культура – одно из предельно широких и потому трудно определяемых понятий – охватывает сферу творческой свободной деятельности и ее объективно значимых для общества результатов или ценностей.

2. Принцип, когда-то сформулированный в философии Анаксагором, – «все во всем». Философия, обращаясь к какому-либо природному объекту, включает его в единую картину мира, насколько этот объект может быть значим как часть космоса, вписывается в гармонию, единство. Но для философии в движении мысли и в размышлении о некоем природном (и не природном) явлении может быть и другой путь: сам объект в процессе переживания, познания, осознания и его понимания становится космосом, той точкой, местом и центром, через которые виден космос.

Развитие и обоснование подобного принципа предложил русский писатель и теоретик искусства Сигизмунд Кржижановский, который писал в 1920–1940-х гг. «в стол» и был издан впервые через 50 лет после смерти («прозванный гений» – трагическая формула его судьбы): «...Философия, чтобы видеть вещи, ... постигая *нечто*, не близится к нему, а уходит от него, с тем, чтобы найти его затерянным во все. Можно ставить на обложках рядом со словом «философия» в родительном падеже любой *нечто*: «права» – «любви» – «театра» и т. д. Но у философии есть лишь один ее объект: *все как таковое*» [1]. Кржижановский в своей статье ставит задачу философии театра, которая «возможна лишь в том случае, когда *театр* и *все* совпадают, то есть когда нет ничего в мире, что не было бы театром в той или иной его модификации»; следовательно, задача философа состоит в том, чтобы «слить порог театра с порогом сознания; порог сознания – с пределом мира» [1].

Театр могут изучать театроведы, историки театра, культурологи, руководствуясь своими специфическими подходами к нему, но только философ вписывает театр в целое: в эпоху, историю культуры и тип культуры и т. д. Культурфилософский подход к театру, например: театр и мир совпадают в том смысле, что нет ничего в мире, что бы не было в какой-то степени театром, не несло бы в себе элемент театральности в той или иной ее модификации. Задача философа увидеть слияние данного явления (театра) с размышлением о нем (сознанием) и пониманием мира в целом.

С. Кржижановский в создании «философемы о театре» или философии театра пошел сложнейшим путем, взяв для погружения театра «во все» кантовскую идею о неумаленном и феноменальном мире, о скрытой сущности мира или «вещи в себе» и ее явлении в сознании, о феномене как маске, одновременно скрывающей, но и представляющей сущность, т. е. о «театральности» бытия. Театр прорастает из бытия и прорывается к феноменальному миру. На этом пути театр вынужденно теряет бытийное, все больше обретая феноменальное в представлении о бытии, становится формой представления не столько бытия, сколько все больше быта, но в перспективе для театра возможен и необходим путь возвращения к бытийным основам через открытие через себя и в себе образа возможного или потенциального бытия. Три этапа развития театра вырисовываются через такую методологию, т. е. через включение театра «во все», и рассмотрения театра как своеобразного центра, фокуса, в котором бытие просматривается в своей сущностной доминанте и ее феноменологической выразительности. С. Кржижановский не только отвечает на вопрос о природе театра, но и прогнозирует его возможное будущее. «...В этой работе предсказано, не больше и не меньше, *движение театра* на всем протяжении двадцатого столетия... Существой последние восемьдесят (!) лет «Философема» в *открытом доступе*, а не в столе автора, а затем в архивных ящиках, кое-что в новейшей истории театра могло происходить иначе» [2].

3. Принцип «мирового события» как события культуры, сформулированный М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорским в книге «Символ и сознание».

«Мировое событие» – событие, как пишут Мамардашвили и Пятигорский, стоящее как бы на линиях, пронизывающих любые эпохи, любые человеческие структуры, какие бы они ни были – культурные, социальные, личностные. Природный объект становится принципиально большим, существует как бы вне времени. «Мировое событие» означает событие, осуществившееся как событие культуры. Принцип «мирового события» позволяет представить культуру как целое, все культуры в их единстве – в одной точке мировой линии, независимо от того, можно ли в их реальной связи проследить преемственность, заимствование в одной культуре из другой, в одной мифологии из другой. Например, «потоп» как разлив реки или морское наводнение есть просто событие. Но «потоп» как символ, который «выдан» сознанием, есть «мировое событие». «Всемирный потоп» может осознаваться как повторяющийся миллионы раз либо как бывший (или – не бывший) один раз, но он уже представлен в культуре человечества как «мировое событие» [3, с. 56].

Материал мифов составляется из мировых событий (мифемы). Философемы, создаваемые философией – образы мирового со-бытия: присутствие данного объекта в мировом целом на пересечении временных и пространственных координат культуры, обеспечивающем единство и многообразие культуры как целостности.

4. Принцип «концептуализации»: философия культуры имеет дело не только с категориями и понятиями, но и с концептами, т. е. с понятиями, сформированными не языком, а прежде всего речью. Понятие как абстрактный образ объективно существующих свойств какой-то группы предметов, их идеальное единство, представляет собой итог, ступень или момент познания. Понятие присутствует в языке со своим более или менее общим для всех значением. Речь же в отличие от языка есть «индивидуальный акт разума и воли» (Ф. Соссюр), предполагающий слушателя или читателя, и концепт как ее единица направлен на диалог, на участие другого. Как индивидуализированное речью авторское понятие концепт включает в себя интонирование, уточнение, развертывание через цепь ассоциаций, самокомментарий и сопровождение жестом. Это понятие как бы в процессе его обдумывания и обновления смыслов, понятие, которое открыто для всех возможных с ним ситуаций и значений, но ограничивающее бесконечность его содержательного наполнения в культуре схватыванием и упорядочиванием лишь фрагмента этой бесконечности или культуры как целого.

Культура через концепт как фрагмент себя смотрится в него, как в зеркало, обнаруживая тона и полутона, индивидуальные неповторимые оттенки интеллектуальных, чувственных и эмоциональных своих феноменов. Концепт как единица самосознания культуры фиксирует творческую ее субъекта, которому для постижения «цветущей сложности» (К. Леонтьев) культуры недостаточно только понятийного аппарата и рационально обоснованного теоретического языка. Описание культуры через систему концептов – это *аксиологизация* языка культуры, прописывание фона и потока культуры через фиксацию уникального бытия объектов в культуре как «сгустков культуры в сознании человека, ... в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [4, с. 43]. Концепт структурирует

русло культуры как текучести, прорисовывая устойчивые доминирующие в ней точки. «Константа в культуре – это концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время» [4, с. 84].

«Концептуализация»¹ – это один из принципов методологии философии культуры, предполагающий нахождение «мировых событий» в культуре через описание их понятием-событием, т. е. концептом.

Концепт демонстрирует срез или фрагмент целого как некоего поля действия или указание на то, куда отнести то или иное явление. Ролан Барт пишет, что у Ницше есть понятие моральности, которое означает не мораль, а что-то, относящееся к «области дружбы, или... область друзей (говоря о них, я все время вынужден брать их и себя самого в нашей житейской случайности – то есть отличности)» или же их, друзей, «единая сеть» или «религия дружбы» [5, с. 69]. Концепт моральности – авторское, имеющее свою, по словам Р. Барта, топику понятие, индивидуализирующее понимание моральной сферы культуры Ф. Ницше.

Еще один пример. Слово «интеллигенция» в русском языке определяется похоже на определение в других языках, но культурно-исторический, ценностный и идеологический смыслы существенно отличаются от европейского слова «интеллигенция». Здесь как раз правильнее, учитывая особенность нашей культуры, говорить не о понятии, а о концепте интеллигенции.

Концептом может стать образ, в частности художественный образ, когда он становится «сгустком культуры», т. е. схватывает и фиксирует разные планы бытия в их фрагментарном единстве. Такой художественный образ становится «мировым событием», сквозь которое мы обретаем свою культуру в ее сущностных проявлениях. Известно, что особенностью русской культуры стал мировоззренческий статус русской литературы XIX века, величие которой как «мирового события» было обеспечено во многом философским осмыслением действительности. Н. А. Бердяев писал, что «русская литература – самая пророческая в мире, она полна предчувствий и предсказаний, ей свойственна тревога о надвигающейся катастрофе»; «русской литературе свойственны сострадание и человечность, которые поразили весь мир» [6, с. 53]. Литературные типы, образы, имена приобретают самостоятельную ценность культурных концептов, которыми, считал Бердяев, можно пользоваться как названиями рубрик. Николай Александрович так и поступал, пользуясь именами Ноздрева, Смердякова, Хлестакова в описании сил, столкнувшихся в 1917–1918 гг. в России [7]. Образы русской литературы вошли в круг концептов русской культуры, без которых сложно представить ее, культуры, постижение.

Восприятие действительности сквозь призму русской классической литературы было актуальным для русской философии в критическом противостоянии немецкой классической философии, прежде всего Канту и Гегелю, претензии к которым заключались именно в исключении и подавлении личностного начала в истории и культуре. В. В. Розанов воспринимал в свете литературы не только действительность, но и себя в своем философствовании

¹ В кавычках, потому что не от слова «концепция», создание концепции культуры, а от слова «концепт».

нии, проецировал себя на различные литературные типы и в зависимости от степени своего сходства и различия с ними выбирал буквально методологию исследования и себя (он сам, его сознание как образ культуры сквозь призму восприятия определенного литературного типа), сопрягал себя и действительность. Правда, подобный исследовательский индивидуальный прием оборачивался часто против самого Розанова, породив почти традицию связывать оценку его как философа и даже человека с тем или иным литературным типом, «концептуализируя» взгляд на философа. Розанов предстал вдруг то Иудушкой Головлевым (В.С. Соловьев), то философствующим Федором Павловичем Карамазовым, поднявшимся до гениального пафоса (Н. А. Бердяев), то Акакием Акакиевичем, который в Розанове как «маленький человек» был важной нотой, задающей *тон* его философии. Розанов, кажется, всячески поддерживал литературализацию и даже театрализацию себя в философии, видя, думается, в ней определенный метод маркировки значимых для него феноменов в их литературной, такой характерной для данной культуры выразительности.

5. Многообразие жанров философии культуры. Жанр фрагмента.

Философия как рефлексия культуры – философия культуры – в единстве обозначенных принципов может быть определена рациональным языком культуры в целом. Как музыканту вступить в общение, например, с живописцем или «киношником»? Только через рациональный язык самоописания и самосознания: художник, для того чтобы поведать другому художнику о своем видении мира, должен осуществить прорыв в философию. Именно философия, описывая музыку, кино, живопись и другие виды искусства, рационализирует их смыслы, сообщает их другим духовным сферам, что обеспечивает универсальное понимание сверхзадачи каждого вида искусства и искусства в целом в культуре.

Но в осмыслении культуры рационального языка недостаточно. Концепт схватывает прежде всего аксиологический срез культуры, что невыразимо в силу природы ценностей только в теоретическом языке и жанре. Концепту наиболее адекватен как форма его развертывания *фрагмент*.

О фрагменте как дополняющем строго рациональные способы познания и даже превосходящие их в постижении бытия говорили немецкие романтики, считая, что в нем мысль эластична и содержит не только результаты, но и путь к ним. Это форма мышления с игровым подтекстом, отвергающая жесткие логические ходы. Мышление в жанре фрагмента показывает, но не доказывает, стимулирует активность воспринимающего, жертвуя завершенными формами.

О подобной форме мысли писал П. А. Флоренский: «мысль в ее рождении», в ее «кипучести» [8, с. 26–33]. Мысль строится нелинейно, а «бесчисленными узлами отдельных мыслей попарно», совершая вокруг исходной мыслительной точки «круговой обход и захватив на пути любую комбинацию из числа прочих мыслей, мы возвращаемся к ней же» [8, с. 27]. Такую форму мысли – мысли «соцветия», нелинейной, а сетчатой по своему строению,

где «мысленная ткань» с «бесчисленными узлами отдельных мыслей» и т. д. – Флоренский называет «*круглым мышлением*». В учении Парменида о бытии есть нечто подобное: бытие – шаровидно, но мысль и бытие тождественны, следовательно, и о мысли можно сказать, что она шаровидна, кругла. «Истины круглой моей неустрашимое сердце» – слова Парменида из его поэмы «О природе» [8, с. 373]. Такая круговая форма мысли не предполагает строгой системы, а «много вопросов около самых корней мысли». Эта форма «первичных интуиций философского мышления о мире» с их «вскипаниями, вращениями, вихрями, водоворотами», которые невозможно уложить в систему, поскольку система есть «вещание после самого события мысли». «Круглая мысль» или круговая форма мысли – это *событие* мысли, мысль в ее рождении и созвучии с другими мыслями в мыслительном потоке. Подобная форма мысли – у истоков философии, у Гераклита – «гераклитова метафора» (О. Мандельштам), мысль в ее текучести. Философская рефлексия благодаря органичной для нее открытой и нелинейной, а круговой форме мысли, как бы очерчивает в потоке (стихии) порядок. Творческий субъект размышления создает *фрагмент* порядка среди хаоса. Философия становится способом мгновенного схватывания гармонии, которая, как утверждал Гераклит, скрыта и происходит через борьбу [9, с. 42, 45].

О творческом потенциале фрагмента писал Р. Барт в книге «Ролан Барт о Ролане Барте»: «В форме отдельной мысли-фразы зачаток фрагмента может настичь тебя где угодно: в кафе, в поезде, в разговоре с другом (всплывает где-то сбоку от того, что говорят мне или что говорю я); тогда вынимаешь записную книжку и заносишь в нее не «мысль», а нечто вроде чеканного контура, что когда-то называли «стихом» <...> фрагмент представляет собой как бы идею в музыкальном цикле ... каждая пьеса самодостаточна, и вместе с тем она лишь посредующее звено между двумя соседними; произведение состоит из сплошных вне-текстов. <...> У фрагмента есть свой идеал: высокая концентрация не мысли, мудрости или истины (как в Максиме), но музыки; здесь «развитию» противопоставляется «тон», нечто артикулированное и певучее, особый выговор, где важнее всего *тембр*» [5, с. 109–110].

Тон – одна из любимых характеристик В. В. Розанова («*тон* русской литературы...»; «человек *другого тона*...»; «новый *тон чувства*»; «*тон* ...самой души авторской»; «пошлость тона» и т. д.), так же как и *музыка* («*музыка души моей*»). Непревзойденным в этом философско-литературном музыкальном по форме жанре фрагмента стал Розанов, который свои знаменитые произведения «Уединенное» и «Опавшие листья» определил как «полу-мысли» и «полу-чувства», спонтанно возникшие как «душадохнула», но гениально отточенные как узловые моменты в сети мыслей,двигающихся по кругу и вписывающих ее, мысль, в контекст личности автора, времени, эпохи, культуры.

1. Кржижановский С. Д. Философема о театре. URL: <http://www.sites.utoronto.ca/tsq/04/krzhizhan04.shtml> (дата обращения 14.11.2014).

2. Перельмутер В. Предисловие к «Философеме о театре» С. Д. Кржижановского. URL: <http://www.sites.utoronto.ca/tsq/04/krzhizhan04.shtml> (дата обращения 14.11.2014).

3. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 224 с.

4. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.

5. Барт Р. Ролан Барт о Ролане Барте. М.: Ad Marginem; Сталкер, 2002. 288 с.

6. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. 224 с.

7. Померанц Г. С. Метахудожественное мышление. URL: http://www.kulturolog.slovaronline.com/M/335-METAHUDOZHENSTVENNOE_MYISHLENIE (дата обращения 19.10.2014).

8. Флоренский П. А. У водоразделов мысли // Флоренский П. А. Соч. : в 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 2. 448 с.

9. Фрагменты Гераклита / пер. А. Дынника // Материалы Древней Греции. М., 1955. Фр. 8, 47. 41–52 с.

© Краснаярова Н. Г., 2014

УДК 130.2

Л. К. Нефедова
L. K. Nefiodova

ИММАНЕНТНОЕ И КОНТИНУАЛЬНОЕ НАЧАЛА ДЕТСКОГО МЫ

В статье рассматриваются онтологические начала детства, в частности, состояние принадлежности ребенка к миру детей, что обозначено автором через понятие детского Мы. Имманентное и континуальное рассматриваются как основания укоренения ребенка в бытии в опоре на трансцендентное, обеспечивающее возможность выхода ребенка за положенные пределы в его развитии и деятельности и дискретное как особые точки достижений в развитии.

Ключевые слова: детство, ребенок, детское Мы, имманентное, трансцендентное, континуальное, дискретное.

INHERENT AND CONTINUAL STARTED BABY WE

The article discusses the ontological early childhood, in particular the status of the child belonging to the world of children, as indicated by the author through the concept of child We are to understand the immanent and continuous as the Foundation of the establishment of the child in being based on the resolution as a special point of achievements in building and maintaining communication with the source of existence, providing the child the required limits in its development and activities.

Keywords: childhood, child, baby We, immanent, transcendent, continuous, discrete.

Предметом рассмотрения в настоящей статье является смысл детского Мы с позиций его имманентного и континуального начал.

Рассматривая детство как начало существования человека, а ребенка как начало формирования его субъектности, полагаем в качестве онтологического основания феномена детства категории, конституирующие оформление детского бытия: имманентное/трансцендентное и континуальное/дискретное. Имманентное/трансцендентное определяет преимущественно само качество экзистенциального состояния детскости субъекта, а континуальное/дискретное – его темпоральность и протяженность. Оба начала представляют собой неразрывные стороны ребенка и состояния детства.

Имманентное/трансцендентное и континуальное/дискретное начала метафизически и диалектически проявляются в духовно-телесной природе ребенка, в особенностях его познания и самопознания, в творческом преобразовании реальности ребенком, в качестве и характере процесса его укоренения в ней, в экзистенциальном состоянии детства.

Объективация трансцендентного/имманентного осуществляется в том, что младенец почти в чистом виде представляет собой самость, единство, абсолютность,

божественность. Он – начало Бытия, его граница только начинает обозначаться, он не просто слит с трансцендентным, но сам трансцендентен и трансцендентален наличному Бытию. При этом сущность его не явлена, скрыта, имманентна.

Континуальное/дискретное объективировано ростом, взрослением, точками социализации и возрастными кризисов: ребенок представляет собой граничного индивида, пребывающего в укоренении самости, единстве, абсолютности в бытии на основе внутреннего различия самости и единого как их самоотождествления.

Состояние детскости и процесс взросления универсальны и определяют как отдельного индивида, так и совокупность всех индивидов, находящихся в состоянии детства. Оппозиция «один – много» в отношении «ребенок – дети» имеет онтологическую, антропологическую, историческую, социальную, психологическую специфику. В связи с этим представляется целесообразным выявление в совокупной множественности детей категории детского Мы.

Уже античные философы говорят как об отдельном ребенке, так и о детях в целом. Так, у Платона в «Государстве» идет речь не об индивидуальном, но общественном воспитании детей. Дети у Платона представляют совокупную множественность, они не диффе-

ренцированы. На отсутствие дифференциации опирается идея обобществления всех детей для воспитания из них стражей идеального государства. При этом совокупная множественность детей у Платона есть не детское Мы, но детское Они. Возникает вопрос «Почему детей целесообразно обобществить?». Во-первых, вероятно, потому, что определен результат воспитания: для защиты идеального государства необходимы унифицированные воины-защитники, смелые, сильные, цивилизованные, образованные, но не особо чувствительные к красоте и психологическим тонкостям в человеческих взаимоотношениях. Таких стражей следует воспитывать с самого раннего детского возраста, обобществляя детей граждан полиса. Это и есть второе условие: между маленькими детьми еще нет различий, они одинаковы, что облегчит единое воспитание для всех детей. Поэтому Платон видит детей как совокупную множественность, в то время как Аристотель, выдвигая приоритет семейного воспитания, основанного на родительской любви, полагает ребенка как индивида, которому родительская любовь, основанная на кровном родстве, поможет вырасти.

Накапливая наблюдения за отдельным ребенком и за детьми в целом, философия, как правило, видела в ребенке и детях объект, отчужденный от взрослого. Пониманию сущности этого объекта способствовал личный опыт детства, который всегда был в прошлом, а следовательно, не всегда адекватно оценивался и не всегда был релевантным наблюдаемой в настоящем экзистенциальности детства. Действительно, наблюдая детство, взрослый всегда видел его настоящее из прошлого и извне, как правило, всегда противопоставляя себя ребенку, детям, состоянию детства, осознанно пребывая в совокупной множественности взрослости. Взрослое Мы обозначено в гуманитарном дискурсе и явно, и имплицитно как позиция осмысления ребенка. Мир взрослых по отношению к ребенку является еще закрытым миром, в который ценой больших усилий роста и развития ребенку и детям предстоит войти в будущем. Мир взрослых, таким образом, мыслится и извне, и изнутри, как мир, определяемый совокупной множественностью взрослых, а мир ребенка мыслится только извне, с позиций мира взрослых, которые утратили свою принадлежность миру детей. Ребенок как отдельный субъект и дети как Они представлены у Сенеки, Августина, Монтеня, Канта, Гегеля.

Заметим, что если категории Я, Ты, Вы, Оно, Они достаточно давно являются предметом философской рефлексии [1], то категория Мы, тем более в исследовании детства, явной рефлексии подвергалась мало [2, с. 154].

Имплицитно категорию детского Мы выявил А. Шопенгауэр: «Как в начале весны вся листва – одного цвета и почти одинаковой формы, так и *мы* в раннем детстве чрезвычайно похожи друг на друга и потому великолепно гармонируем между собой. Но с возмужалостью начинается расходимость, постепенно увеличивающаяся, подобно градусам расширяющейся окружности» [3, с. 207].

Детское Мы обозначено у Шопенгауэра через метафору весенней листвы. Он указывает, что люди в детстве гармонируют между собой и эта гармония существует между детьми на основе их сходства. Общность детей есть центр,

единство человеческой формы. Разными люди становятся взрослея. В детском Мы у Шопенгауэра представлен онтологический, но не экзистенциальный аспект, поскольку за ним стоит не опыт проживания состояния детского мы, но опыт взрослого наблюдения и вывода: люди более похожи друг на друга в детстве, чем во взрослом состоянии. В связи с этим не случайно зрительная метафора – сравнение детей с весенней листвой и геометрическая фигура круга с точкой в центре – схема развития жизни индивидов.

Имплицитно детское Мы угадывается у Н. Ф. Федорова в выявлении внутреннего и внешнего начал в основании детского возраста. Поскольку действие объединяющих и бездействие разъединяющих причин определяют детский возраст *внешне*, а сознание родства определяет детский возраст *внутренне*, то можно предположить, что Н. Ф. Федоров зафиксировал интуицию внутренней общности детей и ее континуального осуществления.

Полагаем в рефлексии категории детского Мы целесообразным акцент на имманентном и континуальном началах.

Детство может быть представлено как экзистенциальное ядро человеческого существования, наращивающее бытийную массу и детерминирующее развитие концентров взрослого бытия. В связи с этим детское Мы – одна из значимых категорий рассмотрения феномена детства. Имманентное и континуальное при этом имеют специфическое выражение в аспекте детского Мы. Онтологический смысл детского Мы угадывается в детском Они, представляющем оппозицию взрослости.

Совокупная множественность детей достаточно часто репрезентирована в художественной литературе. Однако, как правило, здесь возникает семантика «Они». Детское Они, например, представлено у В. Гюго в «93-м», «Отверженных», «Человеке, который смеется». Гаврош устраивает заблудившихся бездомных братьев на ночлег в слоне. Старший ребенок заботится о младших в «93-м». Дети даны как полюс в оппозиции взрослости: художественная оптика позволяет всесторонне рассмотреть детское Они извне, но не изнутри. Даже, когда автор исследует пробуждение сознания ребенка – это сознание, наблюдаемое конгениальным соглядатаем, но не самоидентифицированное сознание.

Детское Мы начинает возникать в ситуациях непосредственного общения детей между собой и в ситуациях их отношения друг к другу. Например, у В. Гюго групповые образы детей акцентируют особое место детства в социуме и его противоположность миру взрослых. Как правило, это портретно-поведенческие зарисовки, фиксирующие внимание на социальном положении детей, их зависимости от взрослых, на психологических и возрастных особенностях, объективируя смысл собирательного начала понятия «человек» в полноте и емкости. Пестрый антропогенный фон романов включает обилие людей разных профессий, разного звания, социального положения, возраста, пола: аристократов, гризеток, белошвеек, фабричных работниц и работников, городских и сельских обывателей, солдат, бродячих актеров, крестьян, жандармов, судей и каторжников, рантье, священников, монахов и монашенок. В своей совокупности это среда осуществления социализации маленьких героев и матрица их социальной стратификации.

Этот фон взрослого социума готов вобрать в себя детское Они. Социальный фон вполне логично предполагает и даже требует разделения детей по признаку благополучия и заброшенности: на тех, кто имеет дом, семью и на тех, кто предоставлен сам себе, живет на улице (гамен), путешествует по большой дороге (савояр), отдан в услужение или на воспитание чужим людям. Западные мизераблисты и вульгарно-социологическое советское литературоведение именно в этом видели значение творчества В. Гюго, признавая за ним художественную яркость в изображении множества самых разных детей. Художественным открытием романтизма являются образы детства: индивидуальные, групповые образы мальчиков и девочек разного возраста, различной сословной принадлежности, с различной проблемно-тематической акцентуацией и моделировкой, выявление между ними связей, обусловленных не только законами развития романтического сюжета, но и онтологией детства, и представление в романтическом творчестве не только индивидуальности единичного ребенка, но особого совокупного единства детства. Тема обездоленного детства в истории гуманитарного знания во многом обязана своим появлением В. Гюго, наряду с Ч. Диккенсом, Г. Мало, Ф. М. Достоевским, и позволяет выявить онтологический смысл детского Мы. Таким образом, романтический тип культурного сознания не мог пройти мимо человека в детстве в поисках ответа на кантовский вопрос «Что такое человек?».

Детское Мы архетипично, и его рефлексия позволяет не только выявить нюансы онтологической семантики детства как возраста и состояния, но дает новый прагматический ракурс видения проблемы самоидентификации ребенка в современных социальных условиях.

В житейских и литературных воспоминаниях о детстве достаточно часто употребляется местоимение «Мы». Как правило, детское Мы мыслится во временном промежутке от рождения до взрослости и актуализируется в сознании индивида, несмотря на возможные периоды его изоляции от сверстников, даже в случае получения индивидуального образования и воспитания. Детское Мы имеет не только социальную, но и онтологическую природу. Можно говорить об исторических формулах детской совокупности в национальных культурах. Например, детское Мы, репрезентированное в дореволюционной русской, советской, английской, французской культуре, имеет свою специфику. В формуле детского Мы представлена семантика исторического, социального, возрастного начал. Так, дух коллективизма пронизывает детское Мы советского времени. Дореволюционное детство, раскрываемое в русской литературе, также дает свою формулу детского Мы, актуализирующую семантику семейного детства, в его оппозиции с взрослостью: «Мы – дети». Эта формула не менее значима этически, чем коллективистские формулы советского времени, а семантически, возможно, более емкая. В английской культуре детское Мы сопряжено с западным индивидуализмом и уверенностью в превосходстве английского национального характера. Детское Мы во французской культуре содержит оттенки мизераблизма, а в американской – предпринимательства и авантюризма.

Однако любое конкретное социально-историческое детское Мы, например пионерское Мы, не является исклю-

чительно историческим и социальным конструктом. Разумеется, коллективистская семантика актуализировалась в советское время, и литература, выполняя социальный заказ, зафиксировала целый ряд формул дружбы и товарищества, представляющих выражение этого детского Мы, например: «Мы с Тamarой», «Мы с товарищем вдвоем», «Мы – пионеры, дети рабочих», «Мы едем, едем, едем в далекие края», «Мы – ребята, мы – друзья пернатых», «Мы – веселье ребята», «Жили три друга товарища», «И ты, и я, и мы!», «Вместе весело шагать».

Однако «Мы – дети» звучит и в дружбе Неточки Незвановой и Кати у Ф. М. Достоевского, и в дружеском тяготении детей друг к другу в произведениях Д. В. Григоровича, В. Г. Короленко. Детское Мы есть в воспоминаниях о собственном детстве Ю.К. Олеси, И.А. Бунина, в поэзии А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова, М. И. Цветаевой. Выражение: «мы – дети...» встречается достаточно часто в русских дореволюционных антологиях, исповедях, автобиографиях, романах-хрониках. Так, хотя дети как совокупная множественность не выходят на авансцену повествования в романе Н. С. Лескова «Соборяне», их присутствие имеет место в художественной онтологии автора. Упоминаются учащиеся уездного училища, дети из домашней школы госпожи Бизюкиной, дети Захарии Бенефактова, живущие в бедном домике-птичнике. О детях упоминается вскользь, в связи с описанием быта взрослых, с важными и курьезными событиями в жизни Старгорода. Изредка крупным планом высвечивается отдельный ребенок, например сын лавочника Алеша Лялин, или младенец, усыновленный недоучкой из духовного звания Пизонским, или девочки, находящиеся в услужении у Туберозовых и почтмейстерши. Совокупная множественность детей коррелирует с отдельным ребенком, представленным как интенция духовной жизни взрослых – некое неведомое метафизическое дитя, о появлении которого на свет страстно мечтают супруги Туберозовы.

Разумеется, приводя примеры из русской литературы, можно сослаться на соборность, укорененную в православии, связав детское Мы со спецификой русской идеи. Однако и в литературе США, страны, где формирование национальной ментальности шло в русле персональной ответственности индивида перед богом под воздействием протестантского «Ковенанта о благодати», категория детского Мы также звучит достаточно отчетливо. Так, цикл рассказов Э. Хемингуэя о Нике Адамсе называется «In our time» («В наше время»). Подросток в творчестве У. Фолкнера постоянно обращается к категории Мы. Явное и имплицитное детское Мы звучит в английском детском фольклоре, возникает в английском романе у Ч. Дикенса, Ш. Бронте, У. Голдинга. Дети как совокупная множественность у Ч. Дикенса представлены в романе «Николас Никкльби». СобираТЕЛЬНЫЙ образ учащихся одной из частных йоркширских школ репрезентирует детское Они: обманываемые, истязаемые, обираемые, социально заброшенные, лишенные будущности. Актуализирована социальная трагедия детей; множественность является фоном индивидуальной трагедии, на котором особенно трогательным представляется тяготение не узанных дворянских братьев друг к другу. В романах «Большие на-

дежды», «Холодный дом» представлены дети в семье как нерасчлененное, но дифференцированное единство. Дети в семье похожи на единый клубок, спутанный и предоставленный сам себе. Трагедия ребенка – в его заброшенности и поддержке детьми друг друга особенно очевидна в репрезентации детского Они и Мы.

Заметим, что детское Мы актуализировано в большей степени в подростковом возрасте, чем на границе младенчества и проснувшегося сознания. Таким образом, ребенок выходит из имманентности и осуществляет свою трансцендентность: его укоренение в мире есть результат выхода за свои первоначальные границы, развертывание своей сущности, обусловленной близостью к Первоначалу. Соотнесенность детского Я с детским Мы есть также объективация дискретных, но значимых точек детской социализации и инкультурации и возможного континуума развития. Мы – результат укоренения ребенка в мире, соотнесение себя с миром, начало осознания своей тождественности Другому. Вернемся от анализа литературных репрезентаций к собственно категориальному аппарату осмысления бытийных начал детства: имманентному/трансцендентному, континуальному/дискретному. Яркая художественная

рефлексия детства подтверждает, что имманентное, внутреннее, присущее непосредственно детству и ребенку, а именно его близость Первоначалу, потенция развития, связанная с этой близостью, определяет трансцендентное ребенка как возможную субъектность, ее становление и реализацию начала человека в бытии. Континуальность как непрерывность детского бытия определяет устойчивость проживания кризисных дискретов, которые, в свою очередь, являются точками объективации наиболее значимых смыслов ребенка как человека, укореняющегося в бытии.

1. Можейко А. А. Я // Всемирная энциклопедия: Философия 20 век / ред. А. А. Грицанов. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2002. С. 948–949; Мазаник М. Н. Я и Оно // Там же. С. 949–950; Пигалев А. И., Евдокимцев Д. В. Я и Ты // Там же. С. 950–951.

2. Нефедова Л. К. Философский смысл детства. Омск: Амфора, 2010. 204 с.

3. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости (Репринтное издание 1914 г.). М., 1990. 232 с.

© Нефедова Л. К., 2014

УДК 130.2

Д. В. Пивоваров
D. V. Pivovarov

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ МОДЕЛИ ЧЕЛОВЕКА: ТРЕХМЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК¹

RELIGIOUS PHILOSOPHICAL MODEL OF MAN: THREE-DIMENSIONAL MAN

В статье описываются и анализируются две основные религиозно-философские модели человека – модели двумерного и трехмерного человека. Сторонники дуальной модели рассматривают человека как единство материального тела и нематериальной души, а человеческий дух отождествляют с интеллектуальными способностями души. Сторонники же трехмерной модели вводят в структуру души внешние чувства, волю и интеллект, а дух человека понимают как единство веры, интуиции и совести

Ключевые слова: человек, тело, функции души, парадокс души, функции духа, плотский человек, духовный человек.

The article describes and analyses two main religious-philosophical models of a human being – models with two dimensions and three dimensions of a person. Supporters of the dual model treat a man as the unity of material body and immaterial soul; they identify human spirit with the intellectual capacity of our souls. Supporters of the model with three dimensions introduce external feelings into the structure of the human soul, will and intelligence; but they understand the spirit of a man as the unity of his faith, intuition and conscience.

Keywords: man, body, soul's functions, paradoxes of human soul, functions of human spirit, carnal man, spiritual man.

Проанализируем трехмерную модель человека, впервые, скорее всего, предложенную и ясно изложенную апостолом Павлом. Павел (Савл) родился в малоазийском городе Тарсе в иудейской семье, имевшей римское гражданство, и был казнен во время гонений на христиан после пожара Рима в 64 г. н. э. В Новом Завете есть 14 посланий, авторство которых приписывается Павлу. Его вероучение называют «паулинизмом».

Как известно, в раннем христианстве между собою конкурировали две онтологии человеческой телеснос-

ти – платоновско-гностическая и библейская. Платоники и гностики считали тело источником всякого зла и несчастий, мешающим познавать Бога; заключение духа в теле есть наказание за грех; чем более греховен человек, тем в более уродливой форме воплощена его душа. Напротив, в Библии тело и душа трактуются как взаимодополняющие аспекты личности человека, никогда не существующие друг без друга; «тело – храм духа»; без тела невозможно наказать или наградить человека за его поступки. Вторую точку зрения на тело развил апостол Павел, заложив основы христианской антропологии.

В Первом послании к коринфянам апостол Павел указывает на то, что пребывание в плену у плоти мешает

Продолжение. Первую часть статьи см.: Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2014. № 1(2). С. 26–30.

духовному росту человека: «И я не мог говорить с вами, братия, как с духовными, но как с плотскими, как с младенцами во Христе» [I Кор. 3:1]. Апостол Павел уподобляет человека храму, проводит аналогию между Святой Троицей и троичностью человеческого существа: «Разве не знаете, что вы – Храм Божий, и Дух Божий живет в вас?» [I Кор. 3:16]. Описанный в Ветхом Завете храм имел внешний двор, доступный прихожанам, святилище, куда входили только священники, и Святая-Святых, отгороженная занавесом и символизирующее местопребывание Духа Божьего. Лишь в исключительных случаях священник допускался в Святая-Святых. Три части храма (внешность, внутреннее управление и сакральное ядро), по мысли апостола Павла, символизируют плоть, душу и дух.

Представим себе три круга: меньший круг вписан в средний, а средний заключен в третий, внешний круг; эти круги – проекции верхней, средней и нижней частей объемного конуса (храма) на плоскость. Иная проекция конуса – треугольник – религиозный символ восхождения от плоти к духу, верующего к Богу. Пусть центральный круг обозначает Святая-Святых, средний круг – святилище, а внешний круг – двор храма. Подобная графическая схема поясняет триадичность человека: ядро – дух, вокруг духа – душа, внешний круг – плоть, а все вместе – целое, тело. (Триада универсальна: 1) Абсолют – природа – человек, 2) Бог – ангел – человек, 3) Бог – священник – паства, 4) значение – смысл – знак, 5) сакральное ядро культуры – защитный пояс – светские идеалы и т. д. Идея триады имеет глубочайшее культурное содержание и в христианской традиции восходит к образу Святой Троицы.)

В других посланиях апостол Павел также проводит различие души и духа внутри тела. В Первом послании к фессалоникийцам он пишет: «Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целости да сохраняются без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа» [I Фес. 5:23]. а вот что сказано им в послании к евреям: «Ибо слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные» [Евр. 4:12]. Абсолют изнутри проникает в человека, и через свой дух судит человек о своей душе; дух, следовательно, осуществляет функцию совести. Дух человека не тождествен Святому Духу и имеет относительную самостоятельность: «Сей Самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы – дети Божии» [Рим. 8:16].

Святой Дух и дух человека могут непосредственно общаться, находиться в мистической связи; совесть, интуиция и мистическое проникновение человека в инобытие – аспекты прямой связи Святого Духа и духа индивида. «А я... присутствуя у вас духом, уже решил, как бы находясь у вас...» [I Кор. 5:3]. Бог создал человека «душою живою», но благодаря внутренней работе духа душевный человек может стать духовным человеком: «сеется тело душевное, восстает тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное. Так и написано: «первый человек Адам стал душою живущей»; а последний Адам есть дух животворящий. Но не духовное прежде, а душевное, потом духовное» [I Кор. 15:44–46]. Основываясь на указаниях апостола

Павла, Вочман Ни рисует такую картину: «До возрождения дух человека настолько погружен в душу и окружен ею, что ему просто невозможно разобраться, что выходит из души, а что из духа <...> И по мере того, как разум, воля и эмоции крепнут, функции духа все больше и больше слабеют, затмеваясь настолько, что их существование почти не ощущается. Вот почему после возрождения человека должно наступить разделение души и духа» [1, с. 38].

Функции духа, души и плоти в трехмерном человеке. Итак, троичен не только человек, но троичны и его дух (совесть, интуиция, мистическое общение), и душа (эмоции, воля, разум). Целостность функций духа достигается в вере, а целостность функций души – в знании как единстве внешней чувственности и рационального практического целеполагания. Совесть мгновенно различает добро и зло без предварительных размышлений; совесть интуитивно предвосхищает необходимость, будучи подсознательной, иррациональной, дологичной; совесть – «доморальное постижение ценности» (В. Франкл). Сознание оправдывает наши поступки, а совесть противостоит разуму и судит их.

Совесть как функция духа и разум как функция души часто противоречат друг другу, раскалывают человека на духовное тело и душевное (плотное) тело. Интуиция – прямое, необразное, молчаливое созерцание сокрытых сущностей; она противоположна внешнему чувственному опыту и внутренним ощущениям собственного тела. Мистическое открывание сущности противоположно идеальному (репрезентативному) познанию. Дух мистически присутствует в сверхчувственной сущности, не пользуясь никакими средствами, тогда как разумная душа познает эти сущности через знаки и идолы.

Если в человеке дух пока дремлет, то у такого человека слабо выражены способности к интуитивному и мистическому постижению предельных целостностей универсума, а также умение жить по совести. В то же время человек со слабо развитым духом может быть очень душевным, умным и волевым. Прилагательное «душевный» имеет такие значения: «душа-человек», т. е. сердечный, порядочный, добрый и т. п.; плотский человек, целиком управляемый чувственной стороной своего существа; душа, нацеленная на свои телесные функции. Понятие плоти имеет три значения: 1) мягкая часть тела, отличная от крови и костей; 2) все тело; 3) все совокупное человечество («всякая плоть»). Иногда термин *плоть* используется также в смысле властвования тела над душой; в духовном человеке плоть подчинена духу, а в плотском человеке плоть властвует над душой. Смерть духа – прекращение его связи с Богом, а смерть души – разрыв ее связи с телом и духом. Духовная смерть – от греха и преступлений; грех отделяет душу от духа, и тогда душевная жизнь становится эгоистичной и самовольной.

Согласно трехмерной модели, душа вне дара духа не способна к интуиции, мистическому сопребыванию, угрызениям совести; она не имеет веры, ибо сосредоточена на телесных отправлениях. Святой Дух или иной внешний дух даруется душе, посещает ее, вселяется в нее, но может и уйти, развоплотиться. Благодать – вселение в человека Святого Духа. Благодать – Божий дар. Вселение же злого духа – одержимость бесовскими силами. Отличая от себя

дух, душа пребывает в нем и отражает его, как зеркало. Душа преломляет в себе свет невоплощенного духа; Дух Божий отсвечивает в душе человека; душа человека – образ Божий и подобие его Духа. Как Солнце льет свои лучи вне зависимости от того, воспринимаем ли мы их или уклоняемся от них, так и духовный свет независим от того, цело ли зеркало души, криво ли или вообще разбито.

Дух положен в душе как основании и высвечивается в ней ярко или тускло, прямо или искаженно в зависимости от свойств самой души. Не зеркало производит свет (и не душа – дух). Свет может быть дан или не дан. Так же и духовный дар: он есть у человека или отсутствует. Тем не менее от качества зеркала зависит степень адекватности отражения и искажения приводящего света. Равным образом совесть, интуиция и все то, что открывается верой, обусловлены чистотой или замутненностью души, ее отражательными свойствами. Отсюда следует, что не всегда верность духовным принципам гарантирует истину духа. Если душа – зеркало искажающее, то совесть способна обманываться, интуиция – подводить и давать фантастическое видение сущностей, а мистическое общение – вести к дезинформации и лжепророчеству. Истинная или ложная вера – это не только продукт вселения (дара) духа, более или менее близкого к сферам Абсолюта, но также умение души быть хорошим зеркалом духа.

Поэтому духовность духовности рознь. Свобода совести означает свободу души принимать в себя приводящий дух в согласии с самой душой, ее особенностями. Когда говорят: «По вере зачтется», – то имеют в виду прежде всего свойства индивидуальной души. Если в обществе в целом соблюдается закон о свободе совести и каждый волен выбирать свою веру, то качество самой души индивида во многом предопределяет, какой дух войдет в нее и как этот дух будет в ней преломлен. Подобное стремится к подобному, а душа – к соответствующему духу, по-своему распорядясь его даром, обретая специфическую веру и руководствуясь ею. Насколько душа ответственна за свою веру, настолько ей и предстоит в «конце времен» держать за нее ответ пред Высшим судом. Провозглашая, в отличие от пантеизма, принцип свободы и ответственности человека, монотеизм учит, что суд предстоит именно над душами людей – душе по вере зачтется. Суд же над искушающими человека падшими ангелами, злыми духами и духами иных разрядов есть вопрос особого судопроизводства.

Если душа – зеркало духа, то плоть – зеркало души. Плоть требует своего, а дух своего. Качества души определяются противоречиями между духом и плотью. Плоть диктует душе сосредоточиться на «Я», искать способы удовлетворения материальных потребностей, начиная с прямых физиологических отправления и кончая властью над природой и другими людьми. Дух же человека требует сосредоточения на абсолютном Духе и жертвования плотским ради высших нематериальных ценностей. Опосредование душой тела и духа раздваивает человека: душа становится ареной конфликта эгоизма и альтруизма, индивидуальности и всеобщности, плоти и духа. Апостол Павел так описывает эти муки: «Ибо не понимаю, что делаю; потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. <...> Ибо по внутреннему человеку нахожу удо-

вольствие в законе Божиим; но в членах моих вижу иной закон...» [Рим. 7:15, 22–23]. Новорожденные младенцы еще не духовны в вере, а взрослые, которые не стали духовными, подобны младенцам и отдаются усладам плоти. Быть может, между духовным и плотским в человеке должна существовать «золотая пропорция», но чаще эти ипостаси раздирают душу на части. Дела плоти могут быть праведными и неправедными в зависимости от того, какая тенденция – плотская или духовная – берет верх в человеческой душе.

Духовное тело и тело плоти. Очевидно, что Павел не рассматривает дух как нечто непременно противоположное телу. В вычленяемой им особой, духовной телесности он видит онтологическую норму тела, а в плотской телесности – только преходящее и болезненное состояние тела. На том же основании тело вовсе не обязательно отождествлять с материей, материальностью или с протяженностью, коль скоро бывают «духовные тела». Тело не равно биологическому скафандру. Если согласиться с Павловой типологией тел, то как можно определить понятие «тело»? В обыденном смысле тело «вообще» есть просто отдельный материальный предмет, находящийся в пространстве и во времени, а человеческое тело – это организм человека, рассмотренный в его внешней физической форме. Однако религиозные философы предпочитают мыслить человеческую телесность не просто как материальные поверхности индивида, но как интегративную целостность всех – сверхчувственных и чувственно воспринимаемых – компонентов человека.

Диоген Лаэртский сообщает, что стоики определяют сущность как первовещество всего сущего, а тело – как сущность, имеющую границы. Все является в той или иной степени телом, бестелесны лишь пустота, находящаяся вне мира, время и значения слов. Стоики различали начала (*archai*) и основы (*stoicheia*). Начала бестелесны, бесформенны, не возникают и не гибнут. Стоическое понятие «*soma*» ближе не к понятию вещества, а к современному понятию поля; поэтому стоики учили о всеобщем взаимопроникновении. «Тертуллиан подчеркивает, – комментирует Р. В. Светлов, – что <...> Бог имеет “тело своего рода в свойственном [только] Ему образе”. Абсолют обладает абсолютным телом, ибо, объемля собой все сущее, для всех аспектов последнего Он выступает в качестве их истины, их совершеннейшей реализации, – так можно сформулировать мысль Тертуллиана. Телесность же – это проявленность бытия, а проявленность, выраженность стоики (и Тертуллиан в том числе) считали неотъемлемой стороной Сущего. <...> Столь неожиданное у христианского автора учение вызывалось, очевидно, еще и тем, что для античности сам термин «дух» (*πνεύμα, spiritus*) нес в себе некоторый привкус телесности, хотя и тончайшей, исчезающе-неуловимой» [2, с. 258–259].

А. С. Хомяков сближает русское слово «тело» со словом «целое», выводя его этимологию из санскритского корня «тал» или «тил» – быть полным, жирным, т. е., по древнему пониманию, – здоровым, крепким. Этой же точки зрения держится П. А. Флоренский: «Тело – нечто целое, нечто индивидуальное, нечто особенное. <...> В теле повсюду обнаруживается его единство...» [3, с. 265]. По его

мнению, именно в контексте целостности с русским «тело» согласуются греческое «soma», латинские «individuum» и «corpus», белорусское «цело». (Любопытно, какова параллель между греч. «телос» (цель) и рус. «тело»? Ведь телос – это не сома.) А. А. Тахо-Годи показала, во-первых, что слово «сома» в классическом смысле обозначало нечто объемное, крепкое, сильное, здоровое, целостное и целое, а во-вторых, что в античной греческой культуре «тело» и «личность», по сути, синонимичны. Итак, согласно вышеизложенной точке зрения, тело можно трактовать как целое, состоящее из плоти, души и духа, а типологию тел строить, исходя из представлений о разных пропорциях плотского и неплотского в индивидах, начиная с тела физического и плотного и завершая совершенно тонкими нефизическими телами (духовное, астральное, ментальное, эфирное и т. п.).

С. Н. Булгаков сущность тела видит в ином: «в чувственности, как особой самостоятельной стихии жизни, отличной от духа, но вместе с тем ему отнюдь не чуждой и не противоположной. Чувственность совершенно ясно отличается как от субстанциально-волевого ядра личности, так и от причастного Логосу мышления, умного видения идей, их идеального созерцания: наряду с волей и мыслью есть еще чувственное переживание идей, – их телеснение» [4, с. 217]. Русский религиозный философ подразделяет чувственность на духовную и плотскую. Духовная чувственность есть откровение Духа Святого; каждая идея имеет свою индивидуальную красоту, свое особое тело; к духовной телесности не могут быть применены ни пространство, ни время. Так, например, говорит Булгаков, тело воскресшего Господа свободно проходило сквозь все физически непроницаемые тела, но в то же время его тело было ощутимо для осязания Фомы, было способным к принятию физической пищи (меда и рыбы). Так что материя не есть субстанция тела, заключает Булгаков; материя есть только сила, делающая тела пространственно-временной плотью. В материальности плоти заключается и источник ее смертности [4, с. 233, 235].

Выделение и противопоставление двух типов тел, столь характерное для посланий апостола Павла и всего христианства, чуждо иудаизму. Иудеи ограничивались словом «плоть» («basar»), переводимым греческим словом «sarx», но не имели точного эквивалента для греческого «soma». Христианами в качестве их версии Ветхого Завета с I в. н. э. была принята Септуагинта, т. е. перевод на греческий язык древнееврейских Писаний, выполненный еще при египетском фараоне Птолемеи Филадельфе (285–246 гг. до н. э.). В Септуагинте термином «soma» неточно переведено не менее одиннадцати разных слов из оригинального текста (среди них: *мясо, кожа, труп, плоть* и др.), но обычно им переводили еврейское слово «basar». В посланиях апостола Павла чувствуется сильное влияние гебраистской терминологии. Вместе с тем, будучи хорошо знакомым с греческой культурой, Павел чаще всего явно различает тело и плоть в самых разных аспектах: онтологическом, нравственном, психологическом.

Почему иудеям хватало одного слова *basar* там, где грекам требовалось два – «sarx» и «soma»? Дж. Робинсон, видный западный теолог, так отвечает на этот вопрос. Во-

первых, в отличие от иудея, эллин научился философски различать форму и материю, а тем самым противопоставлять тело тому материалу, из которого оно сделано. Во-вторых, эллин вывел из различения формы и материи различение одного и многого: тело возвышается над своими составными органами и подчиняет себе функции этих органов. Иудей же, не располагая всеобщим термином для обозначения целого как «многого», обходился умением репрезентировать целостное множество какой-либо избранной частью этого множества или начинал перечислять все известные ему части (в этом умении Робинсон усматривает секрет, богатство и практичность иудейского ума). Наконец, в-третьих, греки сумели противопоставить соматическое и психическое, тело и душу, рисуя невидимое «я» человека восседающим в раме из материи и рвущимся наружу из *soma-soma* (тела-могилы). Иудеям же была чужда идея, что человек обладает телом: идея личности в Ветхом Завете – одушевленная плоть, а не воплощенная душа; человек есть плоть (что противоположно формуле «человек располагает плотью»).

По мнению Робинсона, в сознании эллина тело не столь уж существенно для личности, поскольку душа стремится разлучиться с телом, а тело (как принцип индивидуации) скорее разъединяет людей, нежели объединяет; душа – бессмертное существо, способное жить вне смертного тела. Напротив, согласно Ветхому Завету душа (нефеш) полноценно живет только в крови и сама мало чем от крови отличается; во время физической смерти человека душа просто вытекает наружу, например, с кровью, опустошается и, подобно тени, становится слабейшей формой жизни. Что же касается плоти, то она, скорее, связует человека с другими людьми, народом, природой, нежели разъединяет его с ними. Поэтому по своему основному смыслу слово «basar» сопряжено с идеей социальной сущности человека. Отмеченными выше тремя причинами Робинсон объясняет, почему эллинистическая мысль категорически богаче иудейской [5, с. 106–113].

Несколько иначе оценивает иудейский взгляд на понятие телесности С. С. Аверинцев: «Ветхозаветное восприятие человека несколько не менее телесно, чем греческое, но только для него тело – не осанка, а боль, не жест, а трепет, не объемная пластика мускулов, а уязвленные “потаенности недр” <...> это тело не созерцаемое извне, но восчувствовано изнутри, и его образ слагается не из впечатлений глаза, а из вибраций утробы» [6, с. 160]. Философия греков-платоников дуалистична, делит мир на идеальное и материальное, трансцендентное и имманентное, ищет в предмете противоположные стороны (серое = белое + черное). Напротив, иудей не признает дуализма: он не знает, что такое идея и материя, не склоняется ни к идеализму, ни к материализму. Иудей мыслит недоступного Иегову физически присутствующим в скинии за занавесом (в Святая-Святых); о душе он может сказать, что она хочет есть и пить, о плоти – что она знает, поклоняется Богу, а о духе (*ruah*) – что он есть ветер и дыхание. Таким образом, иудейские понятия «nefesh» и «basar» заменяют друг друга.

Апостол Павел о воскресении тела. В Ветхом Завете словом «плоть» часто обозначают просто либо человека,

либо всех людей, тогда как апостол Павел (возможно, под влиянием платонизма) нередко прибегает к непривычным для тех времен выражениям: «жить во плоти» (внутри мировой сферы под юрисдикцией законов природы), «жить по плоти» (в грехе), «жить во Христе», «в духе». Суть теологии Павла можно выразить его фразой: «Так и вы, братья мои, умерли для закона телом Христовым, чтобы принадлежать другому, Воскресшему из мертвых, да приносим плод Богу» [Рим. 7:4]. Как же христианину дано воскреснуть, в каком виде, в какой целостности? Об этом апостол Павел специально говорит, что воскресение из мертвых, как и в случае с воскресением Христа, происходит путем радикального преобразования плоти в духовное тело. а для такого преобразования внутри нас уже есть предпосылка – ведь Дух Божий живет в нас, как в храме. Однако в чистом виде Царство Божие невозможно наследовать во плоти, но лишь в духовном теле, причем духовные тела всех воскресших суть одно и то же Христово тело.

Апостол Павел не оставил нам систематической теологии, и трудно понять, идет ли у него речь о духовном теле как о некоем промежуточном состоянии индивида после физической смерти и до Парусии (Второго пришествия) или как об окончательной целостности человека нового типа. Нет достаточной ясности и в паулинистской формуле о воскресении как «жизни вечной во Христе». А. Швейцер считал обреченными на неудачу все попытки различить личное (историческое) и мистическое (церковь) тело Христа. Тем не менее, апостол Павел неоднократно замечает, что воскресение из мертвых не следует понимать как возможное только после Второго пришествия и, кроме того, представлять его по аналогии с физическим выздоровлением в привычном индивидуальном теле. Истинные христиане уже спасены телом Христа и сами в прямом смысле являются членами этого тела: «Разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы?..» [I Кор. 6:15]. Доктрина Павла о церкви как теле воскресшего Христа – освещение особого аспекта понятия сомы, а именно сомы в смысле беспредельного, неопределенного и вместе с тем индивидуального организма.

Многие протестантские теологи склонны не метафорически, а буквально трактовать образ церкви как тела Христова, соответственно понимая традиционное выражение «братья и сестры во Христе» в духе логики «Единый Новый Человек и его органы-христиане». Есть лишь один организм нового творения, и все мы члены этого одного организма – Христа. Апостол Павел использует почти прямой физический язык, когда описывает христиан, составляющих воскресшее тело Христа: они не бесплотные духи, а именно части духовной сомы; они столь тесно прилеплены друг к другу, что образуют одну плоть; они – не масса индивидов, не корпорация или тотальность, но именно один живой организм. «Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, – так и Христос» [I Кор. 12:13]. Помещение воскресших христиан во Христа мыслится Павлом как обретение нового тела, общего для всех, и как сбрасывание ветхого Адама, причем процесс этот начинается с совершения таинства крещения. У апостола Петра есть образ христиан как «живых камней» Божьего храма.

Каждый орган в составе какого-то тела выполняет отведенную ему особую функцию. Так и христиане, говорит апостол Павел, призваны играть в теле Христовом каждый свою роль. Иисус Христос же является головой этого тела: Бог «...поставил Его выше всего, главою церкви, которая есть тело Его, полнота Наполняющего все во всем» [Еф. 1:22–23]. Так что Христова церковь – это не только земное тело, но и вся полнота бытия, в понимании апостола Павла. Поэтому христианство неточно оценивать как религию индивидуализма: воскресение и вечная жизнь вряд ли, по Новому Завету, мыслятся как бытие каждого христианина в отдельном и самостоятельном теле. Вместе с тем возможны и существуют менее буквальные и более метафорические толкования учения Павла. Так, В. Н. Лосский пишет: «Церковь есть тело, поскольку Христос – ее Глава. Церковь есть полнота, поскольку Дух Святой ее животворит и на-полняет Божеством, ибо Божество обитает в ней телесно, как Оно обитало в обоженном человечестве Христа» [7, с.118]. Христианская надежда на спасение фундаментально социальна и, следовательно, неизбежно исторична.

Два типа человека. Плотский (душевный) человек хвастлив, любознателен, любит рассуждать, шутить, спорить, доходить до всего своим умом, искать недостатки в других, критиковать. Он тянется к телесной красоте, жаждет похвалы, легко впадает в ликование или печаль, медлен в прощении, разговорчив, чувствителен, высокопарен, самодоволен. В одном из плотяных людей более развит разум, в другом – воля, в третьем – чувственное начало. Но все эти способности могут идти вразрез с духовностью человека, ибо нацелены на прославление «я». «Душевный человек, – говорит апостол Павел, – не принимает того, что от Духа Божьего, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем *надобно* судить духовно» [I Кор. 2:14]. В Послании к галатам приводится список плотских грехов, а среди них: осквернение тела (безнравственность, нечистота, распущенность), связь с сатаной, злой темперамент (сварливость, ревность, враждебность). Плотский человек прежде всего доверяет внешним чувственным данным, опыту, собственному разуму, пребывая в сотворенной природе. Духовный человек, напротив, больше доверяет свету внутреннего зрения, прислушивается к голосу совести, гармонии высших духовных сфер, освобождается от уз плоти силою веры. Для него более реально сверхчувственное и менее реальны обычные материальные вещи.

В Ветхом Завете дан архетип, в котором различены духовный и плотяной человек. Этот архетип представлен образом двух древ: древа жизни и древа познания добра и зла. В Новом Завете различие между двумя типами людей символизировано различием между ветхим Адамом и новым Адамом (Иисусом Христом). «Создав человека, Бог поместил его пред этими двумя древами, и вся жизнь и деятельность человека рисовалась как пиршество под каким-либо из этих двух древ, – пишет Витнэсс Ли. – Должным образом относясь к ним, человек будет жить; в противном случае он умрет <...> Бог дал человеку ясные указания: воспользовавшись плодами второго древа, он умрет; но, воспользовавшись плодами первого древа, дре-

ва жизни, он будет жить» [8, с. 157]. Иисус Христос – ветвь древа жизни («Я есмь лоза, а вы – ветви»), закон жизни во Христе освобождает от закона греха и смерти.

Таковы основные религиозно-философские модели человека. Добавим, что в 1980-е гг. была открыта особая разновидность стресса – «выгорание» (англ. *burnout*) души. Эта «болезнь общения» является «платой за сочувствие» (К. Маслач). Она происходит от душевного переутомления у тех людей, которые постоянно заняты профессионально вынужденным общением и «дарят» клиентам тепло своей души. Выгорание души есть «плата за сочувствие» и чаще встречается у психотерапевтов, врачей, учителей, священников, продавцов, полицейских, администраторов всех уровней. «Выгорающий» человек испытывает стойкую неприязнь к клиентам (пациентам, ученикам, покупателям, прихожанам и др.), вступает с ними в конфронтацию, утрачивает свои прежние ценностные ориентации, а также иллюзии, смысл жизни, веру, надежду, любовь. Выгорание души – болезнь заразная, передается от выгорающего профессионала окружающим людям. У священнослужителей с выгорающей душой слабеет «харизма», исчезает доверие к Богу, наступает духовная апатия.

Образую изменяющуюся сущность души, локальные противоречия (чувства – разум, влечения – антипатии) и противоречия между бессознательным и сознательным обуславливают собственный временной ритм души, ее реакции на те или иные внешние и внутренние события. Душевная жизнь каждого человека многогранна и уникальна. Каждая грань души в разных пропорциях участвует в отправлении плотской и духовной функций, составлена событиями внешнего опыта и переживаниями пребывания души в духе. Процессуальность души теоретически описывают как сущностный процесс взаимовысвечивания трех ее основных сфер, а именно: сфер сознания, подсознания и бессознательного; четвертая сфера души – сверхсознание – не поддается внятной рациональной дескрипции. Каждая сфера имеет свои границы. Например, порогом сознания является граница между сознательным и бессознательным. В итоге противоречивого взаимоотражения этих

сфер рождается тотальное качество души, не сводимое ни к каждой из них, ни к их простой сумме и через конфликты консолидирующееся в целостный поток жизни «Я». В свою очередь, каждая из названных сфер есть относительно автономная система внутри целостного мира души, причем каждой присущи свои противоречия и локальные меры тождества специфических противоположностей.

Душа есть совокупность способностей, позволяющих человеку быть человеком. Реализация способностей души осуществляется через ее образование и самообразование. Образование представляет собой погружение в идеалы той или иной культуры; оно имеет духовный, гуманитарный, естественно-научный и телесно-воспитательный аспекты. Духовное же образование требует погружения в сакральные идеалы культуры. В свою очередь, гуманизм – это учение о плотском человеке, взятом с его положительными и отрицательными сторонами и живущем в чувственно данном материальном мире.

1. Вочман Ни. Духовный человек. Чикаго, 1984. 233 с.
2. Светлов Р. В. Гнозис и эстетика. СПб. : Изд-во РХГИ, 1998. 480 с.
3. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины // Флоренский П. А. Соч. : в 2 т. М. : Правда, 1990. Т. 1. 840 с.
4. Булгаков С. Н. Свет невечерний: созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 415 с.
5. Robinson I. The Body. Chi., 1952. 278 p.
6. Аверинцев С. С. На перекрестке литературных традиций (византийская литература: истоки и творческие принципы) // Вопросы литературы. 1973. № 2. С. 150–183.
7. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия восточной церкви. Догматическое богословие. М.: Центр СЭИ, 1991. 289 с.
8. Витнесс Ли. Домостроительство Божие. Анахайм, 1985. 312 с.

© Пивоваров Д. В., 2014

ПРЕВРАЩЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ И РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕКА

В статье рассмотрены различные виды и формы превращения в культуре и развитии человека, обосновывается, что игровое начало пронизывает не только культуру, но является одним из основных феноменов человеческого бытия. Превращение, являясь базовым концептом, включает в себя: имитацию, подражание, заражение, идентификацию, эмпатию, сопереживание, перевоплощение и вчувствование. В развитии механизма превращения выделяются периоды: имитации-подражания, вчувствования и собирания себя в иной ценностно-смысловой реальности. Тогда как превращение понимается как механизм децентрации «Я-позиции» во внутреннем мире воображения, которая рефлексивно-регулятивно собирается и обживается в иной ценностно-смысловой реальности, исходя из новой позиции, человек видит, относится и действует.

Ключевые слова: превращение, воображение, Я-позиция, децентрация, обживание, рефлексия, ценностно-смысловое пространство.

Превращение является социокультурным механизмом развития человека как такового. Вот что об этом пишет Э. Канетти: «Способность человека к превращениям, давшая ему столько власти над другими существами, едва ли в достаточной мере замечена и понята. Здесь – одна из величайших загадок: каждый обладает этой способностью, каждый ее применяет, каждый считает это совершенно естественным, но лишь немногие отдают себе отчет в том, что ей они обязаны лучшей частью своего существа» [1, с. 483]. Проявление превращения в феноменах культуры столь многообразно, что трудно сказать, где оно, хотя бы частично, не проявляется. Так, окружающий мир в процессе развития человечества обретал антропоморфные черты и становился более понятным, что в процессах взаимодействия с миром, а также с людьми определяло бытие человека. Антропоморфизм реализуется в мифах о происхождении солнца (солярные мифы), месяца, луны (лунарные мифы), звезд (астральные мифы), вселенной (космогонические мифы) и человека (антропологические мифы).

Существуют мифы о перевоплощениях одного существа в другое: о происхождении животных от людей или людей от животных. Представления о божественных, мифических или животных предках были широко распространены в мире. У многих народов эти представления присутствуют в их мифологии и сегодня. Мифы о превращении людей в животных, в растения и предметы известны многочисленным народам земного шара, что нашло отражение в народных преданиях, сказках и фольклоре. В греческой культуре было очень много мифов, которые кончались превращениями героев – в реку, гору, животное, растение, созвездие. Поэт Овидий попробовал собрать все такие мифы о превращениях, которые он знал; их оказа-

CONVERSION IN CULTURE AND DEVELOPMENT OF THE PERSON

The article considers various types and forms of the conversion in the culture and development of the person. It is justified, that playing nature is not only a part of the culture but one of the main phenomena of the human existence. Conversion, being a basic concept, includes imitation, mimetic response, contagion, identification, empathy, compassion, transfiguration, and feeling-into. There are 3 periods in the development of the conversion mechanism, such as imitation and mimetic response, feeling-into, and self-collecting in the axiological reality. While conversion is understood as the mechanism of decentration of "I-Position" in the inner world of the imagination, which is reflexively and regulatively collected and settled in the axiological reality. The person sees, relates, and acts according to the new position.

Keywords: conversion, imagination, I-Position, decentration, settle in, reflection, axiological space.

лось больше двухсот. Он пересказал их один за другим, подхватывая, переплетая, вставляя друг в друга; получилась длинная поэма под заглавием «Метаморфозы» (или «Превращения»). Не менее известны библейские мифы, например, о превращении женщины в соляной столб. Одушевление – неотъемлемая часть присутствия человека в мире. И сегодня в языке, общении и просто жизни мы находим антропоморфное отношение к вещам как обладающим или не обладающим душой. Феномен превращения ярко проявляет себя в народном творчестве в виде мифов, преданий, легенд и сказок о ведьмах, оборотнях, вампирах, колдунах и т. п. Превращение имеет место в обряде инициации, когда человек в процессе перехода из одного состояния в другое обретает нечто «человеческое» [2, с. 19]. Игровое начало пронизывает не только культуру (Й. Хейзинга), но является одним из основных феноменов человеческого бытия (Е. Финк), более того, мы играем в сущностной основе своей. Вот как об этом пишет Е. Финк: «Однако мы играем не потому, что в окружающем социуме имеются игры: игры наличны и возможны лишь потому, что мы играем в сущностной основе своей» [3, с. 366]. а это значит, что у человека всегда есть стремление освоить иную реальность в ритуалах, обрядах на празднике и т. п. Эти социально-психологические механизмы выполняют функции перехода из одной ценностно-смысловой реальности в другую, трансформации или превращения человека в этом переходе [4].

Достаточно наглядно превращение совершается в искусстве, как на сцене, так и в зрительном зале. Своеобразное обобщение наблюдений и описаний перевоплощения в искусстве можно найти в трудах отечественных и зарубежных философов, психологов и эстетиков, так или

иначе разрабатывающих теорию вчувствования. К ним относятся работы И. И. Лапшина, которые, кстати, оказали влияние на теорию перевоплощения К. С. Станиславского. Сильная сторона исследований Лапшина – громадный фактический материал эмпирических наблюдений и самонаблюдений художников, мастеров искусства, на которые он опирается в своих обобщениях, в частности, по вопросу о «перевоплощении» в искусстве. Его описания перевоплощаемости в художественном творчестве содержат много верных наблюдений и эмпирических выводов, получивших позже экспериментальное подтверждение у исследователей эмпатии в искусстве. Но, пожалуй, один из самых интересных выводов касается творчества и творческого начала в человеке, которое он связывает с воображением и способностью к перевоплощению [5].

У Станиславского мы находим наиболее разработанное во всей мировой литературе учение о сценическом перевоплощении актера (а также режиссера). Автор дает оценку перевоплощению как творческой способности, раскрывает сущность этого процесса, механизмы, условия эффективности и «тормоза», мотивы и функции, выделяет типы перевоплощения. Станиславский считал, что «способность к духовному и внешнему перевоплощению есть первая и главная задача актеров»; это самое важное свойство в «даровании артиста» [6, с. 213–214]. Но оно вряд ли возможно без воображения. Так, М. А. Чехов пишет о воображении следующее: «Если актер правильно готовит свою роль, то весь процесс подготовки можно охарактеризовать как постепенное приближение актера к тому образу, который он видит в своем воображении, в своей фантазии»; «актер сначала строит свой образ исключительно в фантазии, затем старается сымитировать его внутренние и внешние качества» [7, с. 63–65]. В процессе подготовки актеры многократно проживают в своем воображении роли, т. е. перевоплощаются. Важная особенность работы актера состоит в том, что плоды его фантазии реализуются в действии, приобретая конкретность в выразительных движениях. Актер все время воплощает найденное, и верно сыгранный отрывок, в свою очередь, дает толчок воображению.

Среди условий формирования способности к перевоплощению прежде всего следует назвать врожденную склонность к имитации, передразниванию других, «обезьянничанию». Имитация, в особенности бессознательная, в принципе свойственна каждому человеку. Антропология, наука о происхождении человека, свидетельствует, что первобытный человек в ритуальных и магических обрядах, плясках мог искусно подражать животным, на которых охотился. Ученые видят здесь истоки театра и сценического перевоплощения. Дети в ролевых играх не только подражают «сыщикам», «разбойникам» и героям компьютерных игр, но в известной степени вживаются в их образы, что говорит о наличии элементов перевоплощения. В обычном общении люди бессознательно (а иногда и сознательно) подстраиваются под собеседника, как бы ставят себя на его место, невольно подражают его интонациям, жестам и т. п. Как и всякая способность, перевоплощение формируется и развивается в различных видах деятельности посредством подражания. Перевоплощение – это способность человека принять какой-нибудь новый вид, образ, превра-

титься в кого-нибудь или во что-нибудь. Перевоплощение предполагает внутреннее подражание, которое называют вчувствованием, вживанием, или эмпатией. Таким образом, перевоплощение делает акцент на внутреннем подражании, но не раскрывает механизм превращения в целом. Да и Э. Канетти анализирует значимость превращения на примере жизни взрослых людей, когда этот психологический механизм уже сформирован и выполняет соответствующие функции (предвосхищения, предчувствия, ориентировки, приобретения опыта, настроения) в их жизнедеятельности. Однако имитация и подражание всего лишь первые ступени к превращению, это хорошо иллюстрирует одна из форм перехода от подражания к превращению – притворство, в котором явно различие внешнего и внутреннего в человеке [1, с. 489], но при этом преобладает внешняя сторона превращения. Тогда возникает вопрос, что же собой представляет способность целостного превращения?

С чего начинается подражание или его более простая форма – имитация? Предполагается, что акты подражания ребенка происходят от спонтанной имитации детьми своих родителей (Л. Ф. Обухова). Следовательно, надо начинать с изучения родительского подражания как предшественника детской имитации. Подтверждает эту мысль А. Валлон. Так, он пишет: «Маленький ребенок начинает репродуцировать движения или звуки, произведенные при нем, только в том случае, если он уже производил их спонтанно. Для осуществления подражания нужно, чтобы действия, которым подражают, уже содержались в двигательном репертуаре индивида» [8, с. 140]. В связи с этим встает вопрос об изучении такого явления в развитии ребенка, как синтония, на основе которой могут возникать первые имитации. Об этом свидетельствуют работы отечественных психологов. Так, согласно Л. С. Выготскому, высшие психические функции возникают первоначально как форма коллективного поведения ребенка, форма сотрудничества с другими людьми и лишь впоследствии они становятся индивидуальными функциями самого ребенка. Так, например, сначала речь – средство общения между людьми, но в ходе развития она становится внутренней и начинает выполнять интеллектуальную функцию.

В плане психического развития ребенка о единстве внешнего и внутреннего в подражании, пожалуй, первым заговорил А. Валлон [8, с. 105]. Именно этот механизм – механизм подражания окружающему – и есть, с точки зрения автора, наиболее ранний механизм перехода от внешнего к внутреннему, подготавливающий путь к умственной деятельности. Валлон показывает, что первые подражательные модели ребенка, имеющие в основе постурально-тонические позиции, еще не дифференцированно включают и то, что берет начало во внешней среде, и то, что идет от самого ребенка; в них слиты познавательные моменты и аффективные состояния ребенка. Лишь в момент, когда ребенок начинает выделять себя из окружающей среды, когда начинается развитие его личности, подражание поднимается на новую ступень, означающую и выделение аффективных моментов из внутренней модели окружающей среды, и принятие ею более дифференцированной структуры.

Что необходимо для осуществления подражания? В этом отношении А. Бандура признает ведущую роль

когнитивных процессов в становлении и регуляции поведения на основе подражания. У ребенка в результате наблюдения поведения строятся «внутренние модели внешнего мира». Он наблюдает образец поведения или узнает о нем, но не воспроизводит его до тех пор, пока не возникнут соответствующие условия. На основе этих внутренних условий или моделей внешнего мира при определенных обстоятельствах строится реальное поведение, в котором проявляются и находят свое выражение наблюдавшиеся ранее свойства модели. Внимательное изучение имитации новорожденных показывает, что они имитируют только те движения модели, аналоги которых есть в их собственном репертуаре (открытие рта, высывание языка). Ясно, что это не новые для них действия, но они возникают на основе аффективных отношений ребенка и взрослого. Говоря в целом о развитии ребенка Валлон выделяет две стороны подражания. Первая состоит в создании внутренней модели внешнего образца. Эта модель создается при посредстве постурально-тонических позиций и скрытых внутренних движений, имитирующих образец. Перевод этой внутренней модели в последовательность внешних имитирующих движений, раскладывающих глобальный комплекс, составляет вторую сторону подражания [8, с. 9]. Другими словами, ребенок конструирует в пространстве внутреннего мира воображения не только окружающий его мир, но посредством двигательного воображения (В. Т. Кудрявцев) схему проявления активности, настроенность или постурально-тоническую готовность действовать определенным образом как во внешнем мире, так и во внутреннем. Однако для этого он должен занимать в чем-то отличную от предыдущей внутреннюю «позицию», исходя из которой наблюдают и действуют (Л. И. Божович, Н. Луман).

Рождаясь, ребенок не только вступает в круг взаимодействий с другими людьми, но начинает осваивать свое место в системе семейных отношений, где складываются вполне определенные формы взаимодействий, как бы еще достаточно аморфный ролевой репертуар (дочь или сын, внук или внучка, брат или сестра и т. д.). Другими словами наряду с психическим развитием происходит освоение характерного для того или иного возраста набора ролей и соответствующих позиций, которые первоначально выступают в настроенности (М. Хайдеггер) на выполнение определенных функций. Освоение и реализация социокультурного ролевого репертуара достаточно длительный процесс, который включает в себя то, что дети любят переодеваться, надевать маски и играть в сюжетно-ролевые игры. Им хочется все опробовать, как бы примерить на себя или более точно себя примерить к взрослости. В этом проявляется стремление быть более значимыми [9], совершать ролевые и возрастные превращения, чтобы быстрее войти в мир взрослых.

Сам процесс освоения новой роли или переход от одной роли к другой, а значит, превращения в другого идет с разных сторон и детерминирован социокультурными условиями. Через подражание определенному образцу, советы и указания взрослых, посредством прослушивания сказок и интересных историй. Сказки – это первые литературные произведения, к которым прикасается каждый ре-

бенок в период преддошкольного и дошкольного детства. Чем же интересна для ребенка сказка? Например, К. Бюллер полагает, что в сказке ребенка привлекает жажда необычного, неестественного, стремление к чуду [10, с. 74], а по А. Ф. Лосеву чудо – это превращение [11]. Тем более, что практически все сказки включают в свое содержание многочисленные превращения, но особенно это касается волшебных сказок [12]. Сказка активизирует воображение, заставляет сопереживать и внутренне содействовать персонажам, в результате у ребенка появляются не только новые знания и представления, но опыт вчувствования и включения в значимые ситуации. Все это не только способствует формированию системы архетипических образов (В. Я. Пропп, В. В. Николин) и ценностных ориентаций, но происходит их обживание (переживание, проигрывание и «отелесненное» проживание), причем довольно часто многократное. Все это необходимо ребенку не только для полного и глубокого освоения архетипических образов и эмоционально-чувственного отношения к происходящему, но в ходе многократного прослушивания формируется и отрабатывается механизм превращения или вчувствования (Т. Липпс), который предполагает возможность встать на позицию другого, сопереживать и мысленно содействовать происходящему. А. В. Запорожец, говоря о процессе прослушивания сказки ребенком, пишет, что «Постепенно он научается становиться на позицию героя, мысленно ему содействовать, радоваться его успехам и огорчаться из-за его неудач» [10, с. 73]. Формирование в дошкольном возрасте внутренней деятельности в плане воображения способствует тому, что формируется внутреннее подражание, постурально-тоническая готовность (А. Валлон) действовать определенным образом, и дети нередко проявляют это в своем поведении, а также игровой деятельности. То же самое происходит в младшем школьном и подростковом возрастах, когда дети, читая истории о животных, необычных приключениях, играя в компьютерные игры, как бы становятся на место главных персонажей, т. е. частично превращаются, и это позволяет им иначе посмотреть на обычные вещи и отношения, это как бы движение в особом ценностно-смысловом поле, которое зачаровывает детей и дает ощущение ухода в иной более прекрасный мир. Это мир, где почти все возможно, в том числе и реализовать нереализуемое в обычной жизни. К сожалению, порой это приводит к зависимости от «иного мира», и ребенок уходит от общения и взаимодействия со сверстниками и взрослыми. Это объясняется тем, что развитие механизма превращения в детском возрасте идет с двух сторон – внешней и внутренней. Когда одна из сторон преобладает или вступает в противоречие с другой, то это задает превращению не только своеобразие, но может его блокировать, отсюда зависимость, аутизм, бегство от себя, суицид и др.

Однако наиболее полно механизм превращения реализуется в сюжетно-ролевых играх детей, когда ребенок начинает осваивать позицию игрока, двигаясь в ином, отличном от обыденности ценностно-смысловом пространстве (Л. С. Выготский). Занимая определенную позицию, он осваивает ценностно-смысловое пространство, собирая себя в разнообразной активности, в соответствии с игровой ролью, тем самым превращаясь в игрока [9, с. 123–129]. Для

этого уже необходимо хорошо развитое воображение, которое способствует тому, чтобы быть в ином, как в себе.

Проявления механизма превращения в культуре и развитии человека многообразны. Понятия, которые отражают те или иные стороны превращения (имитация, подражание, заражение, идентификация, эмпатия, сочувствие и сопереживание, синтония, перевоплощение, вчувствование) необходимо рассматривать целостно с одних методологических позиций. Категория «превращение» как базовый концепт так или иначе включает в себя все вышеперечисленные понятия, которые подчеркивают различные аспекты, стороны и этапы полного превращения. Общим же является то, что при превращении «Я» человека настраивается на иное ценностно-смысловое пространство (внешнее или внутреннее), которое конструируется в его воображении, где он в процессах обживания конкретных ситуаций рефлексивно-регулятивно собирает себя как другого посредством изменения своей «Я-позиции». Вновь образованная «Я-позиция» выступает системообразующим и детерминирующим центром себя как другого, который определяет поведение, чувства и мысли. Другими словами, происходит децентрация «Я-позиции», исходя из которой человек уже рефлексивно-регулятивно собирает себя в иной реальности и как бы превращается в другого. Он чувствует и мыслит в конкретной ситуации, как другой, порой даже забывая о себе. Говоря в целом, формирование и развитие механизмов превращения направлено на становление человека в культуре, его адаптацию к окружающему миру, на познание и эффективное взаимодействие с другими людьми.

1. Канетти Э. Превращение // Проблема человека в западной философии. М. : Прогресс, 1988. С. 483–503.
2. Зайцев П. Л. Инициация: религиозно-культурно-философские контексты. Омск : Амфора, 2011. 268 с.
3. Финк Е. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии. М. : Прогресс, 1988. С. 357–403.
4. Тэрнер В. Символ и ритуал. М. : Наука, 1983. 280 с.
5. Лапшин И. И. Философия изобретения и изобретение в философии: введение в историю философии. М. : Республика, 1999. 399 с.
6. Басин Е. Я. Художник и творчество. М. : Гуманитарий, 2008. 296 с.
7. Чехов М. А. Путь актера. М. : АСТ : Транзиткнига, 2006. 193 с.
8. Валлон А. Психическое развитие ребенка. М. : Просвещение, 1967. 196 с.
9. Шаров А. С. Психология культуры, образования и развития человека. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2013. 300 с.
10. Запорожец А. В. Избранные психологические труды: в 2 т. Т. 1. Психическое развитие ребенка. М. : Педагогика, 1986. 320 с.
11. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Из ранних произведений. М. : Правда, 1990. С. 391–655.
12. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М. : Лабиринт, 2000. 336 с.

© Шаров А. С., 2014

УДК 171

Е. А. Штехман
E. A. Shtekhman

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИЙ *ДОЛГ* И *ЖЕЛАНИЕ*

GENERAL ISSUES ON THEORY OF ANTHROPOLOGICAL RESEARCH OF THE CATEGORIES '*DEBT*' AND '*DESIRE*'

В статье рассматривается природа феномена долга и желания. Автор отмечает, что данная проблема исследования относится к числу наиболее значимых и одновременно наименее исследованных в философии. Также исследователь обращает внимание на то, что неосознанное или осознанное следование желанию представляет собой соблюдение или несоблюдение долга. Желание, по мнению автора статьи, – это страсть вожеления, а долг – необходимость выполнять какие-либо обязанности.

Ключевые слова: сознание, этика, философия, категория, долг, желание.

The article considers the nature of the phenomenon of duty and desire. The author notes that the research problem is one of the most important and at the same time the least studied in philosophy. Also the researcher draws attention to the fact that the unconscious or the conscious pursuit of desire is a compliance or noncompliance with debt. Desire, according to the author, is a passion of desire and duty is the necessity to perform any duties.

Keywords: consciousness, ethical, philosophy, category, owe, wish.

Проблема исследования феномена долга и желания относится к числу значимых философских проблем. Преобладающие в современной философии методологические подходы, как правило, относят феномен долга к этической сфере.

Природу феномена долга и желания как характеристики субъекта необходимо начать с анализа соотношения сознательного и бессознательного. Наличие сознательного и бессознательного компонентов свидетельствует о сложной природе феномена долга и желания в структуре

личностного бытия. С одной стороны, осознание индивидуумом чего-либо в качестве должной нормы позволяет превратить предмет осознания в конкретное содержание долга. С другой стороны, неосознанное или осознанное следование желанию представляет собой соблюдение/несоблюдение долга.

Долг – одна из категорий этики, которая отражает особое моральное отношение. Нравственное требование принимает форму долга в том случае, если оно переходит в личную цель индивида в конкретной ситуации. В таком случае личность рассматривается как активный субъект морали, который осознает и осуществляет моральные требования.

В философии стоиков идея долга занимала центральное место. Данное понятие приобрело категориальный статус и именовалось термином «*tokathakon*», т. е. надлежащее, подобающее.

Р. Декарт в «*Метафизических размышлениях*» полагал, что существует некая побудительная сила, которая стремится обмануть человека. Но если человек осознает данное явление, то он существует, когда постигает его умом. «Я есмь, я существую неизбежно истинно каждый раз» [1, с. 342]. Следовательно, сознание и осознание долга является характеристикой социального бытия личности. Генезис сознания субъекта связан с развитием самого феномена долга, и изменение его содержания и понимания связано не только с внешними социальными факторами, но и с трансформированием сознания. Феномен долга возникает в нашем сознании под влиянием социальных условий и отражает весь спектр условий нашего существования.

Для Р. Декарта «Я» есть «мыслящая вещь», или вещь, которая сомневается, понимает, утверждает, отрицает, желает, не желает, представляет и чувствует. Значит, сам я сомневаюсь, понимаю и желаю.

В немецком Просвещении долг рассматривался в качестве основной моральной категории. Эту линию продолжили И. Кант и И. Фихте. И. Кант в «*Основах метафизики нравственности*» и «*Критике практического разума*» заменил в этике модальность желания модальностью долженствования. Он считал, что «высокое достоинство долга не имеет никакого отношения к наслаждению жизнью; у него есть свой особый закон и свой особый суд; и если бы то и другое захотели встряхнуть так, чтобы смешать их и, как целебное средство, предложить больной душе, – они тотчас же сами собой отделились бы друг от друга» [2, с. 416].

Следовательно, модальность долженствования – это абсолютная категория, которая не зависит от опыта, а устанавливается чистым практическим разумом. Практический разум «имеет дело не с предметами с целью их познания, а со своей собственной способностью осуществлять эти предметы (сообразно с их познанием), то есть с волей, которая есть причинность» [2, с. 417]. Поэтому в воле заключается добро, а добро связано с модальностью долженствования.

Таким образом, этика И. Канта – это промежуточное направление между субъективно и объективно идеалистическими направлениями в этике. Он считал категорию долга основополагающей в системе категорий этики и, безусловно, не мог не рассмотреть источник нравственного долга.

Источником нравственного долга человека И. Кант провозгласил разум, добрую волю самого человека, не зависящую от действительных условий его жизни.

И. Кант полагал, что основным признаком нравственного долга является полное отсутствие личных склонностей. Он понимал, что идея долга постоянно противоречит другой потребности – удовлетворение своих желаний. Но эту дилемму философ решал путем полного пренебрежения к последним, считая их данью низменной, чувственной природе человека.

В своей работе «*Основоположения к метафизике нравов*» И. Кант разбирает три возможных случая взаимоотношения склонностей и долга:

1. Действия, противоречащие долгу, но отвечающие желаниям человека.

2. Действия, согласные с долгом, но исходящие из злых, эгоистических побуждений.

3. Действия, согласованные с долгом, но субъект имеет к ним еще непосредственную склонность.

Анализируя подробно все три случая, И. Кант делает вывод, что все они не заслуживают высокой нравственной оценки. Иллюстрируя третий случай, исследователь считает, что долг каждого человека – сохранить свою жизнь. Люди сохраняют свою жизнь согласно с долгом, но не из долга. Источником нравственного долга человека И. Кант провозгласил разум, добрую волю самого человека, не зависящую якобы от действительных условий его жизни. Поскольку понятие долга априорно, не взято из практики, говорил он, то даже противоречие с практикой не отменяет его.

Следовательно, философ полагает, что человек может поступать так, чтобы законы его воли, желания могли быть базой для всеобщего законодательства. По его мнению, моральной будет лишь такая поведенческая ситуация, повторение которой людьми обеспечит гармонию во всем обществе.

Вслед за Кантом И. Фихте пришел к пониманию того, что наше осознание существования внешнего мира обусловлено осознанием своих восприятий как независимых от нашей воли и сопровождаемых «ощущением необходимости». «Откуда взялась система представлений, сопровождаемых ощущением необходимости?» – спрашивает Фихте и отвечает, что их источником является не «вещь в себе», а «действие интеллекта». «Действенным» здесь называется образование чувственного опыта «чистым» Я, которое, как и у Канта, подчиняется категориям. От «чистого» Я Фихте отличает «эмпирическое» Я, которое не осознает это «чистое» Я. Осознается «чистое» Я по его результатам, которые мы, однако, не осознаем. Если бы Я со своими восприятиями зависело от внешнего мира, то оно было бы подчинено миру, потому что ощущения побуждают наши желания. Каждая последующая историческая стадия свободы выступает как причина предыдущей.

Желание является мотивом практически всех действий субъекта. Оно занимает центральное положение в психике человека. Но категориальный статус желания до сих пор четко не определен, в связи с чем наблюдается несоответствие между разнообразными описаниями данного явления.

Для философов данная категория является сущностью человека в связи с тем, что желание есть то, что изменяет бытие. Благодаря желанию человек изменяет себя и окружающую действительность. Но все-таки в исследованиях нет точности в определении статуса желания. Желание исследовали Платон, Аристотель, Ф. Аквинский, Спиноза, Д. Юм, Д. Локк, Т. Гоббс, Г. Гегель, Ф. Ницше, Л. Витгенштейн, А. Кожев, И. Тэн, Р. Жирар, Ж. Делез, Ф. Гваттари и др.

Данный феномен, как правило, рассматривался, с одной стороны, как некоторое число аффектов и «страстей души» (Аристотель, Ф. Аквинский, Р. Декарт), с другой стороны, как психическое явление рациональной природы.

Вопрос о роли желания в жизни человека является центральным в европейской философии, начиная с Платона. Он рассматривает желание в контексте нехватки желаемого. Платон опирался на гипотезу, что человек несовершенен, потому что обладает природной неполнотой. Желание есть указание на данную неполноту. При этом оно является только знаком этой незавершенности. По мнению Платона, есть и положительные стороны желания, которые способствуют обретению завершеного бытия.

Аристотель полагал, что человек – совершенное животное, обладающее совершенным телом и совершенной душой. От всех существ человек отличается обладанием разумом и духом. По его мнению, все душевные способности и ощущения – воспоминание, желание, любовь – связаны с телом и постепенно формируют друг друга. Причиной желания всегда служит ощущение приятного, и наоборот, ощущение неприятного есть причина отвращения. Но желание, по Аристотелю, через согревание и охлаждение, которые физиологически следуют из живости чувства удовольствия или неудовольствия, вызывает целесообразные движения органов.

Фома Аквинский полагал, что местом пребывания страстей в человеческой душе является пассивная часть души, способность желания. По его мнению, классификация страстей основана на классификации желаний:

– желания, основанные на движении к желаемому объекту или удалении от желаемого объекта;

– желания, основанные на сопротивлении опасному предмету или на преодолении трудностей для обладания этим опасным объектом.

Следовательно, выделяются страсти вожделения и страсти пылкости. Страсти можно выделить по отношению к добру и злу. Во-первых, к страстям вожделения по отношению к добру относятся любовь, желание, радость, по отношению ко злу – ненависть, отвращение, печаль. Во-вторых, к страстям пылкости – надежда и отчаяние (по отношению к добру), страх и отвага (по отношению ко злу), гнев.

Р. Декарт определял желание в терминах временной модальности. Он полагает, желание всегда есть нужда в том, что отсутствует: «Страсть желания есть возбуждение души, вызванное духами, которые настраивают душу желать в будущем того, что представляется ей подходящим. Желают не только блага, которого в настоящий момент нет, но также и хранения того, которое имеется. Предметом желания бывает также и отсутствие зла – как того, которое уже есть, так и того, которое возможно в будущем» [1, с. 518].

Подобного представления о желании придерживается и Дж. Локк: «Беспокойство, испытываемое человеком при отсутствии вещи, владение которой вызывает идею наслаждения, мы называем *желанием*, которое бывает больше или меньше в зависимости от того, является ли это беспокойство более или менее сильным... беспокойство является главным, если не единственным побуждением человека к труду и действию. В самом деле, какое бы благо ни предполагалось, если его отсутствие не вызывает неприятности и страдания, если человек чувствует себя без него спокойным и довольным, то нет никакого желания блага, никакого стремления приобрести его, нет ничего, кроме простого слабого *хотения* (*velleity*) – это слово обозначает самую низшую степень желания, граничащую с полным его отсутствием, когда беспокойство от отсутствия вещи настолько слабо, что человек не испытывает ничего, кроме слабого желания вещи, и не прибегает к действенному или энергичному применению средств к ее достижению. *Желание* так же кончается или ослабляется мыслью о невозможности или недостижимости предполагаемого блага, поскольку из-за этого соображения беспокойство пропадает или утихает» [3, с. 282].

Итак, все рассмотренные исследования можно объединить, так как в них желание понимается как отсутствие чего-либо, которое позволяет человеку стремиться к осуществлению своей мечты.

В XX веке идея связи отсутствия и желания развивается и находит свое выражение в работах Ж. Лакана и Ж.-П. Сартра. По их мнению, желание – это нехватка чего-либо, присущее всему человечеству. Главной функцией желания, как считает Лакан, является «потребность – быть», вместе с тем психоанализ «вовлечен в эпицентр главной нужды/нехватки человека, через которую или в которой человек постигает себя как желающего». Опираясь на представления Гегеля о желании в «Феноменологии духа», исследователь разрабатывает формулу, которая основывается на том, что «желание есть всегда желание Другого», при этом Другой – объект речи и объект потребности в одно время.

Ж.-П. Сартр соотносит желание со свободой, т. е. с бытием-для-себя. Для-себя определяется онтологически как недостаточность бытия. Для-себя выбирает, потому что нуждается; в действительности синонимом свободы является недостаточность. Фундаментально человек есть желание быть, и существование этого желания не устанавливается эмпирической индукцией; это результат априорного описания бытия-для-себя, коль скоро желание есть нужда, и коль скоро для-себя есть бытие, которое само в себе есть нехватка собственного бытия.

Итак, Сартр полагает, что желание – это способ бытия, в котором «мое желание – это особая форма моей субъективности» [5, с. 455].

Такой же точки зрения придерживается З. Фрейд, соотносящий желание с властью, при этом присутствует «хорошее желание» (инстинкты жизни) и «плохое желание» (инстинкты смерти). З. Фрейд считает, что желание – это нехватка, нужда, которую испытывает индивид. В труде «Недовольство культурой» Фрейд интерпретирует все социальные отношения как десексуализированные репрезентации бессознательного желания.

Таким образом, многие исследователи представляют желание как нехватку/нужду чего-либо, присущую только индивиду и являющуюся инструментом для свершения будущего.

Во втором направлении в исследовании желания главной является мотивация. Основные представители этого направления – Спиноза и Ницше.

Спиноза считает, что желание есть самая сущность человека, т. е. стремление человека пребывать в своем существовании. При этом сущность – активное стремление вещи пребывать в своем существовании: «Стремление вещи пребывать в своем существовании есть не что иное, как действительная (актуальная) сущность самой вещи <...> Душа, имеет ли она идеи ясные и отчетливые, или смутные, стремится пребывать в своем существовании в продолжении неопределенного времени и сознает это свое стремление» [6, с. 463–464].

Вызывает интерес тот факт, что воображение и желание, по мнению Спинозы, связаны, т. е. объект, воображаемый желанием, имеет признаки реальности: «...настоящее существование души и ее способность к воображению уничтожается, как только душа перестает утверждать настоящее существование тела» [6, с. 466].

Следовательно, вообразить – значит овладеть, желание – это признак полноты бытия, а не его нехватки. Желание есть власть действовать с пониманием самого действия. «Между влечением и желанием <...> существует только то различие, что слово *желание* большею частью относится к людям тогда, когда они сознают свое влечение, поэтому можно дать такое определение: *желание есть влечение с сознанием его*» [6, с. 464].

Таким образом, Спиноза первый из всех философов утверждал, что желание имеет потенциальное действие и что человек желает вещь потому, что она является объектом нашего желания: «...мы стремимся к чему-либо, желаем чего-нибудь, чувствуем влечение и хотим... потому считаем что-либо добром, что стремимся к нему, желаем, чувствуем к нему влечение и хотим его» [6, с. 464].

Как и многие исследователи, Спиноза утверждает, что желание индивидуально: «...желание всякого индивидуума отличается от желания другого настолько, насколько природа или сущность одного отличается от сущности другого. Далее, удовольствие или неудовольствие составляют страдательные состояния, которыми способность или стремление каждого пребывать в своем существовании увеличивается или уменьшается... Но под стремлением пребывать в своем существовании, поскольку оно относится вместе и к душе, и к телу, мы разумеем влечение и желание; следовательно, удовольствие или неудовольствие составляют самое желание или влечение, поскольку оно увеличивается или уменьшается, способствуется или ограничивается внешними причинами, т. е. они... составляют саму природу каждого индивидуума» [6, с. 504].

Исходя из вышесказанного, желание, по мнению Спинозы, есть некая форма познания мира, которая принадлежит только индивидууму и является главной в соотношении «желание – объект».

Вслед за Спинозой Ницше полагает, что ценность есть результат желания или воли. Благодаря нашей интерпретации вещь приобретает определенную ценность, т. е. воля придает ценность вещам как желаемым. При этом Ницше ведет речь о воли к власти.

Такое понимание желания присуще Жюль Делезу и Феликсу Гваттари. В их представлении желание есть активность, дающая исключительность, реальность, упорядочивающая и организующая тела.

Таким образом, в философии мы выявили два подхода к представлению о сущности желания: во-первых, желание есть отсутствие чего-либо, позволяющее человеку стремиться к осуществлению своей мечты, во-вторых, желание – это некая форма познания мира. Объединяет эти подходы то, что все философы утверждают, что желание присуще индивиду.

В современном психоанализе, по мысли Ж. Лакана, сформирована триада, составляющими которой являются потребность – запрос – желание. Потребность принадлежит биологической сущности человека, запрос является языковым выражением, а желание занимает положение, в котором запрос отделяется от потребности.

Исследуя сущность желания, мы можем разделить потребности человека на внешние и внутренние. Внешние потребности появляются в результате влияния на субъекта окружающей среды, социума. В таком случае актуализируется категория долга. Внутренние потребности определяются самим индивидуумом, и поэтому связаны с такими категориями, как воля, желание, хотение. Второй вид потребностей не может взаимодействовать с реальностью и получает самостоятельность только при вербальном запросе. Получая языковое выражение, желание может стать объектом изучения.

Итак, желание – страсть вождения является неморальным действием, так как оно неразумно и, следовательно, несвободно, а долг есть необходимость выполнять какие-либо обязанности, подчиняться кому-либо, забывая о своих желаниях. Нравственный долг является долгом лишь в том случае, если соблюдается добровольно, вопреки желаниям и потребностям.

1. Декарт Р. Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1989. Т. 1. 654 с.

2. Кант И. Соч. : в 6 т. М. : Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. 544 с.

3. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Соч. : в 3 т. М. : Мысль, 1985. Т. 1. 623 с.

4. Общая психология: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / сост. В. В. Мироненко; под ред. А. В. Петровского. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Просвещение, 1987. 447 с.

5. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. М. : Республика, 2000. 639 с.

6. Спиноза Б. Избранные произведения : в 2 т. М. : Изд-во полит. лит., 1957. 1356 с. Т. 1. 630.

ФИЛОЛОГИЯ



Будехин С. Ю.

«Гамлет» Шекспира и трагедия мести: эволюция жанра

Глотова Е. А.

Семья в русском национальном сознании

Езан И. Е.

Цитированный способ передачи информации
в немецкой журнальной публицистике

Николенко О. Ю., Файлерт Н. А.

Названия мифических существ: история лексической
группы по лексикографическим источникам

Ощепкова Т. В.

О терминологизации общепотребительной лексики
как одном из способов терминообразования
в подъязыке герменевтики

Попова А. Н.

К проблеме семантического моделирования
образа ребенка в русской языковой картине мира

Уланов А. В.

Константы военной языковой картины мира
в русском языке начала XX века

Шадрина А. А.

Анализ эмоционального компонента значения слова
«родина» в условиях учебного триязычия

Шестова А. А.

Семантическая связь между отражающими явления
техногенной цивилизации словами в русском
и английском языках

**«ГАМЛЕТ» ШЕКСПИРА И ТРАГЕДИЯ
МЕСТИ: ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА**

В статье излагаются характерные художественные элементы жанра кровавой трагедии мести, являющиеся неотъемлемыми для английской драматургии елизаветинского периода. Основное внимание уделяется «Гамлету» У. Шекспира, который рассматривается как эволюция жанра трагедии мести.

Ключевые слова: Ренессанс, Кид, кровавая трагедия, трагедия мести, Шекспир, елизаветинский театр.

**«HAMLET» BY SHAKESPEARE
AND THE TRAGEDY OF REVENGE:
EVOLUTION OF THE GENRE**

The article describes the distinctive genre elements of the tragedy of revenge that are essential for the English drama of the Elizabethan period. The focus is on "Hamlet" by Shakespeare, which is on the tapis as the evolution of the genre of the tragedy of revenge.

Keywords: Renaissance, Kid, tragedy of blood, tragedy of revenge, Shakespeare, Elizabethan theater.

Эпоха Возрождения, сменившая средневековье на территории Центральной Европы уже в XIV веке, привнесла в культурную и общественную жизнь доселе невозможное сосуществование античных и христианских ценностей, идей и представлений. Более того, в некоторых видах искусства даже преобладало единство этих двух ранее несовместимых принципов (например, в живописных или скульптурных изображениях христианских святых часто присутствовал античный культ телесной красоты). В Англии Ренессанс появился лишь спустя два с половиной века, однако, впитав в себя центрально-европейский опыт, он сразу стал благодатной почвой для деятелей культуры. Английское Возрождение не встретило особого противодействия со стороны церкви, так как еще в первой половине XVI века она была реформирована Генрихом VIII, и на смену строгой католической догматичности пришла лояльная королевской власти англиканская церковь. Дочь Генриха Елизавета I, взошедшая на престол в 1558 году, всячески поощряла развитие искусства и культуры и даже считалась покровительницей театра. Именно во время ее правления в самых разных кругах английского общества стала широко обсуждаться проблема кровной мести и «справедливости отмщения». Эта тема получила особую актуальность после заговора против королевы, организованного католиками в 1583 году («*Throckmorton Plot*»). Вскоре после этого был принят закон, в котором говорилось об обязательном преследовании вплоть до уничтожения тех лиц, кто бы посмел покуситься на жизнь королевской особы. Этот закон обязывал каждого считать своим личным долгом отомстить любому заговорщику, действуя по древнему принципу «кровь за кровь». Таким образом, на государственном уровне, хотя, конечно, не во всех сферах общественной жизни, было потеснено евангельское отношение к мести, классическая формулировка которого есть в послании апостола Павла: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь» [Рим. 12:19].

Тем не менее если вопрос не касался интересов Короны, то суд над преступниками и их наказание могли быть только в юрисдикции государства, а английское общество не только не поддерживало самосуд, но и порицало всех

тех, кто поддавался этому «макиавеллистическому порыву». Английской морали был чужд принцип «цель оправдывает средства». И все же общественное мнение допускало возможность для личной мести, но лишь в исключительных обстоятельствах, в которых закон не обеспечивал бы достойного воздаяния. Такая позиция отражена в «Опытах» Фрэнсиса Бэкона [1]. Он утверждает, что «Самый приемлемый вид мести (*«the most tolerable sort of revenge»*) существует для тех преступлений, для наказания которых нет закона» («*Of Revenge*»).

Благодаря появившейся в эпоху Ренессанса двойности ценностей, а именно тому, что многие животрепещущие вопросы стали рассматриваться не только под углом христианских устоев, но и со стороны античной морали и эстетики, тема мести глубоко заинтересовала английское общество и просто не могла не найти своего отражения на подмостках елизаветинского театра. Эпоха Возрождения поставила драматургов перед тяжелым выбором, какой подход к отмщению, языческий или христианский, является более справедливым. Именно в этот период в английской драматургии рождается наиболее яркий и скандальный, вызывавший неоднозначную реакцию публики жанр так называемой трагедии мести (*revenge tragedy*), или кровавой трагедии (*tragedy of blood*). Последующее развитие английской драматургии, нашедшее свою наивысшую точку в творчестве У. Шекспира, возросло в том числе на почве «кровавой трагедии». И если принадлежность самой ранней трагедии Шекспира («*Тит Андроник*», 1594) к жанру «кровавых» не вызывает сомнений, то связь последующих его трагедий, в частности «Гамлета», с этим жанром достаточно условна. В дальнейшем мы постараемся выяснить характер и степень связи этой одной из величайших и загадочных трагедий Шекспира с жанром трагедии мести.

Проблема справедливости отмщения будоражила умы публики с давних времен, а ее корни уходят в античность. Однако несмотря на то, что в античном мире на протяжении веков концепция мести «кровь за кровь» считалась неоспоримой, с человеческой и даже с правовой точки зрения она ставится под сомнение уже в «Орестее» (458 г. до н. э.) Эсхила [2]. Бог Аполлон приказывает сыну убитого царя Аргоса и Микен Агамемнона Оресту убить мать Клитемнестру

и ее любовника Эгисфа, от руки которых погиб Агамемнон. Жажущий мести сын убивает Эгисфа без колебаний, но, когда очередь доходит до Клитемнестры, Орест начинает сомневаться и обращается к другу: «Пилад, что мне делать? Постыдиться ли убить мать?». И только после того как Пилад напомнил, что таково желание Аполлона, Орест укрепляется духом и осуществляет беспощадное наказание. В конце концов Ареопаг голосует за его оправдание, т. е. судебным решением признает «правильность» поступка Ореста.

Жанр собственно кровавой трагедии мести зародился именно в елизаветинском театре. Основателем «трагедии мести» принято считать Томаса Кида, чья «Испанская трагедия» (*The Spanish Tragedy, 1582*) стала классическим образцом жанра. Центральным персонажем трагедии Кида является Иеронимо – отец, потерявший сына. Для того чтобы восстановить честь рода ему необходимо обрушить свой гнев на головы убийц сына. Когда же он узнает их имена, то не сразу оказывается готовым к отмщению, некоторое время он колеблется. Иеронимо вспоминает то самое послание апостола Павла. Эту мысль подтверждает его реплика: «*Да, небо будет мстить за всякое зло, / ... Тогда постой, Иеронимо*» («*Ay, heaven will be reveng'd of every ill / ... Then stay, Hieronimo*») [3, p. 51]. Христианская заповедь удерживает его, заставляет оставить месть Богу. Но его сомнения длятся недолго, и после тяжелых внутренних терзаний он избирает активный, «языческий» вариант мести. Припомнив стих из «Агамемнона» Сенеки («*Per scelus semper sceleribus tutum est iter*» / «Идти всего надежней злу дорогой зла») [4], он преисполняется решимости. Тщательно спланировав свой «кровавый спектакль», Иеронимо разыгрывает на сцене картину, подобную случившейся в действительности с последующей гибелью всех действующих лиц. Более того, подход к проблеме мести в «Испанской трагедии» изначально оказывается смещенным в сторону античной драматической традиции. Так, дух убитого на поле боя Андреа вместе с Местью, которая в пьесе представлена активным действующим лицом, возвращаются на землю из мифологического потустороннего мира по приказу богини Прозерпины. В трагедии они введены как аллюзия на античных богинь мести Эриний, чей образ широко использовали древнегреческие драматурги.

В трагедии Шекспира «Тит Андроник» «христианская» концепция мести с самого начала оказывается низвергнутой, а языческий принцип «кровь за кровь» становится доминирующим мотивом на протяжении всего действия. Герой трагедии – римский полководец Тит Андроник – в пьесе символизирует собой распадающийся и гибнущий Рим «железного века». В его характере, как и в образе собственно Рима, сплелись невообразимая жестокость, коварство и месть. Тит Андроник является типичным носителем патриотического начала, его жизненная цель состоит лишь в том, чтобы служить Риму, во славу которого он принес в жертву все свои силы и кровь многих своих сыновей. До сих пор доподлинно неизвестно, действительно ли Шекспир был автором этой кровавой трагедии, и если все же он автор, то какую цель преследовал, создав такое нагромождение ужасов. Четырнадцать убийств, тридцать четыре трупа, три отрубленные руки, один отрезанный

язык – вряд ли все это могло вызвать у читателя (зрителя) эстетический восторг. Возможно, все эти кровавые приемы являются лишь пародирующими аллегориями, означающими протест тогда еще молодого Шекспира против традиции кровавой трагедии мести. С другой стороны, молодой драматург вполне мог просто воспользоваться художественными приемами коммерчески успешных современников с целью завоевать свою публику.

Тем не менее образ Тита Андроника безусловно можно считать «зародышевым» для всего творчества Шекспира. К примеру, характерный для дальнейшего творчества Шекспира прием, когда герой впадает в состояние сумасшествия, а затем прозревает, впервые был продемонстрирован именно в трагедии «Тит Андроник». Во второй сцене третьего действия почти обезумевший от свалившихся на него несчастий Тит Андроник укоряет своего брата Марка за убийство мухи. Однако прозрение Тита рождает новый прилив жажды мести, в водовороте которой гибнет он сам и его враги, а Рим захватывают готы под предводительством его младшего сына Луция. Аналогичный прием будет использован в образе Лира. Более того, в художественном мире «Тита Андроника» прослеживаются сюжетные и композиционные черты «Короля Лира», «Кориолана», «Тимона Афинского» и даже «Гамлета».

Классическая схема для трагедии мести, где языческой концепции «кровь за кровь» противостоит христианское смирение, в «Гамлете» претерпевает качественное эволюционное изменение. Если колебания и раздумья Иеронимо и Тита Андроника перед совершением акта мести имеют лишь мнимый характер, подготавливающий читателя к последующей кровавой развязке, то внутренняя борьба и терзания Гамлета заключают в себе основную проблему трагедии.

Шекспир кардинально пересмотрел все структурные и содержательные элементы, начиная от характера мстителя и заканчивая непосредственным осуществлением мести. Великий драматург трансформирует все пункты классического канона кровавой трагедии. Так, взяв от Кида мотив сумасшествия для протагониста, Шекспир усиливает его. Если в «Испанской трагедии» Иеронимо погружался в маниакальное безумие из-за невозможности отомстить за сына, то Гамлет использует образ сумасшедшего для поиска доказательств и, что важнее, для определения своего места в этом безумном вихре мщения.

В основе конфликта трагедии формально лежит мотив мести, однако в его трактовке Шекспир выходит за рамки классической кровавой трагедии. Главный герой распознает все несовершенство мира после того, как в разговоре с призраком ему открываются истинные причины смерти отца, «предательский» характер брака матери для него теперь не подлежит сомнению. Гамлет делает вывод, что преступления, зло, вероломство, лицемерие – явления вполне обычные для этого мира. «Дания – тюрьма» считает главный герой, а потому рассчитывать на справедливое и законное возмездие он не может. У Гамлета нет законного права требовать наказания для узурпатора Клавдия, и, для того чтобы осуществить «правосудие», ему необходимо встать на путь зла, на путь мести. Из дальнейшего развития сюжета вытекает, что он прямо или косвенно виновен

в смерти Полония, Офелии, Розенкранца, Гильденстерна, Лаэрта, Клавдия, хотя только смерть последнего диктуется принципом отмщения.

Шекспир низвергает месть как форму восстановления справедливости. Теперь, когда зло просочилось во все уголки мира, мстью уже нельзя добиться справедливости. Для подтверждения этой мысли Шекспир ставит перед проблемой мести за смерть отца трех персонажей: Гамлета, Лаэрта и Фортинбраса. Лаэрт действует не рассуждая, сметая «правых и неправых», Фортинбрас, напротив, вовсе отказывается от мести, Гамлет же ставит решение этой проблемы в зависимость от общего представления о мире и его законах. И проблема именно в том, как относится сам Гамлет к данному ему моральному праву на месть.

Герои «типичных» трагедий мести в итоге обязательно выбирают тот или иной образ действий, ту или иную «концепцию отмщения». Но в случае с Гамлетом дело обстоит не так: он не становится ни решительным мстителем, ни равнодушным к боли стойком, ни набожным человеком, полагающимся на небеса. Он не знает, какой из путей является правильным, и сильно страдает от осознания этого. Его душа даже не раздвоена, а разделена на множество частей. После встречи с призраком мысль Гамлета устремляется в самых разных направлениях, его душа теряет равновесие. Это противоречивое душевное состояние принца – не временное явление, как в других трагедиях мести; оно постоянно меняется, терзая его в течение всей трагедии. Шекспировед Пол Кантор отмечает, что великий драматург «преодолеет» классическую «трагедию мести» именно переосмыслением внутреннего мира главного героя. По его мнению, для раскрытия разных сторон понятия мести в образе Гамлета Шекспир новаторски соединил мстителя и «необычайно думающего человека» (*«an unusually thoughtful man»*) [5, p. 29]. В то же время он поместил конфликт пьесы внутрь своего главного героя. Таким образом, Шекспир трансформировал традиционную «трагедию мести», в которой до той поры конфликт носил лишь внешний характер.

Другой исследователь кровавых трагедий, Джон Кэрриган, в своей работе *«Revenge Tragedy: Aeschylus to Armageddon»* [6], высказывает мнение о том, что в «Гамлете» мотив мести становится второстепенным.

Объясняет он это тем, что для главного героя большее значение имеет память. Гамлет знает, что месть была бы угодна его воинственному отцу, но он не может преодолеть свое фундаментальное чувство ее бессмысленности. Клавдий убил старшего Гамлета и совратил королеву. Эти злодеяния невозможно устранить, так как месть не поможет вернуть потерянное. С известными ограничениями это может сделать только память. Кэрриган условно отождествляет спектакль Гамлета как форму «памяти», так как целью этого представления является пробуждение мысленных образов прошлого.

Так или иначе, «гамлетовский» способ отмщения поднимает трагедию Шекспира на качественно новый уровень относительно классической «кидовской» трагедии мести. Клишированная схема балансировки героев «кровавых трагедий» между языческим и христианским отношением к мести, где конечный выбор христианской концепции в абсолютном большинстве случаев дарил герою *«happy end»* и одобрение публики, в «Гамлете» полностью переосмыслена. В заключение можно сказать, что проблема мести и сюжетно-композиционные условности кровавой трагедии явились для Шекспира лишь средством для детального анализа гораздо более существенных вопросов человеческой природы.

1. Bacon F. Essays. 1627. 123 p. URL: <http://www.authorama.com/essays-of-francis-bacon-5.html> (дата обращения 19.10.2014).

2. Эсхил. Хозфоры. URL: http://www.lib.ru/POEEAST/ESHIL/eshil_plac.txt (дата обращения 19.10.2010).

3. Kyd Th. The Spanish Tragedy. Dodo Press, 2005. 104 p.

4. Сенека Луций Анней. Агамемнон. URL: <http://www.ancientrome.ru/antlittr/seneca/tragedy/agam.htm> (дата обращения 19.10.2014).

5. Cantor P. A. Shakespeare, Hamlet: A Student Guide, second edition. Cambridge, 2004. 118 p.

6. Kerrigan J. Revenge Tragedy. Clarendon Press, 1996. 404 p.

© Будехин С. Ю., 2014

СЕМЬЯ В РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ

В статье рассматривается лингвокультурологический аспект изучения русских фразеологизмов и паремий как знаков языка, отражающих в образном виде ценностные установки национальной культуры. Основная цель исследования – описать наивные представления русского народа о семье, закрепленные во фразеологизмах и паремиях. Кроме того, по различным толковым словарям описана ключевая лексема семья, а также рассмотрено понятие о семье в различных научных традициях.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеология, паремии, паремиология, понятие, архетип, код культуры.

Семья – самая сплоченная и стабильная малая группа общества, восполняющая население в каждом последующем поколении, поэтому концепт СЕМЬЯ репрезентативен в каждом языке в большом количестве слов, пословиц, поговорок, фразеологизмов, которые объективируют представления об этом феномене.

Целью нашего исследования является описание лексики, фразеологии и паремиологии, объективирующих концепт СЕМЬЯ в современном русском языке.

Прежде всего была рассмотрена система значений существительного семья по данным различных толковых словарей для выделения смыслового ядра концепта.

Проведенный анализ словарных толкований лексических единиц со значением «семья» показал, что они совпадают в следующих определениях:

- совокупность близких родственников, живущих вместе;
- супружеский союз;
- группа людей, спаянных дружбой и общими интересами;
- группа животных, птиц, состоящая из самца и одной или нескольких самок.

В то же время «Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» под редакцией Г. Н. Скляревской показывает расширение исследуемого концепта за счет появления в русском языке нового значения у слова семья: 'о ближайшем окружении Б. Н. Ельцина, сформировавшемся в высших властных структурах России в последние годы его президентского правления' [1, с. 902]. В дальнейшем это значение стало употребляться и в отношении ближайшего окружения какого-либо мирового лидера, замешанного в коррупции, обычно по отношению к президентам постсоветского пространства. (Например: *О том, кем Арбузов, Клименко и Захарченко были в молодости, когда их дороги пересеклись с Януковичем-сыном, и как образовалась «Семья», корреспондент разобрался, побывав на малой родине этих высших должностных лиц страны.* URL: <http://www.ep98form.at.ua/forum/3-9358-1>).

Анализ словарных толкований показал, что они имеют общую сему 'объединение', и выявил совпадение в лек-

FAMILY IN RUSSIAN NATIONAL CONSCIOUSNESS

This article is devoted to the linguo-culturological aspect of studying Russian phraseological units and paroemia as the signs of the language that represent the reflection of the ethnic cultural values. The main aim of this research is to describe the Russian people's naive understanding of family shown in the phraseological units and paroemia. Besides, there is a variety of explanatory dictionaries describing both the key lexical item family and the concept of family in different scientific traditions.

Keywords: phraseological unit, phraseology, paroemia, paramiology, concept, archetype, culture code.

сикографической традиции представления слова *семья* в отечественной лексикографии.

В энциклопедическом толковании понятие «семья» раскрывается через брак или кровное родство группы, члены которой связаны общностью быта, взаимной ответственностью и взаимопомощью [2].

В философии семья рассматривается как вид социальной общности, как важнейшая форма организации личного быта, основанная на супружеском союзе и родственных связях, т. е. на многосторонних отношениях между мужем и женой, родителями и детьми, братьями и сестрами и другими родственниками, живущими вместе и ведущими общее хозяйство [3, с. 506].

В социологических науках семья – это исторически конкретная система взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми как малой группы, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью и социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения [4].

В статье 2 «Семейного кодекса РФ» говорится, что «...семья определяется как круг лиц, связанных личными неимущественными и имущественными правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления или иной формы принятия детей на воспитание в семью» [5, с. 148].

Таким образом, в научном и гражданско-правовом понимании семья – это организованная социальная группа (муж, жена, родители, дети и др.), члены которой связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и социальной необходимостью, обусловленной потребностью общества в физическом и духовном самовоспроизводстве.

Семья в православном понимании – малая Церковь. Семья – это целый организм, в котором одно поколение наследует другому. Семья, как малая Церковь, представляет собой ячейку Церкви Вселенской; состояние духа, объединяющее мужа и жену во единую плоть и в служение

Богу [6]. Как видим, в первую очередь указывается духовная общность, на которой строится семейный союз.

Для русского национального сознания концепт СЕМЬЯ является одним из важнейших в культурной традиции народа. Именно в семье сосредоточены основные жизненные ценности, счастье, достаток. И в то же время в семейных отношениях проявляются как положительные, так и отрицательные черты характера членов семьи, определяющие их поведение и отношение друг к другу. Все это представлено в русской фразеологии и паремии, в которых отражается наивное сознание человека, национальное мировидение, сконцентрирована народная мудрость, отражаются реалии и особенности русской семьи и сделаны определенные выводы. Реконструирование данного концепта на материале паремий и фразеологизмов позволяет выявить систему коллективных знаний и представлений о самой важной составляющей в жизни социума – семье. Русский язык богат и разнообразен фразеологизмами и паремиями, которые отражают семейные связи, статусные позиции в семье, взаимоотношения, кровное родство, материальное состояние семьи.

Представленный материал можно условно разделить на три большие группы:

- 1) муж и жена, взаимоотношения между супругами;
- 2) родители и дети, отношения между ними;
- 3) близкие родственники, отношения между ними.

Любая семья начинается с пожелания: «Совет да любовь!». С одной стороны, все хотят создать семью: *Когда нет семьи, так и дома нет; Семья – опора счастья; В семье и каша гуще; Человек без семьи, что дерево без плодов.* С другой – страх перед неизвестным и оценка этого события присутствует в сознании как мужчины, так и женщины: *Замуж выйти не напасть, как бы замужем не пропасть; Женишься раз, а плачешь век; Холостой окает, женатый ахаает; Женился, как на льду обломился; Замуж выходи – в оба гляди; Холостому везде плохо, а женатому только дома; В девках сижено – плакано, замуж хожено – выто.*

В русском национальном сознании муж и жена – это некое биполярное единство: *Муж и жена – одно дело, одно тело, один дух; Муж и жена, что гусь без воды; Муж и жена – семья; Муж и жена – одна сатана; Вместе тесно, а розно тошно; Муж да жена – одна душа; Без женщины мужчина, что вода без плотины; Без мужа, что без головы, без жены, что без ума.*

Семья создавалась на всю жизнь, поэтому и страшна была ошибка в выборе второй половины, что приводило к страшным, порой непредсказуемым последствиям: *Добрая жена дом сбережет, а худая рукавом растрясет; Худая жена и хорошего мужа портит; На дуре женишься – сам в дураках будешь; За красивого пойдешь – лиха наживешь; За добрым мужем, как за городом, а за худым – и огородбища нет.*

Разводы на Руси не одобрялись ни церковью, ни народом. До сих пор широко известны выражения, определяющие долговечность супружеских отношений: *Жена не рукавица, с руки не сбросишь; Муж (жена) не сапог: не снимаешь с ног; Жена не гусли, поиграв, на стенку не повесишь; Жена (муж) не репейник: с рукава не скинешь.*

Счастливым и долгим брак всегда ценился на Руси, и надежным стержнем была жена: *Клад да жена на счастливого; Жена – вторая душа; Выбирай жену не по наряду, а по уму; С доброй женой и горе – в полгоря, а радость – вдвойне; У хорошей жены и плохой муж будет молодцом; Один женился – свет увидал, другой женился – с головой пропал; Умная жена как нищему сума; Добрую жену взять – ни скуки, ни горя не знать; На хорошую глядеть хорошо, а с умной жить хорошо; Жена сама болеет, а мужа жалеет.*

Однако среди фразеологизмов и паремий, касающихся взаимоотношений между супругами, чаще всего встречаются изречения:

– о злой жене: *Злая жена злее зла; Силен хмель, сильнее хмеля сон, сильнее сна злая жена; Червь дерево тлит, а злая жена дом изводит; Лучше хлеб есть с водою, чем жить со злою женою; Добрая жена хозяйству научает, а злая от дома отучает; Сварливая жена – в доме пожар;*

– о плохой жене – никудышной хозяйке: *Муж пашет, а жена пляшет; Муж того не знает, что жена гуляет; Худая жена и хорошего мужа портит; Муж по дрова, а жена со двора; Где бабы гладки, там воды нет в кадке; Красотой сыт не будешь.*

Отметим, что отсутствуют фразеологизмы и паремии, прославляющие красоту женщины (как говорится, *с лица воды не пить*), важна ее хозяйственность, домовитость и доброта: *Хозяйка в дому, что оладышек в меду; Не пригожа, да пригодна; Доброй жене домоседство не мука; Собой пригожа, да обыком (обычаем) не гожа; С лица жены воду не пить, умела бы пироги печь.*

На Руси глава семьи – муж. Недаром во многих устойчивых фразах указывается на это: *Жена мужу пластырь, муж жене пастырь; Муж в дому, что глава на церкви; Мое дело сторона, мой муж прав; Муж не хомут, а шею трет.*

Находиться в подчинении жены было позором для мужчины: *Этой бабе только бы штаны надеть; Не то смешно – жена мужа бьет, а то смешно – что муж плачет; Прости меня, моя мила, что ты меня била; (Быть) под башмаком у жены; попасть под каблук жены; помыкает им, как венником; Худо тому, у кого жена хозяйкой в дому; Беда тому, у кого жена за мужчину в дому.*

Ценилось уважение и любовь друг к другу, стремление к единству в желаниях и поступках: *За хорошим мужем и свинка господинка; Жена мужу не прислуга, а подруга; Муж за гуж, жена за другой; Куда иголка, туда и нитка; Семья вместе – душа на месте; Семья в куче, не страшна и туча; Согласную семью и горе не берет; Без хозяина двор плачет, а без хозяйки – изба; Промеж мужа и жены нитки не проденешь; Семейное согласие всего дороже; В недружной семье добра не бывает; В хорошей семье хорошие дети растут.*

Однако при этом одобрялось и рукоприкладство мужа, если жена была неверна или проявляет строптивый характер: *Жене спускать – в чужом дому (в чужой постели) ее искать; Что же не гулять, коли некому унять; Воля и добрую жену портит.* Однако при супружеской измене муж всегда оправдывается, а жена осуждается народом:

*Вольно дурить, чужих жен любить; Муж согрешил, так в людях грех, а жена согрешила – домой принесла. Муж, который не замечает или не хочет замечать измен жены, в народном сознании осуждался и высмеивался: *наставляльть рога; Окромя мужа все знают, что жена гуляет; Все село знает, что жена гуляет, окромя одного – мужа самого.* При этом беспричинная ревность осуждалась: *И со стариком можно жить, если он не ревнив.**

Рукоприкладство в принципе не порицалось, а считалось необходимым атрибутом любви и благополучия в семье: *Люби жену, как душу, тряси ее, как грушу; Кого люблю, того и бью; У мужа жена всегда виновата; Чем больше жену бьешь, тем вкуснее щи.*

Семейные обязанности и физический труд были строго распределены между мужем и женой: *Жена пряди рубашки, а муж тяни гуж; Муж про походы, жена про расходы; Баба да кошка в избе, мужик да собака во дворе; От хозяйина чтоб пахло ветром, от хозяйки дымом.*

Однако отмечается, что труд женщины порой гораздо важнее, чем вклад мужа в семейный быт: *Жена за три угла избу держит, а муж за один; Мужу не наносить мешком, что жена натаскает горшком; Жена не сбережет, так мужу и подавно не сберечь; Хозяйкой дом стоит.*

Следует отметить, что о счастливой семье не так много фразеологизмов и поговорок в русском языке: *Тишь да гладь, да божья благодать; На что и клад, коли в семье лад; Кто кого любит, тот того и голубит; Любовь да совет – так и нуждочки нет; Где мир и лад, там и божья благодать; Где любовь да совет, там и горя нет.*

Семья – это не только муж и жена. Дети – вот основа и смысл всего, это то, что связывает семью навсегда: *Семья без детей, что цветок без запаха; Жизнь родителей в детях; Семья без детей, что фонарь без свечки.* Например, в старожильческих говорах Среднего Прииртышья даже существует выражение *Семьей обвязаться*, что означает 'обзавестись детьми'. Если у молодоженов появляются дети, то так говорят: «Семьей обвяжется – хозяином станет». Сравни: *обвязать* – 'обмотав и затянув, завязать'. Образ связан с древними ритуально-магическими представлениями, заговорами.

Рождение ребенка – самое большое благо, даже если дети с недостатками: *Всякому свое дитя милее; Родился сын, как белый сыр; Сын да дочь – ясно солнце, светел месяц; Дитя хоть и криво, да отцу-матери мило.*

Для каждого ребенка отец и мать – самые родные и близкие люди: *Коли есть отец да мать, так ребенку благодать; Родительское благословление на воде не тонет, на огне не горит.* Но все же мать для ребенка милее и дороже: *При солнце тепло, а при матери добро; Без отца – полсироты, а без матери и вся сирота; Лучше матери друга не сыщешь; Материнская ласка конца не знает; Сердце матери греет лучше солнца; У кого есть matka, у того и голова гладка; Материны побои долго не болят.* Отец для ребенка является примером для подражания и образцом поведения: *Для дитяти отец всегда сильнее всех; Каков отец, таков и сын; Не тот отец, кто родил, а тот, кто вспоил, вскормил да добру научил; Отец наказывает, отец и хвалит; Отец сына не на худо учит.*

Самое страшное для ребенка – остаться сиротой: *Круглый сирота; В сиротстве жить – слезы пить; Никто не ведает, как сирота обедает.*

Народная мудрость учит почитать родителей: *Не оставляй отца-матери на старости лет; Кто родителей почитает, тот во веки не погибает; Дети родителям не судьбы; Живы родители – почитай, померли – поминай.*

Не одобряются дети, которые не оправдали родительских надежд: *Ни себе на радость, ни людям на послугу; Уродила мать, что и земля не примат; Дети подростки – батьку растрясли; Материно сердце в детях, а детское в камне; Глупому сыну не в помощь наследство.*

Пословицы отмечают, что воспитание детей – это большой труд: *Без детей тоскливо, с детьми водливо; Не устанешь детей рожаючи, устанешь на место сажаючи.* Нормальным явлением в семьях считалась практика наказания детей: *Не наказанный сын – бесчестье отцу; Бьют не ради мучения, а ради учения; Не бить, так и добра не видать.*

Отношения между родственниками – дело непростое. В исследуемых фразеологизмах и поговорках прослеживается или побуждение к общению с определенным родственником, или, наоборот, предостережение от общения.

Члены семьи, с одной стороны, большой и дружный коллектив: *Свой своему поневоле друг; Свой своему не враг; Свояк свояка видит издалека; С родней без хлопот.* С другой – большая проблема: *Есть родня, есть и возня; С родней не без хлопот; Родных много, а пообедать не у кого (или: а голова одинока); Родня до полдня, а пообедать негде; Кому от чужих, а нам от своих; Родным не ссуда, а только остуда; Деревенская родня, как зубная боль (докучает); Родня середь дня (т. е. в обед), а как солнце зайдет – ее и черт не найдет.*

Пословицы и поговорки свидетельствуют, что характерно проявление почтения и уважения к старшему поколению: *Корми деда на печи – сам будешь там; Была б моя бабуся, никого не боюся; Бабушка – щиток, кулак – молоток (т. е. заступается); Баба, бабушка, золотая сударушка! Бога молишь, хлебцем кормишь, дом бережешь, добро стережешь.*

Отношение к свекрови и свекру неоднозначно. С одной стороны: *Свекор батюшка – застоюшка, свекровь матушка – заборонушка (говорит сноха, льятя).* С другой стороны: *Свекровь – гроза, а свекор выест глаза; В лихом свекре правды нет; Свекровь сушит кровь; Лихая свекровь и затылком видит; У лихой свекрови и на затылке глаза; Сноха за пирог – свекровь за порог; Сноха веселится – свекровь злится; Кукушка соловушку журит (свекровь сноху); Свекровь на печи, что собака на цепи.*

Следует отметить, что в нескольких поговорках образ снохи представляется как образ благонаправленной женщины. Однако это делается не с целью положительного высказывания о снохе, а с целью отрицательного высказывания о свекрови: *Блудливая свекровь и честной снохе не верит; Знать, свекровушка сама в молодости блудила (грешила), коли и честной снохе не верит.*

Образ золовки, особенно незамужней, крайне отрицателен: *Золовка – зловка; золовка – колотовка; золовка –*

мутовка; Собаку не держи в доме, если есть вековуха; Ой, семь деверев (деверьев) красота моя, одна золовка сухота моя (говорит невестка); Золовушкины речи рельефем стоят; Богоданны сестрицы – крапива жгуча; Золовки – колотовки, побей головки; Золовка хитра на уловки; Золовка – зловка, золовка – колотовка, золовка – мутовка. Образ женщины, никогда не вышедшей замуж, в народном сознании отрицателен: *Ничего нет злей весенней мухи и девки вековухи; старая дева*. В этих единицах отражаются древние представления, которые во много сохранились до наших дней и определили современные стереотипы по отношению к женщине: она должна обязательно выйти замуж и создать полноценную семью. При этом добрачная связь находилась под запретом и была страшным грехом.

Деверь же по-разному представлен: *Деверь невестке – обычный друг; Свекор журлив, свекровь хлопотница, золовка смутьянка, деверь насмешник; Первая зазнобушка – свекор да свекровушка, другая зазнобушка – деверь да золовушка*.

Но чаще всего все родственники со стороны мужа представлены крайне отрицательно: *Свекор кропотлив, свекровь журлива, деверь пересмешник, золовка смутлива, ладушко (муж) ревнив; Свекор журлив, свекровь – хлопотница, золовка – смутьянка, деверь – насмешник; Свекор драчлив, свекровь ворчлива, деверья журливы, невестки мутливы; Свекор говорит: нам медведицу ведут, свекровь говорит: людоядицу ведут, деверья говорят: нам неткачу ведут, золовки говорят: нам непряху ведут*.

Отношение тещи к зятю противоречиво. С одной стороны: *На зятьев не напасешься, что на яму; Ныне зять подмаз съел, а завтра и всю сковороду; Нет черта в доме – прими зятя; Зять любит взять; Синица не птица, зять не родня; С сыном бранись – на печь ложись, с зятем бранись – за скобу держись; Прими зятя в дом, а сам иди вон*. С другой стороны: *Зять да сват у тещи – первые гости; Зять на двор – пирог на стол; Пожалуйста, зятек, съешь пирожок! Для зятя и дверь пола (настежь); Теща зятю голову маслит (от обычая свадеб, где молодые едут к теще на яичницу)*.

Зять от тещи не отстаёт: *Зять да сват у тещи – лучшие гости; Говорят, что теща – ад, а теща – это клад; при этом: Теща в дом – черт в дом; Теща в дом – дом Со-дом; Теща в дом – дом кверху дном*.

Таким образом, анализ паремий и фразеологизмов семейного родства показал, что в них широко отражается уклад русской семьи. Семья на Руси держалась на четком распределении ролей всех ее домашних. Выяснилось, что русский народ больше внимания уделял недостаткам, чем достоинствам каждого члена семьи и семейных взаимоотношений. Это можно объяснить тем, что задача устойчивых фраз и выражений не просто констатировать положение дел в семье, а учить налаживать семейный уклад, выстраивать семейные отношения. Концепт СЕМЬЯ архетипически связан с такими концептами, как СЧАСТЬЕ, ЛЮБОВЬ, ДРУЖБА, СВОЙ/ЧУЖОЙ, СВОБОДА, БЫТ, так как в основе лежат взаимопонимание, взаимоподдержка, семейные проблемы, быт, взаимоотношения между супругами и детьми, семейные ценности, выяснение отношений между супругами, воспитание детей, родственные отношения и т. д. Компоненты большинства фразеологизмов и паремий соотносятся с антропным, или собственно человеческим, кодом культуры и несут функционально значимые для культуры смыслы. В основе всех рассмотренных фразеологизмов и паремий и лежит этот код, создающий метафорический смысл и значение единиц в целом. Образы большинства единиц отображают установку: каждый человек должен создать семью и выполнять семейные обязанности. Все нарушения этой установки воспринимаются обществом неодобрительно.

1. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складчиковой. М. : Эксмо, 2006. 1136 с.

2. Большой энциклопедический словарь. URL: http://www.enc-dic.com/enc_big/Semja-53974.html (дата обращения 19.10.2014).

3. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Республика, 2001. 719 с.

4. Харчев А. Г., Мацковский М. С. Современная семья и ее проблемы. М. : Мысль, 1997. 224 с.

5. Комментарий к семейному кодексу Российской Федерации / под ред. И. М. Кузнецовой. М. : БЕК, 1996. 512 с.

6. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А. Д. Шмелева. М. : Языки славянской культуры, 2001. 288 с.

© Глотова Е. А., 2014

ЦИТИРОВАННЫЙ СПОСОБ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ В НЕМЕЦКОЙ ЖУРНАЛЬНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

В статье рассматриваются основные особенности формы и содержания цитированных способов передачи чужой речи, а также семантические и прагматические типы цитации.

Ключевые слова: прагматика, медиадискурс, прямая и косвенная речь, цитированный способ передачи информации.

THE QUOTED WAY OF INFORMATION TRANSFER IN GERMAN JOURNALISTIC PUBLICISM

In the present article the basic features of form and content of the quoted ways of another's speech transfer, as well as semantic and pragmatic types of quoting are considered.

Keywords: pragmatics, a media discourse, direct and indirect speech, quoted way of information transfer.

Сущность, функции и способы передачи чужой речи исследовали многие российские и зарубежные ученые, такие как Н. Д. Арутюнова, М. М. Бахтин, В. А. Косова, Н. В. Максимова, О. И. Москальская, А. Н. Помельникова, А. В. Смирнова, Т. В. Строева, Р. Д. Шакирова, Х. Вайнрих, З. Егер, К. Э. Зоммерфельд, Г. Цифонум, Л. Хоффманн, Б. Штекер и многие другие. При этом лингвисты соотносят явление чужой речи с разными языковыми сферами, описывают его в рамках многих лингвистических понятий.

Чужая речь занимает значительное место в повествовательной структуре немецкой литературы и публицистики. Формы ее репродукции представляют собой сложную, постоянно видоизменяющуюся систему. Большинство исследователей рассматривают в качестве основных компонентов данной системы прямую, косвенную и несобственно-прямую речь. Среди исследователей нет единства в определении понятия чужой речи, основной проблемой является отсутствие целостности и однородности описания. Кроме того, в большинстве работ виды чужой речи рассматриваются на материале текстов художественной литературы, хотя нельзя не отметить, что некоторые ученые привлекают к исследованию и тексты других функциональных стилей. В основу нашей классификации способов передачи чужой речи положена структурная классификация конструкций с чужой речью, составленная А. В. Смирновой на материале британского газетного дискурса [1]. В процессе исследования мы проанализировали 120 статей политико-экономической тематики за 2011 и 2012 годы, связанных с актуальными мировыми проблемами, в основном с финансовыми трудностями в Евросоюзе и кризисом в Греции. Статьи были опубликованы в электронных версиях известных еженедельных информационно-политических журналов Германии (www.spiegel.de, www.stern.de, www.focus.de).

Журнальный текст представляет собой своеобразный публичный диалог, при этом «включение чужой речи в авторский текст расширяет границы коммуникативного акта, осложняя его присутствием третьего лица» [2, с. 98].

Журнальные тексты, исследуемые нами, можно отнести к таким жанровым разновидностям, как заметка, информационное сообщение, статья, комментарий, прогноз. Та-

ким образом, политико-экономическая тематика, с учетом которой были отобраны тексты, реализуется в информационных и аналитических жанрах.

Многие лингвисты полагают, что одной из особенностей современных газет и журналов является наличие большого объема чужой речи, причем это справедливо как для российских, так и для зарубежных, в том числе и немецких, периодических изданий. Это суждение подтвердилось и в наших наблюдениях: в среднем количество конструкций с чужой речью составляет 14 предложений, при этом максимальное количество достигает 35 синтаксических единиц. При этом среди рассмотренных статей присутствует текст, в котором предложения с воспроизводимой речью отсутствуют. Исследователи отмечают, что в некоторых текстах количественное соотношение авторского и чужого текста приблизительно равно, что создает впечатление перенасыщенности репродуцируемой речью. Подтверждение этого мнения мы находим и в нашем материале: в одном из текстов чужая речь составляет 71 %, в то время как собственные слова автора – лишь 29 % от всей статьи. Распространение чужой речи проявляется также в том, что она проникает в такие журнальные и газетные жанры, в которых прежде не использовалась. Примером могут служить информационные жанры, в частности информационная заметка.

Тенденция к использованию чужой речи может быть обусловлена несколькими причинами. В первую очередь это связано со стремлением журналистов к объективности в передаче информации, что реализуется за счет использования цитат, создающих впечатление точности в воспроизведении деталей. Во-вторых, используя чужую речь, пишущий дистанцируется от точки зрения автора высказывания, что способствует осуществлению коммуникативных интенций журналиста. Кроме того, отмечается «возрастающая роль устности и ее адаптации в письменных текстах» [2, с. 98].

В качестве основных дифференцирующих признаков цитации, как отмечает И. В. Алещанова, выступают эксплицитная маркированность, структурно-семантическое тождество с текстом-источником, а также указание авторства. В нашей статье мы принимаем определение цитации как

«функционального элемента системы принимающего текста, предназначенного для реализации определенной коммуникативной интенции и характеризующегося рядом инвариантных конвенционально установленных формально-содержательных характеристик» [3, с. 7].

Корпус проанализированных примеров состоит из 700 единиц/предложений, тем или иным способом передающих речь другого лица. Исходя из проведенного количественного анализа удалось установить, что нецитированные способы передачи чужой речи (64 %) используются в два раза чаще, чем цитированные (28 %). К цитированным способам была отнесена прямая речь с репрезентирующим компонентом и без него, редуцированная и сегментированная цитация. В подобных случаях наиболее часто используется прямая речь с репрезентирующим компонентом (56 % всех цитированных способов). В качестве вводящего компонента чаще всего выступают нейтральные по семантике глаголы, среди которых наиболее распространенным являются глаголы говорения. Примеры с постпозитивным положением авторской речи преобладают в рассматриваемом материале (73 %), при этом интересен тот факт, что 75 % из них вводит нейтральный по семантике глагол sagen. Таким образом, гипотеза о второстепенности вводящего компонента, стоящего в постпозиции, подтверждается.

В тех случаях, когда слова автора и содержание прямой речи равнозначны, репрезентирующий компонент ставится в препозицию, на первое место. Глагол sagen в препозитивном употреблении встречается гораздо реже (в 30 % случаев), чаще используются глагольные лексемы, вносящие дополнительный смысл в общее содержание высказывания.

(1) *Die Ursachen für die derzeitigen Probleme in den Euro-Ländern macht der US-Präsident auch in der Vergangenheit aus: „Sie haben sich nie wirklich von der Krise 2007 erholt und haben nie umfassend auf die Herausforderungen reagiert, denen ihr Bankensystem ausgesetzt war“.*

Прямая речь без репрезентирующего компонента употреблена в 7 % рассмотренных примеров. В некоторой степени это связано с невозможностью употребления данной разновидности прямой речи самостоятельно, вне цепочки косвенной речи.

Редуцированное цитирование как самостоятельный цитированный способ передачи чужого высказывания встречается относительно редко (5 % случаев). Его преимуществом является то, что цитированный фрагмент и авторские слова соединяются без использования специальных вводящих слов. Редуцированная цитата получает свое «логическое завершение в окружающем контексте» [3, с. 9].

(2) *Aber auch CSU-Chef Seehofer spricht von der „wichtigsten Abstimmung, die wir in dieser Legislatur haben“.*

Что касается сегментированной цитаты, то следует отметить ее малую употребительность в тексте. Среди рассмотренных предложений был найден только один пример, содержащий данный тип цитирования. Следует заметить, что в данном примере цитация выступает в комбинации с другими средствами выражения чужой речи.

(3) *Er meint es allerdings anders: Bei der Zustimmung zum EFSF gehe es um „die Führungsrolle und Führungsfähigkeit*

der Bundesrepublik in Europa und auch im weltweiten Kontext“ und nicht um „zwei Stimmen mehr oder weniger“.

В рассмотренных примерах, как правило, цитация является единственным показателем чужого высказывания.

Цитация относится к константным признакам газетно-журнального текста и предназначена для реализации определенной коммуникативной интенции. В данной статье мы более подробно рассмотрим семантические и прагматические типы цитированного способа передачи чужой речи. Как отмечают многие исследователи, в частности И. В. Алещанова [3], цитация выполняет несколько важных функций: референционную, когнитивную, а также информативную. Референционная функция используется для дополнения и конкретизации референтного пространства принимающего текста. Суть когнитивной функции заключается, по мнению целого ряда ученых, в закреплении, хранении и выражении культурного опыта того или иного социума. Назначение информативной функции сводится к выполнению коммуникативных и экспрессивных задач общения.

В соответствии с выполняемой функцией выделяются такие семантические типы цитации, как цитация-мнение, цитация-пример, цитация-заменитель. Цитация-мнение выражает результат размышления говорящего над фактами реальной действительности, что составляет основу для разнообразных речемыслительных операций автора публицистического текста:

(4) *„Ich glaube, das wäre inzwischen für ganz Europa und sogar die Welt die richtige Richtung“, sagte Meister der „Financial Times Deutschland“.*

(5) *„Ich bin mir ganz sicher, dass wir bei Griechenland an einem Schuldenschnitt unter Einbeziehung der Gläubiger nicht vorbeikommen“, sagte Steinbrück, der als möglicher SPD-Kanzlerkandidat behandelt wird.*

Данные предложения являются наглядным примером семантического типа цитации-мнения. Доказательством этого служит наличие в составе исходного высказывания конструкции, которая сигнализирует о выражении мыслей и суждений говорящего („ichglaube“, „ichbinmirganzsicher“).

Однако информация о том, что цитата является мнением говорящего, может быть выражена имплицитно.

(6) *Grünen-Fraktionschef Jürgen Trittin sagte an die Adresse der Kanzlerin: „Diese Krise ist zu groß für kleine Schritte und offensichtlich zu groß für Sie“.*

Цитация-пример передает фактуальную информацию, которая поясняет или доказывает точку зрения адресанта.

(7) *Der neuen griechischen Regierung sagte die Bundeskanzlerin Unterstützung zu. „Deutschland wird alles tun, um gut zusammenzuarbeiten“, sagte sie.*

Цитируя слова главы немецкого государства, журналист усиливает убедительность предшествующего предложения о поддержке в адрес Греции.

(8) *Fast alle großen Geldinstitute werden nach Einschätzung des internationalen Branchenverbands IIF beim geplanten Schuldenerlass für Griechenland mitmachen. „Ich bin sehr optimistisch, dass sich mehr als 90 Prozent der Banken beteiligen“, sagte der geschäftsführende Direktor des International Institute of Finance (IIF), Charles Dallara, der „Welt am Sonntag“ laut Vorabbericht.*

Информация об участии денежных институтов в списании долгов Греции подтверждается цитатой, которая содержит также и количественные данные.

Цитация-заменитель представляет собой, по мнению И. В. Алещановой, «контекстно-зависимое высказывание, которое передается редуцированной или сегментированной цитацией» [3, с. 10].

(9) *Allerdings würden die in der Vergangenheit gemachten Fehler „nicht mit einem Schlag gelöst werden“.*

С помощью цитации совершается интерперсональный диалог, который характеризуется двунаправленностью. С одной стороны, подобный диалог ретроспективно ориентирован на текст-источник, с другой – проспективно направлен на адресата, являющегося причиной, целью и объектом создания текста. Цитация является результатом конкретизации таких основополагающих категорий журнального и газетного текста, как авторство и адресность, при этом фактор адресной ориентированности цитации считается ведущим.

При успешном протекании коммуникативного процесса рецептивная деятельность адресата завершается этапом интерпретации. Процедуре истолкования подвергается весь текст статьи и входящая в него цитация. Процесс интерпретации цитированных фрагментов зависит от социологических и психологических факторов, а также непосредственно связан с социокультурными знаниями читателя. Итак, интерпретация цитируемых текстов является составной частью механизма понимания текста.

При выделении прагматических типов цитации необходимо учитывать коммуникативную значимость информации, передаваемой посредством цитации, и целевую установку автора текста. На основании данных критериев выделяются 4 прагматических типа, наиболее характерных для газетных и журнальных текстов: фактуализирующую цитацию, персуазивно-аргументативную цитацию, оценочно-экспрессивную цитацию, а также суггестивную цитацию [3].

Задачей персуазивно-аргументативной цитации является оказание воздействия на читателей, убеждение их в правильности той или иной точки зрения. Относящиеся к этому типу цитаты представляют собой сообщения о фактах, полученных от специалистов, которые «становятся исходными посылками аргументации, не требующими дальнейшего обоснования» [1, с. 13].

(10) *So halte er weitere Schritte zur europäischen Integration ohne direkte Entscheidung des Volkes für problematisch. „Wir befinden uns in einem Stadium, in dem es schwieriger werden dürfte, weitere Integrationsschritte mit dem Grundgesetz kompatibel zu gestalten“, sagte Voßkuhle der Nachrichtenagentur dpa.*

(11) *„Die Weltwirtschaft befindet sich in einer gefährlichen neuen Phase“, warnen die IWF-Experten.*

Фактуализирующая цитация заключается в передаче фактов, сопоставляющих авторские слова и реальную ситуацию.

(12) *Zuvor hatte bereits Regierungssprecher Steffen Seibert im Kurznachrichtendienst Twitter geschrieben: „Meldungen, Deutschland verfolge Pläne für eine verkleinerte Euro-Zone, sind falsch“.*

Высказывание представителя германского правительства опровергает мнение о возможном уменьшении Еврозоны. Цитата выражает достоверные данные, которые сравниваются с точкой зрения, упомянутой автором.

Оценочно-экспрессивная цитация используется для формирования и закрепления социальных ценностей аудитории. Данный тип цитации используется с целью вовлечения адресата в процесс размышления над актуальными событиями окружающей действительности и увеличивает воздействующий потенциал передаваемой информации.

(13) *„Dann ist Deutschland mit seiner Wirtschaftskraft in der Haftung, und wir haben nichts dafür bekommen: keine Sicherheit, dass die Schuldenstaaten ihre Defizite abbauen, und keine Instrumente, mit denen Europa durchsetzen kann, dass jeder einzelne künftig besser haushaltet“.*

Суггестивные цитаты в обобщенном виде выражают предупреждение или совет, при этом они направлены на внушение каких-либо идей, представлений.

(14) *„Mit Blick auf das hochverschuldete Italien betonte Merkel am Donnerstag: Italien muss die Glaubwürdigkeit wiedergewinnen. Das Sparpaket muss sehr schnell umgesetzt werden“.*

Ангела Меркель настоятельно советует Италии, имеющей большой государственный долг, постараться завоевать доверие кредиторов. Маркером суггестивности данного высказывания является модальный глагол „müssen“, имеющий значение долженствования.

В рассмотренных текстах более употребительными оказались персуазивно-аргументативные цитаты, служащие для оказания воздействия и убеждения, а также фактуализирующие цитаты, которые репрезентируют факты, сопоставляющие авторские слова и реальную ситуацию.

Таким образом, при использовании цитации задействована сложная система взаимосвязанных коммуникативных функций, направленных на реализацию основных функций текста журнальной статьи, а именно воздействия и информирования.

1. Смирнова А. В. Чужая речь как элемент аргументации в Британском газетном дискурсе: автореф. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 21 с.

2. Михайлова О. А. О чем говорит чужая речь на газетной полосе? // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. С. 97–107.

3. Алещанова И. В. Цитация в газетном тексте (на материале современной английской и российской прессы): автореф. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 18 с.

НАЗВАНИЯ МИФИЧЕСКИХ СУЩЕСТВ: ИСТОРИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ПО ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ

В статье рассматриваются слова современного русского и древнерусского языков, обозначающие мифических существ. Классификация лексем группы с точки зрения их культурно-мифологического генезиса позволяет выявить основные пути развития группы. Материалом послужили исторические и современные лексикографические источники.

Ключевые слова: миф, мифическое существо, древнерусский язык, лексическая группа, лексикография.

THE NOMINATIONS OF MYTHICAL CREATURES: THE HISTORY OF LEXICAL GROUP ACCORDING TO LEXICOGRAPHIC SOURCES

The article deals with the words of the Modern Russian and Old Russian languages indicating mythical creatures. The classification of the lexemes in terms of cultural and mythological genesis reveals the basic ways of historical development of the group. The historical and modern lexicographical publications have been used as sources of material.

Keywords: myth, mythical creature, Old Russian, lexical group, lexicography.

В основе архаичного типа культуры лежит миф как способ осмысления мира и человека в этом мире. Миф может быть представлен как древнейший способ концептуализации действительности и как возникающий в процессе такой концептуализации образ мира, «мифологическая картина мира, которая трактуется как отраженная языковой картиной мира мировоззренческая система, особый склад мировидения, особый характер прочтения действительности» [1, с. 19]. Мифологическая лексика, по-своему концентрируя историко-национальное видение мира, требует специального изучения.

Лексема *миф* в современных лингвистических и культурологических словарях толкуется как сакральная история, продукт народного творчества, коллективной фантазии, которая служит объяснением природного окружения отношений группы с миром сверхъестественного или духов, ее обычаев и ритуалов: МИФ, -а, м. Древнее народное сказание о легендарных героях, богах, о явлениях природы. *М. о Прометее* [2, с. 359]. Миф – особый способ объяснения мира, в котором человек, общество и природа существуют нераздельно [3, с. 212].

Общее понятие, которое бы отвлеченно характеризовало отдельных субъектов мифа, не обнаружено ни в одном энциклопедическом словаре. Термином *мифоним* [4, с. 27] обозначается только имя собственное мифического объекта, но пласт мифической лексики содержит в первую очередь имена нарицательные, в связи с чем данный термин не может использоваться для обозначения названия мифического существа, хотя в научной литературе он встречается и в этом значении. Поэтому было предпринято сопоставительное исследование смежных лексем, с целью обосновать определение понятия мифическое существо:

1) «существо»: 2. СУЩЕСТВÓ, -а, ср. Живая особь, человек или животное. *Не видно ни одного живого существа. Странное с. Жалкое с.* [2, с. 780].

2) «мифический» и «мифологический»: МИФИЧЕСКИЙ. 1. прилагательное к *миф* в 1 знач. (книжн.), например, *мифические представления, мифическое предание*. 2. перен. Легендарный, сказочный, баснословный (книжн.). 3. Вы-

мышленный, выдуманный [5, с. 360]. МИФОЛОГИЧЕСКИЙ. 1. Прилагательное к существительному *мифология*, например, *мифологическое сказание* [5, с. 360].

Таким образом, прилагательное *мифологический* соотносится с *мифологией*, а *мифический* с *мифом*, т. е. объемнее по своему содержанию. В то же время в литературе встречается синонимичное употребление этих прилагательных.

В результате выведено рабочее определение: мифическое существо – существо в образе реального или вымышленного человека, животного или персонифицированного явления природы, являющееся объектом мифа.

При обращении к понятию *миф*, несомненно, приходится сталкиваться с понятием *религия*. Эти формы культуры обнаруживают в ходе истории глубинную взаимосвязь. Стремление людей обрести финальную осмысленность своего существования, рационализируя непостижимое, ведет к постоянному воспроизводству в культуре мифа и религии. Религиозный взгляд на мир и сопутствующий ему тип мироощущения первоначально складываются в границах мифологического сознания. Разные типы религии сопровождаются несхожими между собой мифологическими системами [6, т. 2, с. 53]. По мнению культурологов, в широком смысле каждая религия в основе своей – миф, что дает право включать религиозную лексику в мифическую, хотя, безусловно, это отдельный самостоятельный пласт, функционирующий в современной языковой действительности. Косвенным подтверждением этой точки зрения является то, что отдельные лексемы, например *бог, демон, ангел* и др., могут быть отнесены одновременно к разным системам: как к мифам, так и к религии. Особый интерес в этом смысле представляет «народное христианство», вобравшее и переработавшее дохристианские языческие элементы культуры славян.

Названия мифических существ можно классифицировать по принципу генетической принадлежности к разным культурным традициям: 1) дохристианская славянская традиция, представленная образами языческих сказочных героев: *Баба-Яга, Кощей, лешие, домовые, водяные,*

русалки и пр.; частично эти образы оказались восприняты и переработаны в народной христианской традиции (черт), некоторые из них в XX в. внедрились в массовую культуру, иногда и при посредстве западно-европейской культуры (вампиры, оборотни, упыри); 2) античная языческая традиция, в известной степени влившаяся в славянскую культуру, в первую очередь культуру XVIII–XIX вв. (муза, сфинкс, титан, сифида и пр.), или обнаруживающая с ней параллели (кентавр / китоврас / строк, наяда / сирена / русалка, химера, василиск), при этом сохранившая для славян оттенок «книжности»; 3) иудео-христианская и тесно связанная с нею европейская оккультная традиция (ангелы, херувим, дьявол / дьяволица, бес, привидения, призраки, духи и т. д.), также частично воспринятые славянским народным христианством и проникшие в современный язык в основном через литературу лексемы западно-европейских мифов (гном, эльф, фея и пр.), часть которых имеет аналоги в славянских мифах (дракон / змей-горыныч, единорог и пр.); 4) восточно-мусульманская традиция, не получившая широкого распространения у славян, но представленная единичными элементами, появившимися вследствие контактов народов (джинн, див, гурия и др.). Отметим, что лексемы Бог / бог / божество / богиня могут быть отнесены к разным культурным традициям. Выделим также отдельно группу лексем, называющих людей, обладающих сверхъестественными способностями, контактирующими с миром мифических существ: чародей, чаровница, чудодей / чудодейка, волшебник, маг, колдун / колдунья, ведун / ведунья, ведьма / ведьмак, ворожея, чернокнижник и т. д.

Пласт мифической лексики современного и древнерусского языков был вычленен путем сплошной выборки слов, обозначающих мифических существ, из толковых словарей современного и древнерусского языков, по мере необходимости привлекались данные энциклопедических (мифологических и культурологических) и этимологических словарей.

Лексемы вычленились путем анализа определения словарной статьи. В толковых словарях современного русского языка отбирались словарные статьи, в которых бы употреблялись слово миф или дифференцирующие понятия миф слова сказка, поверье, легенда, фантастика, вымысел и т. д., перекрестные с мифом религия, верования и т. д., а также слова, указывающие на ирреальность (волшебство, колдовство, магия, чары и т. д.):

– **миф, мифический, мифология:** БОГИНЯ, -и, ж. В античной мифологии и некоторых восточных религиях: божество женского пола [7, т. 1, с. 101];

– **сказка, сказочный:** БАБА-ЯГА, бабы-яги, ж. В русских народных сказках: злая старуха-колдунья [7, т. 1, с. 54];

– **фантастический:** ЕДИНОРОГ, -а, м. 3. Фантастическое животное, изображаемое на гербах, на барельефах и т. д. в виде лошади с одним рогом на лбу [7, т. 1, с. 463];

– **волшебный:** например, ЖАР-ПТИЦА, -ы, ж. Народно-поэт. Волшебная птица русских народных сказок с сверкающими (горящими как жар) перьями. До восхода, слышь, зарницы Прилетят сюда жар-птицы И начнут

пшено клевать Да по-своему кричать. Ершов, Конек-Горбунок. На суку извилистом и чудном, Пестрых сказок пыльная жилица, Вся в огне, в сиянье изумрудном, Над водой качается жар-птица. Фет, Фантазия [7, т. 1, с. 473];

– **в поверье:** ВОДЯНОЙ 2, -бо, м. В поверьях некоторых славянских народов: хозяин водныхместилищ, обитающий в воде (в омуте, колодеце и т. п.). – Он вот нагнется, станет черпать воду, а водяной его за руку схватит да потащит к себе. Тургенев, Бежин луг [7, т. 1, с. 194];

– **по религиозным представлениям:** ЧЁРТ, -а, мн. чёрты, -ёй, м. 1. По религиозным представлениям: сверхъестественное существо, олицетворяющее собой злое начало; дьявол, бес. Только разве по козлиной бороде под мордой, по небольшим рожкам, торчавшим на голове, и что весь был не белее трубочиста, можно было догадаться, что он – черт. Гоголь, Ночь перед рождеством [7, т. 4, с. 669];

– либо слова, толкование которых происходило с помощью синонимов названий мифических существ: Волшебник, -а, м. 1. Чародей, колдун. Ты не лебедь ведь избавил, Девуцу в живых оставил; Ты не коршуна убил, Чародея подстрелил. Пушкин, Сказка о царе Салтане [7, т. 1, с. 207].

Выборка слов, называющих мифических существ в современном русском языке, позволила составить картотеку номинаций, включающую 115 лексических единиц, каждая из которых была проверена по этимологическому словарю [8] с целью уточнения источника происхождения.

Исконные названия мифических существ современного русского языка: баба-яга, бес, бесенок, бог, богатырь, богиня, богородица, богоматерь, божество, ведун, ведунья, ведьма, водяной, ворожея, волхв, волшебник, враг, вурдалак, дед мороз, домовой, дух, единорог, жар-птица, зачарованный, змей, змей-горыныч, знахарь, кикимора, колдун, колдунья, кощей, кудесник, людоед, леший, оборотень, нечисть, полубог, полубогиня, привидение, призрак, привидение, пророк, русалка, русалочка, святой, снегурочка, троица, упырь, чаровник, чаровница, чародей, чародейка, чернокнижник, черт, чертик, чертяка, чудище, чудовище, чудесник, чудодей, чудодейка, чудо-юдо, щур.

Заемствованные названия мифических существ современного русского языка: амур, ангел, антихрист, апостол, архангел, атланты, вампир, василиск, вельзевул, гений, гном, гриф, грифон, гурия, демон, джинн, дьявол, дьяволенок, дьяволица, кентавр, купидон, левиафан, медуза, морфей, муза, маг, наяда, нимфа, олимпиец, оракул, саламандра, сатана, сатир, сильф, сифида, сирена, сфинкс, тантал, титан, тритон, фавн, фантом, феникс, фея, фурия, хаос, херувим, химера, христос, шайтан, эльф.

Аналогичная работа была проведена по словарям древнерусского языка. При работе со словарями древнерусского языка в статье опорными словами, кроме указывающих на божественное происхождение, были те, что указывали на сверхъестественные явления: волшебство, магия, чары, колдовство и т. д.

– **божество:** скарогъ – название верховного божества древних славян [9, т. 3, с. 265];

– **чары, волшебство, колдовство, магия** (и одноко-
ррнные): *8зълннкъ* – изготовитель чародейственных
навязей [9, т. 3, с. 1174];

Наиболее частотный способ толкования мифических
сущестъ – через синоним:

– **слова**, толкование которых происходило с помощью
уже выявленных синонимов названий мифических сущестъ:
вълхва = *влъхва* = *волхва* – колдунья, волшебница,
vates, maga [9, т. 1, с. 382];

– **латинский эквивалент** слова, обозначающего ми-
фическое существо: *днкъ* – *gryphus*, *үже врѣжеса*
днкъ на землю. *Сл. плк. Игор.* [9, т. 1, с. 664];

– **греческий эквивалент** слова, обозначающего ми-
фическое существо: *строкъ* – центавръ: *зане оубо*
еллннн сзвнжю не свѣцаа шбразы сзршень н
строкъ (в др. сл. *Строукоу; χενταυρους*) [9, т. 3, с. 557].

Была выявлена 71 лексема, некоторые их которых
имеют графические / орфографические варианты.

Исконные древнерусские названия мифических

сущестъ: баба, багальннкъ, багальница, богъ,
богоматн, богороднца, богынн, бѣсъ, вѣдьма,
вѣдѣнъ, велесъ, велнаръ, внтязъ, волосъ,
волотъ (влатъ), корожеа, вълхва = влъхва =
вълъхва = волъхва = волхва = вълхва, вълхва =
влъхва = волхва, колшебннкъ = вълшебннкъ,
вълшебница, вѣдунъ, вѣщунъ, вѣщница,
кѣдъсннкъ, металка, мюрннъ, наѣзотворецъ,
обавьннкъ, обаватель, обавьннкъ,
обальннкъ, обаньннкъ, образъ, пагубьннкъ,
потворьннкъ, пронзиръ, пророкъ, пытанкын,
сатана, сотона, сварогъ, сварожнучь, свѣтън,
снмъ, смокъ, строкъ, сѣпостатъ = сжпостатъ,
сѣпротнвьннкъ = сжпротнвьннкъ, тронца,
үзълннкъ, үзолннкъ = жълннкъ, ѣпнръ,
үтварь, чаровьница, чародеѣкын, чародеѣчаръ,
чаръ, щѣдъ, щѣдовннъ, хороможнтель.

**Займствованные древнерусские названия мифи-
ческих сущестъ:** ангелъ = анъгелъ = аньгелъ,
антнхрнстъ, апостолъ = апѣстолъ, арханъгелъ,
василнскъ, демонъ = дѣмонъ, днкъ, днаволъ =
дннволъ, кентавръ, серафнмъ, фнннкъ =
фүннкъ.

Как видим, займствованные лексемь относятся к иу-
део-христианской традиции. Лексемь, называющие мифи-
ческих сущестъ из античных легенд (*феникс, василиск, кен-
тавр*), также встречаются в христианской (византийской)
литературе и, кроме того, имеют параллели в славянских
мифах. В древнерусском языке превалирует количество
лексем, обозначающих мифических сущестъ, которые от-
носятся к дохристианской славянской традиции.

Сравнительный анализ названий мифических сущестъ
в словарях современного русского и древнерусского
языков показал, что исконная мифическая лексика, соот-
ветствующая дохристианской и частично христианской
традиции, по своему объему и содержанию претерпела
изменения, но эти изменения не носят коренной характер.
Сравним лексемь чародей в современном русском языке
и древнерусском языке:

ЧАРОДЕЙ, -я, м. (устар. и книжн.). То же, что волшеб-
ник. || ж. чародейка, -и. 1) прил. чародейский, -ая, -ое [2,
с. 874].

чародеѣн – волшебник, колдун [9, т. 3, с. 1471].

В ряде случаев происходило изменение фонетического
облика слова, но содержание оставалось тем же, напри-
мер:

ФЕНИКС, -а, м. В некоторых древних мифологиях:
птица, обладающая способностью сжигать себя и воз-
рождаться из пепла, символ вечного обновления. Как ф.
из пепла возник кто-н. (книжн.) [2, с. 848].

фнннкъ – баснословная птица, феникс [9, т. 3,
с. 1356].

В современном русском языке количество лексем,
обозначающих мифических сущестъ, увеличилось при-
близительно на 60 %. Увеличение лексики, называющей
мифических сущестъ, свидетельствует и о том, что инте-
рес к мифу высок. Существенно увеличилось количество
лексем, обозначающих мифических сущестъ, которые от-
носятся к античной языческой, иудео-христианской и вос-
точно-мусульманской традициям. Но, хотя часть исконной
лексики утратилась, в основе своей мифическая лексика
современного русского языка осталась в русле дохристи-
анской (славянской) традиции. С течением времени про-
изошли изменения в мифической картине мира, в первую
очередь это связано с приходом христианства (начиная с X
века), периодом двоеверия: уже в древнерусском языке об-
наруживается влияние греческой (византийской) культур-
ной традиции и иудео-христианской (через Ветхий завет).
Мифическая лексика русского языка постепенно вбирала
в себя лексику западноевропейской и восточной традиции,
но это не носило массовый характер. Исконная языческая
мифическая лексика почти не утрачена и активно функцио-
нирует в системе современного русского языка.

1. Кошарная С. А. Лингвокультурологическая реконструк-
ция мифологического комплекса «Человек-природа» в рус-
ской ЯКМ: дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2003. 452 с.

2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь рус-
ского языка. М.: Азбуковник, 2000. 940 с.

3. Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по куль-
турологии. М.: Вече, 2003. 512 с.

4. Краткий понятийно-терминологический справоч-
ник по этимологии и исторической лексикологии / сост.
Ж. Ж. Варбот, А. Ф. Журавлев; Российская академия наук,
Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Этимоло-
гия и история слов русского языка. 1998. 54 с. URL: [http://
www.etymolog.ruslang.ru/doc/etymologyterms.pdf](http://www.etymolog.ruslang.ru/doc/etymologyterms.pdf) (дата обра-
щения 19.10.2014).

5. Толковый словарь русского языка / под ред.
Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энциклопедия, 1935. 1562 с.

6. Культурология. XX век: Энциклопедия / гл. ред., сост.
и авт. проекта С. Я. Левит. СПб.: Унив. кн., 1998. Т. 1: А–Л.
447 с.; Т. 2: М–Я. 446 с.

7. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус.
яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985–
1988. Т. 1. А–Й. 702 с.; Т. 2. К–О. 736 с.; Т. 3. П–Р. 750 с.;
Т. 4. С–Я. 797 с.

8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986.

9. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. М.:

Книга, 1989. Т. I. 1420 с.; Т. II. 1803 с.; Т. III. 1683 с.; Дополнения. 271 с.

© Николенко О. Ю., Файлерт Н. А., 2014

УДК 81.33

Т. В. Ощепкова
T. V. Oschepkova

О ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ ОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ КАК ОДНОМ ИЗ СПОСОБОВ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ В ПОДЪЯЗЫКЕ ГЕРМЕНЕВТИКИ

В статье автор рассматривает терминологические единицы, возникшие в результате терминологизации общеупотребительной лексики, анализирует причины ее переосмысления на примере подъязыка герменевтики.

Ключевые слова: герменевтика, терминология, общеупотребительная лексика, терминологизация, переосмысление значения.

TURNING EVERYDAY WORDS INTO TERMS AS A MEANS OF ENRICHING TERMINOLOGY OF HERMENEUTICS

In this paper the author considers the terms which appeared as the result of semantic changes of everyday words. The author analyses the reasons of these changes giving examples of the terms of hermeneutics.

Keywords: hermeneutics, terminology, everyday words, terminologisation, semantic changes.

Одним из актуальных вопросов терминоведения является вопрос о способах терминообразования, о путях формирования терминосистемы той или иной области знания.

Объект нашего внимания, а именно терминологическое переосмысление общелитературной лексики, получил в специальной литературе несколько названий. Так, А. А. Реформатский называет его заимствованием [1, с. 81], В. П. Даниленко рассматривает его как семантическое переосмысление, или «семантический неологизм» [2, с. 69], В. Н. Телия считает его «вторичной номинацией» [3, с. 129]. Применение всех названных терминов к описываемому процессу вполне оправданно, так как слово действительно заимствуется и, попадая в новое окружение, получает новые оттенки смысла и новую номинативную функцию.

Переосмыслению могут быть подвергнуты:

- а) терминологические единицы, заимствованные из других подъязыков;
- б) термины, являющиеся членами данной терминосистемы, значения которых подверглись процессу специализации;
- в) общеупотребительные слова.

Именно особенностям процесса терминологизации общеупотребительных слов и посвящена настоящая публикация.

Проблема соотношения термина и общеупотребительного слова до сих пор остается одной из наиболее дискуссионных, поскольку не имеет окончательного решения. Причину этого Т. Н. Кучерова, например, видит в невозможности проведения четкой границы между этими слоями лексики: «терминологическую и общеупотребительную

лексику невозможно четко разграничить, так как они обладают “размытыми” границами и накладываются друг на друга» [4, с. 83]. Именно этот факт позволяет языковедам говорить о тесной взаимосвязи этих двух слоев лексики языка. По мнению А. А. Реформатского, «нельзя думать, что между терминологией и нетерминологией существует непроходимая пропасть... Если бы это было так, то терминология не принадлежала бы данному языку и, вообще, представляла бы собой другой язык. На самом деле это не так... Термины... включаются в словарный состав данного языка и подчиняются его фонетическому и грамматическому строю» [1, с. 80].

Еще в 1930-е гг. Г. О. Винокуром было высказано мнение о том, что термин – это не особое слово, а слово в особой функции [5]. В. П. Даниленко в своих работах также подчеркивает неразрывную связь языка науки с общелитературной, обиходной лексикой [2, с. 69]. Между терминами и нетерминами происходит постоянный взаимообмен. Эти два слоя лексики взаимопроникают друг в друга: слова общелитературного языка утрачивают некоторые свои свойства, становятся терминами и, наоборот, термины, подвергаясь процессу детерминологизации, получают статус общеупотребительных слов. Как справедливо считает В. М. Лейчик, никаких принципиальных препятствий для любого слова или словосочетания стать термином не существует, равно как и для любого термина не существует препятствий потерять свою терминологическую отнесенность и перейти в общее пользование [6, с. 437]. Таким образом, большинство исследователей трактуют данную проблему, исходя из отношений не противопоставления, а взаимозависимости и производности.

Традиционно выделяется несколько возможных путей терминологизации общеупотребительного слова:

1) расширение, или обобщение значения, или, как иначе называет его В. П. Прач, «нейтрализация дифференциального признака» [7, с. 93];

2) сужение значения или близкая ему специализация значения, под которой О. С. Ахманова понимает утрату словом более общего, широкого значения и замену его более узким, специальным [8, с. 448];

3) метафорическое или метонимическое переосмысление семантической структуры, когда термин выступает как метафора или метонимия по отношению к общеупотребительному слову, которое его породило;

4) образование омонимов в результате разрыва семантической связи между значениями полисемантического слова и появления нового значения, которое настолько расходится с первоначальным, что слово воспринимается как самостоятельная лексическая единица, а именно омоним известного нам слова.

Предметом рассмотрения нашего исследования является терминология герменевтики. Герменевтика – это наука и искусство понимания и интерпретации текста, возникшая как учение о толковании текстов Священного Писания. Ее появление было обусловлено превращением христианства в мировую религию, что породило необходимость объяснений текстов широким массам верующих. Но, возникнув в глубокой древности как наука о способах раскрытия содержания, понимания и интерпретации библейских писаний, герменевтика в дальнейшем расширила границы своих исследований, обратившись к изучению и толкованию прочих текстов. Таким образом, предметом современной герменевтики является все множество созданных текстов, которые нуждаются в понимании и объяснении.

Задачей герменевтики изначально было толкование текстов простым людям, их перевод на доступный и понятный каждому язык. Все это повлияло на характер формировавшейся терминосистемы герменевтики, в состав которой вошли лексические единицы различного характера, в том числе и общеупотребительные слова. Более того, данная терминология складывалась довольно спонтанно.

В нашей выборке мы обнаружили ряд примеров из вышеназванных семантических способов терминообразования.

Процесс расширения значения оказался одним из наименее продуктивных.

Например, слово «dialogue» – *диалог*. Согласно данным оксфордского словаря [9], словарей Ю. Д. Апресяна [10] и С. А. Хорнби [11], данное слово используется в двух основных значениях: 1) a conversation between two or more people и 2) a literary work in the form of a conversation, т. е. диалог или литературное произведение в форме диалога. Герменевты широко используют данное слово для обозначения отдельных отрывков письменного текста или устной диалогической речи, требующих толкования, но также и в более широком значении, как процесс взаимодействия текста с его толкователем. Принцип диалога был введен в герменевтику немецким филологом и языковедом Вильгельмом Гумбольдтом (1767–1835) и в дальнейшем разработан Фридрихом Шлейермахером (1768–1834). Для

Ф. Шлейермахера интерпретация – это диалог интерпретатора с автором. В этом диалоге читатель реконструирует текст и постигает его, опираясь на воображение и перевоплощение. Таким образом, в слове «dialogue» сохраняется значение «форма общения, коммуникация двух или нескольких лиц» с той разницей, что в качестве одного из участников диалога может выступать интерпретируемое произведение.

Еще одним ярким примером расширения значения общеупотребительного слова в подъязыке герменевтики является термин «text».

Согласно данным этимологического словаря [12], слово «text» пришло в английский язык из латыни опосредованно через французский в IX–XI вв. н. э., когда влияние французского языка значительно усилилось в результате завоевательных походов норманнов на Англию. Одним из первых значений, с которым это слово вошло в литературный английский язык, было «Священное Писание». В этом же значении оно стало термином подъязыка герменевтики. В дальнейшем в языке происходило постепенное расширение значения общелитературного слова «text», и в 1841 г. оно стало употребляться в смысле the wording of anything written or printed – «словесное произведение, напечатанное или написанное». В современных англо-русских словарях, в частности в словаре Ю. Д. Апресяна, последнее значение зафиксировано как основное [10, т. 3, с. 475]. Термин «text» в свое время претерпел похожие изменения, а именно перестал называть исключительно текст Библии, но любой письменный источник, попадающий в поле зрения интерпретатора. Данное обстоятельство вызвало появление качественно нового этапа в развитии герменевтической науки, а именно расширение области ее применения. Это было время, когда пришло осознание, что герменевтическая технология может быть применена к любым областям знаний, которые имеют дело с текстами и их толкованием. С тех пор предметом герменевтики стали любые тексты.

В настоящее время процесс расширения значения рассматриваемого термина продолжается. Дело в том, что «дифференциальным признаком» слова «text» является требование обязательной письменной фиксации. Однако в подъязыке герменевтики, где термин «text» обозначает одно из центральных понятий – объект толкования – это требование нейтрализуется. Объектом внимания герменевтов становится не только общение читателя с текстом, зафиксированным письменно, но и общение зрителя и слушателя с картиной или симфонией и их создателями. Особенно актуально это на данной ступени развития герменевтики, когда наблюдается дальнейшее расширение сферы ее действия. Герменевтическая наука может быть использована в отношении любого объекта реальности. Все виды коммуникации нуждаются в понимании, достичь которое – основная цель герменевтики. Таким образом, в современной герменевтике термином «text» помимо письменного текста могут быть названы музыкальные произведения, рекламные ролики, иллюстрации в книгах и пр.

В зависимости от типа текста, толкованием которого занимается герменевтика, в ней стали выделять отдельные направления, например: biblical / scriptural hermeneutics – *библейская, богословская герменевтика*, philosophical

hermeneutics – философская герменевтика, philological hermeneutics – филологическая герменевтика, historical hermeneutics – историческая герменевтика, judicial / legal hermeneutics – юридическая герменевтика, literary hermeneutics – литературная герменевтика, New / Old Testament hermeneutics – герменевтика Старого / Нового Завета.

Названия отдельных направлений герменевтической науки являются терминологическими сочетаниями, часть которых также образована в результате семантических преобразований. Так, biblical hermeneutics может служить примером сужения значения. В связи с тем, что в центре внимания первых герменевтов была Библия, вся область знаний получила название библейской герменевтики, т. е. направленной на толкование Библии, донесение ее смысла до всех верующих. В настоящее же время библейская герменевтика является лишь одной из ветвей герменевтики наряду с другими. Соответственно на современном этапе развития термин «biblical hermeneutics» называет всю науку в целом, а лишь ее узкую область.

Способом специализации в подъязыке герменевтики образовано большинство терминов из лексико-семантической группы «объекты интерпретации», таких как «poetry», «preface», «title», «verse», «document», «footnotes», «dedication». Все эти слова сохраняют свое словарное общеупотребительное значение, но в подъязыке герменевтики рассматриваются уже, в специализированном значении – не только как литературные произведения, но прежде всего как объекты интерпретации, требующие толкования.

Часто специализация происходит за счет образования терминологических сочетаний, когда общеупотребительное слово, выраженное существительным, сочетаясь с другими частями речи, приобретает новое, более узкое, специализированное, не свойственное ему ранее значение. В терминологических системах могут образовываться сочетания, которых нет в общеупотребительном языке. Например, в подъязыке герменевтики употребляется слово «passage» – отрывок. Оно стало ядерным для 14 терминологических сочетаний. В каждом из них слово «passage» конкретизируется, называя различные виды текстовых отрывков, подвергающихся интерпретации, например: Bible passage – отрывок из Библии; Old Testament passage – Ветхозаветный отрывок; didactic passage – нравоучительный, поучительный отрывок; incidental passage – случайный, вырванный из контекста отрывок; parallel passage – параллельный отрывок; отрывок, содержащий аналогичную информацию; symbolic passage – отрывок, который не следует толковать дословно; отрывок, в котором заложен символический смысл; passage of Scripture – отрывок из Писания.

Слово «environment» – окружение, среда также было заимствовано из общелитературного языка, куда попало благодаря шотландскому публицисту, историку и философу Томасу Карлейлю (Carlyle) (1795–1881), который предложил его в качестве эквивалента немецкому Umgebung – окрестность, окружение. Но в подъязыке герменевтики environment в сочетании с атрибутами обретает специализированный терминологический смысл,

а именно «окружение, в котором находится интерпретируемый текст», например: grammatical environment – грамматическое окружение, принятие во внимание которого не позволит исказить ни синтаксис, ни смысловую нагрузку отрывка. Contemporary environment – современное окружение текста, которое в значительной степени влияет на толкование и может привести интерпретатора к результатам иным, нежели те, которые он мог получить, анализируя текст непосредственно в эпоху создания произведения.

В нашу выборку также вошли термины, образованные от общеупотребительных слов путем переосмысления их семантической структуры.

Так, переосмыслению было подвергнуто слово общелитературного языка «blank» – пустое, свободное место, пробел. Например, в работе исследователя французской культуры Б. Роймана, посвященной проблемам герменевтики, мы встретили следующую фразу: «...a student familiar with studying... who has mastered the tradition, will naturally be led to reread – «in the future» – this text and its «blanks», and to (re)discover in it an undeciphered, radically new meaning» [13, p. 1–2] В данном контексте слово «blank». используется в значении «смысловой пробел, место в тексте, смысл которого неясен». По нашему мнению, этот пример можно рассматривать как метафорический перенос или перенос значения по сходству. В обоих случаях присутствует понятие пустоты, но в общеупотребительном слове эта пустота физическая – пробел на бумаге, а метафорическое понимание этого слова предполагает пустоту нематериальную, недостаток знаний в сознании интерпретатора.

Также на основе переноса по сходству появился термин «society of texts» – множество текстов. В слове «society» заложено значение «group, community, company», т. е. то, что существует не отдельно само по себе, а в тесной связи с другими себе подобными объектами. Этот признак сохраняется и в термине «society of texts», называющем все множество созданных за века письменных источников, которые взаимопроникают друг в друга и фиксируются в виде аллюзий, реминисценций и цитат.

Под омонимией в терминоведении, как и в лингвистике, понимается звуковое совпадение двух или нескольких языковых единиц, различных по значению. Примером данного языкового явления в подъязыке герменевтики является термин «construct» – толкователь. В литературном английском языке данное слово существует в двух вариантах: как существительное в значении конструкция и как глагол строить, сооружать, конструировать. Есть основания говорить об относительной новизне анализируемого термина. В просмотренных нами словарях зафиксированы только два последних значения. Омонимичное слово «construct» в значении «толкователь» встречается в Русско-английском справочнике по внешнеэкономическим связям [14, с. 339] и, очевидно, называет толкователя специфической документации (контрактов, договоров).

Общеупотребительное слово, обретая статус термина, использует существующие словообразовательные ресурсы языка, а именно различные аффиксы. Например, используется суффикс «-ist», обозначающий исполнителя той или иной деятельности: alcoranist – толкователь Корана; constructionist – амер. истолкователь

(законов и т. п.); *harmonist* – гармонизатор, специалист по параллельным местам текста (напр., Евангелия); *hermeneuticist, hermeneutist* – герменевт, толкователь; *literalist* – сторонник буквального понимания текста; *textualist* – критик текста, филолог, и суффикс «-ism», передающий значение сферы деятельности или направления мысли; *allegorism* – толкование Библии как аллегории; *autonomism* – теория автономности текста, согласно которой смысл текста существует независимо от воли его автора; *criticism* – литературно-художественная критика; *letterism* – подход к толкованию текста, заключающийся в анализе каждого его слова; *literalism* – буквализм; *mysticism* – мистицизм; *parallelism* – параллелизм; *plagiarism* – плагиат (тип интертекста); *textualism* – текстология, филологическая критика текста. Широко используются и другие словообразовательные модели. Так, уже рассматриваемый нами выше термин «text» выступает в качестве основы для следующих производных: *textualism, textualist, textuality, textual, textually, architextuality, context, contextual, contextualization, endtext, homotextuality, hypertextuality, hypotext, hypotextuality, intertext, intertextual, intertextuality, intratextuality, metatextuality, paratext, paratextuality, transtextuality.*

С другой стороны, изменяя значение, становясь термином, слово теряет свои прежние лексические связи, вступая в иные отношения с окружающими словами.

В качестве примера рассмотрим слово «horizon», которое используется в текстах по герменевтике согласно словарю Ю. Д. Апресяна [10, т. 2, с. 173] во вторичном значении *умственный горизонт, кругозор*. В этом значении общеупотребительное слово начало функционировать в английском языке с 1607 года и использовалось во фразах типа *beyond somebody's horizon, broaden one's horizon*. В подъязыке герменевтики, наряду с терминологическими сочетаниями «*reader's horizon*» – *кругозор читателя* и «*interpreter's horizon*» – *кругозор интерпретатора*, встречается также «*text's horizon*», которое сложно перевести. В нем заложена популярная в современной герменевтике, впервые высказанная Х.-Г. Гадамером идея о том, что читатель и текст взаимодействуют, взаимно обогащая друг друга. Текст, подобно человеку, проживает жизнь, состоящую из новых толкований и интерпретаций в различные исторические эпохи. С каждым новым прочтением горизонт понимания текста расширяется. Чтение не односторонний процесс. Х.-Г. Гадамер, а в дальнейшем М. М. Бахтин, трактовали его как диалог, беседу с текстом [15, с. 8], в результате которого текст духовно обогащает своего читателя/слушателя/зрителя и, наоборот, читатель, погружаясь в текст, вскрывает в нем глубинный смысл, который оказался недоступным для других. Задача понимания состоит в том, чтобы соотнести содержание прочитанного с собственной ситуацией и достигнуть *слияния горизонтов* – *fusion of horizons*. Это одно из условий понимания незнакомого текста или культуры.

Обретая новый терминологический оттенок значения, слово начинает не только иначе вести себя по отношению к другим единицам языка, в частности, как мы могли наблюдать выше, образовывать новые словосочетания, но также формирует новые ряды синонимов. Так, в синонимический

ряд с доминантой *text* в его терминологическом значении объект толкования можно включить следующие терминологические единицы: *Bible, creation, illustration, law, original, statement, Old / New Testament, work of art*, которые, согласно данным справочника П. М. Роже [16], не являются синонимами общеупотребительного слова «text».

Значение синонимичное слову «author» – *автор* помимо существующих *maker, creator, writer, narrator, composer, poet* в подъязыке герменевтики обретают такие терминологические единицы, как *transmitter, speaker, epistler*.

А. А. Реформатский отмечает положительную сторону терминологизации общеупотребительной лексики, так как, создавая термины из собственных ресурсов, язык не засоряется иноязычными словами [1, с. 83]. Но, с другой стороны, бывает, что слово в его новом терминологическом значении еще труднее разгадать. К примеру, трудности такого рода может вызвать термин «*boundaries of the text*» – *границы текста*. Сложность декодирования данного термина может заключаться в том, что общеупотребительное слово называет материальный объект, воспринимаемый зрительно, линию раздела, границу: *that which serves to indicate the limits of anything; the limit itself*. Герменевтический термин не подразумевает подобных видимых границ, как то: отступ от края страницы, разделение абзацев, параграфов или глав и т. п. Границы текста – явление, существующее в сознании интерпретатора, это то значение, которое приписывается данному тексту, его горизонт. Причем в ходе каждого нового истолкования эти границы могут расширяться.

Терминосистему герменевтики можно в целом охарактеризовать как неоднородную по своему составу, одним из наиболее продуктивных способов терминообразования которой являются семантические преобразования общеупотребительных слов. Целый ряд терминов герменевтики был образован от слов общеупотребительного языка путем расширения, сужения, специализации значения, а также путем метафорического переноса и способом образования омонимичных терминов. Это позволяет нам говорить о семантическом способе терминообразования как одном из характерных для подъязыка герменевтики, более того, его называют отличительной чертой всех гуманитарных наук, и в особенности литературоведческих, к коим относится герменевтика.

1. Реформатский А. А. Введение в языкознание. М. : Academia, 2005. 400 с.

2. Даниленко В. П. О месте научной терминологии в лексической системе языка. // Вопросы языкознания. 1976. № 4. С. 64–71.

3. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация: Виды наименований. М. : Наука, 1977. С. 129–222.

4. Кучерова Т. Н. Лингвистическая обусловленность формирования частных терминологических систем (на материале терминологии физической географии русского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1986. 184 с.

5. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды МИФЛИ. М., 1939. Т. 5. С. 5–6.

6. Лейчик В. М. Об относительности существования термина // Семантические проблемы языка науки, терминология информатики: науч. симпозиум. М. : Изд-во МГУ, 1971. Ч. 2. С. 436–442.

7. Прач В. П. Семантическая структура английских общеупотребительных слов и процессы терминологизации (на материале лексики по лесотехническим специальностям): дис. ... канд. филол. наук. Львов, 1990. 211 с.

8. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М. : Совет. энциклопедия, 1966. 606 с.

9. The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. Oxford : Clarendon Press, 1973. 2518 с.

10. Новый Большой англо-русский словарь : в 3 т. / Ю. Д. Апресян, Э. М. Медникова и др. М. : Русский язык, 1993. Т. 1. А–F. 832 с.; Т. 2. G–Q. 828 с.; Т. 3. R–Z. 824 с.

11. Hornby S. A., Gatenby E. V., Wakefield H. The Advanced Learner's Dictionary of Current English : в 3 т. Ставрополь : Сенгилей, 1992.

12. A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. Amsterdam, London, New York : Elsevier Scientific Publishing Co., 1971. 844 p.

13. Rojzman B. Black fire on white fire: An essay on Jewish Hermeneutics, from Midrash to Kabbalah. Berkeley, Los Angeles, London : University of California Press, 1998. 194 p.

14. Русско-английский справочник по внешнеэкономическим связям. М. : ВТИ-Дельта Пресс, 1993. 570 с.

15. Арнольд И. В. Проблемы диалогизма, интертекстуальности и герменевтики (в интерпретации художественного текста). СПб. : Образование, 1995. 60 с.

16. Roget's International Thesaurus. New York, San Francisco, London, Singapore, Sydney, Tokyo, Toronto : Harper & Row, Publishers, 1977. 1317 p.

© Ощепкова Т. В., 2014

УДК 81'37

А. Н. Попова
А. N. Popova

К ПРОБЛЕМЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ОБРАЗА РЕБЕНКА В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

TO THE PROBLEM OF SEMANTIC MODELING OF CHILD IMAGE IN RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

В статье содержатся материалы, предваряющие семантическое моделирование образа ребенка в русской языковой картине мира: с опорой на словари определяются границы детского возраста и очерчивается его лексико-семантическое пространство.

Ключевые слова: языковая картина мира, языковой образ ребенка, детский возраст.

This article contains materials which are previous to semantic modeling of the child image in the Russian language picture of the world. Based on dictionaries, the child age boundaries are identified and its lexical-semantic field is outlined.

Keywords: linguistic picture of the world, linguistic image of the child, child age.

Образ ребенка в картине мира любого языка занимает одно из центральных мест. Такое положение, несомненно, связано с особым отношением к детям: они являются важной частью жизни любого человека, заботой о них продиктованы многие решения в жизни общества. Русская языковая картина мира (далее – ЯКМ) не исключение: она располагает большим количеством лексико-семантических примеров, характеризующих ребенка с разных сторон. В данной статье содержатся рассуждения об определении границ детского возраста и классификация составляющих лексико-семантического поля «ребенок» в русской ЯКМ. Источником языкового материала послужил «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой.

Существует множество концепций возрастных периодизаций, основывающихся на различных факторах. Например, представители фрейдизма и неофрейдизма, определяя границы возраста, опирались только на изменения мотивационно-эмоциональной сферы личности. Другая концепция, развиваемая Ж. Пиаже, носит интеллектуалистический характер и строится лишь на учете возрастных изменений в мышлении. В исследованиях отечественных

психологов Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, Д. Б. Эльконина во главу угла ставится социальная составляющая: ребенок развивается как член общества, и его мышление и мотивы поведения формируются под влиянием социальных условий жизни и воспитания. По утверждению ученых, для каждого возраста существует своя специфическая «социальная ситуация развития» (термин Л. С. Выготского), т. е. определенное соотношение условий социальной среды и внутренних условий формирования индивида как личности [1, с. 120–121].

За основу в данной работе взята возрастная периодизация, приведенная в «Психологическом словаре» под ред. В. П. Зинченко: *В жизни человека принято выделять следующие этапы... младенчество (от рождения до 1 года), раннее детство (1–3), дошкольный возраст (от 3 до 6–7), младший школьный возраст (от 6–7 до 11–12), отрочество (от 11–12 до 15–17), юность (от 15–17 до 19–21), молодость (от 19–21 до 25–30), зрелость (от 25–30 до 55–60), старость (от 55–60 и старше). Каждый возраст в человеческой жизни имеет нормативы, при помощи которых можно оценить адекватность разви-*

тия индивида и которые касаются психофизического, интеллектуального, эмоционального и личностного развития [2, с. 52].

На наш взгляд, целесообразно определить детский возраст периодом 0–12 лет, включающим в себя младенчество, раннее детство, дошкольный и младший школьный возраст.

Для выявления лексико-семантических групп, репрезентирующих образ ребенка в представленных возрастных рамках, мы использовали материалы толкового словаря русского языка [3]. Здесь обнаруживаются две большие группы:

1) слова, в значении которых содержится сема «ребенок», например:

БЕЗОТЦОВЩИНА, -ы. 1. ж. Жизнь и воспитание ребенка без отца в семье (разг.). 2. м. и ж. Ребенок, растущий без отца (прост. неодобр.) (здесь и далее представлены материалы из [3]).

БЕСПРИЗОРНИК, -а, м. Беспризорный (во 2 знач.) ребенок, подросток. || ж. беспризорница, -ы. || прил. беспризорнический, -ая, -ое.

ВАНЬКА-ВСТАНЬКА, ваньки-встаньки, м. Куколка в виде округлой фигурки, которая из-за находящейся в нижней ее части тяжести принимает только стоячее положение.

ДЕТСАДОВСКИЙ, -ая, -ое (разг.). Относящийся к детскому саду;

2) лексико-семантическая группа, для которой отнесение к семантическому полю «ребенок» обусловлено контекстуально, например:

ВСХЛИПЫВАТЬ, -аю, -аешь; несов. Плача, судорожно вздыхать. *Ребенок всхлипывает.*

ЗАБОТИТЬСЯ, -очусь, -отишься; несов. 1. о ком-чем. Проявлять заботу (во 2 и 3 знач.) *Мама заботится о малыше.*

ИГРУШКА, -и, ж. Вещь, служащая для игры. *Детские игрушки.*

КАПРИЗНЫЙ, -ая, -ое; -зен, -зна. С капризами, с причудами. *Капризная девочка.*

Значительная часть слов, характеризующих ребенка, относится к пласту разговорной речи. Так, из исследованных 359 лексических единиц 200 (56 %) имеют нейтральный характер, 118 (33 %) относятся к разговорной речи, 28 (8 %) считаются просторечными с неодобрительным либо грубым оттенком, 13 (3 %) относятся к другим лексическим пластам (устаревшие, диалектные и другие слова). Такое положение, на наш взгляд, объясняется особой эмоциональной вовлеченностью взрослого человека в мир ребенка. В общении с детьми взрослые постоянно выражают оценку (поступкам, действиям, внешнему виду и т. д.), передают чувства и эмоции, что обуславливает характер стилистической окраски лексики. Кроме того, сфера общения с детьми – преимущественно социально-бытовая, не предполагающая официальных, деловых отношений, поэтому использование средств разговорного стиля здесь закономерно.

Дальнейшая классификация лексем возможна по частеречному принципу.

I. Имена существительные. По преимуществу данные слова используются для характеристики детей, их

окружения, обихода, а также как обращения. Выделяется несколько смысловых групп.

1) *Характеристика ребенка.* Сюда включены лексические единицы, отражающие:

а) *индивидуальные физиологические особенности ребенка*, например:

БУТУЗ, -а, м. (разг.). *Здоровый толстый ребенок, малыш. Бутуз внимательно смотрит на игрушку.*

ГОЛОВАСТИК, -а, м. 2. О том, у кого большая голова (разг. шутол.). *Головастик мой, пойдем почитаем книжку!*

ДУРНУШКА, -и, ж. (разг.). Некрасивая, лишенная милости женщина, девочка. *В детстве Настя была дурнушкой;*

б) *личностные особенности*, например:

ГАДЕНЫШ, -а, м. (прост.). О незрелом: то же, что гад (во 2 знач.) (презр.). *Что ты делаешь, маленький гаденыш?!*

ГЛУПЫШ, -а, м. (разг.). Еще неразумный ребенок (поскательно). *Мой глупыш, не расстраивайся!*

ЛАПОЧКА, -и (разг.). 2. м. и ж. Милый симпатичный человек (чаще о молодой женщине, ребенке). *Посмотри, какая крошечка, какая лапочка!*

Данные характеристики могут быть позитивными (*лапочка, золотце* и др.) и негативными (*бесенок, козявка* и др.);

в) *одежду ребенка, ее состояние, ее отсутствие*, например:

ЗАМАРАШКА, -и, м. и ж. (разг.). Тот, кто запачкался, испачкал лицо, руки (преимущ. о ребенке). *Замарашка, пойдем мыть ручки!*

ГОЛЫШ, -а, м. (разг.). 1. Голый человек (обычно о ребенке). *Голыш бегал по пляжу.*

ОБОРВЫШ, -а, м. (разг.). Человек в изорванной одежде, в лохмотьях (чаще о ребенке). *Жалкий оборвыш сидел у остановки.*

Отметим, что слова этой группы часто выступают в качестве обращений.

2) *Игры детей.* В этой группе представлены наименования различных детских игр: как подвижных, коллективных, так и настольных. Например:

КАЗАКИ-РАЗБОЙНИКИ, казаков-разбойников. Детская игра, в которой одна группа преследует и ловит другую. *Во дворе дети играли в казаки-разбойники.*

КОНСТРУКТОР, -а, мн. -ы, -ов, м. Детская игра – набор деталей для конструирования. *Мальчик увлеченно разбирал детали конструктора.*

КОШКИ-МЫШКИ. Детская игра, в которой один участник ловит остальных. *Мальши любят играть в кошки-мышки.*

3) *Действия, направленные на ребенка.* К словам данной группы по преимуществу относятся отглагольные имена существительные. В них присутствует сема «действие». По характеру действий, направленных на ребенка, обнаруживается две подгруппы:

а) *позитивные действия, позитивное воздействие*, например:

ЗАБОТА, -ы, ж. 3. Внимание, попечение, уход. *Окружить малыша заботой.*

ОПЕКА, -и, ж. 1. Форма охраны личных и имущественных прав недееспособных лиц (детей, лишившихся роди-

телей, душевнобольных). *Сирота был взят под опеку.*
3. Забота, попечение. *Мальчик находится под опекой бабушек.*

ПАТРОНАЖ, -а, м. Регулярное оказание лечебно-профилактической помощи на дому новорожденным и некоторым категориям больных. *Маме и ребенку необходим патронаж;*

б) *негативные действия, негативное воздействие*, например:

ВЗБУЧКА, -и, ж. Грубый выговор, нагоняй, или побои, выволочка (прост.). *Родители устроили сыну взбучку.*

ВСТРЕПКА, -и, ж. (разг.). Строгое наказание, с руганью, битьем, нагоняй. *Двоечнику задали встрепку.*

ГОЛОВОМОЙКА, -и, ж. (разг.). Строгий выговор с нравуочениями. *После головомойки ученик стал усерднее.*

4) *Статус ребенка.* Слова этой группы отражают социальные роли и статус детей, например:

БЕСПРИЗОРНИК, -а, м. Беспризорный (во 2 знач.) ребенок, подросток. *Беспризорник просил деньги у прохожих.*

ДОШКОЛЬНИК, -а, м. 1. Ребенок дошкольного возраста. *Дошкольники выполняют задание.*

ГИМНАЗИСТ, -а, м. Ученик гимназии. *Юные гимназисты участвовали в конкурсе детского творчества.*

5) *Предметы и объекты, которые принадлежат ребенку.* В эту группу включены слова, именующие предметы и объекты, связанные с ребенком, например:

ДЕТСКАЯ, -ой, ж. 1. Комната для детей. 2. Комплект мебели для такой комнаты. *В детской всегда светло.*

ЛЯГУШАТНИК, -а, м. 2. перен. Неглубокий детский бассейн (разг.). *Детки плещутся в лягушатнике.*

НАГРУДНИК, -а, м. 1. Небольшой передник или часть передника, закрывающая грудь. *Весь нагрудник малыша был в каше.*

6) *Статус, положение взрослого по отношению к ребенку.* К этой группе относятся существительные, называющие социальные роли взрослого по отношению к ребенку, например:

ВОЖАТЫЙ, -ого, м. 2. Руководитель детской общественной организации в школе, пионерском лагере. *Вожатый разговаривал с детьми.*

ВОСПИТАТЕЛЬ, -я, м. 2. Специалист, занимающийся воспитательной работой. *Воспитатель рисует с детьми.*

ОПЕКУН, -а, м. Лицо, которому поручена опека (в 1 знач.) над кем-н. *Опекун встретился с мальчиком.*

II. **Имена прилагательные.** Семантические группы разных частей речи, которые тесно связаны между собой. В частности, прилагательные так же, как и существительные, употребляются для описания ребенка: его внешности, эмоционального состояния, характера и др. Рассмотрим выявленные семантические группы.

1) *Характеристика ребенка.* Слова данной группы отражают:

а) *индивидуальные физиологические особенности ребенка*, например:

БЕЗЗУБЫЙ, -ая, -ое; -уб. 1. Не имеющий зубов. *Беззубый карапуз.*

БОЛЬШОЙ, -ая, -ое; больше, больший. 3. Взрослый (с точки зрения ребенка), а также (о ребенке) вышедший из

младенческого возраста, подросткий (разг.). *Сын уже большой, в школу пойдет.*

ЗВОНКОГОЛОСЫЙ, -ая, -ое; -ос. Со звонким, громким голосом. *Звонкоголосая детвора;*

б) *личностные особенности ребенка*, например:

ДРАЧЛИВЫЙ, -ая, -ое; -ив (прост.). Любящий драться (во 2 знач.). *Драчливый мальчишка.*

ЕГОЗЛИВЫЙ, -ая, -ое; -ив (разг.). Суетливый, слишком подвижный, непоседливый. *Егозливая малышка.*

КАПРИЗНЫЙ, -ая, -ое; -зен, -зна. С капризами, с причудами. *Капризный ребенок.*

2) *Описание эмоционального состояния, чувств ребенка*, например:

ЖИЗНЕРАДОСТНЫЙ, -ая, -ое; -тен, -тна. Не знающий уныния, радостный, бодрый. *Жизнерадостный кроха.*

ЗАРЕВАННЫЙ, -ая, -ое; -ан (разг.). То же, что заплаканный (со следами слез). *Зареванная девушка.*

УЛЫБЧИВЫЙ, -ая, -ое; -ив. С улыбкой на лице; часто улыбающийся. *Улыбчивый голыш.*

III. **Глаголы.** Слова данной группы употребляются для описания поведения, эмоционального состояния ребенка и действий, направленных на детей. Здесь также обнаруживаются тесные семантические связи с группами, представленными в других частях речи.

1) *Поведение ребенка*, например:

БЕСИТЬСЯ, бешусь, бесишься. 3. Резвиться, шалить без удержу (разг.). *Дети бесились весь вечер.*

КАНЮЧИТЬ, -чу, -чишь; *несов.* (прост. неодобр.). Надоедливо просить о чем-н., жаловаться на что-н. *Сын канючил весь день, выпрашивая игрушку.*

КАПРИЗНИЧАТЬ, -аю, -аешь; *несов.* Вести себя капризно, быть капризным. *Когда лезут зубки, дети всегда капризничают.*

2) *Действия, направленные на ребенка.* По характеру действия выделяется две подгруппы:

а) *позитивные действия, позитивное воздействие*, например:

ЗАБОТИТЬСЯ, -очусь, -отишься; *несов.*, о ком-чем. Проявлять заботу (во 2 и 3 знач.). *Мама заботится о детях.*

ЛЕЛЕЯТЬ, -ею, -еешь; -еянный; *несов.*, кого-что. Нежить, холить, заботливо ухаживать за кем-чем-н. *Этого ребенка все холят и лелеют.*

ПЕСТОВАТЬ, -тую, -туешь; -ованный; *несов.*, кого (что). 1. То же, что нянчить (устар.). 2. перен. Заботливо, любовно выращивать, воспитывать (высок.). *Дитяtko пестуют, сказочки читают, песенки поют;*

б) *негативные действия, негативное воздействие*, например:

ЖУРИТЬ, -рю, -ришь; *несов.*, кого (что) (разг.). делать легкий выговор, слегка бранить. *Родители пожурили ученика за плохую оценку.*

КРИЧАТЬ, -чу, -чишь; *несов.* 3. на кого (что). Бранить кого-н., резко говорить с кем-н. *Кричать на озорника.*

ПОРОТЬ², порю, порешь; поротый; *несов.*, кого (что) (разг.). Сечь, бить. *В детстве его нещадно пороли.*

3) *Описание эмоционального состояния, чувств ребенка*, например:

ВСХЛИПЫВАТЬ, -аю, -аешь; *несов.* Плача, судорожно вздыхать. *Малыш всхлипывал и никак не мог успокоиться.*

ЛАСКАТЬСЯ, -аюсь, -аешься; *несов.* Проявлять ласку по отношению к кому-н., стремясь вызвать к себе ответную ласку. *Ласкаться к матери.*

ЛЪНУТЬ, лъну, лънешь, *несов.* 1. к кому-чему-н. Прижиматься, прикасаться к кому-чему-н. (обычно – ласкаясь). *Ребенок лънет к матери.*

IV. **Наречия.** Слова данной группы характеризуют образ действий, свойственный ребенку, например:

ВЗАХЛЕБ, *нареч.* (прост.). Торопливо, захлебываясь (во 2 знач.). *Девчушка вздохнула рассказывала о книге.*

ВПРИПРЫЖКУ, *нареч.* То же, что подпрыгивая. *Детвора вприпрыжку возвращалась с занятий.*

ВРАССЫПНУЮ, *нареч.* В разные стороны (о разбегающихся). *Ребятня бросилась врассыпную.*

НАПЕРЕГОНКИ, *нареч.* Стараясь перегнать друг друга. *Из школы мальчишки возвращались наперегонки.*

Таким образом, анализ лексико-семантического пространства образа ребенка в русской ЯКМ показал наличие тесных семантических связей внутри поля. Это выражается в принадлежности одних и тех же семантических групп разным частям речи. Ядром лексико-семантического поля «ребенок» являются слова, имеющие в своем значении сему «ребенок» (*непоседа, малютка, пеленать, пинетки* и т.д.). К периферии названного поля относятся те лексемы, значение которых реализуется в контексте. Словарные статьи большинства таких слов сопровождаются примерами, связанными с детьми и детским возрастом, например:

БАЛОВАТЬ, -люю, -луешь; -ованный; *несов.* 1. *кого (что).* Относиться к кому-н. с излишним вниманием, потворствуя всем желаниям, прихотям. Баловать детей.

ИЗНЕЖЕННЫЙ, -ая, -ое; -ен. Привыкший к неге, доволствию, чувствительный к лишениям. *Изнеженный ребенок.*

КУВЫРКАТЬСЯ, -аюсь, -аешься; *несов.* 1. Переваливаться через голову. *Дети кувыркаются в траве.*

Значительная часть слов (33 %) имеет окраску разговорного стиля, что связано с особым отношением к детям: отсутствие формальности, официальности, заботливые, душевные отношения обуславливают разговорный характер речи вне зависимости от ситуации.

1. Степанов С. С. Популярная психологическая энциклопедия. 2-е изд., испр. и доп. М.: Эксмо, 2005. 672 с.

2. Психологический словарь / под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Педагогика-Пресс, 1999. 440 с.

3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2004. 944 с.

© Попова А. Н. 2014

УДК 811.111

А. В. Уланов
A. V. Ulanov

КОНСТАНТЫ ВОЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Статья посвящена специфике ментальных категорий, реализуемых в русском институциональном военном дискурсе начала XX века. Автор приходит к выводу, что в русском языке на данном этапе развития реализуются основные константы русской военной языковой картины мира: 'отношение к войне', 'отношение к родине', 'отношение к вооруженным силам России' и 'отношение к сослуживцам', причем структурные противоречия данного периода приводят к усилению негативных коннотаций внутри военно-дискурсивного пространства. Статья написана на материале военной мемуарной и художественной прозы периода Русско-японской и Первой мировой войн.

Ключевые слова: военный дискурс, константы, ментальные категории.

CONSTANTS OF THE MILITARY LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD IN THE RUSSIAN LANGUAGE AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The article is devoted to the specifics of the mental categories that are implemented in the Russian institutional military discourse of the early XX century. The author comes to the conclusion that the basic constants of the Russian military linguistic picture of the world, such as 'the attitude to war', 'the attitude towards the Motherland', 'the attitude to the armed forces of Russia' and 'the attitude towards co-workers', are implemented in the Russian language at this stage of development. Besides, the structural contradictions of this period reinforce negative connotations within the military-discursive space. The article is written on the material of the military memoirs and fiction of the period of the Russo-Japanese and the First World Wars.

Keywords: military discourse, constants, mental categories.

Объемный материал для исследования русского военного дискурса начала XX века содержат произведения русских литераторов этого периода, отразивших милитарную реальность последних десятилетий существования Российской империи: драматурга, прозаика, публициста Лео-

нида Николаевича Андреева (1871–1919) [1], драматурга, поэта, прозаика Сергея Николаевича Сергеева-Ценского (1875–1958) [2], русского и советского писателя, переводчика и литературоведа Викентия Викентьевича Вересаева (1867–1945) [3], а также двух авторов, ставших непосред-

твенными участниками военных действий: автора мемуарных записей Петра Николаевича Краснова (1869–1947) [4], генерала Русской императорской армии, атамана Всеволодского войска Донского, прозаика и публициста, военного и политического деятеля, а также младшего унтер-офицера Штукатурова [5], известного как автора «Дневников Штукатурова» периода Первой мировой войны.

Военно-исторические источники 1900–1910-х гг. отражают специфику военного дискурса в спектре его особенностей, к которым, в частности, относится:

(1) хронотопность – соотношенность с пространственно-временными характеристиками военных действий (государства и города-места ведения военных действий): *Мы продолжаем побеждать. Пруссия занята нашими войсками, и прошел слух, что не нынче завтра будет взята Кенигсберг. Это важно! А сегодня сообщение от штаба, что взяты Львов и Галич и австрийцы совершенно разбиты* [1];

(2) субъектность/объектность военных действий, отражающаяся в субстантивной и глагольной морфологических характеристиках (война ведется множеством лиц: *И их целое множество, их миллионы, этих озабоченно хлопочущих людей с ножами по наше горло, и все их неумолимые лица обращены к нам, к Петрограду, к Почтамтской, ко мне. Идут по шоссе и проселкам, ползут на автомобилях, едут по железным дорогам в набитых вагонах, залетают вперед на аэропланах и бросают бомбы, перескакивают от кочки к кочке, прячутся за бугорками, выглядывают, перебегают еще на шаг, еще на версту ближе ко мне, скалятся, ляскают зубами, волокут ножи и пушки, прицеливаются, видят вдали дом и поскорее зажигают его – и все идут, все идут!* [1]).

В художественной прозе данного периода обнаруживаются все основные константы военной языковой картины мира, в частности:

(1) константа 'отношение к родине', дополняемая оттенком 'дальнейшая судьба России': *Уже и песня смолкла, уже стемнело и весь тот берег покрылся огоньками в окнах и фонарях, а я все думал о том невыразимом, что есть солдаты и Россия... Россия* [1]. *Теперь уже со всех сторон слышится, даже в нашей скептической конторе: Господи, спаси Россию. Ну – а если Бог и не захочет вступить за Россию и спасти ее? Вдруг да и скажет: раз ты такая дура, и воровка, и мошенница, то и пропадай ты с твоими Мясоведовыми. Что же: так тогда и пропадать всей этой земле, которая называется Россией? Жутко. Всеми силами души борюсь против этой мысли, не допускаю ее... а на сердце такая жуть, такой холод, такая гнетущая тоска. Но что я могу? Здесь нужны Самсоны и герои, а что такое я с моей доблестью?* [1];

(2) константа 'отношение к войне', дополняемая оттенком 'осознание цели войны': *Нет, хоть распни меня – не могу понять и никогда не пойму, зачем люди стремятся убивать друг друга. Какая выгода? Какой смысл?* [1]. Другой оттенок – 'осознание гнетущей неизвестности': *Так как все пассажиры в купе были офицеры, то вполне естественно, что разговор между ними шел именно об этом: ведь у каждого из них была та гнетущая неизвес-*

тность, в которой вершителем судеб в большой мере являлся главнокомандующий, позади же болезненно ныла одна только обидная горечь военных неудач [2, гл. 1];

(3) константа 'отношение к вооруженным силам России', дополняемая оттенком 'восхищение вооруженными силами России': *Приходит с позиции офицер, в полушубке, в валенках, в капюшоне – весь в снегу, все течет, и опять смотришь, как, раздевшись, греется он чаем, и думаешь: вот она, великая война, вот она, великая русская армия! И в последней, самой незначительной черточке нашего походновоенного быта чувствуется эта великость происходящего* [1];

4) константа 'отношение к сослуживцам', дополняемая оттенком 'отношение солдат к офицерам' (отдаленность, отчужденность): *Поначалу, оказавшись на батарее, Путько почувствовал нерасположение к себе солдат. С чего бы? Нарушая устав, Антон не «тыкал». Не дергал без повода, не вешал без нужды нарядов. А все равно солдаты не подпускали к себе – к своим думам, к своим душам. Хоть и незримая, но бездонная расселина отъединяла его – офицера, «белую кость» – от нижних чинов, «серой скотинки»* [6, гл. 1].

С другой стороны, в речи военных отмечается пренебрежительная двунаправленная коннотация в отношении солдат («солдатня»):

– Как можно, ваше благородие! Разве наша солдатня, она хотя бы какая ни на есть, не понимает? – и Старосила почему-то поглядел при этом на Обидина и добавил: – Не в нашу ли роту и вы тоже будете?

– Значит, стать на революционный путь? – возвысил голос Родзянко. Оказав неповиновение монарху, Государственная дума тем самым поднимает знамя восстания и становится во главе его со всеми вытекающими из этого последствиями. Вы готовы к этому?

Солдатня. Черные толпы. А с фронтов уже идут, конечно, войска, посланные императором на бунтовщиков... Но эти приближаются... [6, ч. 2, гл. 2].

Подобное отношение обнаруживается в дневниковой прозе младших офицеров: *В самом деле, я и мне подобные прошли столь страдальческий путь десятимесячной военной жизни, и, идущие снова на этот мученический подвиг, принуждены испытывать пренебрежительное отношение от господ, подобных сему сытому писарю, который ничем более не рискует, кроме чернильного пятна на выхоленном пальце, между тем как многие из нас уже по 2–3 раза были ранены* [5].

Традиционно ключевое содержание в военном дискурсивном пространстве имеет константа 'отношение к Богу', что выражается на вербальном уровне в лозунговости ряда военных фразеологизмов и идиом: «За веру, царя и отечество» и т. п.:

...Казак 10-го Донского казачьего, генерала Луковкина полка... 4-ой сотни... за Веру, Царя и Отечество живот свой положивший... марта 1915 года... [4].

Молитвою была сильна Императорская Православная Россия, сильна и непобедима [4].

Кто-то крикнул: «Ура, Государю Императору». Вся пятнадцатитысячная толпа вдруг рухнула на колени и едиными устами и единым духом, запела: «Боже, Царя

храни»... Звуки народного гимна нарастали и сливались с рыданиями, все чаще прорывавшимися сквозь пение. Кончили и запели второй и третий раз запрещенный гимн [4].

Солдаты и сестра сели подле часовни. Почему-то сестре вспомнились слова **Спасителя, сказанные Им по воскресении из мертвых: «Восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и к Богу вашему».**

– Не погибнут эти люди, не может погибнуть Россия, пока в ней есть такие люди, – думала сестра. – Если мы любим Бога и Отечество больше всего, и Бог нас любит и станет нашим Отцом и нашим Богом, как есть Он Бог и Отец Иисуса Христа [4].

Яркое явление русской военной языковой картины мира в данный период – продуктивный процесс развития оппозиционности ментальных категорий. Приведем примеры ментальных оппозиций внутри константы ‘отношение к войне’:

(1) оппозиция ‘тяжесть военных действий’ – ‘удовольствие от победы’: С одной стороны, все как будто и **впрямь проклинают** войну с ее жестокостями и кровью, а с другой – **причмокивают губами от какого-то странного удовольствия** [1];

(2) оппозиции ‘ужас войны’ – ‘мир’: Там **война, кровь и ужасы**, а здесь моя Сашенька только что выкупала в теплой воде ангелочка Лидочку и бурбона Петьку, а теперь докупывает Женю и чего-то **смеется** [1];

(3) ‘жизнь на войне’ – ‘жизнь в мире’: И кому **война и слезы**, а мошеникам купцам и фабрикантам все в жир идет... каких домов потом понастроят, на каких автомобилях **закатывать будут – восторг и упоение!** [1];

(4) ‘живое’ – ‘мертвое’: Даже самое слово «война» стало бессмысленным. **Война – это мертвое, это пустой звук, к которому мы все давно привыкли, а тут что-то живое с ревом приближается к тебе, живое и огромное, все потрясающее** [1].

Другой процесс – актуализация противопоставленности ‘наши’ – ‘чужие’ в отношении противоборствующих наций: русские – японцы (Русско-японская война): 27-го января. Вторник. <...> На возвратном пути были оглушительные крики ура! Вообще отовсюду трогательные проявления **единодушного подъема духа и негодования против дерзости японцевъ** [7, с. 130–131].

В рамках русского институционального военного дискурса данного периода наблюдается тенденция к усилению негативных коннотаций:

(1) в отношении текущих войн: **Собралась и заседает Государственная Дума – но что это, о Господи всех сил! Читаю я эти ужасные отчеты, перечитываю, глазами ем каждую строку... и все никак не могу поверить, что это не нарочно, а самая настоящая правда. Снарядов нет. Сказали, что будут снаряды, и обманули! Подумать только: снарядов нет... хороши вояки, голыми руками хотят удержать германца! Голыми руками, это только представить себе надо** [1].

Надвигалась гроза, и многие не выдержав, **начали вслух сыпать проклятия и распоряжителям, и войне, и всем, и вся** [5];

(2) в отношении царской власти – в высших кругах армии в результате вскрытых фактов злоупотреблений:

– Вот видите как! А между тем ревизия обнаружила, что не четыре миллиона, а целых **два миллиарда прикарманили молодцы из артиллерийского ведомства в Петрограде!** [2, гл. 1].

(3) в отношении борьбы наций в военных действиях: **Боже! За что ты на нас, маленьких, обрушиваешь твой гнев. Накажи вот этих, накажи богатых и сильных, воров и предателей, лжецов и мошенников! <...> Страшно подумать, что для них не будет наказания. Не должно быть в жизни того, чтобы подлец торжествовал, это недопустимо, тогда теряется всякое уважение к добру, тогда нет справедливости, тогда вся жизнь становится ненужной. Вот на кого надо идти войной, на мерзавцев, а не колотить друг друга без разбору только потому, что один называется немцем, а другой французом. Человек я кроткий, но объяви такую войну, так и я взял бы ружье и – честное слово! без малейшей жалости и колебания жарил бы прямо в лоб!** [1].

– Если даже и не немец, так что из того? Сам не немец, так зато жена немка или в этом роде! А вы знаете, как приказано относиться у нас к пленным немцам? Наши пленные работают у немцев, как черти, а немцы у нас в плену пальцем о палец не ударят. Кто настоял на этом? Александра Федоровна – вот кто! Потому что ярая немка! [2, гл. 1].

– Кто? Да вот именно те, кто ведает высшей политикой, – сказал Ливенцев. – Те, кто могут безнаказанно рассовать по карманам два миллиарда и оставить фронт без снарядов и пушек; кто производит, тоже безнаказанно, уголовные махинации с кожей для солдатских сапог и тем самым разувает фронт; те самые, кто продает и валенки, и хлеб, чтобы у нас не было ни того, ни другого, а у немцев чтобы непременно было; те самые, при ком нельзя даже и заикнуться о том, что у нас в армии подозрительно много генералов немцев, потому что сейчас же они обзовут это «пошлым немцеедством» [2, гл. 1];

(4) в отношении хозяйственного снабжения армии – ‘плохое / негодное обеспечение иностранного происхождения’: После обычных многократных переключек, нас повели в цейхауз, но обмундировали нас плохо. Рваные австрийские сумочки, в которые ничего нельзя было положить, австрийские же чашки – котелки, которые совершенно русскому солдату непригодны, потому что они нам более нужны, чтобы вскипятить чай, а не для варки обеда, стеклянные баклажки [5].

Противоположная тенденция – усиление позитивных коннотаций за счет:

(1) одобрения военных действий российской армии: **Ура! Нашими войсками взята крепость Перемышль, и весь Петроград полон ликования. Какой счастливый, какой прекрасный день!** [1];

(2) И в первый раз за всю войну (не знаю, чем это объяснить) я понял, что значит слово «победа». Да, это не кот заплакал, это возвышает, это всего человека со всеми его потрохами поднимает на необыкновенную высоту! Победа... и слово какое простое, и сколько раз его слышал и сам произносил, а только теперь вижу, что это за сокровище... победа! Так и хочется кричать на весь дом: победа, победа! [1].

Динамика ментальных оценок проявилась в повышении уровня экспрессивности текстового пространства за счет привлечения большого количества прилагательных, наречий со значением оценки военных действий и информации с ними связанной:

По последним его письмам можно было заключить, что он где-то в Пруссии, где так ужасно были разбиты Самсоновские корпуса [1].

И я знаю, что если не теперь (мне почему-то кажется, что сейчас Павлуша жив), то в близком или далеком будущем его почти наверное убьют в этой ужасной войне, больше похожей на сплошное живодерство, чем на торжество какой-то справедливости [1].

Несомненно, что они сами виноваты в этой дикой войне, и мне, как русскому, надо радоваться их несчастью, но... [1].

Когда темно, тогда и холодно, и как, должно быть, холодно теперь этим несчастным зарвавшимся тевтонам; и думают они теперь: зачем мы начали эту проклятую войну, зачем свершили столько убийств и злодеяний, если в результате всех наших преступлений только холод, и темнота, и позор? [1].

29-го января. Четвергъ. Сегодня было только одно грустное известие: минный транспорт «Енисей» на Талиенванскомъ рейдѣ натолкнулся на плававшую мину и былъ взорванъ, причемъ погибли ком. кап. II р. Степановъ, 3 офицера и 92 матроса [7, с. 131].

31-го марта. Среда. Утромъ пришло тяжелое и невыразимо грустное известие о томъ, что при возвращеніи нашей эскадры къ Портъ-Артуру, брон. Петропавловскъ наткнулся на мину, взорвался и затонулъ, причемъ погибли адм. Мараковъ, большинство офицеровъ и команды. Кирилль, легко раненый, Яковлевъ – командиръ, нѣсколько офицеровъ и матросовъ – все раненые – были спасены. Цѣлый день не могъ опомниться отъ этого ужаснаго несчастья [7, с. 141].

Посль полного обхода нашего лѣваго фланга отрядъ ген. Кашталинскаго пришлось уступить. К сожалѣнію, кромь огромныхъ потерь людьми – орудія и пулеметы

были оставлены на позиціи, въ виду того что всь лошади были перебиты. Тяжело и больно! [7, с. 144].

Таким образом, в русском языке на данном этапе развития реализуются основные константы русской военной языковой картины мира: 'отношение к войне', 'отношение к родине', 'отношение к вооруженным силам России' и 'отношение к сослуживцам'. Отметим, однако, что структурные противоречия этого времени приводят к усилению негативных коннотаций внутри военно-дискурсивного пространства.

1. Андреев Л. Н. Иго войны. Признание маленького человека о великих днях. URL: http://www.militera.lib.ru/prose/russian/andreev_in01/index.html (дата обращения 19.10.2014).

2. Сергеев-Ценский С.Н. Собр. соч.: в 12 т. М.: Правда, 1967. Т. 11. URL: <http://www.militera.lib.ru/prose/russian/sergeev-tsensky2/index.html> (дата обращения 19.10.2014).

3. Вересаев В. В. Записки врача. На японской войне / вступ. ст. Ю. Фохт-Бабушкина. М.: Правда, 1986. 560 с. URL: http://www.militera.lib.ru/memo/russian/veresaev_vv/index.html (дата обращения 19.10.2014).

4. Краснов П. Н. Тихие подвижники. URL: <http://www.militera.lib.ru/prose/russian/krasnov/index.html> (дата обращения 19.10.2014).

5. Дневник Штукатурова // Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 г. М., 1919. Вып. I. URL: <http://www.militera.lib.ru/db/shtukaturov/index.html> (дата обращения 20.10.2014).

6. Понизовский В. М. Заговор генералов. М.: Московский рабочий, 1978. URL: http://www.militera.lib.ru/prose/russian/ponizovsky_vm/index.html (дата обращения 20.10.2014).

7. Дневникъ императора Николая II. Берлинъ : Изд-во «Слово», 1923. 272 с.

© Уланов А. В., 2014

АНАЛИЗ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА «РОДИНА» В УСЛОВИЯХ УЧЕБНОГО ТРИЯЗЫЧИЯ

На базе современного психолингвистического подхода к значению слова как «живому знанию» исследуется специфика формирования эмоциональной составляющей значения слова в сознании индивида, находящегося в ситуации учебного триязычия. Выход на значение слова в сознании индивида осуществляется с помощью ассоциативного эксперимента, результаты которого возможно представить в виде интегративной модели значения слова. Результаты проведенного автором эксперимента показывают качественную и количественную неоднородность эмоционально-оценочного компонента значения слова на родном и изучаемом языках.

Ключевые слова: учебное триязычие, значение как «живое знание», ассоциативный эксперимент, эмоционально-оценочный компонент значения слова.

THE ANALYSIS OF AN EMOTIONAL COMPONENT OF THE MEANING OF WORD «HOMELAND» IN CONDITIONS OF EDUCATIONAL TRILINGUALISM

The peculiarity in formation of the emotional component of the word meaning in a person's mind, in condition of an educational trilingualism, is being investigated based on the contemporary psycholinguistic approach to the meaning of the word as a "living knowledge". The output to the meaning of the word in a person's consciousness could be found through an associative experiment, the results of which may be introduced as an integrative model in the meaning of the word. The results of this experiment, conducted by the author, have shown the quality and quantity inhomogeneity of the emotionally-estimated component of the word in native and target languages.

Keywords: educational trilingualism, meaning as a "living knowledge", associative experiment, emotionally-estimated component of the meaning of the word.

Понимание значения слова как «достояния индивида», подход к слову как к «живому знанию» являются новыми для отечественных лингвистов. Уже в работах А. А. Потебни, Н. В. Крушевского [1; 2] мы находим размышления о том, что слово и его значение нельзя назвать застывшими структурами, скорее, они подобны в своем существовании живому организму. Реализацию этого подхода мы видим также в работах таких крупных ученых в области психологии и психолингвистики, как Л. С. Выготский, А. А. Леонтьев, А. Н. Леонтьев. Благодаря их исследованиям значение слова начинает рассматриваться в тесной взаимосвязи с процессами мышления. Значение – это путь «не к выражению, а к совершению мысли в слове» [3, с. 190]. А. Н. Леонтьев рассматривает значение слова с точки зрения теории речевой деятельности и указывает на то, что значения *производны от системы деятельности и сознания*, и они должны исследоваться с учетом «внутренних отношений системы деятельности и сознания» [3, с. 111]. Он называет значение слова основной когнитивной (познавательной) единицей, формирующей образ мира.

Позже А. А. Леонтьев обращает внимание на двойную онтологию значения слова: оно «...не может быть целиком локализованным ни в индивидуальной психике или сознании, ни в общественном сознании» [4, с. 317], следовательно, можно говорить об «узком» понимании значения, которое характерно «для лингвистики, связано с понятием знака» и в котором «речь идет только о словесном, вербальном значении» [4, с. 317], и «широком», которое представляет собой «субъективное содержание знакового образа» [4, с. 321].

Также психолингвистический подход к пониманию значения слова как «достояния индивида» на протяжении ряда лет разрабатывает А. А. Залевская (см., например,

[5; 6; 7]). Она подчеркивает, что характерные особенности живого слова в том, что оно является достоянием пользующегося языком человека, продуктом своеобразной переработки человеком его опыта познания и общения, средством доступа к образу мира индивида, специфическим орудием разнообразной (в том числе коммуникативной) индивидуальной и социальной деятельности людей. Живое слово способно возбуждать представление о вещи со всеми ее признаками, позволяет думать о действительности, обеспечивает взаимодействие сенсорики, интеллекта и эмоционально-оценочных переживаний и не совсем такое, каким оно представлено в словаре [5, с. 88].

В своей работе «Двойная жизнь значения слова» А. А. Залевская сравнивает слово с лазерным лучом, считающим голограмму. Подобно лучу, оно ««высвечивает» в индивидуальном образе мира некоторый объект» [8, р. 91], являясь, таким образом, средством доступа к «единой информационной базе человека» [8, р. 91]. Под данным термином Залевская понимает совокупность всего, что было познано, переработано индивидом; также она акцентирует внимание на том, что эта информация должна быть не просто узнаваемой, а постигаемой и лично переживаемой при постоянном взаимодействии перцептивных, когнитивных и аффективных процессов [8, р. 89–90].

Из этого можно сделать вывод, что значение каждого слова является лично переживаемым и тесно связанным с эмоционально-оценочными процессами. Поддержку в данном вопросе мы находим у ряда ученых, в частности у Ф. Е. Василюка, утверждавшего, что «любой образ, даже образ, связанный с самой абстрактной идеей, всегда воплощен в чувственном материале, его всегда «исполняет» целый ансамбль осознаваемых и неосознаваемых телесных движений и чувствований» [9, с. 16]. С. Л. Рубинш-

Результаты СД для слова-стимула *родина*

Параметры оценки	<i>Vlast</i>	<i>Родина</i>	<i>Homeland</i>
Веселый/ грустный	1,28	1,82	1,86
Хороший/ плохой	1,42	1,88	1,88
Полный/ пустой	1,16	1,64	1,56
Светлый/ темный	1,08	1,64	1,7

тейн пишет о том, что «реальный мыслительный процесс связан со всей психической жизнью индивида. Чувства... включаются в каждый интеллектуальный процесс и своеобразно его окрашивают», «мыслит не «чистая мысль», а живой человек, поэтому в акт мысли в той или иной мере включается и чувство». Следовательно, слово, в котором «формируется» мысль, не может не нести следов эмоций, окрашивающих мыслительный процесс [10]. Как пишет Е. Ю. Мягкова, «каждое слово “выводит” нас в сложный мир переживаний, которые не всегда могут быть отображены сознанием и дифференцированы» [11, с. 70].

Таким образом, говоря о эмоционально-чувственном компоненте слова, мы вслед за Е. Ю. Мягковой понимаем его как «комплекс связанных со словом переживаний», «в этом комплексе соединяются как сиюминутные субъективные впечатления, так и опосредованные культурой отношения и эмоции» [11, с. 78].

Исследование эмоционально-оценочного компонента слова может быть осуществлено с помощью психолингвистических экспериментов, в частности таких, как метод семантического дифференциала и свободный ассоциативный эксперимент. Материалом для настоящего исследования послужили результаты проведенной нами серии психолингвистических экспериментов, в которых приняли участие чехи – студенты отделения русистики университета им. Палацкого в городе Оломоуц в возрасте от 20 до 24 лет (эксперимент 1, экспериментальная группа – 25 человек) и чехи – студенты отделения русистики Остравского университета в возрасте от 20 до 36 лет (эксперимент 2, экспериментальная группа – 50 человек). Эксперимент состоял из двух частей: семантический дифференциал и свободный ассоциативный эксперимент (САЭ). Эксперимент проводился на чешском языке (эксперимент 1) и на чешском/русском/английском языках (эксперимент 2). Студентам были предъявлены слова-стимулы, обозначающие базовые концепты культуры повседневности. Всего получено и обработано около 2 500 ассоциативных реакций.

Первый эксперимент, проведенный нами в декабре 2012 года, был пилотным и имел своей целью выбрать из 30 слов-стимулов, называющих базовые концепты повседневности, те, которые будут наиболее интересны с точки зрения исследования эмоционального компонента их значения. Анализ данных САЭ проводился следующим образом: было взято ядро каждого из слов, подсчитано количество реакций эмоционального характера и указано в процентном соотношении к общему количеству ядерных реакций. По результатам наиболее высоких показателей в список слов-стимулов для основной волны эксперимента были включены 14 единиц: *хорошо/плохо, Чехия/Россия, чех/русский, дом, семья, любовь, деньги, работа, дружба, свобода, родина*. В данной статье мы представим фрагмент работы, связанный с обработкой результатов САЭ основной волны, полученных для слова-стимула *родина/vlast/homeland*.

На первом этапе данные, полученные в результате проведенного эксперимента, были нами обработаны и сведены в таблицу, где по каждому из параметров каждое слово имеет свой «вес», являющийся средним арифметическим от общей суммы оценок и округленный до сотых (см. табл. 1).

Из таблицы 1 видно, что слово на чешском оценено респондентами ниже, чем слова на иностранных для них языках. При этом наиболее выражены оценочно шкалы *веселый/грустный* и *хороший/плохой*, по ним стимулы на русском и английском имеют оценку, приближающуюся к 2 (достаточно высокую) – 1,82 и 1,86 для первой шкалы, 1,88 для второй шкалы, тогда как слово-стимул на чешском оценено всего на 1,28 и 1,42 соответственно. По шкалам *полный/пустой* и *светлый/темный* нагрузка по всем языкам снижается: для русского слова до 1,64 по обоим шкалам; для английского слова до 1,56 и 1,7; для чешского до 1,16 и 1,08. Показательно, что самый низкий из всех полученных результатов для данного слова мы наблюдаем по параметру *светлый/темный* и что наиболее низкую оценку имеет слово на родном языке. Можно предположить, что в случае с родным языком слово-стимул *vlast* вызывает в сознании фрагмент действительности, связанный с конкретной родиной индивида – Чехией, к которой есть определенное отношение: понимание всех ее недостатков, отрицательных сторон и пр. Возможно, что слова-стимулы *родина* и *homeland* являются для индивида более абстрактными, обозначают «хорошее» понятие и поэтому в среднем положительно и переживаются. Может, сыграло свою роль и созвучие чешского и русского слова: на чешском *rodina* – это семья, а это слово, по данным проведенных экспериментов, переживалось большинством испытуемых положительно. В состав же английского слова входит *home*, также оцененное по всем шкалам выше среднего.

Первый этап эксперимента доказал, что эмоциональный вес слов-стимулов на разных языках может быть различным, несмотря на то, что все эти слова указывают на схожий фрагмент действительности в языковом сознании индивида.

На следующем этапе мы построили интегративную модель значения слова по В. А. Пищальниковой [12], состоящую из четырех компонентов: понятийного, предметного, эмоционально-оценочного и индивидуально-ассоциативного, а потом сопоставили количественный и качественный состав эмоционально-оценочного компонента для слова-стимула *родина* на разных языках.

Начнем построение модели с чешского слова *vlast*:

АП *vlast*

Česko (10), ČR (7), domov (6), Česká republika (6), vlastenectví (2), země (2), Bedřich Smetana, domovina, Čechy, Češi, hymna, Karviná, koruna, lidé, moje, obyvatelstvo, patriot, Praha, prezident, rodina, trikolora, vlastenec (по 1).

Произведем распределение всех реакций, полученных в результате САЭ, по четырем параметрам:

1) Понятийные реакции.

Česko (10), ČR (7), Česká republika (6), země (2), domovina – всего 26.

2) Предметные реакции.

Češi, hymna, koruna, lidé, obyvatelstvo, Praha, prezident, rodina, trikolora – всего 9.

3) Эмоционально-оценочные реакции.

domov (6), vlastenectví (2), moje, patriot, vlastenec – всего 11.

4) Индивидуально-ассоциативные реакции

Bedřich Smetana, Čechy, Karviná, – всего 3.

На диаграмме (рис. 1) мы видим, что в структуре значения слова-стимула на чешском языке эмоционально-оценочный компонент занимает 21 % от общей суммы остальных параметров. Большая часть реакций находится в ядре и связана с таким чувством, как патриотизм, и с оценкой родины как дома, как «моей».



Рис. 1. Структура значения слова-стимула *vlast*

Подобная работа была проведена также со словами-стимулами на русском и английском языках, ее результаты представлены в виде диаграмм (см. рис. 2, 3).

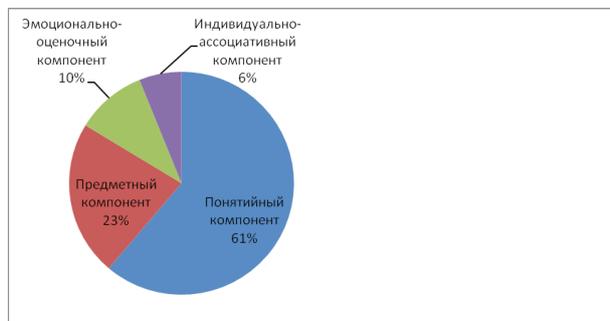


Рис. 2. Структура значения слова-стимула *rodina*

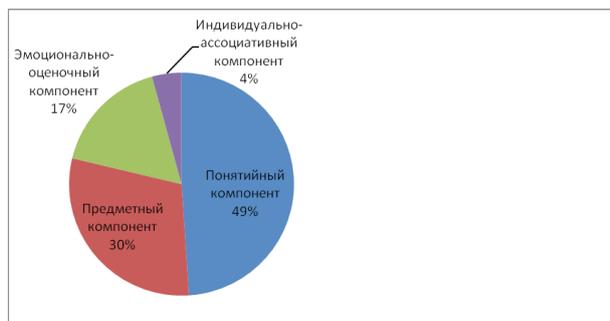


Рис. 3. Структура значения слова-стимула *homeland*

Сравнивая показатели областей диаграмм, соответствующих эмоционально-оценочному компоненту, мы видим, что они неравнозначны: наиболее выражена эта часть значения у слова на родном языке – *vlast* (23 %), далее стимул на английском *homeland* (17 %) и меньше всего в процентном соотношении занимает эмоциональный компонент в структуре значения слова-стимула *rodina* (10 %).

Для удобства восприятия все собранные экспериментальным путем данные о количественном и качественном составе эмоционально-чувственного компонента слова мы попытались представить в виде сводной таблицы (см. табл. 2), из которой видно, что формирование данного компонента происходит для каждого слова в индивидуальном «фоновом» режиме.

Таблица 2

Сводные данные о количественном и качественном составе эмоционально-чувственного компонента слова

<i>vlast</i> 23 %	<i>rodina</i> 10 %	<i>homeland</i> 17 %
domov (6), vlastenectví (2), moje, patriot, vlastenec	гордость, домов, патриот, родная, чест	home (3), love (2), nice (2), good

Несмотря на то что слова на разных языках, обозначающие один феномен, отсылают индивида к одному и тому же фрагменту действительности (в теории), на практике этот путь оказывается специфичным для каждого из отдельно взятых слов на каком-либо языке. Например, мы видим, что для всех языков слово-стимул «родина» связывается со словом-стимулом «дом», но в эмоционально-оценочном компоненте чешского слова он оказался количественно больше, чем во всех остальных языках. Интересно, что на чешском и русском языках появляются словесные обозначения такого чувства, как патриотизм, гордость за свою страну, но подобных реакций нет в оценке этого стимула на английском языке. При этом последний включает в состав своих эмоционально-оценочных реакций более простые обозначения положительных эмоций: *love, nice, good*.

Подобное сопоставление доказывает, что формирование эмоционального-чувственного компонента значения в языковом сознании индивида, находящегося в ситуации учебного триязычия, имеет свою специфику для каждого нового слова на каждом новом языке.

1. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М. : Искусство, 1976. 612 с.

2. Крушевский Н. В. Очерк науки о языке // Хрестоматия по истории русского языкознания / под ред. Ф.П. Филина. М. : Высшая школа, 1973. С. 417–433.

3. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. 2-е изд. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1977. 304 с.

4. Леонтьев А. А. Деятельный ум (Деятельность. Знак. Личность). М. : Смысл, 2001. 392 с.

5. Залевская А. А. Значение слова сквозь призму эксперимента : монография. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2011. 239 с.

6. Залевская А. А. Индивидуальное знание: Специфика и принципы функционирования : монография. Тверь : Твер. гос. ун-т, 1992. 136 с.

7. Залевская А. А. Слово. Текст. Избранные труды. М. : Гнозис, 2005. 542 с.

8. Залевская А. А. Двойная жизнь значения слова. Теоретическое и экспериментальное исследование. Saarbrücken : Palmarium Academic Publishing, 2012. 278 р.

9. Василюк Ф. Е. Структура образа // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 5–19.

10. Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. М. : Изд-во АН СССР, 1958. 147 с.

11. Мягкова Е. Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова. Курск : Изд-во Кур. гос. пед. ун-та, 2000. 110 с.

12. Пищальникова В. А. Общее языкознание : учеб. пособие. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. 240 с.

© Шадрина А. А., 2014

УДК 811.111+811.161

А. А. Шестова
A. A. Shestova

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ МЕЖДУ ОТРАЖАЮЩИМИ ЯВЛЕНИЯ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ СЛОВАМИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

THE SEMANTIC RELATION BETWEEN THE RUSSIAN AND ENGLISH WORDS REFLECTING THE PHENOMENA OF THE TECHNOGENIC CIVILIZATION

Статья посвящена семантическому анализу слов и словосочетаний, отражающих явления техногенной цивилизации. Материалом исследования являются компоненты словосочетаний «искусственный интеллект», «электронная культура», «информационная культура», существительное «информация» и их английские эквиваленты. В статье сравниваются представления об «искусственном» и «естественном» в научной картине мира и наивной картине мира, зафиксированной в русском и английском толковых словарях. Между компонентами словосочетаний семантическая связь устанавливается как в прямом, так и в обратном направлении. В русских прилагательных «искусственный», «электронный», существительном «информация» и их английских эквивалентах выявляются семы «добро», «зло», «дух», «личность», «творчество» и их английские эквиваленты и их дериваты.

Ключевые слова: семантический анализ, искусственный интеллект, электронная культура, информационная культура, естественный.

The article is devoted to the semantic analysis of the words and word-combinations that deal with the phenomena of the technogenic civilization. The components of such word-combinations as «artificial intelligence», «electronic culture», «information culture» and the noun «information» are analysed in Russian and English. The article aims to compare the views on the «artificial» in the scientific literature with the definitions in the Russian and English explanatory dictionaries. The semantic relation between the components of the word-combinations is ascertained in the direct and reverse order. The semes reflecting such phenomena as «good», «evil», «spirit», «person», «creation» and their derivatives are found in the definitions of the Russian and English adjectives «artificial», «electronic» and the noun «information».

Keywords: semantic analysis, artificial intelligence, electronic culture, information culture, natural.

Современная эпоха представляет собой эпоху информационного общества, в котором информационные технологии пронизывают все сферы человеческой деятельности, а информация стала неотъемлемым атрибутом человеческой жизни. Человек все полнее погружается в мир электронной культуры, пронизывающей содержание социальной жизни. М. П. Бережная указывает на то, что «в современном обществе происходит трансформация системы ценностей и разрушение традиционных форм культуры» и, «обладая необходимым интеллектом, <...> человек оказывается лишенным духовности» [1].

Искусственная среда влияет на условия существования человека, в частности, на «уровни константности естественного – экосферный, социальный, личностный, эмоционально-психический». Взаимопроникновение искус-

ственного и естественного «сопровождается глубоким изменением естественного», и «перманентное развитие искусственной среды может осуществляться только за счет вытеснения природного, естественного» [2].

По мере своего развития искусственные интеллектуальные системы «становятся все более автономными относительно человека, а их поведение отличается все большей непредсказуемостью» [3]. Высказывается мнение о том, что «искусственный интеллект – зло» и «его создание может привести к настоящей антропологической катастрофе», поскольку при его появлении «человек начнет деградировать» [4, с. 41–42].

В современных исследованиях высказываются различные точки зрения на взаимосвязь «искусственного» и «естественного». Так, С. В. Лещев указывает на «естес-

твенную» сторону искусственной формальной когнитивной системы (интеллекта), в то же время отмечая, что «подобным образом можно показать «искусственность» естественной когнитивной системы (интеллекта)» [5, с. 39]. Автор полагает, что «сведения о мире субъект приобретает в опыте и умело использует их в адекватной обстановке, и коль скоро, данные приобретаются искусственным путем обучения, следовательно, естественный интеллект не насквозь «естествен», но <...> в нем начинают превалировать искусственные конструкции – «знания», а сам он, погруженный в эти ментальные артефакты, является отчасти искусственным интеллектом» [15, с. 39]. Р. А. Мигуренко отмечает что «создание модели искусственного интеллекта <...> основано на определенном понимании человеческого сознания, естественного интеллекта» [6, с. 86].

В теоретическом аспекте искусственный интеллект – это «область междисциплинарных исследований по моделированию человеческой способности к рациональному мышлению и творческой деятельности», а в прикладном – «устройства и системы, способные воплощать теоретические идеи и подходы», и «в этом смысле искусственный интеллект связан с бионикой и робототехникой» [6, с. 87].

Сопоставляя способности искусственного и естественного интеллекта, Р. А. Мигуренко обращает внимание на то, что «техническое устройство имитирует, симулирует человеческий интеллект лишь в некоторых компетенциях», поскольку «есть такие способности у человека, которые не поддаются ни имитации, ни симуляции», в частности, «специфичность индивидуальной психической жизни, <...> уникальность естественного языка как сферы проявления индивидуального сознания; изменчивость структуры человеческих мотиваций, системы ценностей <...> разнообразие форм вербального и невербального межличностного общения; <...> компетенции, связанные с творчеством» [6, с. 89]. Поэтому «информация, которой владеет естественный интеллект, субъективно нагружена», а «информация, которой оперируют искусственные вычислительные системы, личностно нейтральна» [6, с. 88].

Как отмечает З. И. Резанова, «развитие теории искусственного интеллекта оказывается зависимым от результатов исследований когнитивной деятельности человека и способов ее семиотической репрезентации в системах естественных языков. Оппозиция *естественный* – *искусственный интеллект* соотнесена с оппозицией *естественный* – *формализованный язык описания*, вследствие чего актуализируется проблема понимания возможностей *естественного языка* в формировании модели и структур сознания и искусственного интеллекта» [7, с. 197].

Языковое сознание отражает этноспецифические и общечеловеческие характеристики. Проявление национально-культурного своеобразия языка возможно на всех его уровнях, в частности лексическом, и может быть описано при сопоставлении одной языковой системы с другой.

Современное языкознание придает большое значение проблемам семантики. Как известно, в языке нет и не может быть слов, которые были бы изолированы в семантическом отношении. Напротив, каждое слово связано со значениями многих других слов огромным количеством нитей. Согласно «правилу шести шагов», выявленному

Ю. Н. Карауловым, «цепочка, связывающая два любых слова в словаре, не только всегда существует, но для произвольно выбранных слов она никогда не превышает шести шагов до общего элемента» [8, с. 77]. Говоря об общности семантических элементов у отобранных слов, автор не разбивает общие элементы и слова, которыми они связаны, на какие-либо группы. Данное правило «сохраняет силу до тех пор, пока не будет обнаружена такая пара слов в одном и том же словаре, цепочка связей между которыми будет содержать более шести шагов» [8, с. 77].

В связи с возросшим интересом к проблеме междисциплинарного пересечения гуманитарных наук: философии, педагогики, психологии, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики – актуально сравнение представлений о соотношении «искусственного» и «естественного» в научной и зафиксированной в толковых словарях наивной картинах мира.

В отличие от Ю. Н. Караулова мы анализируем семантическую связь у определенной группы слов, выявляя в их значениях предварительно установленные семы. Вслед за И. В. Арнольд под термином «сема» мы понимаем «элементарную составляющую значения слова или другой языковой единицы, отражающую различаемые языком признаки обозначаемого» [9, с. 50].

Материалом исследования являются компоненты словосочетаний *искусственный интеллект*, *электронная культура*, информационная культура, существительное *информация*, прилагательное *естественный* и их английские эквиваленты, отобранные на базе Русско-английского словаря общей лексики, соответственно *artificial intelligence*, *electronic / electron culture*, *information culture*, *information*, *natural* [10].

В исследовании решаются следующие задачи: выявить семантическую связь между прилагательными *искусственный* и *естественный* в русском языке и *artificial* и *natural* в английском; выявить семантическую связь между компонентами словосочетаний *искусственный интеллект*, *электронная культура*, *информационная культура* и *artificial intelligence*, *electronic culture*, *information culture*; в значениях прилагательных *искусственный*, *электронный*, существительном *информация* в русском языке и прилагательных *artificial*, *electronic*, существительном *information* в английском языке выявить семы *добро*, *зло*, *дух*, *личность*, *творчество* / *good*, *evil*, *spirit*, *person*, *creation* и их дериваты; определить, сохраняет ли силу «правило шести шагов» Ю. Н. Караулова.

Выбор предварительно установленных сем обусловлен тем, что «новому типу общественного устройства необходим человек нового склада – креативный, высокоорганизованный, не только в смысле организации труда, но и, в большей степени, высокой духовной организации» [11]. Л. С. Перевозчикова отмечает, что «культура информационного общества должна быть основана на гуманизме – ценностной системе, утверждающей приоритетную значимость человеческой личности» [12]. Понятие духовности интерпретируют как интегральную ценностную позицию личности, которая «базируется на признании приоритетной значимости ценностей Духа: Добра, Истины и Красоты» [12]. «Добро» и «зло» относят к базовым лингвокультурным

концептам, определяющим ценностные ориентиры, которые синтезируют «общечеловеческие ценности и особенности национального языкового сознания» [13]. По словам О. А. Егоровой, «содержание концептов «добро» и «зло», «good» and «evil» обусловлено мировидением, мироощущением и базисными представлениями индивидов как членов разных лингвокультурных сообществ» [14].

Рассмотрим семантическую связь между прилагательными *искусственный* и *естественный* в русском языке и соответственно прилагательными *artificial* и *natural* – в английском. В анализе словарных дефиниций, проводимом на базе Словаря русского языка [15] и Oxford dictionaries [16], за один шаг мы принимаем, с одной стороны, переход от одного значения к другому внутри толкования того же слова, с другой – переход от слова одной части речи в соответствии со словарной отсылкой к слову другой части речи. По существу это разные явления, но с точки зрения анализа и то, и другое – один шаг. Мы не ставим целью отбирать только синонимы: если в антониме того или иного слова выявляется искомая сема, мы отбираем ее, несмотря на то что «заряд» меняется на противоположный.

В цепочке анализа словарных дефиниций от прилагательного *искусственный* до прилагательного *естественный* и в обратном направлении наблюдается одинаковое количество шагов. Ср.: *естественный* – натуральный – *искусственный* (2) (здесь и далее цифра в скобках показывает количество шагов анализа словарных дефиниций), *искусственный* – природный – *естественный* (2).

На примере прилагательного *искусственный* проиллюстрируем анализ словарных дефиниций: 1 шаг – ИСКУССТВЕННЫЙ – 1. полн. ф. Не природный, сделанный наподобие подлинного. 2 шаг – ПРИРОДНЫЙ – 2. Естественный, натуральный. Так, первым шагом является переход от прилагательного *искусственный* к прилагательному *природный*, вторым – переход от прилагательного *природный* к прилагательному *естественный*. Подобным образом были проанализированы все исследуемые слова.

В английском языке в значении прилагательного *artificial* прилагательное *natural* выявляется уже на 1 шаге, в то время как в обратном направлении – на 5 шаге. Ср.: *artificial* – *natural* (1), *natural* – *supernatural* – *unnaturally* – *unnatural* – *artificial* (5).

Результаты анализа словарных дефиниций позволяют говорить о различном представлении об «искусственном» и «естественном» в русской и английской лингвокультурах. Основываясь на предположении о том, что меньшее количество шагов анализа словарных дефиниций от одного слова до другого свидетельствует о более тесной семантической связи между ними, можно утверждать, что в русском языке семантическая связь между прилагательными *искусственный* и *естественный* более тесная, чем между их английскими эквивалентами *artificial* и *natural*.

Между компонентами словосочетания *искусственный интеллект* семантическая связь установлена как от прилагательного *искусственный* до существительного *интеллект*, так и в обратном направлении. Ср.: *искусственный* – природный – естественный – нормальный – психически – психический – психика – сознание – ум – *интеллект* (9), *интеллект* – способность – природный – естествен-

ный – натуральный – *искусственный* (5). Примечательно то, что в словаре *искусственный интеллект* связан с творческой деятельностью: ИСКУССТВЕННЫЙ – 1. Не природный, сделанный наподобие подлинного. И. интеллект (раздел информатики, разрабатывающий методы моделирования отдельных функций *творческой деятельности* человека) (здесь и далее курсив наш. – А. Ш.).

В английском языке одинаковое количество шагов как при переходе от прилагательного *artificial* к существительному *intelligence*, так и от существительного *intelligence* к прилагательному *artificial*. Ср.: *artificial* – *natural* – *humankind* – *human* – *people* – *govern* – *emotion* – *reasoning* – *thinking* – *intelligent* – *intelligence* (10), *intelligence* – *person* – *human* – *machine* – *mechanical* – *manual* – *electronically* – *electronic* – *microchip* – *implant* – *artificial* (10).

В примерах, иллюстрирующих прилагательное *artificial* нет указания на творчество, однако словарь приводит определение словосочетания *artificial intelligence*: The theory and development of computer systems able to perform tasks normally requiring human intelligence, such as visual perception, speech recognition, decision-making, and translation between languages. В данном определении сделан акцент на когнитивные способности человека: *intelligence*, *perception*, *recognition*, *decision-making*. В одном из примеров, иллюстрирующих данное словосочетание, наряду с отражающими явления техногенной цивилизации существительными *processor*, *robotics* наличествуют существительные, отражающие творчество (*creation*) и «естественное» (*natural*). Ср.: The use of artificial intelligence systems requires *processor* speeds three to four times as high. Increasingly able artificial intelligence systems mean we can get more out of *robotics*. Our goal is the *creation* of artificial intelligence using the *natural* language program ALICE.

Между компонентами словосочетания *искусственный интеллект* наблюдается более тесная связь, чем в английском эквиваленте *artificial intelligence*. В цепочке анализа словарных дефиниций от существительного *intelligence* к прилагательному *artificial* наличествуют отражающие «искусственное» слова: *machine*, *mechanical*, *electronic*, *microchip*, *implant*. Однако в одном из значений глагола *implant* наряду с прилагательным *artificial* выявлены существительные *person* и *mind*: 1.3 establish (an idea) in a *person's mind*. Примечательно то, что существительное *дух* в одном из значений переводится как *mind*: дух – 1) филос. spirit 2) (моральное состояние || morale) spirit, courage, heart, mind 3) (отличительные особенности, характер || peculiarity, feature) spirit. Наличие указанных выше сем говорит о том, что искусственные системы базируются на «естественном».

Рассмотрим цепочки анализа словарных дефиниций словосочетания *электронная культура*: *электронный* – электрон – отрицательный – плохой – положительный – одобрение – одобрить – правильный – норма – строй – общественный – культурный – *культура* (12), *культура* – достижение – положительный – протон – атомный – атом – *электрон* (7), 8 шагом в данной цепочке является переход от существительного *электрон* к прилагательному *электронный*: ЭЛЕКТРОН – (спец.). Элементар-

ная частица с наименьшим отрицательным электрическим зарядом. || прил. Электронный [ТСРЯ]. В первой цепочке наличествуют 2 отрицательно заряженных прилагательных *отрицательный* (2) и *плохой* (3), однако далее обнаружены положительно заряженные слова *положительный* (4), *одобрение* (5), *одобрить* (6), *правильный* (7). Такое соотношение оценочных сем в значениях указанных слов позволяет говорить о том, что электронная культура сама по себе не несет в себе зло.

По сравнению с русским языком в английском наблюдается меньшее количество шагов как при переходе от прилагательного *electronic* к существительному *culture*, так и в обратном направлении. Ср.: *electronic* – electronics – branch – conceptual – mental – insane – normal – free – government – state – nation – culture (11), *culture* – cell – nucleus – neutron – electric – electricity – electron (6). Оценочные семы в данных цепочках анализа словарных дефиниций нами не выявлены. В анализируемом словосочетании между компонентами более тесная семантическая связь по сравнению со словосочетанием электронная культура.

Сравнение анализа словарных дефиниций компонентов словосочетаний *информационная культура* и *information culture* показало, что в русском языке более тесная семантическая связь. Ср.: *информация* – мир – общественный – культурный – культура (4), *культура* – клетка – система – технический – техника – машина – информация (6); *information* – computer – signal – convention – society – country – nation – culture (7); *culture* – cell – organism – individual – person – character – statement – fact – information (8).

В русских прилагательных *искусственный*, *электронный*, существительном *информация* и их английских эквивалентах *artificial*, *electronic*, *information* выявлены семы *добро*, *зло*, *дух*, *личность*, *творчество*, / *good*, *evil*, *spirit*, *person*, *creation* или их дериваты. Ср.: *искусственный* – природный – природа – мир – согласие – дружественный – благожелательный – доброжелательный (7), *искусственный* – природный – природа – мир – согласие – дружественный – благожелательный – доброжелательный – добро – зло (9), *искусственный* – притворный – истинный – истина – правда – справедливость – справедливый – законный – закон – вероучение – религия – духовный (11), *искусственный* – подлинный – оригинальный – самостоятельный – сила – власть – лицо – личность (7), *искусственный* – подлинный – оригинальный – самостоятельный – инициатива – деятельность – труд – производство – творчество (8), *электронный* – электрон – отрицательный – плохой – положительный – одобрение (5), *электронный* – электрон – отрицательный – плохой – положительный – одобрение – одобрить – хороший – добрый – добро – зло (10), *электронный* – электрон – отрицательный – плохой – мораль – нравственность – духовный (6), *электронный* – электрон – заряд – взрыв – сильный – сила – власть – лицо – личность (8), *электронный* – свойство – особенность – особенный – обыкновенный – выделяющийся – выделиться – достоинство – моральный – мораль – нравственность – этический – народ – трудовой – труд – производство –

творчество (16), *информация* – мир – согласие – дружественный – благожелательный – доброжелательный (5) / *информация* – мир – согласие – дружественный – благожелательный – доброжелательный – добро (6), *информация* – мир – согласие – дружественный – благожелательный – доброжелательный – добро – зло (7), *информация* – состояние – дух (2), *информация* – мир – общество – компания – лицо – личность (5), *информация* – мир – люди – человек – труд – производство – творчество (6) / *artificial* – human – machine – well-organized (3), *artificial* – human – machine – well-organised – good – moral – wrong – immoral – morality – bad – guilty – guilt – crime – evil (13), *artificial* – natural – nature – human – God – spirit (5), *artificial* – human – machine – power – person (4), *artificial* – natural – nature – human – God – spirit – soul – art – creative (8), *electronic* – electron – stable – decay – rotten – bad – good (6), *electronic* – electron – stable – decay – rotten – bad – guilty – guilt – crime – evil (9), *electronic* – electron – stable – decay – rotten – bad – guilty – guilt – crime – evil – devil – spirit (11), *electronic* – control – behaviour – person (3), *electronic* – instrument – document – information – symbol – material – creating (6), *information* – fact – true – genuine – sincere – deceit – truth – belief – faith – spiritual – soul – pity – misfortune – bad – good (14), *information* – fact – true – genuine – sincere – deceit – truth – belief – faith – spiritual – soul – pity – misfortune – bad – guilty – guilt – crime – evil (17), *information* – fact – true – genuine – sincere – deceit – truth – belief – faith – spiritual (9), *information* – symbol – material – person (3), *information* – symbol – material – creating (3).

В прилагательном *искусственный* выявлена как сема *добро* (8), так и сема *зло* (9), выявляемое в значении существительного *добро*. Семе *добро* можно выявить также на 7 шаге анализа словарных дефиниций, в прилагательном *доброжелательный*.

Дальнейшее дефиниционное углубление в значение прилагательного *artificial* выявило существительные *spirit* (5) и *soul* (6), в дефиниции которого наличествует целый спектр слов, отражающих связь «искусственного» с такими явлениями, как природа (*nature*), культура (*culture*), интеллект (*intellectual*), личность (*person*), индивидуальный (*individual*), мораль (*moral*), искусство (*art*).

Обращает на себя внимание то, что и в русском и английском языке переход от прилагательных *искусственный* и *artificial* к семам, отражающим духовность, *духовный* и *spirit*, происходит через слова, связанные с религией, существительные *религия* (10) и *God* (5).

В значении прилагательного *electronic* выявляются также существительные *mind* и *intellect*: *electronic* – electronics – branch – conceptual – mental – mind (5) – intellect (6). В первой цепочке анализа словарных дефиниций от прилагательного *electronic* до семы *good*, последняя выявляется в значении прилагательного *bad*, а при переходе от прилагательного *electronic* к семе *spirit* наличествуют два отрицательно заряженных прилагательных – *bad* и *evil*.

В английском языке отражающее духовность существительное *spirit* выявляется после существительного *devil*. В значении данного слова, наряду с семой *spirit*, наличествуют слова, отражающие такие явления, как лич-

ность (*person*) (11) и машина (*machine*) (11), в значении же существительного *machine* (12) выявлена сема, отражающая понятия добра, наречие *well*. Ср.: *devil* – 1 (usually the Devil) (In Christian and Jewish belief) the supreme *spirit* of evil; Satan: 1.1 An evil spirit; a demon: 1.2 A very wicked or cruel person: 1.3 (the devil) Fighting spirit; wildness: 2 A *person* with specified characteristics: 4 An instrument or *machine* fitted with sharp teeth or spikes, used for tearing or other destructive work; *machine* – 1.3 An efficient and well-organized group of powerful people.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. При выявлении семантической связи у отражающих «искусственное» и «естественное» слов в русском и английском языках «правило шести шагов» Ю. Н. Караулова в ряде случаев нарушается.

2. В русском языке наблюдается более тесная семантическая связь между прилагательными *искусственный* и *естественный*, а также между компонентами словосочетаний *искусственный интеллект* и *информационная культура*, в то время как в английском языке более тесная семантическая связь выявлена между компонентами словосочетания *electronic culture*.

3. В значении всех отражающих явления техногенной цивилизации слова, *искусственный* / *artificial*, *электронный* / *electronic*, *информация* / *information*, выявлены семы *добро* / *good*, *зло* / *evil*, *дух* / *spirit*, *личность* / *person*, *творчество* / *creation* или их дериваты.

Таким образом, несмотря на негативное отношение в научной литературе к «искусственному» вообще и связанными с ним явлениями, такими как *искусственный интеллект*, *электронная культура*, *информационная культура*, в частности, анализ словарных дефиниций показал, что добро и зло зависят от отношения людей к различным вещам. Можно сказать, что в техногенной цивилизации последствия распространения искусственных интеллектуальных систем зависят от самого человека, от его внимания к духовным ценностям. Поэтому человек, а не автономные системы искусственного интеллекта несет ответственность за свое будущее.

1. Бережная М. П. «Уход» в культурных парадигмах бытия человека: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2012. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/504454.html> (дата обращения 19.10.2014).

2. Хряпченкова И. Н. Человек в искусственной среде (Стратегия социальной жизнедеятельности): дис. ... д-ра филос. наук. Н. Новгород, 2004. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/91538.html> (дата обращения 19.10.2014).

3. Ревко П. С. Искусственные интеллектуальные системы в повседневной жизни человека: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2006. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/275001.html> (дата обращения 19.10.2014).

4. Тенякова О. М. Искусственный интеллект и внеземные цивилизации как мифологемы массового сознания.

С. 40–43 // Электронная культура: трансляция в социокультурной и образовательной среде. М. : Моск. гос. ун-т культуры и искусств, 2009. 260 с.

5. Лещев С. В. Семантическая координация понятий «коммуникация», «понимание», «Я» в философии искусственного интеллекта. С. 36–40 // Электронная культура: трансляция в социокультурной и образовательной среде. М. : Моск. гос. ун-т культуры и искусств, 2009. 260 с.

6. Мигуренко Р. А. Человеческие компетенции и искусственный интеллект // Известия ТПУ. 2010. № 6. С. 85–89. URL: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskie-kompetentsii-i-iskusstvennyy-intellekt> (дата обращения 24.08.2014).

7. Резанова З. И. Когнитивная лингвистика в парадигмах лингвистического функционализма и интегральных концепций сознания // Вестник Том. гос. ун-та. 2010. № 334. С. 195–199. URL: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-lingvistika-v-paradigmah-lingvisticheskogo-funktsionalizma-i-integralnyh-kontseptsiy-soznaniya> (дата обращения 24.08.2014).

8. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М. : Наука, 1976. 356 с.

9. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике. М. : Высшая школа, 1991. 139 с.

10. Русско-английский словарь общей лексики. URL: [http://www.lingvo-online.ru/ru/LingvoDictionaries/Details?dictionary=Universal%20\(Ru-En\)](http://www.lingvo-online.ru/ru/LingvoDictionaries/Details?dictionary=Universal%20(Ru-En)) (дата обращения 19.10.2014).

11. Сандакова Л. Г. Информационно-технологическая парадигма образования: гуманистическая сущность и концептуальные основы: дис. ... д-ра филос. наук. Улан-Удэ, 2003. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/91335.html> (дата обращения 19.10.2014).

12. Перевозчикова Л. С. Аксиологические основания гуманистической парадигмы высшего образования в культуре информационного общества: дис. ... д-ра филос. наук. Тула, 2009. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/372070.html> (дата обращения 19.10.2014).

13. Богданова Е. А. Концепты «добро» и «зло» в русской и французской лингвокультурах: аксиологический аспект: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Майкоп, 2012. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/501571.html> (дата обращения 19.10.2014).

14. Егорова О. А. Нравственно-оценочные категории «добро» и «зло» в лингвокогнитивном аспекте (На материале русского и английского языков): дис. ... канд. филос. наук. Ульяновск, 2005. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/182509.html> (дата обращения 19.10.2014).

15. Ожегов С. И. Словарь русского языка (1949, 22-е издание, 1990; с 1992 – «Толковый словарь русского языка», совместно с Н. Ю. Шведовой). URL: <http://www.ozhegov.org/index.shtml> (дата обращения 19.10.2014).

16. Oxford dictionaries.com. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/html> (дата обращения 19.10.2014).

ИСТОРИЯ



Чуркин М. К.

Сибирская региональная идентичность
в переселенческом процессе второй
половины XIX – начала XX вв.

Чуркина Н. И.

Чтение в системе подготовки педагогических кадров:
историко-педагогический взгляд на проблему

**СИБИРСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОМ
ПРОЦЕССЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX –
НАЧАЛА XX ВВ.**

В статье рассматриваются проблемы формирования сибирской региональной идентичности в условиях аграрной колонизации Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв., выявляются факторы и динамика данного феномена. Установлено, что «запуск» переселенческого процесса в пореформенной России сопровождался переменами в сознании крестьянства как главного субъекта аграрной колонизации. Выстраивание миграционной парадигмы происходило в тесной взаимосвязи крестьянской личности с окружающей средой. Именно в условиях взаимодействия мигрантов с природной и социальной средой, на всех стадиях переселенческого движения осуществлялся процесс выработки стратегий адаптивного поведения, определялась природа «коррозии» старой и механизмы формирования новой модели региональной идентичности.

Ключевые слова: региональная идентичность, адаптация, измененное сознание, кризис идентичности, миграционная мобильность, стратегии адаптивного поведения

**SIBERIAN REGIONAL IDENTITY
IN THE RESETTLEMENT PROCESS
OF THE SECOND HALF OF XIX –
EARLY XX CENTURIES**

The article considers the problems of formation of the Siberian regional identity in the conditions of the agricultural colonization of Western Siberia in the second half of XIX – early XX centuries, reveals the factors and dynamics of this phenomenon. It is established that “run” of the resettlement process in post-reform Russia was accompanied by changes in consciousness of the peasantry as the main subject of agrarian colonization. The building of the migration paradigm occurred in close relationship of the peasant personality with the environment. The policy-making process of adaptive behavior was carried out and the mechanisms of “corrosion” of the old model of regional identity and the formation of new one were determined in terms of the interaction of migrants with the natural and social environment at all stages of the migration movement.

Keywords: regional identity, adaptation, altered consciousness, identity crisis, migration mobility, strategies of adaptive behavior.

Тема переселенческого движения в отечественной историографии долгие годы рефлексировалась сквозь призму социально-политических и экономических факторов. Признавая важность названных составляющих, определивших миграционную активность населения Европейской России во второй половине XIX – начале XX вв., приходится констатировать тот факт, что доминантное доверие исследователей вопроса исключительно статистическим данным либо тиражируемым утверждениям о нерешенности аграрного вопроса в центре страны, значительно сужают горизонт видения историком существа вопроса во всех его ракурсах.

При характеристике оформлявшейся в пореформенный период миграционной парадигмы невозможно игнорировать перемены, происходившие в сознании главного субъекта земледельческой колонизации восточных окраин империи – крестьянства.

В этой связи в качестве ключевого, определяющего содержание переселенческого процесса на всех его стадиях, может быть использовано понятие «идентичность», трактуемое Э. Эриксоном как субъективное ощущение тождества и целостности человека с окружающими объектами [1, с. 186]. При этом формирование идентичности – длительный и дискретный процесс, итогом которого становится адаптация индивида к среде и миру.

В процессе эскалации миграционных настроений в крестьянской среде Европейской России в пореформенный период складывались условия для формирования «измененного сознания», что само по себе являлось определяющим признаком кризиса идентичности.

К числу источников, иллюстрирующих складывание «измененного сознания» вследствие ситуации неопределенности и кризиса, приводящего в конечном итоге к кризису идентичности, следует отнести многочисленные крестьянские прошения о переселении в различные губернии Сибири. Выборочный анализ ходатайств тамбовских, курских, воронежских, орловских крестьян о переселении в губернии Западной Сибири демонстрирует, что при формулировании основных причин, объясняющих крайнюю потребность в миграциях, наряду с указанием рациональных факторов – малоземелья, роста народонаселения в районе проживания – крестьяне часто использовали фразеологические обороты, выдававшие их эмоциональное состояние, как то: «тяжела наша жизнь и едва выносива от скудности во всем», «помощь необходима, в противном случае ожидает голодная смерть», «жить стало крайне невыносимо», «мы со своим семейством не имеем даже дневного пропитания», «нет никакой возможности пропитывать семью» [2]. Безусловно, повсеместные заявления крестьян о своем «невыносимо бедственном» положении часто выступали в качестве традиционного стилистического приема, своего рода эпистолярного клише, порожденно ограниченностью фантазии писателя, когда прошения от крестьян составлялись по одному шаблону [3]. И в то же время отчеты переселенческих чиновников, командированных для произведения оценки имущественного положения просителей, нередко подтверждали искренность крестьянских высказываний. Так, анализ экономических потенциалов 18 семей курских крестьян, ходатайствовавших в 1895 г.

о переселении в Томскую губернию, привел представителей власти к заключению, что большинство просителей, действительно, относится к нуждающейся категории, не имеет дополнительных заработков испытывает потребность в переселении [4]. Чиновник по крестьянским делам Богородицкого участка Томского округа, подтверждая бедственное положение переселенцев на родине и правомерность их указаний на «невыносимость жизненных условий», характеризуя 12 семей курских переселенцев, сообщал, в частности, что «переселенцы своих домов не имеют, лошадей у них нет, многие просят милостыню» [5].

Аграрно-экологический кризис, проехавший катком по районам традиционного земледелия, поставил крестьянина в жесткие условия выбора между сословной дисквалификацией в результате сворачивания земледельческого хозяйства и поддержанием сословной идентичности, предполагающей усиленный поиск новых мест и способов приложения своего труда. Симптоматично, что в начальной фазе проявления кризиса идентичности крестьянство ориентировалось на внутрисословные модели сохранения своего сословного статус-кво, к числу которых относилась практика арендных отношений, фрагментарные опыты интенсификации сельскохозяйственного производства, земледельческие промыслы. Однако вскоре стало очевидным, что аренда не предотвратит измельчания хозяйственных единиц, попытки модернизации крестьянских хозяйств будут негативно оценивать крестьянское сообщество как меры государственного вторжения в традиционный жизненный и хозяйственный уклады, а промыслы, в силу сезонного их характера, не принесут земледельцу стабильных дивидендов.

Важно отметить, что поведенческие стереотипы лиц земледельческого сословия Европейской России формировались в условиях традиционного общества, субъектам которого соответствовал и адекватный тип сознания, характеризовавшийся совокупностью представлений, ценностей, образов, сложившихся в ходе исторического процесса в результате кумулятивного влияния природных, экономических и социокультурных факторов. В русле традиционализма происходило формирование крестьянских представлений об идеальном мироустройстве, складывалось специфическое отношение к предметам и явлениям, входившим в орбиту крестьянской жизнедеятельности. Центральное место в картине мира русского крестьянина занимала земля как признак сословной принадлежности и источник существования и община. Органическая связь крестьянства с землей, наиболее рельефно проявлявшаяся в черноземье, и общинный коллективизм, сформировавшийся первоначально в качестве эффективного способа производственной деятельности, а в пореформенное время усиленный фискально-административным статусом, определили специфику крестьянских представлений и ценностей, детерминировавших впоследствии рост переселенческой активности земледельческого населения.

Формирование миграционного сознания у населения Европейской России, в особенности ее черноземного центра, материализовавшегося в массовом переселенческом движении за Урал во второй половине XIX – начале XX вв., имело своим источником архетипические черты крестьян-

ской психологии. Решающее значение в складывании миграционных наклонностей крестьянства принадлежало относительно стабильным, структурированным в течение длительного исторического периода представлениям о собственности, свободе, справедливости, определившим поведенческие структуры крестьянской повседневности, и фиксирующие осознание земледельцами их социальной и региональной идентичности. Связующим элементом в системе мира «моральной экономики» являлся крестьянский труд, направленный не на обогащение, а на обеспечение землепашцу безопасности и стабильности. В результате, чем отчетливее становились признаки аграрной нестабильности в сельской среде земледельческого центра империи, тем глубже становилось противоречие между должным и сущным: крестьянской идентичностью и утратой ее основополагающих черт. По мнению социолога К. Касьяновой, фундаментальной особенностью крестьянского сознания было то, что оно взывало не к прошлому (как это часто утверждается в литературе), а к некоей норме, понятной только самому крестьянству [6, с. 135–136]. Этой нормой для земледельческого населения пореформенной России было не формальное дарование свободы, а обязательное подкрепление ее реальным земельным наделом. Все иные варианты свободы, не обеспеченные правом земельной собственности, не воспринимались крестьянством и, как следствие, отрицались.

В результате подготовленное к миграциям массовое сознание было целиком и полностью расположено ответить на вызов харизматического лидера-новатора, принять как истину самую неправдоподобную и даже абсурдную информацию о регионе предстоящего вселения в силу определенности перспективы возвращения в привычную социальную матрицу.

В точках миграционного исхода, эпицентр которых – черноземная Россия, уже с 1880-х гг. складываются максимально дискомфортные условия для ведения традиционного землепашества. Перенос хозяйственного комплекса и трансляция крестьянского образа жизни в сибирские условия позволяли сохранить признаки принадлежности к крестьянству, способствовали преодолению кризиса идентичности. Однако данный процесс в местах водворения переселенцев отличался сложностью и многообразием итоговых вариантов, существенно амортизировался влиянием факторов природно-климатического и социального характера.

Общеизвестно, что «остов» переселенческого движения в Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв. составляли выходцы из черноземной полосы России, регионов с глубоко укоренившимися моделями традиционного общинного земледелия, адаптированного к местным природным условиям организации хозяйственной деятельности. В обстоятельствах относительного земельного простора и большой территориальной емкости колонизируемых в Сибири районов, реализовывалась практика компактного (погубернского) расселения мигрантов, что в значительной степени способствовало консервации привычного хозяйственного уклада и приемов обработки земли в общинах, составленных преимущественно из однородной переселенческой массы. Отсутствие или ограниченность

контактов со старожилами и староселами, жившими в Сибири несколько поколений, являлось важнейшим фактором сохранения прежней региональной идентичности (куряне, орловцы, тамбовцы, воронежцы). Проблема же заключалась в том, что ломка экономических стереотипов поведения «однородных» групп переселенцев в иных, нежели на родине природно-климатических обстоятельствах организации хозяйства, происходила крайне медленно, что неизбежно сказывалось на продуктивности крестьянского производства, а ориентация только на собственные навыки часто приводила к экономической несостоятельности дворов.

Изменение ритма деятельности, структурная перестройка всего производственного организма переселенческого хозяйства в связи со спецификой природно-климатических условий Западной Сибири требовали от мигрантов значительных временных, финансовых и физических затрат. Непривычными, с точки зрения переселенцев, являлись многие местные особенности, сопутствовавшие произрастанию зерновых культур. Так, например, только по прошествии трех лет с момента водворения переселенцы обратили внимание, что хлеб растет под воздействием рос и при отсутствии дождя (поселок Покровский Тобольской губернии), а все работы с утра (опять же, из-за сильных рос) начинаются позже, чем в европейской части России (поселок Сидоровский Тобольской губернии) [7, с. 397, 515].

Влияние природно-климатического фактора на процесс адаптации наиболее остро проявлялось в начальный период обустройства переселенцев в регионе водворения. На данном этапе положение мигрантов действительно непосредственно зависело от тех средств, которыми он располагал после «тяжелого и изнурительного» пути к месту водворения, наличия свободных для заселения участков, максимально соответствующих в природном отношении районам выхода. Регулярно встречавшиеся в крестьянских ходатайствах об обратном перечислении на родину фразеологические обороты о том, что возвращение необходимо по причине «суровой зимы и неурожая хлебов», «отсутствия речки и воды в колодцах», «малого количества средств» [8], относились по преимуществу к первым годам проживания переселенцев в Сибири. А.А. Исаев, ознакомившись с историей жизни в Сибири 124 семейств обратных переселенцев в 1891 г., установил, что 61 семья прожила в регионе около года, 47 семей до 3 лет, 15 семей до 5 лет и 1 семья более 5 лет. Аналогичные изыскания, проведенные им в 1889–1890 гг. показали, что из 296 семей возвращавшихся на родину 212 – прожили в Сибири менее года, а 84 – от года до пяти лет [9, с.118].

Как правило, в первые годы пребывания в Сибири, в сознании переселенца происходили значительные структурные изменения, связанные с определением стратегии адаптивного поведения в новых условиях жизни. В этих обстоятельствах быстрому вращению мигранта в экологическую матрицу региона и, как следствие, формированию сибирской региональной идентичности могло серьезно воспрепятствовать критическое накопление или ситуативное сочетание нескольких неблагоприятных факторов, таких как гибель урожая от природного катаклизма, несоот-

ветствие результатов труда физическим и финансовым затратам и т. д.

В социальном плане, в обстоятельствах совместного проживания со старожилами, выходцы из Европейской России при благоприятных условиях принимали не только модели адаптивного поведения, но и некоторые элементы мировоззренческой картины, становясь, в конечном счете, сибиряками, носителями сибирской региональной идентичности, признаками которой являлись качества, формировавшиеся в сознании крестьянства Сибири в течение нескольких веков: понимание обособленности Сибири от России, следование проверенным опытом стратегиям экономического поведения, признание непреложности форм организации быта.

В то же время совместное сосуществование являлось и почвой для конфликтов, запускавших в действие механизмы кризиса идентичности, приводивших к появлению адаптивных барьеров и условий для дезадаптации мигрантов. Противоречия между старожилами (пионерами колонизации), олицетворяющими трудолюбие, рачительность, укорененность на новых землях и т. д., и вновь прибывшими в период массовой колонизации переселенцами, которые воспринимались как ленивые и алчные временщики, приводили к серьезным конфликтам, инициирующим в купе с хозяйственными неудачами обратные переселения и вынужденные ремиграции. При этом старожилы инициировали идею ограничения подобных новоселов через становление сибирской автономии, подчас в самых невероятных вариантах. Один из путешественников XIX в. заметил: «Сибиряки, когда дело идет об их родине, всегда немного гасконцы» [10, с. 16]. Важным амортизатором складывания общесибирской региональной идентичности становилось увеличение масштабов переселений и включение в организацию переселенческого дела государственных структур. Помимо тривиальных задач урегулирования земельного вопроса в центре страны, власти в земледельческой колонизации усматривали и вариант распространения в Сибири идеологической задачи – реализации проекта большой русской нации, ставшего антиподом идеи сибирского регионализма.

Таким образом, можно утверждать, что переселенческое движение в Сибирь стимулировало оформление не одного, а нескольких типов региональных идентичностей. Все это не только осложняло процесс инкорпорации Сибири в общеимперский организм, но и приводило к своеобразному «выбросу» части населения за пределы контента сибирской региональной идентичности.

1. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 2006. 352 с.

2. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 26. Оп. 30. Д. 68. Л. 333–334; Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3384. Л. 43; Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 44. Д. 128. Л. 48.

3. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 290. Л. 11–18.

4. Там же. Д. 3089. Л. 125–139.

5. Там же. Д. 128. Л. 48.

6. Касьянова К. О русском национальном характере. М. : Академический Проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. 560 с.

7. Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х гг. XIX века по 1893 г.). М. : Тип. О-ва распространения полезных книг, 1895. Т.1. Историко-статистическое описание 100 поселков. 541 с.

8. ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.

9. Исаев А. А. Переселения в Русском народном хозяйстве. СПб. : А.Ф. Цинзерлинг, 1891. 192 с.

10. Станюкович К.М. В далекие края: очерк // Станюкович К.М. Собр. соч.: в 10 т. М. : Правда, 1973. Т. 1. 346 с.

© Чуркин М. К., 2014

УДК 370 (09) (571.1)

Н. И. Чуркина
N. I. Churkina

ЧТЕНИЕ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ: ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

READING IN THE SYSTEM OF TEACHING STAFF TRAINING: HISTORICAL-PEDAGOGICAL POINT OF VIEW ON THE PROBLEM

В статье рассматривается проблема современного российского образования – снижение интереса к чтению и низкий уровень читательской грамотности у школьников и студентов педагогических учебных заведений. Обосновывается тезис о том, что без увлеченного чтением учителя невозможно приобщить к чтению школьников. Представлены результаты обработки архивных материалов, которые показывают, что в учительских семинариях и институтах Западной Сибири XIX–XX вв. существовали интересные практики развития культуры чтения (составлялись списки рекомендуемой художественной литературы, проводились вечера, организовывалась просветительская работа и др.), которые возможно использовать и в современном педагогическом образовании.

Ключевые слова: педагогическое образование, читательская грамотность, читательская культура, учительские семинарии, учительские институты, Западная Сибирь.

The article examines the problem of modern Russian education – declining interest in reading and low reader's literacy of pupils and students of pedagogical educational institutions. The present thesis is based on the fact that it is impossible to accustom pupils to reading in case their teachers are not keen on it. The article represents the results of the processing of the archival materials, showing that there were interesting activities for reading culture development in pedagogical seminaries and institutions of Western Siberia of the XIX–XX centuries (i.e. forming lists of recommended fiction, holding literary evenings, organizing awareness-raising work etc.) which can be used in modern pedagogical education.

Keywords: pedagogical education, reader's literacy, reading culture, pedagogical seminaries, pedagogical institutes, Western Siberia.

В условиях затянувшейся модернизации педагогического образования, поиске путей подготовки педагогов новой формации, готовых к работе в инновационной школе, проблема, вынесенная в название работы, может показаться устаревшей. Но ее актуальность подтверждается многими явлениями и процессами современного мира. Как показывают исследования психологов, в частности, работы Д. И. Фельдштейна, у современных детей происходят изменения во многих процессах, важных для обучения и развития: снижение когнитивного развития; снижение энергичности детей, их желания активно действовать; сужение уровня развития сюжетно-ролевой игры; неразвитость тонкой моторики руки, отсутствие графических навыков; недостаточная социальная компетентность [1].

Причинами большинства проблем называют раннее приобщение детей к телевизору, что приводит к снижению собственного восприятия, ограничению деятельности ребенка. Врачи уже пишут об особом типе зависимости – экранной зависимости, что имеет такие последствия, как неспособность ребенка концентрироваться на каком-либо

занятии, отсутствию интересов, гиперактивности, повышенной рассеянности. Таким детям трудно воспринимать слышимую информацию и читать самим: понимая отдельные слова и короткие предложения, они не могут связывать их, в результате не понимают текста в целом. Все это создает препятствия к успешному обучению в школе. Несмотря на быстрое овладение техническими новшествами, современные дети нуждаются в руководстве, так как, наряду с развитым интеллектом, для них характерна замедленность социального и личностного развития.

К взаимодействию с такими детьми должен быть готов современный выпускник педагогического вуза. Роль и значимость учителя для развития ребенка подтверждается всей историей педагогики и образования, изучением образовательной практики и результатами последних масштабных исследований, в которых делается вывод, что только от учителя в начальной школе зависят успехи детей в процессе обучения. Так как развитие познавательных процессов и овладение универсальными учебными действиями в начальной школе детерминирует успешное обучение на

последующих ступенях образования. Одним из важнейших навыков, которые приобретают учащиеся в начальной школе, является чтение, влияющее и на общую культуру, создающее основу для развития и саморазвития, и др.

Изучение работ российских исследователей (В. Я. Аскаровой, Р. У. Богдановой, С. Г. Вершловского, Т. Г. Галактионовой, Е. И. Казаковой, М. В. Кларина, О. Е. Лебедева, Н. И. Роговцевой, Ю. М. Тугова и др.), материалов СМИ подтверждает снижение интереса к чтению среди школьников и молодежи в последние десятилетия. В исследовании М. В. Кузьминой и Ю. А. Тюменева, построенном на основе анализа данных PISA по читательской грамотности подростков на протяжении последних лет, отмечается, что российские школьники показывают результаты в читательской грамотности ниже средних международных и ниже, чем в естественных и математических дисциплинах [2].

Под функциональной грамотностью в области чтения понимается «способность человека понимать и использовать письменные тексты, размышлять о них и заниматься чтением для того, чтобы достигать своих целей, расширять свои знания и возможности, участвовать в социальной жизни» [3, с. 14]. Американскими исследователями установлено, в частности, что подростки, проявляющие интерес к чтению, получают в различных национальных системах оценивания более высокие баллы не только по чтению, но и в среднем, по сравнению с теми, кто чтением не увлекается. Вовлеченность в чтение была третьим по значимости фактором среди переменных, определяющих результаты PISA по чтению. На вовлеченность в чтение оказывает влияние семья (материальное благополучие, образование, традиции), но не меньше семьи в этом процессе участвует и школа. Именно поэтому подготовка учителя, который сам любит читать и может увлечь этим занятием своих учеников становится одной из задач современного педагогического образования.

Педагогическое сообщество как одна из наиболее крупных профессиональных страт в нашей стране всегда составляло основу читающей российской интеллигенции. Это было возможно благодаря тому, что развитие привычки и культуры чтения ставилось на протяжении всей его истории в качестве одной из приоритетных задач педагогического образования. Попытаемся выделить педагогические средства, которые использовали в образовательном процессе для того, чтобы развить навыки и культуру чтения у воспитанников учительских семинарий и институтов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.

Ограниченность общего и профессионального образования, которое давали учительские семинарии и институты своим воспитанникам должно было компенсироваться за счет самообразования. В пункте 54 «Положения об учительских семинариях» 1872 г. указывалось, что необходимым пополнением преподавания всякого учебного предмета можно считать самостоятельные чтения учеников, разумеется, по указанию преподавателя, с обязательной контрольной беседой.

Особое место чтению отводилось в учительских семинариях, основной контингент которых составляли выпускники сельских училищ. За многолетнюю историю в семинариях региона сложилась система мер, направленных на

развитие интереса к чтению: по всем гуманитарным предметам наставники составляли списки книг для внеклассного чтения; в профессиональные обязанности педагогов семинарии входил контроль над самостоятельным чтением воспитанников. В рамках учебного процесса его осуществляли учителя-предметники, а во внеурочной работе – наставники-наблюдатели, классные наставники, посещавшие учеников на частных квартирах. На педагогических советах учебных заведений по этому вопросу регулярно заслушивали отчеты наставников. Так, в 1891 г. в Омской учительской семинарии педагоги отмечали, что воспитанники читают почти все, но мало и не совсем толково [4]. Для повышения качества чтения с 1895 г. воспитанникам рекомендовалось вести дневники, где они должны были записывать краткое изложение прочитанного [5].

В январе 1907 г. в Павловской учительской семинарии (Томская губерния) для выяснения вопросов о развитии привычки к чтению было проведено обследование воспитанников, которое показало, что начало активного чтения большинство воспитанников относят ко второму-третьему отделению начальной школы. Только один воспитанник начал читать книги с первого отделения. Из всех прочитанных книг большинство воспитанников смогли назвать по 2–3 сказки, два человека вспомнили книгу Даниэля Дефо «Робинзон Крузо». По 2–3 человека в качестве знакомых имен писателей указали А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева и И. А. Гончарова. Обследование показало, что периодических изданий почти нигде в семьях воспитанников не выписывали, и даже название «периодические издания» не всем понятно. По результатам опроса педагоги сделали вывод: на самостоятельное чтение в начальной школе не обращают должного внимания, поэтому необходимо активизировать этот процесс в семинарии. Для чего постановили:

1. Составить список книг русских писателей, в том числе и новейших, для внеклассного чтения.
2. Практиковать устройство бесед с воспитанниками по поводу прочитанных книг и составление самостоятельных письменных и устных рефератов на основе критических статей.
3. Учить группировать произведения по сходству основных идей и изображаемых типов.
4. Рекомендовать литературные произведения одновременно с изучением соответствующих разделов курса истории.
5. Обязать по Закону Божьему, педагогике, истории, географии преподавателей составлять списки книг для воспитанников, желающих пополнить свои знания.
6. Рекомендовать воспитанникам вести краткие записи прочитанного.
7. Выписать детские книги в ученическую библиотеку и рекомендовать их к чтению [6].

Понижение уровня общей культуры, начавшееся в российском обществе в период 1914–1917 гг., затронуло и педагогическое образование. В 1914 г. на заседании педагогического совета Омской учительской семинарии отмечалось, что воспитанники читают мало или не системно, многие не знакомы с лучшими произведениями русской и иностранной литературы [7]. Для изменения подобной си-

туации наставники предложили вернуться к составлению списков книг и ужесточению контроля над внеклассным чтением.

Дополнительным стимулом к чтению и знакомству с лучшими произведениями литературы среди воспитанников педагогических учебных заведений служили вечера, публичные чтения, беседы. Так, с 1881 г. в Омской семинарии для ознакомления с родным языком начали проводить вечера, на которых ученики читали произведения лучших русских авторов, зачитывались сочинения воспитанников третьего класса по произведениям русской словесности. Подобные беседы сопровождались пением народных песен [8]. С октября 1892 г. в семинарии учителем русского языка была разработана программа чтений для воспитанников [9]. На литературно-музыкальные вечера в октябре 1901 г. были приглашены учащиеся начального училища и их родители [10]. В 1905 г. на заседании педагогического совета отмечалось, что директор и наставники должны наблюдать за чтением, а при всяком удобном случае вести беседы на развитие эстетических чувств, устраивать спектакли и вечера [11].

Одним из направлений работы начального учителя, особенно в сельской местности, было просвещение родителей и широкой общественности. Поэтому уже в период обучения в семинарии ставилась задача приобщения воспитанников к просветительской деятельности. С октября 1886 г. в Омской учительской семинарии стали устраивать народные чтения с волшебным фонарем. На заседании педагогического совета при обсуждении вопросов о тематике чтений было принято решение знакомить слушателей с лучшими образцами русской литературы и музыки [12]. Отмечалось, что чтения пользовались успехом, количество слушателей постоянно увеличивалось. После короткого перерыва в 1900 г. чтения с волшебным фонарем были возобновлены.

Изучение исторического опыта деятельности педагогических учебных заведений Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. показывает, что включение в систему профессионального воспитания разнообразных форм приобщения к чтению будущих учителей помогало решению задач профессионального образования. В современных условиях необходимость реанимации аналогичных мер обусловлена проблемами развития выпускников школ, среди которых психологи отмечают трудность в понимании смысла прочитанного, быструю утомляемость от чтения и др. Проведенное анкетирование 20 студентов

1 курса ОмГПУ подтвердило актуальность поднимаемой проблемы и необходимость разработки комплекса мер по приобщению студентов ОмГПУ к чтению художественной литературы. Так, 80 % опрошенных студентов читают художественную литературу не чаще одного раза в месяц, не более 10 минут в день, но при этом проводят в Интернете ежедневно более 2 часов в день. Не лучше обстоит дело и у студентов старших курсов. Школа и семья не смогли сформировать у них потребность и привычку к чтению как форме досуга, саморазвития и части жизни. Поэтому, несмотря на то, что приобщение к чтению всегда считалось задачей семьи и школы, профессионально-педагогическое образование должно использовать этот канал воспитательного влияния, что позволит повысить общую и профессиональную культуру регионального учительского корпуса.

1. Фельдштейн Д. И. Глубинные изменения современного детства и обусловленная ими актуализация психолого-педагогических проблем развития образования // Вестник практической психологии образования. 2011. № 4. URL: http://www.psyjournals.ru/vestnik_psyobr/2011/n4/index.shtml (дата обращения 19.09.2014).

2. Тюменева Ю. А., Кузьмина Ю. В. Роль школы, семьи и индивидуальных характеристик ребенка для образовательных результатов (на примере данных PISA 2009 по чтению в России) // URL: <http://www.hse.ru/data/2013/11/03> (дата обращения 19.09.2014).

3. Российская школа от PISA–2000 до PISA–2003 / под общ. ред. А. Г. Каспаржака, К. Н. Поливановой. М.: Логос, 2006. 196 с.

4. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 115. Оп. 1. Д. 38.

5. Там же. Д. 41.

6. Государственный архив Томской области Ф. 126. Оп. 2. Д. 2248

7. ГИАОО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 9. Л. 87.

8. Там же. Д. 76. Л. 6.

9. Там же. Д. 40.

10. Там же. Д. 63.

11. Там же. Д. 67.

12. Там же. Д. 31. Л. 34.

© Чуркина Н. И., 2014

СОЦИОЛОГИЯ



Гунбина С. В., Литвак Р. А.

Проблема развития социальной активности студентов в современном обществе

Кравцова Т. В.

Понятие академической мобильности в гуманитарном знании

Мельникова Н. А., Горбачева Ю. С.

Специфика коммуникаций в выставочных технологиях сферы *business-to-business*

Степнов П. А.

Фонды целевого капитала (эндаумент-фонды) в сфере образования России

Фадеева О. А.

Символическая коммуникация имиджа политического лидера

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье актуализируется необходимость развития социальной активности студентов в молодежных общественных объединениях. На основе материалов философских, психологических, социологических исследований уточняются существенные характеристики социальной активности.

Ключевые слова: активность, социальная активность, молодежные общественные объединения.

PROBLEM OF DEVELOPMENT OF STUDENTS' SOCIAL ACTIVITY IN MODERN SOCIETY

The need for development of students' social activity in the youth public associations is pointed out in the article. The essential characteristics of social activity are specified on the basis of philosophical, psychological, and sociological research.

Keywords: activity, social activity, youth public associations.

Социальный заказ общества, определенный Законом «Об образовании в Российской Федерации», «Национальной доктриной образования до 2025 года», Федеральным законом «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений», ориентирует на развитие молодежи как активной составляющей современного общества, способной к новаторству и творчеству.

Понятие «социальная активность» трактуется как осознаваемое, целенаправленное взаимодействие личности и социума. В философии социальную активность понимают как особую форму взаимодействия субъекта с окружающей средой, особое состояние любой деятельности, характеризующее позитивно выраженной стороной; в психологии это представление о природе личности как системы действий, потребностей и мотивов поведения. Активность является сложной характеристикой личности, через которую выражается ее отношение к деятельности. В педагогике понятие «социальная активность» рассматривается многоаспектно: 1) понимается как главное в характеристике личности-субъекта общественных отношений; 2) как мера проявления социальной дееспособности человека; 3) как ответственное и заинтересованное отношение человека к труду, обществу, духовной и общественной жизни (А. М. Баскаков, Ю. К. Бабанский, М. А. Галагузова и др.) [1, с. 236].

Студенчество как социальная группа характеризуется особыми условиями жизни, труда и быта, общественным поведением и психологией. Для студентов приобретение знаний и подготовка себя как специалистов и профессионалов является основным занятием. Внеучебная, общественная работа, выполняемая в молодежных общественных объединениях, создает оптимальные условия для формирования лидерских качеств молодого человека. В этом случае лидерство означает активную жизненную позицию студента, которая представляет собой некий гарант свежих идей, неординарных подходов, смелых управленческих решений и способствует развитию социально активной личности. Студенты являясь специфической социальной группой, обладают социально-психологическими особенностями, которые необходимо учитывать при выявлении структуры мотивов социальной активности

студенческой молодежи. Мотивы социальной активности – это осознанные причины, по которым люди вступают во взаимодействие друг с другом, оказывают влияние друг на друга и осуществляют различные виды социально-значимой деятельности.

Социальная активность может быть охарактеризована: 1) по широте охвата заинтересованных сторон (активность может быть направлена на удовлетворение потребностей личности, конкретных групп, общества, всего человечества и т.д.); 2) по источнику инициативы (реактивная, проактивная, превентивная); 3) по целям и характеру (гуманитарная, восстановительная, миротворческая, созидательная, поисковая, демонстративная, контрольная, протестная, разрушительная и т. д.); 4) по видам деятельности (воспитательная, активизирующая, информирующая, организационная); 5) по сфере реализации (культурно-досуговая, образовательная, профессиональная, художественно-эстетическая, спортивная, политическая, гражданско-правовая, экономическая и т. д.); 6) по виду субъекта (индивидуальная, групповая); 7) по временным характеристикам (кратковременная, длительная, постоянная, разовая, систематическая и т. д.). Можно выделить виды и по временному изменению интенсивности (зарождающаяся, формирующаяся, растущая, угасающая и т. д.).

Важным критерием различения видов социальной активности является сфера человеческой жизнедеятельности, в которой эта активность проявляется. С точки зрения этого критерия обычно выделяют трудовую, общественную и культурно-бытовую, социальную, политическую активность.

Есть смысл выделять такие сферы социальной активности, как экономика, политика, социальная сфера, культура, наука, образование, спорт, коммуникация, частная жизнь.

В зависимости от предмета воздействия мы выделяем такие виды социальной активности, как практическая (меняет саму действительность: построй дом, посади дерево, вырасти сына); коммуникативная (нацелена на изменение ценностных представлений людей) и смешанная, которую можно назвать манифестационной, когда смыслом некоторых практических действий является не непосредственное

преобразование действительности, а оказание влияния на сознание людей (манифестации, митинги, демонстрации, парады, праздники и т. п.).

В настоящее время человечество вступило в новый этап развития международной политики, строящейся с учетом изменений, происходящих в странах Восточной и Западной Европы, бывшего СССР. Мировое сообщество пришло к четкому осознанию того, что от качества социального развития молодого поколения зависит будущее страны и цивилизации в целом. Вот почему сегодня проблема развития социально активной молодежи превращается в приоритетную проблему государства. Сила любого государства определяются не только экономическим и военным потенциалом страны, но и духовно-нравственным и интеллектуальным развитием молодого поколения. Поэтому государство на современном этапе развития общества активно вмешивается в вопросы развития детей и молодежи. Наряду с прочими важными проблемами не следует забывать и о проблеме занятости молодежи в свободное время. В первую очередь она связана с эффективным созданием и организацией деятельности молодежных общественных объединений и организаций.

Сегодня положение детей и молодежи в нашей стране крайне не просто. В области молодежной политики как социально-педагогического явления существует много неразрешенных вопросов. Остановимся на них более подробно.

1. Молодежь является самой незащищенной с точки зрения права частью общества. Углубляющийся в нашей стране социально-экономический и политический кризис влияет на развитие духовно-нравственного и социального статуса молодого поколения.

2. Нравственный вакуум, падение духовной культуры определенной части населения убивает в молодежи уверенность в своих силах и возможностях.

3. Влияние средств массовой информации, интерне-тизация молодого поколения, перенос виртуальной жизни в реальную.

4. Отношение к молодому поколению как к объекту воспитания, а не активному субъекту социальной жизни [2, с. 122].

Сегодня много говорят о развитии личности в обществе. Но где взять общество (социальную среду), положительно влияющее на это развитие? Некоторые факторы современной социальной среды отрицательно влияют на развитие личности молодого поколения. Так, резкое изменение социально-экономических условий и ценностно-нравственных ориентиров общества отрицательно сказалось на развитии молодежи в нашей стране. Социально-экономические процессы, неадекватно протекающие в городской и сельской местностях, одновременно характеризуются ярко выраженными негативными тенденциями, которые вносят педагогическую дисгармонию в жизнь большинства семей способствуют разложению духовно-нравственного потенциала молодого поколения. Средства массовой информации не несут ответственности за свою продукцию. Резкое понижение уровня жизни, неопределенность будущего, ухудшение физического и психического здоровья молодежи, снижение общей и профессиональной грамотности, интеллектуального потенциала личности создали

непредвиденные трудности для нормального развития молодого человека в обществе.

Молодежные общественные организации выступают важнейшей социальной структурой (институтом) гражданского общества и представляют собой коллективы, объединяющие своих членов в соответствии с индивидуальными интересами, потребностями, склонностями.

Молодежные и детские объединения входят в типологию общественных формирований, предложенную Т. Г. Киселевой и Ю. Д. Красильниковым. Она включает в себя: 1) профсоюзы; 2) благотворительные организации и общества социальной защиты и помощи (например, Всероссийский фонд культуры), фонды, организации, работающие с социально ослабленными слоями населения с привлечением волонтеров; 3) детские и молодежные объединения (ассоциация скаутов, молодежные парламенты и палаты, союзы подростковых клубов и т. д.); 4) неформальные объединения: а) *объединения социальных инициатив* (политические, экологические, национально-культурные, культурозащитные и т. д.); б) эпатажные (панки, рокеры, металлисты и т. д.); в) любительские объединения и клубы по интересам (спорт, оздоровление, коллекционирование, художественное творчество, например авторская песня, и т. д.); г) культурно-этнические организации; д) социально-защитные (не на благотворительной основе); е) конфессиональные; ж) *социально-творческие*, которые делятся на следующие разновидности: научно-просветительные и научно-технические; экологические и любителей животных; объединения и общества по интересам (книголюбов, филателистов, автолюбителей, туристов и т. д.); 4) физкультурно-спортивные; 5) художественно-творческие (творческие союзы и организации и т. д.) [3, с. 360].

Развитие в современных условиях молодежных общественных объединений требует нового подхода к организации их жизнедеятельности. Выявляя общее в имеющихся подходах (Р. А. Литвак, Э. Ш. Камалдинова, Л. В. Кузнецова и др.), примем следующее определение: «Молодежное общественное объединение представляет собой группу лиц, объединившихся добровольно на основе интереса к социально значимой деятельности и активной гражданской позиции с целью осуществления инициатив среди детей, подростков и молодежи и одновременного самосовершенствования».

Социальная активность студентов в молодежных общественных объединениях в своем развитии может быть реализована при осуществлении следующих задач:

- формирование мотивационных основ социальной деятельности;
- понимание, осмысление и обобщение получаемой информации, поиск дополнительной информации;
- формирование рефлексивных умений, направленных на анализ собственных действий и состояний.

Таким образом, проблема социальной активности студентов в молодежных общественных объединениях имеет многоаспектный характер: социально-экономические и политические коллизии развития общества, специфика современных средств массовой информации, снижение качества образования и социального уровня жизни населения. Данные предпосылки приводят к духовно-нравственному

дисбалансу молодого поколения, неопределенности будущего, ухудшению физического и психического здоровья молодежи.

1. Баскаков А. М., Соколова Ю. Г. Спутник исследователя по педагогике / под общей ред. А. М. Баскакова. Челябинск : ООО «Полиграф-Мастер», 2008. 600 с.

2. Водовозов В. И. Избранные педагогические сочинения / сост. В. С. Аранский. М. : Педагогика, 2006. 480 с.

3. Гусева Е. Б. Общественные объединения как субъект социально-культурной деятельности в условиях становления гражданского общества: дис. ... канд. пед. наук. М., 2005. 219 с.

© Гунбина С. В., Литвак Р. А, 2014

УДК 378

Т. В. Кравцова
T. V. Kravtsova

ПОНЯТИЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ В ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с существенными характеристиками академической мобильности. Анализируется место «академической мобильности» в гуманитарном знании. Рассматривается академическая мобильность в контексте поликультурного образования.

Ключевые слова: академическая мобильность, социальная мобильность, педагогическая мобильность, культурная мобильность.

CONCEPT OF ACADEMIC MOBILITY IN THE HUMANITIES

This article is devoted to the issues connected with essential characteristics of academic mobility. The author analyzes the place of academic mobility in the humanities. Academic mobility is considered in the context of multicultural education.

Keywords: academic mobility, social mobility, pedagogical mobility, cultural mobility.

В настоящее время процессы интернационализации общественной жизни затронули систему высшего образования, формируя единое мировое образовательное пространство. Одним из инструментов формирования гармонизации образовательных стандартов, подходов, учебных планов является академическая мобильность. Существует множество научных работ, посвященных данному вопросу, так как академическая мобильность плотно вошла в систему современного высшего образования и является одним из ведущих показателей эффективной работы вуза.

Собственно мобильность (от лат. *mobilis* – подвижный) в пространственно-временном значении обычно понимается как способность к быстрому передвижению, действию; в значении качественной характеристики деятельности – как готовность к быстрому выполнению каких-либо заданий.

Изначально понятие «мобильность» появилось в социологии. Социальная мобильность означает перемещение индивидов между различными уровнями социальной иерархии. В научной литературе часто встречается понятие профессиональной мобильности, которая определяется как возможность и способность успешно переключаться на другую деятельность или менять вид труда. Общепринято сегодня выделение двух векторов социально-профессиональной мобильности, предложенное в свое время П. Сорокиным: вертикальная, т. е. совокупность взаимодействий, способствующих переходу индивида из одного социального слоя в другой; горизонтальная, т. е. совершенствование профессионального мастерства, повышение компетентности и эффективное использование личностных качеств

в профессиональном развитии, гибкость профессиональных взглядов и действий, способность личности к самовыражению в конкретных изменяющихся профессиональных условиях.

В социологии нередко употребляется понятие трудовой мобильности – способности приспосабливаться к условиям производства, новой технике, быть коммуникабельным. Она включает готовность и умение осваивать новую профессию, изменять место работы, профессию, должность, место жительства, образ жизни в целом, если это необходимо по условиям работы.

В психологии мобильность понимается как одно из качеств личности, как способность изменять себя в соответствии с собственными потребностями, взглядами и целями. Наряду с понятием «мобильность» в психологической литературе используется понятие «мобилизация», трактуемое как физиологический процесс, как психофизиологическая готовность человека к выполнению определенных действий.

В педагогике понятие «педагогическая мобильность» подразумевает способность педагога организовать деятельность с другими субъектами образовательного процесса (учащимися, их родителями, коллегами, администрацией) в соответствии с целями и задачами современной концепции образования, ценностями мировой, отечественной, региональной и национальной культуры, реализуя свою социокультурную и социально-профессиональную компетентность, в том числе в процессе осмысления и прогнозирования результатов организуемых им субъект-субъектных отношений [1, с. 10]

В культурологи присутствует «этническая мобильность» – термин, употребляемый для обозначения деятельности, направленной на этническое самоутверждение и самоопределение, и собственно культурная мобильность – «способность личности естественно воспринимать культурные традиции этноса, следовать принципу поликультурного плюрализма, стремится производить новые культурные ценности...» [1, с. 11].

Академическая мобильность многоаспектна. В содержании этого понятия присутствуют социологические, психологические, педагогические и культурологические компоненты. На данный момент абсолютно однозначного и официально принятого толкования термина «академическая мобильность» не существует ни в российском законодательстве, ни в ведомственных документах.

В рекомендациях Комитета министров Совета Европы в 1996 г. дано следующее определение: «Академическая мобильность – это перемещение кого-либо, имеющего отношение к образованию, на определенный (обычно от семестра до года) период в другое образовательное учреждение (в своей стране и за рубежом) для обучения, преподавания или проведения исследований, после чего учащийся, преподаватель или исследователь возвращается в свое основное учебное заведение». Согласно определению Российского Совета академической мобильности (РОСАМ), академическая мобильность – это международный термин, означающий обеспечение получения дополнительных знаний для студентов, аспирантов, преподавателей вузов за рубежом.

М. А. Ставрुक выделила четыре подхода к определению содержания понятия: функциональный (академическая мобильность рассматривается через такие виды деятельности, как передвижение, обучение, получение знаний, участие в программах и т. п.); личностный (академическая мобильность как инструмент развития личностных качеств); культурологический (академическая мобильность как инструмент культурного интеллектуального обмена); виртуальный (академическая мобильность студентов в рамках дистанционного образования).

В ряде работ академическая мобильность понимается как социальное явление, являющееся основой создания конкурентоспособного европейского образовательного пространства. Так, Т. М. Трегубова делает акцент на европейскую составляющую: главной целью данного процесса она считает «дать возможность получить разностороннее «европейское» образование», «привить ему (обучающемуся. – Т. К.) чувство гражданина Европы» [2, с. 29]. В рамках другого направления академическая мобильность рассматривается исследователями как целенаправленно формируемое личностное качество субъектов образования, реализуемое личностью в процессе активной, самостоятельной, творческой деятельности. Примером может послужить определение Л. В. Зновенко, согласно которому академическая мобильность есть «личностное новообразование, которое является результатом деятельности субъекта образовательного процесса, предполагающей проектирование и реализацию индивидуального образовательного маршрута с учетом специфики выбранной профессии, тенденции развития рынка труда, опыта работы,

социального опыта и тенденций развития международных и национальных образовательных систем» [3, с. 290]. В литературе встречается множество других дефиниций.

В Концепции развития академической мобильности в Российской Федерации понятие «академическая мобильность» рассматривается как обучение, преподавание, проведение исследований за рубежом, после чего учащийся, преподаватель или исследователь возвращается в свое основное учебное или научное заведение. Данный феномен не включает в себя эмиграцию.

Проанализировав основные характеристики и содержание понятия «мобильность», отметим, что сущность академической мобильности схожа по некоторым признакам со всеми видами мобильности. Так, академическая мобильность имеет те же характеристики, что и социально-профессиональная мобильность, если они будут спроецированы на процесс обучения студентов. Можно утверждать, что академическая мобильность студентов, так же как и социально-профессиональная мобильность специалиста, имеет два вектора – горизонтальное развитие академической мобильности, т. е. переход студента на более высокий образовательный уровень (например, с первого цикла обучения (бакалавриат) на второй (магистратура) и т. д.); вертикальное развитие академической мобильности, т. е. становление и развитие в процессе обучения базовых, ключевых и специальных компетенций, личностное развитие студента (в том числе его интерес к структурам дополнительного профессионального образования), развитие творчества, гибкость взглядов, формирование умения выбора собственного образовательного маршрута и т. д.

Академическая мобильность имеет связь с мобильностью в психологическом знании, выступая как способ самореализации и развития определенных личностных качеств. По мнению В. Папацибы, «мобильность... способствует появлению более свободного человека. Академическая мобильность укрепляет веру человека в то, что он в состоянии справиться с изменившейся окружающей обстановкой, контролировать себя...» [4, р. 29].

Академическая мобильность тесно связана с педагогической мобильностью, так как не только мобильными должны быть студенты, но и их преподаватели должны обеспечивать высокое качество обучения за счет участия в программах международного обмена.

С точки зрения культурологического подхода академическая мобильность является прекрасным средством получения и передачи знаний и является инструментом культурного и интеллектуального обмена [5, с. 41].

Таким образом, попробуем дать определение понятия «академическая мобильность студентов», основываясь на трактовках данного понятия в разных науках. Академическая мобильность студентов – это возможность самореализации и развития определенных личностных качеств путем продолжения своего образования в зарубежных высших учебных заведениях, в виде участвуя в образовательных программах и приобретения практического опыта за рубежом, в процессе культурного и образовательного обмена.

По нашему мнению, культурологический подход к определению академической мобильности является одним

из ведущих. Данный подход основан на концепции диалога культур как необходимого инструмента формирования единого мирового поликультурного образовательного пространства. В связи с этим хотелось бы охарактеризовать понятие «академическая мобильность» в контексте поликультурного образования.

Связь между поликультурным образованием и академической мобильностью очевидна. Первое призвано, с одной стороны, способствовать сохранению и развитию культурного наследия своей страны, а с другой стороны, формировать умения и навыки межнационального общения, осуществлять социокультурную адаптацию к условиям жизни в поликультурном современном обществе, а также содействовать открытости своей культуры по отношению к другим странам. Этому способствует академическая мобильность, для развития которой необходимо обладать такими компонентами поликультурного образования, как профессионально-ориентированное знание иностранных языков и образовательных программ, знание культуры, традиций и прав человека в разных странах, иметь ряд ценностных установок и мировоззренческих взглядов, основанных на полном уважении к другим культурам, обладать определенными личностными качествами и способностями.

Развитие академической мобильности обусловлено не только внешними факторами, но и внутренней потребностью самой личности, ее способностью и готовностью изменяться и преобразовывать себя. Предпосылкой для развития данных способностей является поликультурное образование: сформированные общекультурные, профес-

сиональные компетенции и культурные ценности. Таким образом, обращаясь к ценностям поликультурного образования, академическую мобильность можно определить как интегративную характеристику личности, определяющую успешную адаптацию к условиям обучения в иноязычной среде посредством поликультурного образования.

1. Калиновский Ю. И. Развитие социально-профессиональной мобильности андрагага в контексте социокультурной образовательной политики региона: дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2001. 470 с.

2. Трегубова Т. М. Академическая мобильность преподавателей и студентов // Казанский педагогический журнал. 2006. № 2. С. 28–30.

3. Зноненко Л. В. Категория «академическая мобильность студентов» в современных педагогических исследованиях России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. № 32. Т. 11. С. 288–292.

4. Papatsiba V. Political and individual rationales of student mobility: a case-study of ERASMUS and French regional scheme for studies abroad // European journal of education. 2005. Vol. 40,2.

5. Ставрук М. А. Содержание и организация академической мобильности студентов Финляндии: дис. ... канд. пед. наук. Сургут, 2011. 349 с.

© Кравцова Т. В., 2014

Н. А. Мельникова, Ю. С. Горбачева
N. A. Melnikova, Yu. S. Gorbachova

СПЕЦИФИКА КОММУНИКАЦИЙ В ВЫСТАВОЧНЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ СФЕРЫ *BUSINESS-TO-BUSINESS*

В статье выявляется специфика выставочных коммуникаций в сфере business-to-business. Авторы определяют особенности деловой коммуникации в сфере деятельности организаций и определяют отличительные черты B2B-маркетинга. В статье приводятся результаты исследований по организации и проведению продуктовой выставки и выставки компаний-производителей рекламы. Определен характер целевой аудитории и названы приемы работы с лидерами мнений и стейкхолдерами.

Ключевые слова: выставочные коммуникации, деловые коммуникации, сфера business-to-business, коммуникации организации, маркетинг организаций, особенности B2B-коммуникации, выставочные проекты.

SPECIFICS OF COMMUNICATIONS IN EXHIBITION TECHNOLOGIES OF *BUSINESS-TO-BUSINESS* FIELD

The exhibition communications specificity in business-to-business (B2B) field is revealed in the article. The authors define business communication particularities in the field of organization practice and bring out distinctive B2B-marketing features. The results of the research on arranging and conducting a product exhibition and exhibitions of advertising manufacturing companies are presented in the article. The target audience character is determined and the techniques of working with opinion leaders and stakeholders are identified.

Keywords: exhibition communications, business communications, business-to-business field, communications of organization, marketing of organizations, B2B-communication particularities, exhibition projects.

Выставки как составляющая интегрированных коммуникаций организации сегодня по-прежнему актуальны, а эффективность их использования активно обсуждается профессионалами-коммуникаторами: маркетологами, спе-

циалистами по связям с общественностью, рекламистами. Исследователи отмечают несколько аспектов, особенно интересных на современном этапе теоретического осмысления выставочных технологий: снижение эффективности

использования средств массовой информации и традиционной наружной рекламы для продвижения выставки как события, создание виртуально-коммуникативной среды выставки и эффективность выставочной коммуникации в сфере business-to-business.

Тема организации и проведения выставок достаточно хорошо представлена в научной и научно-практической литературе: в работах С. Блэка, Д. Доти, Дж.М. Лэйхиффа, Дж.М. Пенроуза, Р. Хейвуда освещены вопросы использования выставок как составляющей коммуникаций коммерческой организации. В исследованиях Ф. Котлера, Г. Беквита собраны теоретические и практические обоснования необходимости позиционирования компаний на выставках, а также описание имеющихся PR-технологий, которые применяют в выставочных практиках. Не менее важными в осмыслении эффективности выставочной деятельности являются труды некоторых отечественных авторов: И. Алешиной, К. Барежнева, Ю. Кудрявцевой, Э. Гусева и др. Большое количество статей специалистов-практиков, размещенных в Интернете на различных порталах, описывают практику проведения выставок отдельными компаниями и организацию коммуникаций в ходе экспомероприятий.

В то же время специфика экспозиционной деятельности организаций, работающих в сфере business-to-business изучена недостаточно. На наш взгляд, особенность выставочных технологий обусловлена качествами деловой коммуникации в этой сфере. Прежде всего необходимо определить понятие B2B (business-to-business)-рынка и B2B-коммуникаций.

В научной и деловой литературе, в средствах массовой информации и обиходном употреблении существует большое количество толкований, однако наиболее точную характеристику сферы B2B предложили Ф. Котлер и В. Пферч [1]: это рынок товаров и услуг промышленного назначения, т. е. потребителем организации является такая же компания или другой бизнес. В сфере B2B «продаются» как товары, так и услуги (металлорежущие станки, танкеры, аудит, консалтинг, аппаратные серверы и программное обеспечение и т. п.). Особенностью экономических взаимоотношений в сфере B2B является то, что в нем создаются «цепочки снабжения и цепи создания стоимости. В данной среде учитываются интересы, связанные с получением прибыли». Отсюда вытекает и сущность рассматриваемого рынка: рынок B2B «работает на компании различных сфер и отраслей деятельности (государственные, частные, коммерческие и некоммерческие), а также лиц, покупающих для деловых целей» [2]. В связи с этим следует охарактеризовать особенности b2b-маркетинга:

1) высокая функциональная взаимосвязь с общей стратегией развития организации/бизнеса, учет стратегических и тактических задач, тесное взаимодействие с производством и инжинирингом;

2) детальное представление о своем потребителе и его потребностях;

3) «первичная продуктовая ориентированность», т. е. изучение потребностей рынка и поиск потенциальных заказчиков на «входе» в рынок; это обусловлено тем, что

продукт, предлагаемый предприятием, имеет некое затратное техническое/интеллектуальное воплощение;

4) сложность процесса закупки, которая обусловлена спецификой b2b-коммуникации;

5) характер b2b-коммуникации, который мы опишем ниже.

Особенность B2B-коммуникации определяется тем, что ее содержанием является коммерческое предложение о средствах производства, сопутствующих товарах и услугах, обслуживающих производственный процесс предприятия-потребителя. Целью B2B-коммуникаций является налаживание партнерских отношений, нахождение надежных поставщиков для собственного производства, покупателей сырья или готовой продукции – оборудования и приборов или различных услуг [3]. Целевой аудиторией являются профессионалы, работающие в определенной сфере/отрасли. Стоит перечислить функции B2B-коммуникаций:

1) информационная: информирование о различных коммерческих предложениях в сфере B2B – товарах, услугах, решениях, новинках, апгрейдах и т. д.;

2) рекламная: прямое продвижение и стимулирование в форме призывов к покупке и использованию;

3) косвенное продвижение и некоммерческое стимулирование продаж: Public Relations, имидж, позиционирование имиджа, возвышение имиджа, отстройка от конкурентов, формирование и поддержание лояльности;

4) поисковая: поиск новых клиентов, заказчиков и потребителей, а также партнеров;

5) коммуникационная: общение специалистов на профессиональные темы, консалтинг, повышение квалификации специалистов (в принципе это делается для имиджа предприятия и бренда, для увеличения публичного капитала компании и ценностного капитала бренда).

Однако нужно учитывать, что в сфере B2B существует особый характер конкуренции – конкуренция за юридическое лицо, которое может обеспечить покупку (стоимость покупки гораздо выше, чем на рынке B2C, где покупатель – физическое лицо). Этим обусловлено своеобразие коммуникации в этой сфере.

Продавец и покупатель (потенциальные партнеры) более тщательно оценивают возможные риски от взаимодействия, поэтому потребитель, совершая покупку, основывается на рациональных, а не на эмоциональных доводах. Для коммуникации характерен высокий уровень таргетированности (т. е. целевой направленности) на лицо/лица, принимающих решение о покупке. Сфера B2B-коммуникаций консервативна, новации в ней появляются и утверждаются с трудом. Это связано как с рациональной основой аргументации месседжей и форм информирования, так и со складом ума среднего и высшего звена менеджеров предприятий, на которых и направлены B2B-коммуникации. Таким образом, мы можем констатировать, что B2B-коммуникация предъявляет высокие требования к целевой ориентации сообщений и используемых/предлагаемых каналов коммуникации. Поскольку для B2B характерна высокая стоимость покупки, то при восприятии информации действуют высокие барьеры: сильные критические фильтры, серьезная степень недоверия, требование доступности верификации информационных данных, строгие

критерии отбора информации и требования прозрачности, оперативности, конкретности информации.

В сфере B2B сложилась многоуровневая схема принятия решения: фактически существует лицо, принимающее решение, персоны, влияющие на решение – это множество людей, а схема взаимоотношений между ними является прозрачной. В этом случае особое значение приобретают командные продажи, в рамках которых с сотрудниками заказчика на всех уровнях выстраиваются правильные отношения с учетом профессиональных и психологических требований.

Существующие в настоящее время подходы к определению маркетинговой стратегии в выставочной деятельности не являются «руководствами к действию» для большинства отечественных организаций. Это объясняется недостатком практического опыта самих организаций, большая часть которых существует чуть более десяти лет, и механическим переносом методов оценки эффективности других каналов коммуникации в область выставочной деятельности.

Рассматривая выставку как инструмент B2B-коммуникаций, следует отметить ее основное отличие – исключительно профессиональная аудитория. B2B-выставки соединяют выставочную экспозицию и качественную деловую программу. По данным портала <http://expomart.ru/>, среднее соотношение должностей посетителей на профильных выставках в России следующее:

- 32 % руководители предприятий и их заместители;
- 37 % руководители подразделений;
- 24 % специалисты;
- 7 % студенты, фрилансеры, другие [4].

Нами было проведено исследование особенностей подготовки и организации выставок «Петерфуд» и «Интернет-Реклама», проведенных в конгрессно-выставочном комплексе «Империya» (г. Санкт-Петербург) в 2013 г. Методы исследования – экспертное интервью руководителей конгрессно-выставочного комплекса «Империya», руководителей предприятий, регулярно участвующих в выставках KBK «Империya» (количество экспертов – 10 человек), опрос стендистов и менеджеров по продажам, работавших в рамках указанных выставок (количество опрошенных – 148 человек).

Анализируя ответы экспертов, можно сделать вывод о том, что каждая выставка – уникальное событие, имеющее свои особые цели, задачи и участников. Помимо различий, которые лежат на поверхности, – тематика выставки, масштаб, область охвата и прочее – существуют еще и внутренние отличия: контингент участников, необходимые ресурсы для организации выставки, специфика отрасли, разные условия и время принятия решений и т. д. Например, для принятия решения об участии в выставке «Петерфуд» компаниям продовольственной сферы в среднем необходимо от 4 до 8 месяцев. За это время компаниям необходимо определиться с метражом стенда, выбрать наиболее удачное, по их мнению, расположение выставочной экспозиции, определить, какую продукцию или торговую марку будут представлять, согласовать все пункты договора, определиться с оформлением стенда, заказать продукцию на производстве

(складе) в необходимом количестве, отгрузить, а при необходимости и осуществить растаможивание. На рынке интернет-услуг все обстоит иначе: среднее время принятия решения об участии – от 7 дней до 2 месяцев в зависимости от того, насколько крупная компания. В качестве еще одного примера можно рассмотреть даже отношение к оформлению и метражу выставочных стендов. На выставке «Петерфуд» компании приобретают множество дополнительного оборудования (холодильные витрины, архивные шкафы и др.), заказывают индивидуальную застройку, минимальный стенд на продовольственных выставках – 9 кв. м. На выставке «Интернет-реклама» все, что нужно компаниям для позиционирования своей продукции – стол, стул и подключение к Интернету. Некоторые заказывают индивидуальную оклейку стеновых панелей изображением с логотипом компании, привозят мультимедийное оборудование, плазменные экраны и иную технику, позволяющую провести презентацию услуг интересно для посетителей. Средняя площадь стенда на выставке – 4–8 кв. м. Данный фактор лишь подчеркивает специфику каждой из выставок.

Большую роль во время реализации выставочных проектов играет поддержка выставки (информационная, государственных органов, профильных ассоциаций и организаций). Коммуникации с такими компаниями также имеют свою специфику. По словам PR-менеджера компании «Империya» Максима Чубачука, в основном это зависит от «молодости» самого рынка, мобильности и гибкого подхода к своей деятельности (что проявляется в готовности к поиску партнеров), статусе выставки и доверии клиентов организаторам.

Все эксперты в своих интервью отметили важность деловой программы выставки. По их мнению, это дает возможность привлечения профессиональных посетителей. Однако интересы экспонентов к аудитории также различны. На выставке «Петерфуд» «желаемой» аудиторией являются заказчики продукции – дистрибуторы, оптовые компании и, конечно, розничные сети. На выставке «Интернет-реклама» самыми интересными посетителями для экспонентов были не только компании, желающие улучшить свои интернет-возможности, но и отдельные физические лица, также работающие в сфере интернет-продвижения и занимающиеся, например, контекстной рекламой. По словам Вячеслава Сиомичева, продюсера выставочного салона «Интернет-реклама», экспоненты на выставке не называли друг друга конкурентами, несмотря на схожесть деятельности. Компании с удовольствием делились собственным опытом, разработками, проводили друг для друга консультации, договаривались о встречах для будущего сотрудничества. Тем не менее, несмотря на такое количество различий между выставками, по большому счету это никак не влияет на используемые коммуникативные технологии при привлечении клиентов.

Исследуя процесс продаж выставочных площадей выставок «Интернет-реклама» и «Петерфуд», мы отметили некую закономерность: общение с клиентами в выставочном бизнесе всегда начинается с телефонного звонка либо первичного предложения при личной встрече на профильной выставке; далее менеджеры высылают коммерческие

предложения посредством электронной почты и ведут переговоры, в основном по телефону. В своих ответах все менеджеры отметили, что особых различий в используемых ими технологиях при продаже той или иной выставки нет. Клиенты практически всегда задают одни и те же вопросы. При принятии решения их интересует стоимость участия, варианты стендов, компании-участники, эффект от выставки; если компания уже стоит на выставке, ее интересуют вопросы, связанные с оформлением стенда, заездом/выездом, оформлением документов, размещением в гостинице и т. д.

После выставки работа по поствыставочному сопровождению также технологична: отправка писем-благодарностей, фотоотчет выставки, закрывающих документов, выяснение планов на дальнейшее участие и пр.

Таким образом, в сфере B2B основными коммуникативными технологиями, которые менеджеры используют для привлечения клиентов, являются:

- донесение до экспонента актуальности участия в той или иной выставке;
- разъяснение возможных итогов;
- описание всех выгод и плюсов выставки, места проведения, времени;
- акцент на статусе выставки;
- приведение примеров успешного участия;
- упор на участие компаний-конкурентов;
- предоставление дополнительных опций и рекламных возможностей;
- скидки;
- презентация деловой программы выставки;
- описание количественного и качественного состава посетителей и др.

Наиболее эффективным средствами коммуникаций с потенциальными экспонентами, по мнению экспертов, являются личная встреча, телефонный звонок, личное письмо на электронную почту. Что касается посетителей, это – массовая реклама и электронные рассылки. Менеджеры отмечают важность заботы об участниках во время выставки, оперативного решения возникающих вопросов и текущих задач.

Таким образом, можно выявить несколько характерных для выставок в сфере B2B особенностей:

1. Участие в выставке должно иметь четкую структуру и быть нацелено на решение основных маркетинговых и PR-задач компаний-участников.

2. Учитывая отсроченный этап принятия решения в сфере B2B и множество влияющих на принятие решения персон, подготовка выставки занимает продолжительное время. Важно постоянно удерживать контакты и проводить переговоры об участии в непрерывном режиме.

3. При выборе экспонентов и формировании коммерческого предложения по выставке организатору следует исходить из тематики выставки, профиля деятельности компаний-потенциальных клиентов, их возможностей и пожеланий.

4. Выставка в сфере B2B имеет обширную деловую программу, проведение которой решает ряд задач: привлечение деловых посетителей выставки, увеличение эффекта от участия в выставке, отслеживание тенденций и изменений рынка и т. д. Это позволяет наиболее эффективно погрузиться в процесс коммуникации с потенциальными клиентами, в полной мере представить свою компанию и товар/услуги.

Процесс организации выставочных мероприятий достаточно объемный и состоит из множества этапов: от целеполагания до анализа выставки. Основная задача компаний, занимающихся организацией и проведением выставочных мероприятий, – на каждом их этапов удовлетворить потребности своих клиентов, максимально упростить для них процесс подготовки к выставке и донести до каждого потенциального клиента необходимость участия в предлагаемом мероприятии.

1. Котлер Ф., Пфферч В. Бренд менеджмент в B2B сфере. М. : Вершина, 2007. 432 с.

2. Время бизнеса. Журнал. Характеристика рынка B2B. Электронная версия. URL: <http://www.camcomp.com/harakteristika-ryinka-b2b.html> (дата обращения 19.10.2014).

3. Новости маркетинга. Журнал. URL: <http://www.marketingnews.ru/termin/109> (дата обращения 19.10.2014).

4. Экспотар: выставочный портал. URL: <http://www.expotarp.ru> (дата обращения 19.10.2014).

© Мельникова Н. А., Горбачева Ю. С., 2014

**ФОНДЫ ЦЕЛЕВОГО КАПИТАЛА
(ЭНДАУМЕНТ-ФОНДЫ)
В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ**

В статье проанализированы основные тенденции генезиса, становления и развития фондов целевого капитала в вузовской системе Российской Федерации: правовой, экономической, организационный и исторический аспекты. Выделены ключевые проблемы создания и реализации эндаумент-фондов в России сравнительно с общемировой практикой.

Ключевые слова: фонд целевого капитала, или эндаумент-фонд, федеральный закон, некоммерческая организация, государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования, институт, применение.

Фонды целевого капитала (ФЦК), или эндаумент-фонды (ЕФ), или просто эндаументы – одна из наиболее заметных новаций последних лет для российской сферы образования, где они в перспективе станут, будем надеяться, во-первых, новым важным источником дохода для государственных и негосударственных образовательных учреждений (ГОУ и НОУ) и, во-вторых, фактором дополнительной конкурентоспособности образовательных учреждений.

Сегодня в РФ в сегменте образовательных учреждений ФЦК созданы только в сфере высшего образования. С 2007 г. в России были основаны свыше двух десятков вузовских ФЦК с совокупным объемом активов более 1,5 млрд руб. Юридическим основанием для их создания стал закон от 30 декабря 2006 г. № 275-ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» [1] (далее – Закон). Социальная деятельность – образование, наука, здравоохранение, спорт, культура, искусство и т. д. – была определена как область применения целевых капиталов (ЦК) (п. 1 ст. 3 Закона).

Западная научно-практическая мысль выработала такие определения ЕФ:

– дар в виде денег или имущества в пользу организации для реализации ее цели. Средства ЕФ могут быть инвестированы в целях получения постоянного дохода, используемого в текущей деятельности [2];

– дары с условием, что их основная сумма не будет напрямую потрачена на конкретные акты благотворительности, а инвестируется для создания источника дохода организации (основная сумма может оставаться неиспользуемой перманентно, определенное время или на срок до накопления конкретной суммы активов для достижения намеченной цели) (цит. по [3, с. 15]);

– дарение средств (денег или имущества) для инвестирования таким образом, чтобы основная часть осталась нетронутой [4];

**ENDOWMENT FUNDS
IN THE RUSSIAN EDUCATIONAL SPHERE**

The article analyzes the main trends in genesis, establishment and development of the endowment funds in the Russian system of higher professional education: legal, economic, organizational and historical aspects are discussed. The key problems of creation and implementation of the endowment funds in Russia are pointed out in comparison to worldwide practice.

Keywords: endowment fund, Federal law, non-profit organization, state educational institution of higher professional education, institute, law enforcement.

– собственность или деньги, даруемые отдельному лицу, группе лиц или организации для использования их в качестве источника дохода. Цель – инвестировать фонд так, чтобы общая сумма активов равнялась основной сумме фонда с учетом инфляционной компенсации, дополнительного дохода для инвестиций и дополнительных расходов в перспективе [5];

– постоянный и необратимый фонд, который находится в собственности некоммерческой организации, освобожденной от налогообложения, управляемый банком или трастовой компанией организации (цит. по [3, с. 15])

ЦК по «русски» – это «сформированная за счет пожертвований, внесенных жертвователем (жертвователями) в виде денежных средств, часть имущества некоммерческой организации, переданная некоммерческой организацией в доверительное управление управляющей компании для получения дохода, используемого для финансирования уставной деятельности некоммерческой организации или иных некоммерческих организаций, в порядке, установленном законодательством» (п. 1 ст. 2 Закона).

Образовательные учреждения, муниципальные (МОУ) и государственные не могут являться собственниками ЦК (причем даже НОУ, т. е. образовательные организации, созданные в организационно-правовой форме учреждения, также не могут выступать собственниками ЦК).

Так как некоммерческая организация (НКО) – собственник ЦК может существовать только в форме фонда автономной НКО, общественной организации, общественного фонда или религиозной организации (п. 4 ст. 2 Закона), то финансирование ГОУ и МОУ из ФЦК требует создания специализированной НКО для управления ЦК в форме фонда для формирования ЦК, которая станет его собственником.

Фонд формирует ЦК и передает его управляющей компании (УК), получает доходы от управления, распределяет их по конкретным адресам по Уставу ФЦК и его финансовому плану (ст. 13 Закона).

Получателями дохода от ЦК могут быть только НКО (за исключением государственных корпораций, политических партий и общественных движений), в том числе как одно, так и несколько ОУ. Возможные варианты: 1) 1 НКО – 1 ЦК – 1 ОУ; 2) создание одного или нескольких ЦК (п. 4 ст. 6 Закона) под конкретные проекты: 1 НКО – несколько ЦК – 1 ОУ; 3) формирование нескольких ЦК для разных ОУ по направлениям использования: 1 НКО – несколько ЦК – несколько ОУ, например, создание региональных ЕФ, аккумулирующих капитал для группы организаций социальной сферы, каждая из которых не обладает самостоятельными возможностями в создании ФЦК (например, в сфере начального (среднего) профессионального образования).

По приблизительным оценкам (по данным отчетности и официальных сайтов фондов) объем ЦК всех созданных ЕФ во всех сферах в середине 2010 г. составлял в РФ около 2,7 млрд руб. Размеры активов ЕФ вузов по текущему объему переданных в траст ЦК очень существенно различаются (от 7 до 400–500 млн руб.). В 2007 г. в РФ был период грюндерства ФЦК – учреждены первых 12 фондов (в основном в крупных вузах Москвы, Санкт-Петербурга и Новосибирска). Из-за финансового кризиса в 2008 г. было создано только четыре, в 2009 г. – всего два фонда. Несмотря на оживление тенденции роста числа ЕФ, в РФ вузов с такими фондами всего лишь 2 % от их общего числа [6]. В чем же основные причины столь медлительного процесса научно-образовательного грюндерства ЕФ? Здесь можно назвать следующие группы проблем: I – реальные российские, II – потенциальные российские, III – общемировые.

I. Реальные российские проблемы.

1. Закрытость российских ЕФ. Большая часть ФЦК информационно абсолютно непрозрачны (нет официального сайта в Интернете, не публикуются уставы, не обновляются годовые отчеты, что, как нам думается, свидетельствует в первую очередь о элементарном «отмыве» финансов через ЕФ). Зарубежные ЕФ формируются, как правило, при активном содействии партнеров и выпускников данного вуза.

2. Ограничения, генерируемые исторической и территориальной спецификой развития вузовского образования в стране:

а) основными получателями доходов от ЦК в России являются либо крупнейшие, либо старейшие вузы, что обусловлено их большей известностью среди потенциальных спонсоров и работодателей и, главное, наличием известных – авторитетных в общественном и административном аспектах – и финансово успешных выпускников. Соответственно, для региональных вузов и учреждений начального (среднего) профессионального образования (НПО (СПО)) возможности создания хотя бы минимальных по своим возможностям ФЦК ограничиваются отсутствием таких выпускников, а также меньшим интересом «выгодных» работодателей. Кроме того, страт «новых русских» в значительной мере представлен:

– людьми, источниками и факторами обогащения которых было все что угодно, но только не образование и культура (российская модель «процесса первоначального накопления капитала» оказалась очень традиционна, даже, можно сказать, архаична в данном смысле);

– практически все крупные бизнесмены, уже вне зависимости от уровня образования и культуры, стараются вывести большую часть прибылей из страны, минимизируя даже критически важные для поддержания бизнеса текущие капиталовложения. Рассчитывать на благотворительность этих людей по меньшей мере наивно. Российская статистика это подтверждает. ВВП РФ составляет примерно одну восьмую от ВВП США, численность населения – несколько более двух пятых от США, а суммарная величина ЦК ЕФ всех вузов РФ – всего около 50 млн долл., в то время как средний размер активов ЕФ в США и Канаде составил 372 млн долл. (медианное значение – 68 млн долл.). При этом активы ЕФ всего лишь четырех крупнейших американских вузов на июнь 2010 г. достигали 68,5 млрд долл. (в 1360 раз (!!!) больше всей суммы активов ЕФ в РФ): 27,6 млрд долл. (Гарвардский университет), 16,7 млрд долл. (Йельский университет), 15,9 млрд долл. (Стэнфордский университет), 8,3 млрд долл. (Массачусетский технологический университет) (см. [6]);

б) исторически сложившаяся во времена СССР отраслевая специализация учебных институтов, в результате которой самая распространенная категория гуманитарных институтов – педагогические – имеет многомиллионную армию относительно нищих выпускников;

в) ментальный барьер как фактор минимизации в современной России культуры и традиций благотворительности. В связи с бедностью абсолютного большинства населения, советской привычкой к бесплатности социальных услуг (образования), недоверием к любым благотворительным организациям, дореволюционные традиции благотворительности на данный момент не возрождены.

3. Фактическое отсутствие налоговых льгот для благотворителей. Базовым фактором распространения ЕФ в мире стала система налоговых льгот для спонсоров: освобождение от налогообложения или обложение по пониженным ставкам. В РФ никаких налоговых льгот для юридических и физических лиц нет. Раз государственные и муниципальные образовательные учреждения (согласно ст. 2 Закона) не могут быть собственниками ЦК, следовательно, положения ст. 219 НК РФ в отношении жертвователей – физических лиц, перечисляющих денежные средства на формирование или пополнение ЦК (даже если получателями дохода являются бюджетные учреждения), не могут применяться.

4. Ограниченность видов источников ЦК. В соответствии с п. 1 ст. 4 Закона ЦК НКО формируется исключительно за счет пожертвований только в виде денежных средств (в валюте РФ или инвалюте) якобы для обеспечения контроля за генерацией ЦК и уклонениями от налогообложения. Следовательно, недвижимое имущество, ценные бумаги и другое имущество как инструмент формирования фондов почему-то исключены.

II. Потенциальные российские проблемы.

1. Ограничения по размеру ЦК и сроку его формирования. Согласно Закону, минимальный размер ЦК – 3 млн руб. При этом, если в течение одного года после поступления первого взноса общая сумма пожертвований не превысит трех миллионов рублей, ЦК не может быть сформирован. В этом случае НКО будет обязана вернуть полученные деньги.

Минимум в 3 млн руб. может являться существенным барьером для генерации ЦК в сфере НПО (СПО), которые, как правило, имеют меньшие хозяйственные возможности и ресурсы для своей деятельности, чем вузы.

2. Несоответствие срока доверительного управления имуществом ЕФ и периода деятельности фонда. По общему правилу договор доверительного управления имуществом заключается на срок, не превышающий 5 лет (п. 2 ст. 1016 ГК РФ). Однако Законом установлен лишь минимальный срок, на который формируется ЦК, – 10 лет (п. 11 ст. 6) (цит. по [3, с. 41]).

Получается, что максимальный срок договора траста (5 лет) вдвое меньше срока функционирования ЦК (не менее 10 лет), в связи с чем у НКО потенциально могут быть проблемы с пролонгацией договора траста с УК (п. 15 ст. 16 Закона).

3. Порядок использования доходов от ЦК ОУ – получателем дохода. Процедуры контроля целевого использования средств в ОУ законодательно не определены (отчетность получателя дохода, сроки ее представления и т.д.), если размер его финансирования за счет дохода от ЦК в течение отчетного года составляет менее 5 млн руб., что потенциально может отражаться на доверии благотворителей.

III. *Общепрофильные проблемы.*

1. Проблема эффективности траста ЕФ (для НКО – перспектива низкой доходности или даже убытков). Если у НКО закрытый характер деятельности, незначительное количество жертвователей, то в ЕФ может возникнуть конфликт интересов групп крупных спонсоров по передаче траста ЦК в контролируемые ими компании.

2. Зависимость величины пожертвований от экономической конъюнктуры. В целом же перспективы развития ФЦК в РФ будут в ближайшее время определяться правоприменением Федерального закона от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» (см. [7]); точнее, его положений относительно государственных (муниципальных) ОУ, действующих как бюджетные учреждения – они получили право

учреждать юридические лица, а значит, и ЕФ. Этот закон изменил юридический статус государственных и муниципальных учреждений, накладывавший ограничения на их финансово-хозяйственную деятельность.

Для успешного внедрения и развития ФЦК в дополнение к новациям в правоприменении в части налоговых преференций и состава инструментов формирования ЦК важно стимулировать переход с закрытой на открытую или смешанную модель ЕФ. Закрытая модель – это незначительное количество физических лиц-спонсоров. Смешанная модель ориентирована на максимально возможное число спонсоров и в рамках «скупого» олигархического капитализма оптимальна для небогатых российских выпускников, партнеров и вузов.

1. О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций: ФЗ от 30 декабря 2006 г. № 275-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

2. Электронная энциклопедия URL: <http://www.investopedia.com> (дата обращения 19.10.2014).

3. Эндаумент-фонды (фонды целевого капитала) государственных и муниципальных образовательных учреждений: практич. руководство / под ред. Я. М. Миркина. М.: Финансовый ун-т, 2010. 144 с.

4. Сайт Института развития эндаумента (Endowment Development Fund, LLC). URL: <http://www.endowment.com/glossary.htm> (дата обращения 19.10.2014).

5. Электронная энциклопедия. URL: <http://www.wikipedia.com> (дата обращения 19.10.2014).

6. Эндаументы: три года в эмбриональном состоянии // Финанс. 2010. № 22(353). 21–27 июня. С. 23–25.

7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений: ФЗ от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

© Степнов П. А., 2014

СИМВОЛИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ ИМИДЖА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА

В статье рассматриваются вопросы конструирования политического имиджа как коммуникативного смыслоносущего явления на основе архетипического брендинга политика и при помощи использования национально-культурных стереотипов и символов. Политический лидер, в основе имиджа которого лежат национально-культурные стереотипы, успешен в продвижении, становится маркой товара страны.

Ключевые слова: политический имидж, политический имиджмейкинг, символические характеристики имиджа, политический миф, архетип, ментальность, национальный стереотип, политический брендинг.

Одной из особенностей современной эпохи является то, что основой для мета-дискурса о настоящем служат коды (знаки) производства и формирующие их системы, главным образом СМИ. Среди научных парадигм исследований в социально-политических науках все большую популярность приобретает теория дискурса (Т. А. ван Дейк, В. Кинч, А. Е. Кибрик, И. М. Кобозева, О. В. Александрова, В. В. Красных и др.), которая рассматривает политическую реальность как сложное *коммуникативное* явление, включающее в себя не только характеристики участников коммуникации, но и тот социальный контекст, в который они вписаны, а также процессы производства и восприятия сообщения.

Особый политический мир являет собой постсовременное «общество-спектакль», характеризующееся виртуализацией политического и информационного. Политическая коммуникация представляет собой «маркетизированное» пространство [1, с. 13]. Сконструированный мир виртуальной политики – это, в частности, мир имиджей.

По мнению Д. В. Ольшанского, политический имиджмейкинг (от англ. *image* – образ) – это не предполагающие законодательной регистрации технологии конструирования поверхностного образа политического лидера или политической организации [2, с. 160].

Исследуя ключевые изменения в практике политических коммуникаций Дж. Бламлер и Д. Каванагх отмечают, что сегодня имидж лидера рассматривается как смыслоносущая форма для репрезентации, так и *коммуникативный стиль* [1, с. 16].

В современных отечественных исследованиях политического имиджа можно выделить следующие направления: исследование психологических проблем имиджа политического лидера (Е. В. Егорова, О. В. Иванникова, В. Г. Зазыкин, Г. Г. Почепцов, Р. Ф. Фурс, В. М. Шепель и др.), изучение формирования имиджа политических движений, государства в целом (В. Г. Зазыкин, С. Е. Захарова, Г. Г. Почепцов, В. Ф. Петренко, О. В. Митина, Г. М. Швец и др.), изучение политических субъектов в имидже страны

SYMBOLIC COMMUNICATION OF A POLITICAL LEADER'S IMAGE

The article covers the problems of political image construction as communicative and sense-making structure based on archetypical branding of the politician and national-cultural stereotypes and symbols. A political leader whose image is constructed with the use of national cultural patterns of thinking is successfully promoted and easily becomes the trade mark of the country.

Keywords: political image, political image construction, symbolic image features, political myth, archetype, mentality, national stereotype, political branding.

(А. П. Панкрухин, Е. А. Петрова и др.), анализ вопросов управления политическим имиджем и репутацией (А. Ю. Трубецкой).

Для репрезентации лидера имеет значение стратегический имидж (конструируемый командой) и объективный (закрепленный в сознании), который и подвергается воздействию стратегической модели. Имидж как вторичная информационная структура выделяет и фиксирует определенную схему или сценарий привлекательного.

Политический имидж – это искусственно сконструированный образ в целях однонаправленной коммуникации. Лидер является *рупором смысла*, переоформляя границы реальности с позиции коллективно одобренных ее конструкций [3, с. 78].

На основании исследования литературы типы имиджей можно классифицировать следующим образом: по объекту (персональный и кооперативный), по соотношению с другими объектами (единичный – множественный), по контексту имиджирования (личный, профессиональный, политический), по социальной категории (имидж политика, бизнесмена, поп-звезды и т. д.), по длительности существования (общий – ситуативный), по параметрам проявления (средовой, габаритарный, овеществленный, вербальный, кинетический) и др. [4, с. 13]. Кроме того, выделяют функции имиджа: *экзистенциальная* (бытийная представленность субъекта политики в сознании других людей); *социокультурная* (идентификации с определенными категориями поля имиджей); *объективации внутренних характеристик носителя имиджа* (физических и психических); *аттitudная* (формирующая установку); *отношенчески-детерминирующая* [1, с. 13].

По исследованиям Дж. Лиллекера, в политическом имиджмейкинге лидер конструируется в виде марки, имидж создается при помощи *эстетизации* (стирание границ между политической коммуникацией и популярной культурой [3, с. 109]) и *эмоционализации* («внедрение» эмоций в политическую коммуникацию), формирования чувства *аутентичности* – восприятия политических деятелей как

реальных людей, а не изолированной части элиты, в том числе в неполитическом контексте. Таким образом, любой имидж отличается определенной мерой абстрактности, схематичности и упрощенности по сравнению с его носителем. В его формировании важную роль играют стереотипы и ассоциации.

Среди факторов, существенным образом влияющих на политические предпочтения и поведение людей, отмечаются феномены, обозначаемые разными научными школами как «архетипы», «ментальности». Независимо от различных трактовок все они рассматриваются в имиджмейкинге в качестве объективных факторов среды, не поддающихся целенаправленному изменению или воздействию. Комментируя состав имиджа лидера, Е. Егорова-Гантман отмечает, что не все элементы этого имиджа (персональные характеристики человека, его социальные характеристики, символические характеристики имиджа) подчиняются одинаковым закономерностям [5, с. 23]. Символические характеристики являются крайне устойчивым и неизменным компонентом, так как они связаны с *идеологиями, культурными архетипами, мифами*. Признаками мифологического мышления являются образность (метафоричность) и символизм.

Согласно К. Г. Юнгу, архетипы – коллективно наследуемые символические схемы; «психологические корреляты инстинктов, наиболее древние и универсальные мыслеформы человечества, формируются в коллективном бессознательном, которое состоит из как унаследованных моделей восприятия и понимания, так и культурных, являющихся продуктом современной действительности. Архетипы – структурные предпосылки образов; «архетипические представления» – образы и идеи, переданные бессознательным» [6, с. 35].

Наибольшим конструктивистским потенциалом политической реальности обладает политический миф, сохраняющий архаические смыслы. Традиционные мифы транслируются в произведениях фольклора, политические мифы – в медиатекстах, художественных текстах, в текстах изобразительных, монументальных, ландшафтных и т. д. Законы мифологического текста определяют повествование (сюжет, Герои, развитие). Герой – это архетипический феномен, а политический герой существует в сакральном мире.

Н. Г. Щербинина подчеркивает, что героический политический миф – интерпретативная схема, т. е. особый тип коммуникационного контекста, прослеживаемый в биографической истории [7, с. 23]. Так, мифологизированные биографические повествования политических лидеров проходят путь от апокрифа («тайный») – полная версия событий) к канонической биографии, в которой герой – объект для подражания. Такой процесс сопровождает становление харизматического героя. Миф «харизмы» – политический миф, связанный с репрезентацией архетипа героя. Миф как текст, есть закодированное лидером мифопослание, которое можно «прочитать». По мнению К. В. Киуру, именно стереотипы, как символические характеристики имиджа, а также архетипические представления являются составляющей частью менталитета [4, с. 56]. Таким образом, в основании каждого идейного новообразования, включающе-

го социальные стереотипы, сохраняется унаследованный элемент мифологически сконструированной информации.

По исследованиям С. А. Глазковой [8, с. 20], концепция «ментальностей» включает в себя феномены социально типического поведения и стоящего за ним мышления и определено имеет отношение к процессам психического характера, к социальной психологии. Необходимо отметить, что ментальность формируется по мере приобретения социокультурного опыта: человек выражает усвоенные в культуре образцы поведения. Именно социальные стереотипы выступают меркой нашего отношения к миру. В силу природы своего становления стереотипы являются мощным фактором формирования общественного мнения групп в политике.

Так, всякая социально-политическая система создает набор стереотипов, следование которым необходимо для успешного функционирования данной системы. Идеологически мотивированные социально-психологические стереотипы закрепляются в массовом сознании с помощью самых разнообразных речевых и стилистических форм. Стереотипы выражают социальные явления («оружие массового поражения»), моральные нормы поведения («один за всех, все за одного»), политические реалии («арабская весна», «терроризм»), экономические категории («ВТО», «дефицит») и др. Таким образом, в условиях дефицита верифицируемой информации о фактах общественно-политической жизни и в силу надындивидуальности (социоэталности) политики для повседневного опыта отдельных индивидов люди создают образ политического лидера на основе социальных стереотипов, навязанных СМИ.

С. А. Глазкова подчеркивает, что одним из социально-психологических факторов, определяющих имидж политического лидера, является национальный характер – психический склад нации, выявляющийся как «совокупность каких-то типических черт», национальное самосознание» [8, с. 45]. Понятие «национальный стереотип» представляет собой систему позиций, ценностей и убеждений, разделяемых значительной частью данной нации. Политическое конструирование архетипического образа происходит за счет активизации ассоциативного мышления посредством СМИ, активизации национально-культурных стереотипов и мифологической информации.

Таким образом, политический брендинг – это конструирование комплекса символических значений. В идеальном политическом мире сконструированных брендов лидер-символ как продукт брендинга выполняет медиативную функцию между мотивационной сферой и продажей политического товара.

Согласно Н. Г. Щербининой, архетипический брендинг – система управления значением. *Архетипический бренд политика* – это тотальная концепция или смысловая замкнутая целостность. *Политические лидеры-бренды* успешны и понятны в силу релевантности их рекламных историй архетипическим значениям (Дж. Вашингтон, Дж. Кеннеди, В. И. Ленин, Че Гевара) [7, с. 33].

Эффективность же подобного маркетинга состоит в том, что лидер, использующий архетип для конструирования имиджа, всегда «проданный» товар. Таким образом, адекватное представление о формировании эффективно-

го имиджа лидера включает *стилевую репрезентацию и конструирование марки*. Политический имидж, национально-культурные стереотипы и мифологическая информация относятся к миру воображаемого, креативной стороне ментального конструирования.

В политической практике управление имиджем включается в предварительно разработанную программу действий: изучение «целевой аудитории» имиджа, составление психологического портрета личности политика (контент-анализ текстов, анализ личных документов и биографии, составление психологических профилей, интервью, опросники, проективные методики и т. п.), определение *типа лидерства* политика и задействованных *национально-культурных и социальных стереотипов* для построения стратегии подачи (презентации) и самоподачи (самопрезентации) имиджа политического лидера (определение *мифологической информации* политической кампании).

Для актуализации определенного национально-культурного стереотипа необходимо, чтобы конкретный кандидат явил такие черты, которые позволили бы его идентифицировать с одним из архетипических, национально-культурных представлений. Биография и сама логика поведения политика должна быть подана через призму *национально-культурной мифологемы*. Так, в российской цивилизации государственность выступает доминантной формой социальной интеграции, задавая единую символическую основу национального единства.

Государственная власть с помощью *национально-государственной идеи* формировала в российском нормативно-символическом универсуме *представления и ценности*, которые постепенно превращались в *стереотипы мышления и культурные установки социального поведения*. Так, в российской цивилизации государственность («вотчинное», «военно-национальное», «регулярное» государство) задавала единую символическую основу национального единства: «вождь-государь», «государевы слуги», «отеческая забота «вождя-государя» о «благе народа», справедливое правление доброго «хозяина-отца». *Национально-культурные стереотипы: культ государственной власти* (преклонение перед властью как воплощением силы и господства), патриотизм («слуга Отечества»), патернализм (иждивенчество), *неверие в закон* (государственная власть выше закона), *воинственность и настойчивость в борьбе с врагами, беспечность, пассивность* («пока не грянет гром»), *ориентация на экстенсивные формы деятельности и игра в удачу, мессианизм России* (последнее «православное царство»), *исключительность России и особой ее роли в мировой истории* (всемирно-историческая миссия спасения православия); *державность* (могущественность, символ единства многонационального сожительства), *монументализм* (грандиозные проекты самовыражения). Такие базовые ценности и установки постепенно трансформировались в *национально-культурные стереотипы*, структуры русского культурного архетипа.

Лидер-герой в России – знак осмысленной коммуникации между властью и коллективной личностью. С одной стороны, российская власть выступает конструктором, моделирующим сказания о лидере-герое (политические перфомансы В. В. Путина), с другой – народные архетипы влас-

ти структурно воспроизводят мифо-героический образец, служащий интерпретационной «рамкой» для «прочтения».

На основе контент-анализа медиатекстов, представляющих «каноническую» биографию, символическая составляющая имиджа президента В. В. Путина была представлена в начале его деятельности национально-культурными стереотипами: «Культ власти», «Власть выше закона», «Молодой герой-реформатор», «Петр I». Создается впечатление, что В. В. Путин появляется в кризисной ситуации для разрешения неразрешимых противоречий, у него нет реального прошлого (служба в КГБ, ФСБ), его предшествующая жизнь покрыта мраком тайны, место личной истории занимает ее мифологический вариант (каноническая биография разведчика).

Имидж В. В. Путина как патриотического героя (национально-культурный стереотип патриотизма) обусловлен использованием архетипа героя-воина, который преобразуется в Спасителя (национальные проекты России, проект по решению демографической проблемы России, Спасителя в том числе животных (акции по спасению редких и исчезающих животных, занесенных в Красную Книгу), героя-императора, возрождающего державность и монументализм страны (проект Сочи 2014 г. – проведение Олимпиады) .

Социальный стереотип «харизматического героя» – «русского богатыря» актуализируется каналами массовой коммуникации через использование следующих фреймов восприятия: спортсмен (*дзюдо, боевое самбо, горные лыжи*), не курит, почти не пьет, опускается в глубины океана на подводной лодке, летает на сверхзвуковых истребителях и т. д. В создании имиджа используется метод эстетизации, селебретизации политического лидера, а также его аутентичности – появление не в политической обстановке (домашние животные Президента).

Кажущаяся близость В. Путина к простому населению выражена характером используемой речи (использованием просторечий), аутентичным дресс-кодом (одежда для повседневной работы без галстука, в свитере (на церковных службах), с голым торсом, катающимся на лошади), энергичной жестикюляцией, уверенной походкой, компонентами имиджа решительного, волевого политика, у которого слова не расходятся с делом, а также приемами, формирующими «закрытый» образ героя-воина.

Политический лидер США Б. Х. Обама предстает как «мультикультурный» – истинно «американский» политический лидер. Его восприятие опирается на использование следующих фреймов – национально-культурных стереотипов: «народный» *американец* – кениец по происхождению, сын верующего исламиста, внук знахаря из народа луо, потомок индейцев чероки по материнской линии.

Социальные стереотипы американского государства представлены следующим фреймами: ребенок, родители которого развелись, раскаявшийся публично в «моральном падении» (в школе курил марихуану, принимал кокаин и алкоголь – апелляция к афроамериканскому и испаноязычному населению), работавший в качестве общественного организатора в неблагополучных районах города, первый за всю историю чернокожий редактор университетского издания Гарвардского юридического журнала).

В конструкции имиджа Б. Х. Обамы используется мифопослание – «человек, реализовавший американскую

мечту»: сын афро-американца, который стал Президентом США. Путешествие героя состоит в его *триумфальной победе* (окончании Иракской войны), *преображении и спасении мира* (получение Нобелевской премии мира), в обеспечении движения США к переменам и к будущему, от экономического кризиса и прошлого (лозунги предвыборных кампаний "Change" (перемены), "Forward" (вперед). Характерны названия книг: «The Dreams from My Father. A Story of Race and Inheritance» («Мечты моего отца. История расы и наследия»), «The Audacity of Hope. Thoughts of Reclaiming the American Dream» («Дерзость надежды, Мысли о возрождении американской мечты»).

Таким образом, на основе анализа массмедиального дискурса, представляющего канонические биографии современных политических лидеров (В. В. Путина, Б. Х. Обама), выделения национально-культурных стереотипов, мы можем сделать следующий вывод: политический лидер, в основе имиджа которого лежат национально-культурные стереотипы, успешен в продвижении, так как обладает смыслонесущей формой для репрезентации, а также коммуникативным стилем. В управляемом политическом маркетинге коммуникации персонализированы: имидж лидера становится маркой товара (страны, партии).

1. Бламлер Дж., Каванах Д. Мировая практика проведения международных кампаний. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. 121 с.

2. Ольшанский Д. В. Политический PR. СПб. : Питер, 2003. 544 с.

3. Лиллекер Д. Дж. Политическая коммуникация. Ключевые концепты. Харьков : Гуманитарный центр, 2010. 300 с.

4. Киуру К. В. Дискурсивная модель имиджа политика. СПб. : Роза мира, 2005. 147 с.

5. Егорова-Гантман Е. В., Плешаков К.В. Политическая реклама. М. : Центр полит. консультирования «НиколаМ», 1997. 240 с.

6. Юнг К. Г. Архетип и символ. М. : Ренессанс, 1991. 304 с.

7. Щербинина Н. Г. Героический миф в конструировании политической реальности России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2005. 24 с.

8. Глазкова С. А. Политические традиции в формировании имиджа (проблемы политического консалтинга). СПб. : Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2003. 62 с.

© Фадеева О. А., 2014

КУЛЬТУРОЛОГИЯ



Гусев Д. А.

Декоративно-прикладное творчество
как форма проявления общенациональной
идентичности России

Касал Б. Ю.

Палеолитические изображения
представителей рода Bison: зоологическая
оценка одного аспекта

Федяев Д. М.

Обаяние ножа: тенденция символизации
вещей в современной культуре

ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ

В статье декоративно-прикладное творчество рассматривается как форма проявления общенациональной идентичности России. Раскрываются существенные характеристики декоративно-прикладного творчества, определяющие его культурно-историческое значение и воспитательный потенциал.

Ключевые слова: декоративно-прикладное творчество, общенациональная идентичность, сельская школа.

Национальная идентичность, являющаяся основой любого государства, не является прирожденным качеством. Она приобретает в процессе осознания общности культуры, языка, традиций, истории. Культура как нечто целое и сложное, рассматриваемая как системное качество, имеет эстетическую составляющую. В ее развитии значительная роль школы. «Школа должна являться основой эстетического воспитания ребенка, но только такая школа, которая привлекает к этому разные виды искусства» [1, с. 102], – пишет Д.С. Лихачев. Академик справедливо отмечает, что искусство способно полноценно воспитать человека. На базе школы, особенно сельской, одним из путей вхождения ребенка в культурную традицию является приобщение учеников к декоративно-прикладному творчеству.

Декоративно-прикладное творчество исконно свойственно сельчанам. Будучи воплощенным в конкретные изделия, оно передается из поколения в поколение, а значит, и обладает действенным педагогическим потенциалом. Каждый народ творит то, что он может, исходя из того, что ему дано. И плох тот народ, который не знает того, что дано именно ему. В каждом селе, в каждой деревне есть мастера золотые руки, передающие по наследству навыки обработки природного материала. Своими умельцами по праву гордятся и малые деревушки, и большие села, разбросанные по необъятным просторам Отечества.

Так, в селе Казаково Вачского район, расположенном у великой русской реки Оки, не одно десятилетие руками умельцев создаются кружевные узоры из металла по мотивам народных сказаний, изделия, ласкающие глаз, пробуждающие чувства умиления и ностальгии. В сельском музее собраны сотни экспонатов, выполненных в свое время для разных целей по различным мотивам. Некоторые из них созданы лишь в единственном экземпляре, относятся к уникальным творениям сельских мастеров и по замыслу, и по реализации, неповторимы в принципе и являются народным достоянием.

В селе Полхов-Майдане Вознесенского района еще в позапрошлом столетии возник и развился народный промысел по изготовлению расписных изделий. Матрешка – наиболее известный и любимый всеми российский сувенир, явление

ARTS AND CRAFTS AS A FORM OF MANIFESTATION OF THE RUSSIAN NATIONAL IDENTITY

The article discusses arts and crafts as a form of manifestation of the Russian national identity. The essential characteristics of arts and crafts, that define their cultural and historical significance and educational potential, are revealed.

Keywords: arts and crafts, national identity, a rural school.

мирового масштаба. Образ Полхов-Майданской матрешки отличается от других оригинальностью формы, специфичностью сюжетного замысла, своеобразием красок, индивидуальностью подчерка мастеров, особенной орнаментальной чистотой исполнения. Применяется своеобразная модульная система росписи, в основе которой лежит короткий с нажимом росчерк пера и простой мазок кисти, позволяющие выполнять разнообразные по формам и очертаниям, но единые по ритмике орнаментальные мотивы.

Народный дух, народные мотивы декоративно-прикладных изделий являются той идейной основой, которая необходима для полноценного воспитания современных сельских школьников.

Синтезируя имеющиеся в литературе суждения, можно выделить основные существенные характеристики декоративно-прикладного творчества: эстетическая и прикладная направленность, сюжетное своеобразие, специфическое цветовое решение, языковое своеобразие, технологическая воспроизводимость [2, с. 110]. Охарактеризуем из подробнее.

Эстетическая и прикладная направленность характеризуется тем, что произведения декоративно-прикладного искусства представляют собой двуединое начало, являясь предметами утилитарного назначения и одновременно носителями красоты. Единство этих составляющих воплощается, к примеру, в таких произведениях, как посуда, расписанная хохломской росписью; мебель, оформленная городецкой росписью; павловопосадские платки; вологодские кружева; народная одежда; игрушки дымковские, филимоновские; матрешки и т. д.

Сюжетное своеобразие выражается в таких особенностях народного искусства, как мотивы сказочности, народности, связь с природой, простота и доступность, традиционность.

Рукоделиям декоративно-прикладного творчества свойственно специфическое цветовое решение, благодаря которому изделия приобретают необыкновенную нарядность. Цвет (одно из выразительных средств в народном искусстве) рассматривается как важнейший компонент декоративного образа. Он не ассоциируется с конкретными признака-

ми изображаемого предмета или явления. В каждом центре народного творчества создаются свои колористические решения художественных изделий, связанные с традиционной технологией обработки материалов, сохранением архетипов и другими условиями коллективного творчества. Языковое своеобразие народного искусства характеризуется такими составляющими, как орнаментальность, символизм, стилизация, универсальность языка. Большое значение в народном искусстве отводится орнаменту, который украшает предмет или является его структурным элементом.

Еще одной важной характеристикой декоративно-прикладного творчества является его технологическая доступность. Оно не требует сложного оборудования. Создавать изделия иной раз может даже ребенок без специального образования и слишком длительного обучения.

Во всех народных изделиях очевидна взаимосвязь формы и материала. Пластичность глины, волокнистость дерева, прочность металла позволяют создавать изделия разнообразной формы, их художественно-образное решение обусловлено свойствами материала.

Каждый вид декоративно-прикладного искусства отличается от других сюжетным своеобразием, материалом, цветовой палитрой, технологией изготовления и др., но в совокупности они образуют универсальный язык народного творчества, имеющий высокий воспитательный потенциал. Оно должно занимать постоянное место среди других средств воспитания культуры подрастающего поколения, способствовать становлению общенациональной идентичности, синтезирующей региональную и этническую идентичность.

УДК 397+75.042

Б. Ю. Кассал
B. Yu. Kassal

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОДА BISON: ЗООЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ОДНОГО АСПЕКТА

Палеолитические изображения представителей рода *Bison* позволяют производить зоологическую оценку их отдельных поведенческих актов. Особый интерес для авторов этих изображений представляли ситуации, в которых у представителей рода *Bison* ослабевал контроль за окружающей местностью, и они могли стать добычей охотников. Для понимания этих особенностей требуются специфические знания современного интерпретатора, позволяющие устанавливать причинно-следственные связи, сокрытые в изображениях объектов внимания охотников времен палеолита.

Ключевые слова: палеолит, представитель рода *Bison*, необычная поза, наблюдательность, произведения искусства, художники и охотники.

Для первобытного художника простой рисунок представляет собой нечто неизмеримо более значительное, чем чертеж, схема. Художественный образ, внешняя форма предмета для первобытного человека были такой же

Многие сельские школы из года в год возрождают традиции воспитания своих питомцев на народных началах, привносят в образовательный процесс своих учреждений традиционные для региона виды декоративно-прикладного творчества, достигая при этом высоких результатов. Сельский учитель всегда служил своему народу, выражал его интересы и чаяния. Еще К. Д. Ушинский подчеркивал: «Воспитание, если оно не хочет быть бессильным, должно быть народным... Только народное воспитание является живым органом в историческом процессе народного организма» [3, с. 144].

Феномен декоративно-прикладного творчества показывает не только высокий воспитательный потенциал, как справедливо утверждали классики педагогической мысли, но и по своему культурно-историческому значению выражает одну из форм общенациональной идентичности России.

1. Лихачев Д. С. Раздумья. М.: Дет. лит., 1991. 318 с.

2. Гусев Д. А., Соколова В. Н. Художественно-эстетическое воспитание сельских школьников средствами народного искусства: региональный аспект: монография / АГПИ им. А. П. Гайдара. Арзамас, 2009. 184 с.

3. Ушинский К. Д. Педагог. соч.: в 6 т. / сост. С. Ф. Егоров. М.: Педагогика, 1990. Т. 1. 416 с.

© Гусев Д. А., 2014

PALEOLITHIC IMAGES OF REPRESENTATIVES OF THE GENUS BISON: ZOOLOGICAL EVALUATION OF ONE ASPECT

Paleolithic images of the genus *Bison* allow zoological measurement of specific behavioral acts. Situations in which the representatives of the genus *Bison* weakened control over the surrounding area, and they could be hunted arouse a particular interest to the authors of these images. To understand these features the specific knowledge of the modern interpreter, allowing to establish a cause-and-effect relationships hidden in the image of the object of attention of the hunters of Paleolithic times, is requirde.

Keywords: Paleolithic, representative of the genus *Bison*, unusual posture, observation, works of art, artists and hunters.

реальностью, как сам предмет. Когда художник палеолита рисовал на скале животное, он рисовал реальное животное. Для него мир вымысла и искусства еще не был самостоятельной областью, отделенной от эмпирически

воспринимаемой действительности. Он еще не противопоставлял, не разделял эти сферы, но видел в одной прямое продолжение другой [1]. Считается, что магическим целям охотничьего овладения служила большая часть скульптурных и живописных изображений животных на каменных плитках, скалах и стенах палеолитических пещер. Образы животных, заполнившие стены позднепалеолитических пещер, должны были изображать возможную добычу охотников. Совершавшиеся в тайниках пещер обряды имели в виду превратить магическим путем эту возможную добычу в реальность, в желаемое. На стенах пещеры магическое претворение мечты в действительность выражалось образами изобразительного искусства, на полу пещер – в следах обрядового действия, изображавшего желаемое как реально свершившееся, а также в найденных скульптурных изображениях животных со следами преднамеренных ударов копытами и дротиками [1]. Наиболее известны в искусствоведении верхнепалеолитические (18–10 тыс. лет назад) произведения мадленской культуры (Magdalénien), которая была распространена на территории Европы в конце ледникового периода [2].

Изучение архаического искусства связано с определенными трудностями, во многом обусловленными его восприятием и интерпретацией [3; 4; 5; 6; 7]. В связи с этим при работе с предметами требуется скрупулезный учет и оценка всего – от самых мельчайших деталей обработки до геометрии очертаний и развитие способностей образного восприятия объекта, столь основополагающе характерного для видения мира первобытными людьми [8]. «Все ранние формы деятельности первобытного человека, включая и художественные, носили ярко выраженный синкретический характер, т. е. они были неразрывно связаны между собой в своем развитии и воплощении. Это... многомерный, но целостный мир, в котором все взаимосвязано и взаимобусловлено» [9, с. 11].

Целью работы является зоологическая оценка одного из поведенческих аспектов у представителей рода *Bison*, отраженного в палеолитических изображениях. На разрешение были поставлены следующие задачи.

1. Выявить палеолитические изображения представителей рода *Bison* с определенным выраженным поведенческим актом.

2. Сделать зоологическую оценку исследуемого поведенческого акта у представителей рода *Bison*.

Методами работы стали графическое исследование, вербальное моделирование и анализ, включающие описательные и графические элементы, их интерпретация с современных этологических позиций. Полевые исследования ограничены эпизодическими наблюдениями зубров, бизонов и их гибридов в условиях зоопарков (Москвы, Киева, Санкт-Петербурга, Ташкента, Душанбе, поселка Большеречье Омской области) в период 1970–2013 гг. Основой для сравнительного анализа являются материалы графического анализа изображений, имеющих наибольшее распространение в искусствоведческих публикациях, но в отсутствии или, чаще, с неверной этологической трактовкой изображаемых животных и их поведения. В качестве иллюстративного материала использована лишь незначительная часть известных изображений представителей рода *Bison*, авторских

и из открытых интернет-источников. Изображения выполнены палеолитическими художниками не одновременно, в разной манере и в различной технике, рисунки объектов и графическая интерпретация выполнены автором, однако искусствоведческий анализ не является предметом нашего исследования, а лишь зоологический.

Известно, что язык (lingua) – компактный орган, состоящий из мышечной ткани и покрытый многослойным плоским эпителием. Он участвует главным образом в первичной обработке пищи, в акте глотания, восприятии вкусовых ощущений и в издании звуков. Язык представителей рода *Bison* – довольно универсальный инструмент, которым они захватывают траву и древесные побеги, подрезая их резцами нижней челюсти; им вылизывается собственный нос, включая наружную часть носовых ходов, некоторые части своего тела и части тела других животных, включая телят при их рождении. При громком мычании (реве) язык выдвигается из ротовой полости, чтобы увеличить ее объем (рис. 1).



Рис. 1-А. Бизон нередко высовывает язык во время мычания



Рис. 1-Б. Молодой бизон, тянущийся языком к ветке для ее захватывания

Крупные травоядные животные страдают от укусов кровососущих насекомых (слепней Tabanidae и др.). Болезненность укуса вызывает рефлекторное стремление почесать или иным способом помассировать место укуса. Бизоны делают это языком. При этом они принимают весьма неустойчивую позу, в которой оказываются уязвимы. Правда, к этому способны лишь молодые особи и самки, поскольку самцы имеют чрезвычайно развитый плечевой пояс, резко ограничивающий боковые движения шеи (рис. 2).



Рис. 2. Молодой бизон, дотянувшийся языком до места, укушенного кровососущим насекомым

Внимание человека времен палеолита привлекала неустойчивость позы бизона, массирующего языком место укуса кровососущим насекомым. Это создавало ситуацию, очень удобную для нападения на бизона, особенно со стороны, противоположной от разворота головы. Чтобы заметить опасность и развернуться, принимая удобную для бегства или обороны позу, тянувшемуся к месту укуса для массажа бизону было необходимо определенное время. Именно оно и использовалось для атаки на него охотником. Очевидно, успешность охоты в этих обстоятельствах была настолько высока, что художник времен палеолита желал повторения этих обстоятельств, для чего и выполнил изображение бизона в такой позе (рис. 3).

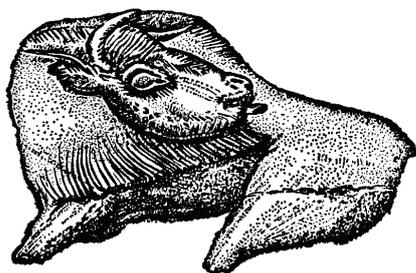


Рис. 3. Скульптура первобытного бизона, длина 10 см, мамонтовый бивень, мадлен; пещера Ла Мадлен (La Magdeleine), Франция, Музей национальных древностей в Сен-Жермен-ан-Ле (вверху) и прорисовка (внизу)

Ранее это изображение интерпретировалось, как бизон, «... оглядывающийся назад» [10, с. 277], что ни в коей мере не соответствует истине: этот бизон сосредоточен на себе и в должной мере не контролирует пространство даже позади себя.

Другие изображения бизонов с высунутыми языками не столь очевидны для зоологической оценки. Изображения животных полихромного ансамбля Большого плафона пещеры Альтамира (Сантандер, Испания) широко известны, но их зоологические комментарии, тем более указания видовой принадлежности и каких-то очевидных неспециалисту особенностей, отсутствуют. Между тем, в левой части Большого плафона имеются два изображения бизонов с высунутыми языками. Одно из них, взрослого самца, интерпретировалось как «ревущий бизон». Однако при реве бизон вытягивает шею, направляя морду вперед и вверх, тазовые конечности отводит назад, для облегчения движения диафрагмы при наполнении легких, а корень хвоста лишь слегка приподнимает. Но на рисунке положение головы самца занимает среднюю позицию, при опущенной морде, тазовые конечности немного подведены вперед, сохраняя устойчивость, а хвост задран вверх (рис. 4).

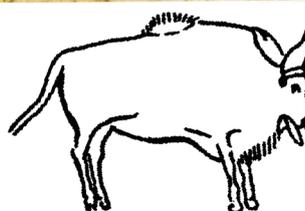
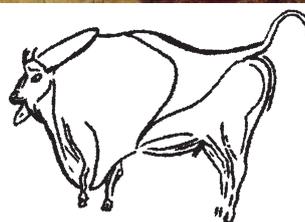


Рис. 4. Бизоны (самец вверху, самка внизу), комбинация гравюры и рисунка на фрагменте полихромного ансамбля левой части Большого плафона пещеры Альтамира (La cueva de Altamira), Сантандер, Испания (вверху) и прорисовка (внизу)

Подведенные вперед тазовые конечности, высунутый язык и задранный вверх хвост – признаки, характерные при кишечных коликах, вызванных какой-либо токсикоинфекцией, в том числе паразитарного характера. Не исключено, что подобные колики могли возникать вследствие поедания ковыля и иных злаков, чьи семена вооружены скручивающимися осями, способными сильно травмировать не только слизистую, но и мышечные стенки пищеварительного тракта. Расстройство пищеварения у единичной особи в стаде бизонов нехарактерно для инфекционных заболеваний, поэтому бизон, у которого болит живот, обращает на себя внимание охотника в качестве потенциальной добычи. Бизон страдает и сосредоточен на собственной боли, поэтому его контроль за окружающей обстановкой понижен, человеку к нему относительно легко подкрасться и поразить охотничьим оружием. Такой бизон становится желанной добычей, а его изображение – символом желанного повторения ситуации.

Желудочно-кишечные колики у бизонов – явление не такое редкое, чтобы остаться без внимания палеолитических художников. На том же Большом плафоне изображена самка бизона в аналогичной позе (см. рис. 4). Такие животные привлекали внимание палеолитических охотников и, ослабленные переносимыми страданиями, с определенной регулярностью становились их жертвами.

Несомненно, охотники времен палеолита были весьма наблюдательны, поскольку это определяло правильность выбора ими жертвы и успешность ее добычи. Мельчайшие нюансы поведения жертв фиксировались ими не только в памяти, способствуя накоплению и совершенствованию охотничьего опыта, но и в изобразительном искусстве.

ВЫВОДЫ:

1. Исследованные палеолитические изображения представителей рода *Bison* позволяют производить зоологическую оценку отдельных поведенческих актов.

2. Ситуации, в которых у представителей рода *Bison* ослабевает контроль за окружающей местностью, являются объектом внимания палеолитических художников и находят отражение в их произведениях.

3. Зоологическая интерпретация палеолитических изображений представителей рода *Bison* требует специальных знаний, позволяющих устанавливать причинно-следственные связи, сокрытые в изображениях объектов внимания охотников времен палеолита.

1. Мириманов В. Б. Первобытное и традиционное искусство. М., 1973. С. 55–102.

2. Conkey M. J. The identification of prehistoric hunter-gatherer aggregation sites: the case of Altamira // *Current Anthropology*. – 1980. Vol. 21. P. 609–630.

3. Жителев Р. А., Кассал Б. Ю. Пор бизона (*Bison priscus*) в качестве основы многофункционального артефакта // Омская биологическая школа: межвуз. сб. науч. тр. Ежегодник / под ред. Б. Ю. Кассала. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2012. Вып. 9. С. 149–160.

4. Кассал Б. Ю. Зооморфические изображения в архаичных произведениях сибирского мира // Труды зоологической комиссии ОРО РГО: межвуз. сб. науч. тр. Ежегодник / под ред. Б. Ю. Кассала. Омск, 2005. Вып. 2. С. 144–157.

5. Кассал Б. Ю. Этологическая информативность палеолитических изображений проявления агрессивно-оборонительного поведения у представителей рода *Bison* // Омская биологическая школа: межвуз. сб. науч. тр. Ежегодник / под ред. Б. Ю. Кассала. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. Вып. 5. С. 100–111.

6. Кассал Б. Ю. Проявления агрессивно-оборонительного поведения у представителей рода *Bison* на палеолитических изображениях // Эволюция жизни на земле: материалы IV Междунар. симпозиума. 10–12 ноября 2010 г. / отв. ред. В. М. Полбина. Томск: ТМЛ-Пресс, 2010. С. 607–610.

7. Кассал Б. Ю., Саплинова М. А. Полисемантические изображения с антропоморфным элементом в перекрестках саргатской культуры // Сибирские древности. Памятники археологии и художественное творчество. Осенний коллоквиум / ООМНИИ им. Врубеля. Омск, 2002. С. 56–62.

8. Ларичев В. Е. Охотники за мамонтами. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 368 с.

9. Химик И. От составителя // Художественная культура первобытного общества / сост. И. Химик. СПб.: Славия, 1994. 416 с.

10. Елинек Я. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага: Артия, 1982. 562 с.

© Кассал Б. Ю., 2014

ОБАЯНИЕ НОЖА: ТЕНДЕНЦИЯ СИМВОЛИЗАЦИИ ВЕЩЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Культивирование символического содержания промышленных изделий позволяет практически безгранично увеличивать емкость рынка. В статье обсуждаются некоторые символы, представленные в дизайнерских решениях ножей серийного производства. Показана специфика символизации изделий, характерная для современной культуры.

Ключевые слова: символ, традиция, целесообразность, предусмотрительность, оружие, нож.

CHARM OF THE KNIFE: TENDENCY OF SYMBOLIZATION OF THINGS IN MODERN CULTURE

Cultivation of the symbolic content of manufactured goods allows market capacity to increase almost boundlessly. Some symbols represented in design decisions of the knives of serial production are discussed in the article. The specific features of symbolization of goods, referring to modern culture, are shown.

Keywords: symbol, tradition, reasonability, cautiousness, weapon, knife.

В истории человечества случалось, что цивилизации древности достигали уровня развития, который обеспечивал удовлетворение социально обусловленных потребностей. Перейдя этот рубеж, наши древние предшественники обычно приступали к созданию грандиозных сооружений: пирамиды, Великая китайская стена и др. Классический капитализм (не путать с российской версией) пошел по другому пути.

В начале двадцатого столетия кризисы перепроизводства приобрели хронический характер. Как с ними бороться? Методом проб и ошибок была выработана стратегия, которая сохраняет актуальность по сей день. Во-первых, фабричным рабочим (которые в начале двадцатого столетия составляли значительную часть населения технически передовых стран) начали платить приличную зарплату, в силу чего они оказались полноценными потребителями, а не только производителями. В результате сформировалась «масса», способная покупать. Второй шаг – всемерное форсирование роста потребностей. Появляется множество новых товаров, улучшающих «быт», в ряду которых значительную долю составляет бытовая техника, предназначенная для массового потребления.

Выбор предметов вожелания значительно расширился, но покупатель все же склонен к некоторому консерватизму. После того как он приобрел некоторый набор вещей – все, что «положено» иметь, – у него может возникнуть соблазн эксплуатировать приобретенное до полного износа. Предпринимателю, способному расширять производство, хотелось бы, чтобы поколения предметов быта сменялись как можно быстрее – как меняется мода в одежде. С этой целью капитализм делает третий решительный шаг, состоящий в превращении предмета потребления в символ.

На важность массового производства символов одним из первых в нашей литературе обратил внимание В. Л. Глазычев (в 1970 г.!). Когда в наши дни смотришь вокруг – на вещи и рекламу, иной раз создается впечатление, что дизайн только сегодня начинает подбираться к тому уровню, который он определил в своей книге «О дизайне. Очерки по теории и практике дизайна на Западе». Нередко, – пи-

шет В.Л. Глазычев, – «ценностью становится уже не сама вещь, а символические отличия этой вещи от ее аналогичной по содержательной полезности» [1, с. 37].

Иногда символ ищется «на стороне». К примеру, успех автомобиля «Форд-мустанг» в 60-е годы прошлого века был определен его сходством с одним из «киношных» автомобилей Джеймса Бонда. (Если верить Интернету, в наши дни эта модель идет у современных российских коллекционеров по 15 млн руб.)

Чтобы производить символы, нужно хорошо знать потребителя, еще лучше – готовить, создавать его. Поэтому процессу проектирования предшествует изучение едва заметных мотивов потребления. На этой основе дизайнеры разрабатывают образ потребителя – не такого, каков он есть, а такого, каким бы он хотел быть. К примеру, Артур Браун, один из создателей дизайнерского направления, сменившего помпезный стиль 1940–1950-х гг., пишет, что новый стиль был рассчитан на человека симпатичного, интеллигентного и естественного [1, с. 76]. Затем образ обставляется соответствующими ему вещами, после чего остается только внушить потребителю, что он именно таков, а затем «выбросить» вещи на рынок. Такое сознательное культивирование символов по своей эффективности отличается от более или менее случайного их поиска примерно так же, как земледелие отличается от собирательства.

Попытаемся проследить некоторые типичные дизайнерские тенденции на примере производства серийных ножей. Все мы пользуемся ножами на кухне. Следует отметить, что кухонные ножи упорно «сопротивляются» натиску кухонных комбайнов. При общем небольшом объеме работы рука готовящего невольно тянется к ножу, а не к кнопке включения комбайна, который по окончании работы придется разбирать и мыть. Собственно, процедурой приготовления пищи для большей части населения и ограничивается необходимость в ноже.

Но вот мы собрались «на природу» или в путешествие на поезде. На природе нам, может быть, потребуется срезать ветку и превратить ее в колышек, а в поезде понадобится что-нибудь, открывающее банки-бутылки. Кухонные ножи не приспособлены для указанных операций. Ока-

зывается, что нужны ножи других типов. Но упомянутые потребности вовсе не являются достаточным основанием для того размаха производства ножей, который имеет место сегодня. Есть куда более существенный «мотив потребления» (В. Л. Глазычев), который и был основательно изучен. Оказывается, что есть люди (преимущественно – мужчины), которые просто не могут спокойно смотреть на хороший нож. Им немедленно хочется его заполучить, причем независимо от того, сколькими хорошими ножами они уже обладают. По сайтам Интернета всю гуляет специальный термин – «найфомания». Дизайн и реклама всеми силами культивируют ее. Поскольку термин несколько неблагозвучен, мы будем говорить о поэтах ножа – поэтах в широком смысле слова. Авторы книг, которые будут ниже цитироваться, – не просто знатоки вопроса, а настоящие поэты. Будь то наш соотечественник Игорь Скрылев, поляк Сергиуш Митин, американец Ян Сюрмон, – все они, похоже, способны написать об увиденном прекрасном изделии: «Я помню чудное мгновенье». Итак, о мотивах...

«Сегодня полированная сталь клинка завораживает нас так же, как и на заре цивилизации... Любовь к холодному оружию необъяснима, но далека от кровожадности или порочности. Это, скорее, дань истории, поклонение тому, что верой и правдой служило человеку с момента осознания себя Человеком. Это стремление должно было отпечататься в генах, и оно отпечаталось» [2, с. 9]. «Нож – это один из немногих предметов, который прошел с человеком весь путь его развития» [3, с. 5]. «Нож, в той или иной ипостаси, постоянно гостит в моем кармане или на поясе, а в душе не угасает желание обзавестись ножом еще лучше» [4, с. 5]. Но какие именно ножи нужны настоящему поэту? Пройдемся по символам, которые никоим образом не провозглашаются изготовителями, но достаточно явно «прочитываются» в дизайнерских решениях и физико-механических свойствах изделий.

Воздавая дань исторической традиции, начнем с символа «Я – традиционалист». На фото 1 изображены финка фирмы «Мартини» и французский «Опинель». Финка – универсальный нож на все случаи жизни – обрела свои совершенные формы в незапамятные времена. С рукояткой из карельской березы, в светлых кожаных ножнах, она выглядит удивительно радостно. Любые изменения могут ее только ухудшить. Правда, на российской почве она несколько трансформировалась, приобрела гарду, которая, возможно, улучшила ее боевые качества, но убавила в универсальности, приобрела криминальную репутацию («Будто кто-то мне в кабацкой драке / Саданул под сердце финский нож» – С. Есенин). Впрочем, финские диверсанты, которых во время советско-финской войны исправно снабжал ножами «дедушка Мартини», прекрасно обходились без гарды.



Фото 1

Опинель – дешевый складной нож с деревянной рукояткой, ставший одним из символов Франции – впервые появился недавно, немногим более ста лет назад, но он в высшей степени «архетипичен». Некогда, в каменном веке, нож состоял из каменного клинка и деревянной или костяной рукоятки. Клинок вставлялся в расщеп (пропил) куска дерева или кости, а место соединения обматывалось сырыми сухожилиями или кишками. Высохнув, они зажимали клинок намертво. На Опинеле в месте соединения стали и дерева имеется деталь (именуемая «виброблок»), которая фиксирует клинок, а также увеличивает прочность соединения аналогично обмотке на каменном ноже. Приверженность традиции в наше время выглядит вполне «достойно». На фото 2 представлен набор для садоводов, представляющий попытку фирмы выйти за пределы традиции, не нарушая ее. Один из трех предметов – садовая пила, созданная на базе ножа. Ничего не скажешь, вполне органичная конструкция.



Фото 2

Поскольку «прогресс не остановить», перейдем к другому символу: «Я – сторонник суровой целесообразности». Соответственно, я – противник всяческого пустого украшения. На фото 3 расположились два ножа шведского производства. Небольшой нож с черной рукояткой (на фото сверху) произведен фирмой Фалкнивен, модель F 1. Это один из самых известных в мире ножей, причем отчасти скандально известных. «Для создания модели F1 понадобилось восемь лет. Сегодня в BBC Швеции он используется как нож для выживания. В результате длительных испытаний появился современный и безопасный нож, в котором соединились прочность и красивый дизайн. Чрезвычайная популярность и на гражданском рынке подтверждает его универсальность» [5, с. 133]. Вызванное им изумление объяснялось тем, что к началу его выпуска (1996 г.) концепция ножа для выживания, предназначенного для военных, внезапно и не по своей воле попавших на лоно дикой природы, уже сложилась. Считалось, что он должен быть крупным и мощным, непременно с пилой на обухе, с полый рукояткой, наполненной всякими нужными для выживания вещами, с дополнительными приспособлениями, расположенными в ножнах. Считалось аксиомой, что он должен быть приспособлен не только для реза, но и для рубки. Разумеется, такой нож смотрелся устрашающе. И вдруг... шведы производят какую-то «фитюльку» с клинком короче десяти сантиметров, совершенно не воинственного вида.



Фото 3

Как оказалось, шведы подошли к делу в высшей степени рационально. Функция рубки необходима в джунглях, где путь перекрывают густые заросли травянистых растений. В европейском же лесу, как и в нашем российском, и в североамериканском, ножом много не нарубишь, каким бы мощным он ни был. Никакой нож не заменит топора. Зато типичной в экстремальной ситуации является потребность что-нибудь подцепить или подломать. Конструкторы фирмы упорно экспериментировали с различными сортами стали, пока не нашли то, что нужно: твердая сталь в сердцевине клинка и мягкая на обкладках, всего три слоя. Позже в рекламных целях такими ножами неоднократно подцепляли канализационные люки. Если все-таки нужно что-то отрубить, можно ударить по обуху клинка чем-то тяжелым, если пробить – то по выступающему хвостовику. Прелести этой модели можно описывать еще долго, но, наверное, уже понятно, что к идее целесообразности создатели ножа отнеслись со всей серьезностью. Правда, судя по отзывам на сайтах Интернета, некоторых отечественных поэтов ножа продолжает смущать его видимая непригодность в качестве оружия, но, как свидетельствует С. Митин, «недавно принято решение оснастить им Корпус морской пехоты США» [4, с. 153]. Наверное, профессионалам виднее.

Второй нож, изображенный на фото 3, – изделие шведской же фирмы «Мора». Эта модель была впервые выпущена в 2000 году под названием «Эрикссон – 2000». Возможно, это один из лучших по-настоящему рабочих ножей всех времен и народов, хотя и не рассчитанный на совсем уж экстремальные ситуации. Как и F1, он совершенно «невидный», более того, его невидность несколько утрирована: рукоятка обтянута резиной какого-то лягушачьего цвета и вида, ножны напоминают школьный пенал. Но попробуйте им что-нибудь сделать, и впечатление немедленно изменится. Один из «интернетских» авторов сообщил, что у него имеется множество высококачественных, красивых ножей, но когда появляется нужда что-либо сделать ножом, его рука сама тянется к «Эрикссону». Не раз писали и о том, как жены *поэтов*, случайно взявшие в руки нож «Эрикссон» на кухне, решительно и непреклонно отбирали их у мужей.

На фото 4 изображена модель ножа той же фирмы «Мора», в которой линия суровой целесообразности доведена до логического конца – до предельного аскетизма. Этот нож изготовлен из фантастически дешевой углеродистой стали (попробуйте создать такую!), которая великолепно режет, но и интенсивно ржавеет при соприкосновении с кислым

или просто влажным продуктом. Даже на рекламных фото подобные ножи нередко показывают ржавыми (на режущих свойствах это не сказывается). Обух этой модели не обработан: обработка обуха также не влияет на режущие свойства. Такие ножи покупают прагматики, которым не нужно ничего кроме режущих свойств, и эстеты высшего разряда, способные увидеть прекрасное даже в ржавчине.



Фото 4

Перейдем к третьему символу: «Я – способный противостоять». Легенда гласит, что однажды в США подняли статистику по убийствам полицейских при исполнении ими служебных обязанностей. К всеобщему удивлению оказалось, что большинство из них были убиты холодным оружием (в Америке, где любой гражданин может без всяких проблем приобрести огнестрельное оружие). После этого были введены суровые ограничения по характеристикам разрешенных к ношению ножей. Обдумывая, как после этого жить и работать, некий мастер вспомнил свое детство, проведенное в криминальном квартале крупного города. В бандитских «разборках» широко применялись «опасные» бритвы, причем малая длина клинка (одно из главных ограничений по новому законодательству) никоим образом не мешала эффективности их применения. Результатом воспоминаний и размышлений стал «клипит» – складной одноклиновый нож, оснащенный двумя усовершенствованиями: клипсой на рукоятке, позволяющей закрепить его там где хочется, не боясь, что он в критический момент окажется где-нибудь в недоступной глубине кармана или сумки, и простым элементом в виде шпенька или отверстия в клинке, который дает возможность раскрыть его той же рукой, которой вы извлекли его из кармана, не прибегая к помощи другой руки.

Клипеты быстро приобрели популярность, и ножовщички Старого Света не остались в стороне. На фото 5 изображена модель германской фирмы «Бекер». Кроме всех типичных черт клипета обращает на себя особое внимание надпись на клинке – «Автомат Калашников 74» (в 1974 году была выпущена очередная модель автомата). Согласно (опять же) легенде, фирма заплатила Михаилу Тимофеевичу хорошие деньги за право поместить на клинке эту надпись. Помимо того, что фамилия «Калашников» вообще завораживает, каждый покупатель ножа, возможно, в глубине души предполагает, что Калашников, прежде чем согласиться на предложение немецкой фирмы, внимательно посмотрел на нож, клинок которого украсит его фамилия. А если уж он согласился...



Фото 5

Специалисты считают, что ножи этого типа ничего серьезного в боевом отношении не представляют, но вообще-то получился хороший тип надежного ножа, который когда-то может и помочь. По крайней мере, автор этих строк однажды с успехом применил «Калашникова» в *экстремальной* ситуации: хозяин пригласил гостей, а в последний момент перед их приходом осознал, что главный элемент закуски (большущий кусок сала) заморожен до твердокаменного состояния. Клинок «Калашникова» позволил справиться с проблемой за несколько минут: сало было порезано достаточно аккуратно, а репутация хозяина спасена.

Швейцарцы (несомненные лидеры по части складных ножей) отнеслись к американской новинке слегка юмористически. По крайней мере именно такое отношение прочитывается в дизайне ножа на фото 6. Нож являет все характерные признаки клипита, но острое клинка нарочито скруглено. Здесь надо пояснить, что современная *гуманная* концепция самообороны исключает уколы супостата ножом: его (агрессора) следует аккуратно резать.



Фото 6

Наконец, один из самых распространенных (и прагматически обоснованных) символов: «Я – предусмотрительный». Соответственно, в моем складном ноже имеется все, что только может пригодиться. «Естественно, – пишут В. Н. Хорев и М. Б. Ингерлейб, – описание подобных устройств необходимо начинать со швейцарских «офицерских» ножей фирмы Victorinox. Это не фигура речи, а действительный факт: можно смело утверждать, что изделия этой фирмы являются эталоном в своей области вот уже второй век. Внушает уважение! <...> Непревзойденная швейцарская точность и надежность» [2, с. 176–177]. Одна из моделей представлена на фото 7, в ней есть практически все, что может пригодиться в дороге, демонстративно мирный (и приятный) вид, эффективность.



Фото 7

«Обладающие практически одинаковым и потому легко узнаваемым обликом, эти ножи несут в себе от 8–9 до 31 инструмента» [2, с. 176]. Но не переходит ли такой нож свою разумную «ножовую» границу? И. А. Скрылев описывает одну из моделей, в которой соединены 33 полезные функции: «Фактически это миниатюрный ремонтный набор. Несмотря на небольшой клинок, этот вариант все же более интересен для путешественников в качестве дополнения к основному ножу. Для ношения в городе его многофунк-

циональность излишняя, кроме того, нож внушительных размеров за счет большой толщины и немалого веса» [3, с. 57]. Переход границы меры должен, как известно, привести к качественному скачку, что и произошло. И. А. Скрылев продолжает: «Прорыв произошел благодаря американскому инженеру Тиму Лазерману, который изобрел новый карманный инструмент: основа его не нож, а пассатижи» [3, с. 65]. Измученный (согласно легенде) старым автомобилем и издержками сервиса дешевых гостиниц, Лазерман не стал пытаться встроить пассатижи в нож, а встроил все необходимые инструменты в рукоятки пассатигей, а сами пассатижи выполнил складными. Первая партия появилась в продаже в 1983 году. Сейчас за этими инструментами закрепилось название «Мультитул» (много-инструмент). Конструкция не была абсолютно новой. И. А. Скрылев приводит фото маникюрного набора, выпущенного на заре двадцатого столетия, выполненного по тому же принципу, но, в конце концов, новое есть хорошо забытое старое.

На фото 8 можно видеть самую малую «дамскую» модель лазермановского мультитула и «серьезную» швейцарскую версию (разумеется, швейцарцы освоили эту новинку). При виде мультитула невольно вспоминается известная гегелевская дефиниция границы: она есть небытие каждого и иное обоих. Это не нож (клинок ножа – только один из многих элементов), не пассатижи с их простотой и брутальной убедительностью, а некий синтетический пограничный феномен. Он исключительно эффективен, но не пробуждает тех иррациональных, архетипических эмоций, которые вызывает нож. Он не прожил истории вместе с человечеством. Возможно, в будущем, когда будут в ходу значительно более совершенные инструменты, он обретет «благородную патину» и будет восприниматься примерно так же, как сегодня воспринимаются трость, нескладывающийся зонтик, трубка для курения, стилизованный под старину телефон и др. Сегодня же производители «фикседов» (ножей с фиксированным клинком) могут быть относительно спокойны: отправляясь в дальний поход, путешественники возьмут с собой мультитул в дополнение к традиционной финке, но не вместо нее. Мультитул – символ чистой рациональности, свободной от предрассудков, или же рациональность, лишенная символики.



Фото 8

Интересно то, что новейшая история серийных ножей иной раз повторяет тенденции, характерные для эпохи ремесла. Как известно, для античности и средневековья прогресс не был сознательной целью. Ремесленники многократно воспроизводили раз найденные удачные образцы. Тем не менее прогресс был, причем нередко инновации оказывались результатом «переливания» одной операции в другую. Соответственно, появлялись и новые изделия. Так, прядение было первой операцией, использующей вращение, от чего пошло все дальнейшее. Основы металлургии были заложены операцией обжига глазурованной керамики, для чего требовалась более высокая температура, которую давал обычный костер [6, с. 62–69]. В кратком очерке новейшей истории серийных ножей, представленном на наших снимках мы видели а) трансформацию ножа в «мультиутил», б) трансформацию ножа в садовую пилу. Случаются и более «крутые» повороты.

Есть в Испании удивительный город – Толедо. Для мальчишек докомпьютерной эпохи это название звучало как боевая труба. Толедская сталь, толедские клинки... В течение длительного времени в Европе было два основных металлургических центра – Золинген и Толедо. Но времена меняются. Мечи, шпаги, кинжалы, которыми орудовали конкистадоры в Новом свете, сегодня неактуальны. Если начать делать исконно-испанские «навахи» (складные ножи, производством которых испанские простолюдины ответили в свое время на запрет иметь «серьезное» оружие), рынок будет слишком узким, поскольку наваха по всем признакам боевой нож. В Толедо делают ножи «по мотивам» навахи (фото 9), но они несколько проигрывают лучшим образцам. С. Митин пишет: «Европейские ножи популярного класса заметно уступают американским и лучшим европейским – качеством и обработкой материалов, а также качеством изготовления» [4, с. 132]. В качестве иллюстрации приведено фото именно этой модели. На основательную перестройку производства нет средств, но в то же время есть множество людей, умеющих работать с металлом, прежде всего со сталью, есть оборудование.



Фото 9

Что же делать? Толедские металлурги освоили производство женских украшений: изделия из стали с позолотой и узорами-рисунками из кусочков тончайшей золотой проволоки на фоне черной стальной поверхности эффектно смотрятся и неплохо продаются.

Итак, мультиутил, пила и украшение (фото 10). Но будем надеяться, что производство изделий, любовь к которым закрепилась на генном уровне, будет продолжаться.

Вернемся к символу. Символический контекст сопровождал вещи испокон веков, но массовое производство изменило его смысл. В этом изменении «прочитывается» общая тенденция, присущая современной культуре, идет ли речь о «высоком» искусстве или о производстве серийных ножей. Ж. Бодрийяр, к примеру, обнаружил ее в живо-



Фото 10

писном материале. Некогда (по Ж. Бодрийяру, до XIX века) художник ощущал себя всего лишь копиистом, поскольку в культуре, как и в сознании каждого отдельного художника, живо присутствовало Трансцендентное, образ Первохудожника, творения которого можно передать, изобразить, скопировать, оставаясь при этом явно «вторичным». Когда же Трансцендентное так или иначе ушло из культуры, художник оказался первичным, и приступил к реализации в своих произведениях *собственной* индивидуальности (яркой или не очень, но собственной) [7, с. 129–133].

Аналогичную трансформацию проделала символизация вещей. Когда-то символ отображал нечто, как считалось, объективно существующее. Согласно А. Ф. Лосеву, двойной топор был неотделим от культа Зевса, вплоть до того, что он был для древних греков даже не символом, а прямо-таки самим Зевсом [8, с. 114–115]. Сегодня символ, который «прочитывается» в вещи, помогает ее обладателю проявить собственную индивидуальность: я – такой-то. Ножам в этом плане «повезло». Если мы решим выражать свою индивидуальность при помощи, к примеру, диванов, то она (индивидуальность) покажется вынужденно однозначной. Нельзя же в условиях обычной квартиры собрать коллекцию диванов... Ножи невелики по объему, а потому обладатель некоторого их набора может (без ущерба для жизненного пространства) представить в нем достаточно богатую совокупность собственных качеств. Дизайнеры и металлурги заботятся о том, чтобы возможная совокупность расширялась и углублялась.

1. Глазычев В. Л. О дизайне. Очерки по теории и практике дизайна на Западе. М.: Искусство, 1970. 191 с.
2. Хорев В. И., Ингерлейб М. Б. Твой нож. 2-е изд., Ростов н/Д: Феникс, 2008. 250 с.
3. Скрылев И. А. Ножи. Полная энциклопедия оружия и снаряжения. М.: Эксмо: ОЛИСС, 2010. 272 с.
4. Митин С. Ножи / пер. с польского А. Н. Ермонско. М.: АСТ: Астрель, 2008, 256 с.
5. Сюрмон Я. Современные ножи. Иллюстрированный справочник / пер. с англ. М.: Омега, 2007. 192 с.
6. Бернал Дж. Наука в истории общества. М.: Изд-во иностранной лит., 1956. 735 с.
7. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Академический Проект, 2007. 335 с.
8. Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1957. 620 с.

© Федяев Д. М., 2014

ПЕДАГОГИКА



Лупаренко С. Е.

Детская игротка в системе внешкольного образования в СССР (1930–1950 гг.)

Мильникова С. А.

Подготовка преподавателей вуза к межкультурной коммуникации в сфере образования

Федяева Л. В., Серикова А. К.

Организация профильного обучения в сельской школе

Чечулина Н. А., Скибицкий Э. Г., Лихачев А. С.

Формирование изыскательской компетентности начинающего исследователя

ДЕТСКАЯ ИГРОТЕКА В СИСТЕМЕ ВНЕШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СССР (1930–1950 гг.)

В статье раскрыты история возникновения детских игротек в СССР, их задания (расширение работы по организации культурного досуга детей, повышение идейно-политического уровня детских развлечений и игр), направления (организационная, методическая, инструктивная и консультативная, массовая учебно-воспитательная, экспериментальная работа) и формы учебно-воспитательной работы с детьми и взрослыми (соревнования, викторины и турниры по играм, конкурсы, вечера научных развлечений, экскурсии, беседы, игры, демонстрация интересных опытов, научно-фантастические «путешествия», выставки, праздники). Охарактеризованы результаты деятельности игротек. Выявлены трудности в организации работы игротек: отсутствие собственного помещения у некоторых игротек; отсутствие поддержки деятельности игротек со стороны некоторых образовательных учреждений и педагогических коллективов вследствие слабой организации воспитательной деятельности в образовательных учреждениях, отсутствия необходимого количества игр и игрушек, неэффективности инструкторской работы, недостаточной издательской деятельности игротек.

Ключевые слова: детская игротекa, дети, внешкольное образование, досуг, игры, детские внешкольные учреждения.

CHILDREN'S GAMES LIBRARY IN THE SYSTEM OF EXTRACURRICULAR EDUCATION IN THE USSR (1930–1950)

The history of emergence of children's Games Libraries in the USSR, their tasks (extension of work on organization of children's cultural leisure time; increase of political-ideological level of children's entertainments and games), directions of work (organizational, methodic, instructive and consultative, mass educational, experimental works) and forms of educational work with children and adults (game contests, quizzes and tournaments, competitions, shows of scientific entertainments, excursions, talks, games, demonstration of interesting experiments, science fiction "travel", exhibitions, holidays) have been revealed. The results of the activity of Games Libraries have been characterized. The difficulties in organization of the work of Games Libraries have been revealed. They are: some Games Libraries' absence of own premises; some educational establishments and teaching staff's absence of support for the work of Games Libraries because of poor organization of educational activity at educational institutions, lack of the required amount of games and toys, inefficiency of instructive work, insufficient publishing activities of Games Libraries.

Keywords: children's Games Library, children, extracurricular education, leisure time, games, children's extracurricular institutions.

Середина XX столетия в СССР характеризовалась расширением сети внешкольных учреждений и заметной активизацией их работы. Система внешкольного образования решала прежде всего задачи организации детского населения. Внешкольные учреждения вели борьбу с детской беспризорностью, обеспечивали идейно-политическое влияние на детей в духе революционных преобразований, привлекали детей к культурному наследию.

Именно по инициативе партийных, профсоюзных и комсомольских организаций в стране начали создаваться разные по характеру и организационной структуре объединения детей вне школы. В начале 1920-х гг. внешкольная работа проводилась преимущественно клубами, где под руководством общественных активистов работали кружки, площадки для игр. На основе клубов создавались внешкольные союзы и братства. Кроме того, появились первые детские секции при партийных и комсомольских ячейках, детские клубы, художественные студии и дома художественного творчества, станции (юных техников, любителей природы), бюро школьных экскурсий и детские экскурсионно-туристические станции, дома пионеров, которые организовывали общественно-полезную деятельность детей и их досуг. В 1930-х гг. были созданы новые специализированные внешкольные учреждения: детские железные дороги, дома колхозных

детей, детские спортивные школы, детские порты, детские радиостудии, детские аэроклубы.

В конце 1931 г. в г. Загорске (сейчас Сергиев-Посад) при Музее игрушки был создан научно-экспериментальный институт, который имел целью сбор и изучение игр и игрушек, разработку образцовых (педагогически целесообразных и нужных ребенку) игрушек, а также подготовку специалистов по изготовлению игрушек [1].

Идея создания и распространения среди детей образцовых игрушек была реализована в открытии специальных учреждений, подобных которым не было нигде в мире, – игротек. Они были своеобразными «библиотеками игр», которые в своей работе ориентировались на привлечение детей к игровому общению, обучение играм детей, родителей и педагогов, развитие самостоятельности и социальных навыков детей, организацию детского досуга.

Игротеки начали возникать при клубах и парках культуры в 1933 г. в виде небольших игровых комнат. Первая игротекa широкого профиля была открыта в апреле 1934 г. в научно-экспериментальном институте игрушек в г. Загорске при образцовой школе-семилетке. На протяжении 1934 г. комнаты игр и игрушек начали открываться при дворцах и домах пионеров, в школах и клубах Москвы, Ленинграда, Ростова и других городов.

В 1935–1936 гг. в Одессе как специальное детское учреждение была организована Центральная детская игротка (ЦДИ), которая представляла собой «прокатный пункт детских игр, игрушек и спортивного инвентаря» [2; 3]. ЦДИ была первым подобным учреждением в Украине, и позже (на протяжении 1930–1940 гг.) по примеру ЦДИ в СССР были организованы новые игротки в других городах (Киеве, Харькове, Львове, Херсоне, Днепрпетровске и др.).

Следует отметить, что вопрос детских игротек в системе внешкольной работы в СССР не стал предметом масштабных исследований. Например, вопросы организации деятельности детской игротки были раскрыты в работах еще советских исследователей, в частности основателя и руководителя ЦДИ Е. Минскина [2; 4; 5; 6], а также Н. Пановой [3]; анализ работы разных игротек приведен в трудах О. Ефимовой [7], Ю. Тимофеева [1]. Однако в современных научных трудах о работе игротек встречаются только короткие упоминания, и целостное исследование, посвященное сущности, направлениям и формам работы детской игротки в СССР, отсутствует. Поэтому недостаточное изучение проблемы деятельности детских игротек, а также наличие интересного и эффективного опыта (в основе данной работы лежат малоизвестные архивные материалы Государственного архива Одесской области) обусловило выбор темы исследования.

Основными заданиями игротек были следующие: расширение работы по организации культурного досуга детей; повышение идейно-политического уровня детских развлечений и игр, которые проводились в школах, пионерских отрядах и внешкольных учреждениях. Для осуществления своей работы игротки имели методический и консультационный отделы, прокатный фонд игр для выдачи детям домой, экспериментальную мастерскую, передвижную методическую выставку игр для детей школьного возраста. Как правило, игротки имели свои филиалы по школам, детским домам; в летний период они выезжали в парки, сады, загородные пионерские лагеря, детские санатории. Также иногда у игротек были тачки, на которые сотрудники загружали наиболее популярные у детей игры и с ними ездили по дворам города, организовывая досуг детей и привлекая их к работе в игротке.

Основные направления работы игротки: организационная, методическая, инструктивная и консультативная, массовая учебно-воспитательная, экспериментальная. Рассмотрим их более детально.

Организационная работа игротки включала создание игротек или комнат игр во всех дворцах и домах пионеров; сотрудничество с предприятиями, которые изготавливали детские игры; внедрение игр и игрушек в работу детских секторов рабочих клубов, домов культуры и сельских клубов; организацию филиалов игротки в пионерских лагерях, детских санаториях, садах и парках, детских домах, школах и других местах; обеспечение материалами отделов, филиалов и выставок игротки; проведение педагогических совещаний работников игротек; проведение работы по повышению политических знаний сотрудников игротек и др.

Методическая работа предусматривала разработку и издание методических материалов по детским развлечениям. Игротека координировала деятельность работников

игрушечной промышленности на основе рекомендованных, педагогически оправданных игр и игрушек, привлекала новых авторов и художников к созданию игр и игрушек, написанию книг по организации детского досуга. Игротека разрабатывала методические материалы по формам организации игр и развлечений среди детей, в частности а) программу игр и развлечений во время каникул; б) массовые школьные игры-конкурсы по решению заданий и головоломок (описание проведения игры и необходимое оборудование); в) пособия для вечеров интересной науки (описания и чертежи); г) описание игр, забав и развлечений возле елки, настольных игр (например, «Отвечай четко», «Разрезная географическая карта», «Кто останется» и др.), подвижных и малоподвижных игр, игр пионерского отряда; д) самодельные елочные игрушки, маски и украшения (образцы и шаблоны); е) брошюру «Самодельные игры для школьной игротки» для издания через Министерство просвещения [8; 9]. Игротека осуществляла высылку методических материалов педагогическим училищам, которые имели группы подготовки пионервожатых, и органам власти.

Кроме того, игротки проводили выставки разработанных и наиболее популярных у детей игр и игрушек. Также игротки организовывали и проводили республиканские конкурсы (на лучшую организацию игротки, лучшую программу сбора пионерского отряда, посвященного научным развлечениям и познавательным играм и т. д.).

Инструктивная и консультационная работа игротки включала: помощь детям, детским учреждениям и руководителям (учителям и пионервожатым) в организации развлечений дома и в детских заведениях. Работники игротек проводили беседы, выезды во внешкольные учреждения в разные города страны с целью помощи и проверки состояния работы в сфере организации игр и развлечений детей, организовывали семинары для пионервожатых по проблемам игр и развлечений детей [10].

Работники игротек проводили как заочные (письменные), так и очные консультации для массовиков-затейников, пионервожатых. Кроме того, сотрудников игротек прикрепляли к их филиалам, игровым площадкам, школам и внешкольным учреждениям с целью предоставления консультаций и организации игровой деятельности детей.

Массовая учебно-воспитательная работа предусматривала, во-первых, выдачу детям игр и игрушек домой (через отделы выдачи игр детям домой).

Во-вторых, игротки принимали участие в организации детского отдыха и развлечений на протяжении каникул. С этой целью в городах организовывали дополнительные игровые площадки. Так, для обслуживания детей играми в Одессе летом 1948 г. был мобилизован весь штат работников и весь наличный фонд игр и аттракционов. В трех садах (Парке культуры и отдыха, Городском саду и саду при Дворце пионеров) были установлены садовые аттракционы и павильоны для игр. В 43 пионерских лагерях, санаториях и площадках были созданы филиалы ЦДИ, каждому из которых был предоставлен комплект игр и наборов. Согласно отчету о работе игротки за лето 1948 г. «всеми филиалами ЦДИ... было охвачено 30 000 детей. Точками

ЦДИ в парках и садах г. Одессы было зарегистрировано 95 000 посещений детей» [1].

В-третьих, работники игротек проводили много массовых учебно-воспитательных мероприятий, а именно [12]:

- соревнования, викторины и турниры по играм, которые проводили в садах, пионерских лагерях, дворах жилых домов;

- конкурсы (на находчивость, решение интересных заданий и головоломок, новые игры, ребусы и др.);

- вечера научных развлечений;

- экскурсии;

- беседы («Правила пользования настольными играми», «Как самому изготовить простые игры» и др.);

- игры, в частности: познавательные (игры-загадки, игры с карандашами и др.), литературные («Литературные змейки», «Пословицы и поговорки» и др.), творческие («Рассказ по рисунку», «Рассказ многих авторов», «Синонимы», «Антонимы», «Крылатые слова», «Откуда эти выражения» и др.), подвижные и малоподвижные (эстафеты, «Море волнуется» и др.);

- демонстрация интересных опытов;

- научно-фантастические «путешествия»;

- выставки, демонстрирующие достижения игрушечной промышленности;

- праздники (игр и игрушек).

Все эти и другие формы организации воспитательной работы, которые реализовывали игротек, стали основой для организации интересных воспитательных мероприятий в разных образовательных учреждениях страны. Например, в средней школе с. Бехтеры Голопристанского района Херсонской области учителя по материалам ЦДИ проводили викторины и вечера научных развлечений. В детском доме № 3 г. Днепродзержинска Днепропетровской области заведующая педагогической частью проводила с воспитанниками литературные игры. В Лозоватской средней школе Ульяновского района Одесской области старшая пионервожатая Т. Парконица организовывала игры во время школьных каникул [9].

Некоторые школы и детские дома создавали самодельные игры для школьных клубов и игровых комнат, а также пособия для игр. Например, в детском доме № 8 г. Одессы под руководством воспитателей и старшего пионервожатого дети изготовили самодельные настольные игры «Хоккей», «Настольный футбол». Ученики Росошанской средней школы Свалявского района Закарпатской области под руководством учительницы С. Галькевич изготовили иллюстрации и пособия для вечеров загадок и ребусов [9].

Экспериментальная работа осуществлялась в экспериментальных мастерских. Их работники изучали потребности детей в играх, разрабатывали и изготавливали новые игры. Благодаря этой работе были созданы такие новые игры, как настольные кегли, «Вишенки», «Флотская», «Звено в разведке», «Футболисты», «Юные туристы», «Изучай иностранные языки» и др. [9; 10]. После изготовления работники игротек проводили апробацию новых игр, следя за реакцией детей, их активностью и интересом во время игр (например, в одном из залов ЦДИ на протяжении лета 1948 г. проводилась проверка реакции детей на новые образцы моторных настольных игр с использованием ша-

риков, кеглей и юлы, а в другом – тактических и образовательных настольных игр. За лето 1948 г. в экспериментальных залах было зарегистрировано 11 000 посещений детей [12]). Лучшие из разработанных игр утверждались в Министерстве просвещения и шли в массовое производство. С целью расширения фонда игр, которые использовались в летний период, ЦДИ организовала сбор велосипедов из трофейных частей, полученных с помощью работников Одесского военного округа [10].

Кроме того, экспериментальные мастерские выполняли ремонт игр и игровых пособий, которые возвращали пионерским лагерям, площадкам и индивидуальным абонентам. Например, летом 1948 г. вследствие работы экспериментальной мастерской ЦДИ по восстановлению игр было возвращено в эксплуатацию 270 детских игр и 18 аттракционов [10]. Также игротек проводили пересмотр настольных игр с целью их улучшения и творческой переработки, изготавливали игровое оборудование и оформление для массовых праздников, семинаров и курсов по подготовке организаторов игр и развлечений, летних игровых площадок игротек.

Таким образом, игротек обеспечивали разные детские учреждения играми, охватывая ими десятки тысяч детей [9; 14]. Следует отметить, что игротек пользовались большой популярностью среди детей и взрослых: «...некоторые родители настолько заинтересовывались игротеккой, что почти каждый день приходили с сыном или дочкой обменять игру» [2, с. 44].

Согласно архивным данным [10], материалы игротек способствовали улучшению работы детских учреждений в области организации игр и развлечений среди детей. От механической выдачи игр детям они перешли к более углубленной работе, начали использовать разнообразные формы воспитательной деятельности. Например, в игротекке Винницкого Дворца пионеров была создана группа детского актива, которая помогала работникам проводить массовые вечера и соревнования. За лето, опираясь на детский актив, Винницкая игротекка провела 6 массовых викторин и вечеров загадок, 7 конкурсов головоломок, шахматный турнир между командами дворцов пионеров городов Проскурова и Винницы, 6 межшкольных турниров в Винницкой области. Кроме того, Винницкая игротекка мобилизовала огромное количество детей для участия в общественно-полезной работе по изготовлению игр, пополнив, таким образом, свой фонд новыми экземплярами [10].

Не ограничивались только использованием игр и в игротекках Херсонской, Ворошиловградской (сейчас – Луганская), Сталинской (сейчас – Донецкой) и других областей. С детьми проводили инструктивные беседы о правилах использования игр, технике изготовления самодельных игр, а также проведении соревнований и турниров [10].

Согласно отчету о работе игротекки за 1948 г., «Херсонская игротекка... провела значительную работу по расширению своего фонда за счет покупных и главным образом самодельных игр. Увеличилось количество и разнообразие игр, что позволило Херсонской игротекке одной из первых перейти от обслуживания детей играми на месте к выдаче игр в прокат домой или детским учреждениям» [15].

Однако существовали определенные трудности в организации работы игротек.

Во-первых, не все образовательные учреждения и педагогические коллективы поддерживали деятельность игротек и внедряли опыт их работы. Это объяснялось недостаточной информированностью педагогов о возможностях использования опыта игротек; слабой организацией воспитательной деятельности в некоторых образовательных учреждениях; отсутствием необходимого количества игр и игрушек в свободной продаже; неэффективностью инструкторской работы, которая проводилась игротеками по стране; отсутствием выездов; недостаточной издательской деятельностью игротек: «...при ЦДИ нет специального методического объединения» [15]. Об этом свидетельствуют данные отчета о работе игротек за первое полугодие 1951 г., согласно которым «немного обособлено проводят работу по организации детского досуга Дома культуры и профсоюзные клубы. Детские сектора этих культурно-просветительных учреждений проводят массовые вечера и кружковую работу с детьми. Среди игр... наиболее популярными являются подвижные игры и игры, которые не требуют оборудования. Слабое распространение настольных игр и игр с принадлежностями в клубной и пионерской работе объясняется, главным образом, отсутствием таких игр в продаже. Промышленность... сосредоточена преимущественно на игрушках для дошкольников, а игр для детей школьного возраста выпускается очень мало» [17]; «Главным недостатком ЦДИ является слабое распространение интересного опыта по организации игр и развлечений, накопленного на протяжении многих лет. ...ЦДИ должна иметь сеть во внешкольных учреждениях и школах... в виде игротек и комнат игр» [15].

Во-вторых, некоторые игротекы не имели собственного помещения, что очень препятствовало их работе: «Успешному проведению зимней работы... препятствует отсутствие помещения, которое отвечает заданиям ЦДИ. Ни одно из запланированных мероприятий по решению вопроса о предоставлении помещения Центральной детской игротекы до сих пор не было воплощено в жизнь» [18].

Стоит отметить, что с середины 1950-х гг. ЦДИ, существовавшая в Одессе, постепенно стала терять свою популярность и распространение по причине решения правительства о ее переводе в другой крупный город (Киев или Харьков), а также отъезда ее создателя и духовного вдохновителя Е. Минскина в Москву для руководства Московской игротекой. Эта ослабило деятельность ЦДИ и притормозило ее деятельность. Однако, несмотря на это, игротекы продолжали существовать во многих городах и стали уникальными внешкольными учреждениями, которые охватили и заинтересовали своей деятельностью огромное количество детей. Их опыт был положительно оценен и использовался по всей стране.

Таким образом, на протяжении исследуемого периода была создана сеть внешкольных учреждений, налажена четкая система внешкольного воспитания детей, которая вместе со школой решала задание развития личности, подготовки подрастающего поколения к жизни и труду в обществе. Этому способствовало развитие детского движения и повышение роли комсомольских и пионерских организаций в воспитании детей, усиление массовости, что также свидетельствовало о привлечении в сферу внешкольного воспитания все большего количества детей. В стране была

сформирована государственная система внешкольного детского образования, которая реализовывалась через комплексные и специализированные внешкольные учреждения.

Уникальным внешкольным учреждением, подобным которому не было ни в одной стране мира, была детская игротекa, основными заданиями которой стали: расширение работы по организации культурного досуга детей; повышение идейно-политического уровня детских развлечений и игр, которые проводились в школах, пионерских отрядах и внешкольных учреждениях. Среди направлений работы детской игротекы были следующие: организационная, методическая, инструктивная и консультационная, массовая учебно-воспитательная, экспериментальная работы. Для осуществления этой деятельности детская игротекa имела в своем распоряжении консультационный и методический отделы, прокатный фонд игр для выдачи детям домой, экспериментальную мастерскую и передвижную методическую выставку игр для детей школьного возраста. Архивные материалы [8; 9; 10; 12; 14] подтвердили, что детские игротекы пользовались большой популярностью среди детей, а их материалы эффективно использовали в разных городах страны: филиалы игротек открывались во всех областях; в крупных городах организовывались самостоятельные игротекы. Опыт работы детских игротек подтвердил их высокую эффективность и результативность работы по организации детского досуга, который, к сожалению, не был в дальнейшем удачно использован из-за материальных и организационных трудностей.

1. Тимофеев Ю. Из предистории и истории игротек // Теория и история игры. М. : ОДИ-International, 2002. Вып. 2. С. 72–93.

2. Минский Е. Одесская игротекa // Вожатый: общественно-политический и методический журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального совета Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина. 1936. № 1. С. 43–45.

3. Панова Н. Одесская игротекa // Советская игрушка: орган Комитета по игрушке при Наркомпросе РСФСР, Научно-экспериментального института игрушки и Всекопромсовета 1936. № 2. С. 7.

4. Минский Е. Игротекa // Вожатый: общественно-политический и методический журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального совета Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина. 1937. № 7. С. 14–17.

5. Минский Е. Игротекa в детских внешкольных учреждениях и школах: инструктивно-методическое письмо с альбомом чертежей настольных игр. М., 1953. 55 с.

6. Минский Е. Одесская игротекa // Игрушка: орган Комитета по игрушке при Наркомпросе РСФСР, НИИ игрушки и Всекопромсовета. 1937. № 9. С. 9–11.

7. Ефимова Е. Из истории игровой культуры довоенной Одессы: Ефим Маркович Минский и Одесская игротекa // Особа в тоталітарному суспільстві: рефлексії XXI століття: Міжнародна науково-практична конференція, 23–27 червня 2013 р.: матер. конф. Одеса : ОНУ ім. І. І. Мечнікова, 2013. URL: <http://www.liberte.onu.edu.ua/info/kultura> (дата обращения 19.10.2014).

8. Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. Р 5391 – Одесская центральная детская игротекa Минис-

терства просвещения УССР г. Одесса. 1944–1952 гг. Оп. 1. Д. 47 – План работы на 1951–1952 учебный год. 1951 г.

9. ГАОО. Ф. Р 5391. Оп. 1. Д. 48 – Полугодовые отчеты о работе Игротеки. 1951–1952 гг.

10. Там же. Д. 24 – Отчет о работе Игротеки за лето 1948 г.

11. Там же. Л. 3.

12. Там же. Д. 16 – Годовой план работы Центральной Детской Игротеки. 1947 г.

13. Там же. Д. 24. Л. 4.

14. Там же. Д. 3 – Приказы по игротеке. 1944–1946 гг. – 35 л.

15. Там же. Д. 24. Л. 2.

16. Там же. Д. 48. Л. 15.

17. Там же. Д. 3. Л. 5.

18. Там же. Д. 24. Л. 5.

© Лупаренко С. Е., 2014

УДК 378

С. А. Мыльникова
S. A. Mylnikova

ПОДГОТОВКА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗА К МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

UNIVERSITY TEACHERS' TRAINING FOR INTERCULTURAL COMMUNICATION IN THE SPHERE OF EDUCATION

Важной особенностью современного образования является его интернационализация. В статье рассмотрены ценностные аспекты межкультурной коммуникации, выявлены показатели готовности преподавателя к коммуникации. Выделены инвариантные модульные программы подготовки к межкультурному взаимодействию, наиболее продуктивные образовательные стратегии.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, коммуникативный акт, ценность, модуль, образовательная стратегия.

Internationalization is an important feature of modern education. The value aspects of intercultural communication are discussed and characteristics of the teacher's readiness for communication are revealed in the article. The invariant module programmes on intercultural cooperation training and more productive educational strategies are pointed out.

Keywords: intercultural communication, communicative act, value, module, educational strategy.

Одной из основных особенностей развития современного университета является интернационализация высшего образования – объективное следствие глобализации современного мира и одновременно крупный ресурс ускорения интеграции общественной и экономической жизни, устранения национальной обособленности. В настоящее время многие отечественные и зарубежные ученые (Д. Нейт, Д. Местенхазер, Б. Элингбо, А. П. Лиферов) понимают интернационализацию как процесс международной ориентации университетов, а именно стратегию международного образования, предполагающую набор разноплановых программ и услуг для студентов различных стран; процесс интеграции международного аспекта в образовательную, исследовательскую и другие функции университета. В определении интернационализации высшего образования включаются такие элементы, как наличие международного компонента в содержании учебных планов и программ, международная мобильность студентов и преподавателей, наличие программ технического сотрудничества и взаимопомощи.

Современные университеты ориентированы на обновление образовательной среды, которая создает возможности для беспрепятственной коммуникации профессорско-преподавательского состава вузов разных стран, в том числе и зарубежных. При этом актуализируется проблема подготовки преподавателей отечественных вузов к межкультурной коммуникации в условиях интеграционных про-

цессов, а сама готовность рассматривается как показатель профессиональной компетентности преподавателя современного вуза.

В условиях глобализации образования очевидным ценностным ориентиром становится необходимость интеграции отечественного и зарубежного опыта. При этом необходимо отметить необходимость нахождения культурных основ такой интеграции, преодоления достаточно широко распространенного суждения о том что «...подавляющее большинство пропагандируемых современных «модных» западных педагогических идей, изначально ориентированных на культ индивидуализма, игнорируют специфику нравственного, религиозного и культурного опыта, особенности мировоззрения и менталитета наших соотечественников, чужды как духу нашего народа, так и вековым традициям отечественного образования...» [1, с. 4]. Это обуславливает появление такой ценности, как усиление гуманитарной (в том числе языковой) подготовки будущих педагогов, которая способствует не только формированию готовности к межкультурному взаимодействию преподавателей и студентов вузов, воспитанию межнациональной толерантности, но и потребности более глубокого изучения отечественных культурно-образовательных традиций.

Под термином *межкультурная коммуникация* принято понимать адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным нацио-

нальным культурам. Трудности реализации межкультурной коммуникации связаны с тем, что в ходе общения сталкиваются две различные культуры, два различных видения мира, и было бы неверным анализировать какую-либо проблему, руководствуясь только одним из них. Наиболее сложный аспект межкультурной коммуникации заключается в том, что она требует внимания к двум противоположным идеям одновременно, т. е. в межкультурном диалоге нет четкой грани между хорошим и плохим, умным и глупым, сильным и слабым и т. д.

Т. Н. Астафурова отмечает, что межкультурная коммуникация как процесс культурного взаимодействия протекает на трех уровнях. Первый уровень взаимодействия – *коммуникативный*, на этом уровне происходит обмен информацией посредством языка, культурных традиций иной лингвокультурной общности, достигается взаимопонимание партнеров. На втором уровне – *интерактивном* – устанавливаются взаимоотношения между участниками коммуникации с учетом их личностных характеристик. На *перцептивном* уровне межкультурного диалога происходит взаимопознание представителей различных лингвокультурных общностей. На каждом уровне межкультурного общения прослеживается реализация функций социального взаимодействия: на перцептивном уровне реализуется фатическая функция, на коммуникативном уровне – информационная, а на интерактивном уровне – воздействующая функция взаимодействия [2].

На основании анализа результатов многих исследований (Д. Б. Гудков, С. Г. Тер-Минасова, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Ю. Е. Прохоров, Ю. Ю. Дешериева, В. П. Фурманова, Е. И. Пассов, Л. И. Харченкова, Г. В. Елизарова, Г. М. Васильева, Т. Н. Астафурова, Дж. Мартин, М. Аргайл, Р. Портер и др.) нами были определены показатели готовности преподавателя вуза к межкультурной коммуникации:

- мотивация к межкультурному взаимодействию, понимающая открытость новому знанию, стремление к познанию и освоению опыта коллег и к профессиональному развитию на этой основе;

- культурологические знания, позволяющие понять важность культурного плюрализма для личности и общества, специфику культурных различий, проявляющихся в организации высшего образования и профессиональной деятельности профессорско-преподавательского состава;

- умения межкультурного взаимодействия, включающие умения устанавливать и поддерживать взаимодействие с зарубежными коллегами, быть толерантным к проявлениям других культур, видоизменять поведение, проявлять эмпатию [3].

Развитие готовности преподавателей вузов к межкультурной коммуникации происходит в различных форматах: непосредственно в процессе взаимодействия с зарубежными коллегами, в подготовке и проведении занятий с иностранными студентами; при проведении исследований и подготовке материалов для международных конференций; в процессе повышения профессиональной квалификации. Остановимся несколько подробнее на организации повышения квалификации.

Известно, что наиболее продуктивной формой организации повышения квалификации является модульная ор-

ганизация подготовки, которая позволяет в максимальной степени учесть потребности и уровень подготовки преподавателей. В этом случае в зависимости от профессионального интереса и потребностей преподаватель может самостоятельно спроектировать программу подготовки, выбирая наиболее интересные для него модули. Как правило, модульные программы подготовки к межкультурному взаимодействию включают в себя следующие инвариантные модули:

- культурологические модули, содержание которых раскрывает специфику межкультурной коммуникации и взаимодействия;

- модули, связанные с совершенствованием владения иностранным языком, содержание которых ориентировано на освоение профессиональной лексики;

- модули, представляющие собой тренинги межкультурной коммуникации, содержание которых нацелено на формирование коммуникативных умений, в том числе на иностранном языке, с использованием различных видов форм и каналов коммуникации.

Вариативные модули проектируются на основании анализа актуальных проблем и потребностей преподавателей конкретного вуза. Так, например, могут быть спроектированы как вариативные следующие модули:

- Международная коммуникация в сфере образования;
- Современная профессиональная коммуникация в поликультурной среде;

- Зарубежные программы подготовки студентов к межкультурной коммуникации;

- Медиа-коммуникация в сфере образования;

- Профессиональная коммуникация средствами информационных ресурсов;

- Информационный ресурс преподавателя вуза как средство профессиональной коммуникации;

- Использование ресурсных баз в целях профессиональной коммуникации;

- Деловой иностранный язык (профессиональная коммуникация);

- Терминология профессионального общения на иностранном языке и др.

При реализации инвариантных и вариативных модулей программы повышения квалификации продуктивным является использование следующих образовательных стратегий:

- *коммуникативной стратегии*, в которой знания и умения формируются как «продукт» межличностных отношений;

- *стратегия обучения в сетевых сообществах* предполагает создание сети, узлами которой могут быть внешние сущности, которые можно использовать для формирования сети (люди, организации, библиотеки, веб-сайты, книги, журналы, базы данных, другие источники информации);

- *стратегия ассертивного¹ обучения*, которая ориентирована на развитие умения внимательно слушать, стремления понять точку зрения другого человека путем

¹Ассертивность – способность человека не зависеть от внешних влияний и оценок, самостоятельно регулировать собственное поведение и отвечать за него.

использования методов разбора критических случаев, дискуссионных методов обучения, ролевых игр.

Опыт свидетельствует о том, что наиболее продуктивным способом оценки готовности к межкультурной коммуникации является наблюдение за поведением преподавателей в процессе имитационных игр и тренингов, которое позволяет зафиксировать сформированность умения говорить на иностранном языке; владение этикетными формулами, характер невербального коммуникативного поведения. Другим способом оценки сформированности готовности к межкультурной коммуникации является анализ эссе, решение учебных кейсов, отражающий зарубежный опыт решения проблем, интересных преподавателям, а также проектирование занятий с иностранными студентами, посвященных отечественной культуре.

УДК 5.1-77

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОФИЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ В СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЕ

В статье рассматриваются особенности профильного обучения и специфика его организации в сельской школе.

Ключевые слова: профильное обучение, индивидуальный образовательный маршрут, сельская школа.

В современном образовании достаточно большое внимание уделяется понятию индивидуальности. Индивидуальность рассматривается в философии как единичное в сопоставлении с общим, в психологии как глубинное в человеке, в педагогике как уникальное, неповторимое, чем природа наградила только его.

Цель любого образования состоит в том, чтобы найти, поддержать, развить человека в человеке и заложить в нем механизмы самореализации, саморазвития, адаптации, самовоспитания и другие необходимые для становления самобытного личностного образа и диалогического безопасного взаимодействия с людьми, культурой, цивилизацией.

Как следствие, цель среднего образования состоит в том, чтобы дать ученику основные практически нужные знания и развить его личность духовно – в умственном и нравственном отношении.

Именно поэтому сегодня востребованы образовательные системы, способствующие развитию человека в человеке и отвечающие принципам, которые можно сформулировать следующим образом:

1) образование направлено на познание учеником своей сущности;

2) образование не сводится к предметности; его предметом является сам человек, познающий, действующий, наблюдающий, оценивающий;

3) образование предполагает целостное присутствие ученика в образовательном процессе и направлено на управление собой как гуманитарной системой;

1. Огурцов А. П., Платонов В. В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. СПб., 2004. 520 с.

2. Астафурова Т. Н. Стратегии коммуникативного поведения в профессионально значимых ситуациях межкультурного общения (лингвистический и дидактический аспекты): автореф. ... д-ра филол. наук. М., 1997. 24 с.

3. Мыльникова С. А. Корпоративное обучение межкультурной коммуникации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. СПб., 2007. № 14(37). С. 284–288.

© Мыльникова С. А., 2014

Л. В. Федяева, А. К. Серикова
L. V. Fedyaeva, A. K. Serikova

ORGANIZATION OF THE SUBJECT ORIENTED EDUCATION IN A RURAL SCHOOL

The article considers the special features of the subject oriented education and specifics of its implementation in a rural school.

Keywords: subject oriented education, individual educational itinerary, a rural school.

4) образование предполагает сотворчество учителя и учащихся и нацелено на интеллектуальное, эстетическое и нравственное развитие личности как на важнейшее условие для дальнейшего самоопределения и трудовой деятельности.

Все перечисленное стало основанием для модернизации школьного обучения, в частности, небольшой сельской школе Казахстана.

Сельская школа во многом отличается от городской: это и небольшой контингент учащихся, и достаточно скромный педагогический коллектив. Рассмотрев все предлагаемые виды современного школьного обучения (от общеобразовательной школы до индивидуального домашнего обучения), мы остановились на профильном обучении, встроенном в современную парадигму образования, которая предоставляет учащимся возможность выбора вариативной части обучения, а учителю свободу выбора средств, методов и форм обучения. Именно профильное обучение способствует развитию личностного потенциала школьника с учетом его возрастных интересов и способностей и обладает разнообразными формами организации учебной деятельности. Кроме того, профильное обучение предлагает индивидуальные образовательные маршруты, связанные с удовлетворением индивидуальных образовательных интересов, потребностей и склонностей каждого школьника. Индивидуальный образовательный маршрут дает ученику осознание своей индивидуальности, понимание своих сильных и слабых сторон ориентирует его на построение своей личности. Сущностные характеристики профильного обучения представлены в таблице.

Сущностные характеристики профильного обучения

<i>Характеристики профильного обучения</i>	<i>Базовые основания</i>
Метапредметность	Содержание образования находится в надиндивидуальном, надпредметном опыте личности
Субъектность (авторство)	Специфика бытия человека связана с его субъектной позицией в познании, деятельности и общении
Субъективность (интериоризованность)	Принципом существования конкретной личности являются ее непосредственное самобытие, практическое отношение к собственной жизнедеятельности
Диалоговость	Методом постижения целостности выступает диалог, который определяет содержание структурных элементов гуманитарной образовательной системы
Незавершенность	Взаимообусловленность образовательных ситуаций заключается в наличии случайности, неопределенности в образовательной ситуации
Соавторство (событийность)	Процесс обучения обусловлен совместной деятельностью и характером отношений между участниками со-бытийной общности
Креативность	Сознательная и бессознательная составляющие моделирования мира для гуманитарных систем (личности, образования) интегрируются в их способности решать неформализованные задачи неформализуемым способом
Целостность	Образовательная система выстраивается как диалектическое единство всех структурных элементов, соотнесенных с идеей целостности человека

Анализ таблицы сразу выявляет одну из задач проектирования индивидуального образовательного маршрута – установление разумного соотношения между логической стороной выбранного маршрута и его креативной направленностью.

Реализация профильного обучения через создание индивидуальных образовательных маршрутов позволяет создать комфортную обстановку, применять новые нетрадиционные способы обучения, способствовать удовлетворению индивидуальных образовательных интересов, потребностей и склонностей.

Индивидуальные образовательные маршруты будут отвечать потребностям учащихся, если при их составлении учесть три важнейших для образовательного процесса аспекта: познавательный, развивающий и воспитательный. Так, выбранный учеником маршрут должен, во-первых, формировать знания по теме; во-вторых, стимулировать развитие речи и мышления; в-третьих, влиять на формирование и развитие личности школьника.

Определение оптимального количества и содержания индивидуальных образовательных маршрутов основывается на возможностях конкретной школы и запросах учащихся. Анализ опыта учреждений общего среднего образования Омска показал, что большая городская школа может обеспечить одновременное функционирование 6–8 образовательных маршрутов (превышение этого числа приводит к значительным трудностям в организации учебного процесса и, как следствие, к ухудшению качества образования). Для своей школы мы выбрали три маршрута: «язык – литература – искусство», «естественно-научное направление» и «математика – технология», что обусловлено и запросами учащихся, и возможностями трудового коллектива.

© Федяева Л. В., Серикова А. К., 2014

ФОРМИРОВАНИЕ ИЗЫСКАТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ НАЧИНАЮЩЕГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Изыскательская компетентность направлена на освоение и действенную реализацию методологического аппарата научного исследования, умение интерпретировать полученные результаты. В ходе образовательного процесса она реализуется в научной работе, подготовке заявок на получение грантов, подготовке и защите курсовых и дипломных работ, магистерских диссертаций.

Ключевые слова: компетентность, методология, грант, диссертация, диплом, курсовая работа, наблюдательность, воображение, мышление, интуиция, мотивация.

Настоящие исследования проходили в рамках современной концепции практико-ориентированного направления образования в высшей школе. Исследования, разработка курса и отслеживание их результатов проходили в вузах Новосибирска и Омска.

Студенты обладают огромным творческим потенциалом и интуицией, но часто интересные и продуктивные идеи остаются не разработанными и не внедренными лишь потому, что студент (а иной раз и дипломированный специалист) просто не знает, как приступить к исследованию, как правильно оформить и защитить полученные результаты, не видит перспективы своих изысканий в дальнейшем. Перед нами встали вопросы: что именно затрудняет самоорганизацию научно-исследовательской и научно-практической деятельности студента, специалиста? каким образом повысить мотивацию студентов, специалистов на проведение научных и научно-практических изысканий? как научить студента и специалиста грамотно оформить научное и научно-практическое исследование в виде проекта, гранта, выпускной квалификационной работы или диссертации и защитить их публично?

У начинающих исследователей, приступающих к работе над научно-исследовательской научно-практической работой, всегда возникает масса вопросов, связанных с построением методологического аппарата изыскания, интерпретацией экспериментальных данных, методикой написания, правилами оформления, процедурой предложений проекта, гранта или защиты научной работы и др. При этом допускаются различного рода ошибки, которые снижают качество выполненного исследования.

Опыт преподавательской работы показывает, что наиболее типичными являются следующие ошибки:

- тема изыскания не раскрывается в положениях, которые выносятся на защиту;
- основные положения даются кратко, схематично, детально не раскрываются и не показывают научно-практического «лица» соискателя, сути его научных или практико-ориентированных идей;

EXPLORATORY COMPETENCE FORMATION OF THE YOUNG RESEARCHER

Exploratory competence is focused on learning and successful implementation of the research methodologies, skills in interpreting the achieved results. During educational process, this competence is implemented in research, preparation of grant applications, preparation and defence of the term and diploma papers, Master's thesis.

Keywords: competence, methodology, grant, thesis, diploma, term paper, observation, imagination, thinking, intuition, motivation.

– новизна (та информация, которая получена впервые) и теоретическая значимость не выделяются, неумело формулируются;

– не выдерживается научная терминология; вместо общепринятых в науке терминов употребляется разговорно-бытовая лексика;

– выводы по разделам и заключения изыскания не передают содержания самих глав (разделов);

– список литературы, используемой при написании работы, включает книги, диссертации и статьи, которые не всегда относятся к теме исследования; довольно часто перечисляются устаревшие источники, незначительные статьи из журналов и даже газет;

– список литературы оформляется с ошибками и нарушениями принятого стандарта;

– нередко встречаются орфографические, синтаксические и стилистические ошибки;

– критериальный аппарат оценки полезности (целесообразности, эффективности) инновации, предложенной в исследовании, не позволяет объективно оценить его результаты;

– поставленные в исследовании задачи в ходе опытно-экспериментальной работы решаются не в полном объеме;

– формулировка предмета исследования часто не вполне соответствует названию работы или программы;

– в гипотезе допускаются предложения, по сути, не требующие проверки (известные истины);

– декомпозиция цели работы не всегда адекватна заявленным задачам;

– некоторые соискатели затрудняются в реализации функций методологического знания и даже не могут назвать признаки такого знания;

– имеет место слабое знание математического аппарата обработки полученных данных.

Научно-исследовательская работа в соответствии с современными требованиями должна содержать в себе не только практико-ориентированные предложения, но и содержать результаты фундаментального характера,

достижение которых характеризуется значительной степенью напряженности, как физической, так и интеллектуальной и психологической. От соискателя требуется большая концентрация внимания, мобилизация своих интеллектуальных ресурсов, знание методологии и технологии проведения научно-исследовательских, и научно-практических исследований, умения не только пользоваться научными знаниями, но и их воспроизводить в переработанном виде, в соответствии с поставленной целью и задачами. Такие умения составляют содержание компетентности исследователя. Чем выше компетентность специалиста, тем более продуктивной будет выполняемая им научно-исследовательская и научно-практическая деятельность при относительно небольших затратах ресурсов (личностных, материальных, временных и др.). В противном же случае результативность этой деятельности будет несоизмерима с понесенными затратами.

Компетентность (лат. *competere* – соответствующий, способный) в литературе трактуется как совокупность знаний и умений, определяющих результативность профессионального труда (Е. П. Тонконогая и др.); комбинация личностных качеств и свойств (Л. М. Митина); проявление единства профессиональной и общей культуры (Т. Г. Браже, Е. А. Соколовская); комплекс профессиональных знаний и профессионально-значимых личностных качеств (С. Г. Вершловский, Ю. Н. Кулюткин и др.); объем навыков, с помощью которых субъект может адекватным образом выполнять задачи (Т. И. Шульга, В. Слот, Х. Спаньярд); способность осуществлять сложные культуросообразные виды действий (В. В. Краевский); способность человека устанавливать и поддерживать необходимые контакты с другими людьми (М. К. Кабардов, Е. В. Арцишевская) и др. Мы рассматриваем компетентность начинающего исследователя как единство психологической, теоретико-методологической и технологической готовности личности к осуществлению научно-исследовательской деятельности, научно-практического исследования, причем личности, несущей ответственность за ее качество. Большое значение имеет мотивационно-целевая установка и культура мышления. Последняя имеет своей основой теоретико-методологические и технологические знания, необходимой частью которых является рефлексия.

Формирование компетентности начинающего исследователя осуществляется по следующим взаимосвязанным направлениям: психологическому, теоретико-методологическому и технологическому. Рассмотрим кратко их содержание.

Успешное осуществление научной и научно-практико-ориентированной работы зависит от многих факторов, в том числе и индивидуально-типологических особенностей личности исследователя. На наш взгляд, к таким качествам можно отнести способность, память, наблюдательность, воображение, мышление и интуицию.

Способности – одно из наиболее общих психологических понятий. Они определяются как индивидуально-психологические особенности личности, являющиеся условием успешного выполнения той или иной продуктивной деятельности [1]. Вдумчивость, пытливость, критичность, самостоятельность, настойчивость и другие качества лич-

ности нужно развивать всем. Они важны для любого специалиста, в том числе и для специалиста, занимающегося исследовательской деятельностью. Для исследователя важным вопросом является определение направленности исследовательской деятельности. Для ее установления необходимо ответить самому себе на вопросы: «Чего я хочу?» и «Почему я это хочу?». Способности исследователя развиваются тренировкой таких базисных элементов изысканий, как поиск путей проверки гипотез и доказательств истины.

Продуктивность научной и научно-практической деятельности тесно связана с возможностями памяти, которая представляет собой процессы организации и сохранения прошлого опыта, его повторное использование в деятельности или возвращение в сферу сознания. Память характеризуется следующими качествами: скорость запоминания, скорость забывания, объем запоминания, длительность сохранения и точность сохранения. В литературе подчеркивается особая важность умения запоминать лишь строго необходимое и основательно забывать до поры до времени менее существенное и менее необходимое. В развитии избирательности памяти помогает просмотр библиографических изданий, реферативных журналов, соответствующих разделов систематических и справочных каталогов библиотек и др. Кроме того, развить память можно при использовании: упражнений, мнемических средств и др. [2, с. 6].

Наблюдательность является одним из основных условий успешности эмпирического исследования и представляет собой способность человека, проявляющуюся в умении подмечать существенные, характерные, в том числе и малозаметные, свойства предметов, явлений и процессов. Наблюдательность предполагает любознательность, пытливость и приобретает в жизненном опыте. Наблюдение включает элементы теоретического мышления (замысел, систему методических приемов, осмысление и контроль результатов) и количественные методы анализа (шкалирование, факторизацию данных и т. д.). Точность предустановленных рамок наблюдения зависит от состояния знаний в исследуемой области и поставленной задачи.

Между наблюдательностью и памятью существует определенная связь. Она выражается в том, что во всяком наблюдении есть сопоставление того, что исследуется, с тем, что известно. Наблюдательность связана с возможностью успешной настройки внимания на восприятие информации, относящейся к сознательной цели, и оно тем эффективнее, чем интенсивнее и продолжительнее. Развитие любознательности – важная задача формирования исследовательских установок и адекватного восприятия действительности.

Важную роль в процессе изысканий играет воображение – психический процесс создания образа предмета, ситуации путем перестройки имеющихся у людей представлений. С помощью ощущений, восприятия и мышления человек узнает о свойствах и связях вещей, процессов, закрепляя все это в памяти в виде образов. Именно образы, представления, удерживаемые памятью, являются тем строительным материалом, из которого формируются но-

вые образы – образы воображения. С воображением связаны догадки, интуиция, способность находить новые пути, способы решения задач. Основой воображения является чувственность, а мышление в нем играет программирующую роль, поскольку оно формирует цели и задачи исследовательской деятельности. Воображение способствует развитию творческих способностей, раскрывает творческую активность, гибкость мышления, интеллектуальный потенциал. Оно в процессе познания выполняет три важнейшие функции: а) познавательную, б) эвристическую, в) прогностическую. Деятельность воображения всегда соотносится с действительностью. Оно, осуществляя связь между чувственным и рациональным, способствует заполнению пробелов в познании, включается в состав ассоциаций, догадок и гипотез.

В процессе научной деятельности воображение выступает в единстве с мышлением. Его включение в процесс этой деятельности определяется степенью неопределенности проблемной ситуации, полнотой или дефицитом информации, содержащейся в исходных данных задачи. В практике выделяют три особых типа проблемных ситуаций: а) вообще отсутствует предшествующий опыт (решение такой задачи осуществляется перебором вариантов, методом проб и ошибок); б) имеется некоторый опыт, но объем его не позволяет решить задачу (ее решение лежит в создании на основе анализа настоящих условий не имевшейся ранее специальной схемы решения задачи); в) имеются различные виды опыта, схемы и стандартные формулы решения. Ситуация всегда содержит конфликт как проявление противоречия между тем, что имеется и тем, что нужно достичь. Однако она содержит не только конфликт, но и элементы, которые позволяют принять решение. Анализ проблемной ситуации позволяет расплести ее на известное и неизвестное (искомое), поставить цели и сформулировать задачи. Ю. К. Бабанский рекомендует следующую схему постановки и продвижения вопроса: Что неизвестно? Что дано? В чем состоит условие? Не встречалась ли раньше такая задача? Есть ли какая-нибудь родственная задача? Нельзя ли воспользоваться ею? Нельзя ли применить ее результат или использовать метод решения? [3]

Воображение тесно связано с интуицией. В психологии понятие «интуиция» трактуется как знание, возникающее без осознания путей и условий его получения, в силу чего исследователь имеет его как результат непосредственного умозрения. К ее свойствам относят внезапность, непосредственность с сопутствующим им простотой и изяществом решения. Интуиция есть умение связать известное с искомым, неизвестным. Она позволяет выходить за пределы наличного знания, переходить от знаний об одних предметах к знанию о других. Интуиция во многом зависит от силы воображения, способностей комбинировать, абстрагировать, принимать решение в условиях неопределенности.

Таким образом, у специалиста, занимающегося научно-исследовательской работой, должны быть развиты на достаточном уровне вышеназванные индивидуально-типологические качества, которые позволят ему успешно

решать поставленные задачи в области изыскательской деятельности.

Теоретико-методологическая составляющая компетентности начинающего исследователя включает: знание исследователем определенных методологических норм или правил научного познания; умение их применять в процессе решения изыскательских задач; способность к научному обоснованию, критическому осмыслению и творческому применению определенных концепций, форм и методов познания, управления и конструирования; владение основными исследовательскими подходами и др. [4, с. 86].

В структуру технологической компетентности начинающего исследователя входят: умение использовать целенаправленно мыслительные операции при проведении изыскания; умение творчески решать различные исследовательские задачи; умение сосредоточиваться на наиболее важных в данный момент времени проблемах; умение применять средства информатизации при решении исследовательских задач; умение осуществлять экспертизу; владение рациональными приемами и методами осуществления научного поиска; владение в совершенстве устной и письменной речью; целесообразный перенос полученных знаний в новые условия; соблюдение гигиены умственного труда и его целесообразная организация; разумное расходование своих физических и духовных сил; способность к адекватной оценке качества результатов выполненного исследования и др.

На основе междисциплинарных связей нами построен педагогический инструментальный формирования компетентности начинающего исследователя. Он предполагает согласование и преемственную реализацию двух типов задач: формирования компетентности и готовности к ее саморазвитию в области исследовательской и научно-практической деятельности. Под готовностью к саморазвитию компетентности начинающего исследователя мы понимаем его способность осуществлять целенаправленную и рефлексивную деятельность. Она связана с проектированием и реализацией качественных изменений своей личности как носителя компетентности в области проведения научной деятельности, преодолением барьеров (психологических, информационных, физических и др.) и соотносением полученных результатов с тенденциями развития современной науки и техники.

Особую роль в развитии качеств исследователя играет самообразование. Оно представляет собой целенаправленную деятельность, управляемую самой личностью, с целью повышения своей компетентности в области проведения исследовательских работ. Направление и содержание самообразования определяет сам исследователь в соответствии со своими потребностями и интересами (например, видом решаемой научно-исследовательской задачи, формированием исследовательских умений и др.).

Технология формирования компетентности начинающего исследователя включает мотивационно-целевой, информационно-содержательный, операционально-деятельностный, контрольно-преобразующий и рефлексивно-прогностический компоненты, обеспечивающие целостный процесс подготовки исследователя к изыскательской деятельности.

Научно-методическое сопровождение процесса формирования компетентности начинающего исследователя обеспечивает управление этим процессом. Оно включает различные учебно-методические и справочные материалы, компьютерную поддержку и др. В структуру педагогического инструментария входят интегрированный курс, технология его реализации и научно-методическое сопровождение.

Для доказательства полезности предложенной методики формирования основ самоорганизации в исследовательской деятельности студентов нами был разработан и реализован учебный курс «Основы психолого-педагогических исследований при разработке грантов, диссертаций, выпускных квалификационных работ в научной и научно-практической деятельности». Курс носил междисциплинарный характер, были подготовлены системы задач разного уровня сложности. К эксперименту были привлечены студенты 4–5 курсов дневного и вечернего обучения, магистранты и слушатели курсов повышения квалификации (общее количество 268 человек). Большинство участников

эксперимента (78–84 % по результатам проведенного опроса) признали его результативным.

1. Психологический словарь / авт.-сост. В. Н. Копорулина, М. Н. Смирнова, Н. О. Гордеева и др.; под общей ред. Ю. Л. Неймера. Ростов н/Д : Феникс, 2003. 640 с.

2. Егоров В. В., Скибицкий Э. Г. Организация и технология научного исследования. Новосибирск : ОАО «Новосиб. кн. изд-во», 2006. 426 с.

3. Бабанский Ю. К. Проблемы повышения эффективности педагогических исследований. М. : Педагогика, 1982. 192 с.

4. Скибицкий Э. Г. Формирование компетентности начинающего исследователя // Инновации в образовании. 2007. № 9. С. 80–89.

© Чечулина Н. А., Скибицкий Э. Г., Лихачев А. С., 2014

ДЕЛИМЯ МЕТОДИЧЕСКИМ ОПЫТОМ



Жесткова Е. А.

Опыт партисипативной организации образовательного процесса в Арзамасском филиале Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Зернина Е. В., Чурсина Ю. А.

Формирование профессиональных компетенций бакалавров-экономистов посредством интерактивных образовательных технологий

Маклаева Э. В.

О подготовке будущих учителей начальных классов к формированию и развитию пространственных представлений младших школьников

Филиппова Л. В.

Опыт разработки учебного курса «Речевое мастерство педагога»

**ОПЫТ ПАРТИСИПАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА
В АРЗАМАССКОМ ФИЛИАЛЕ
НИЖЕГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО**

**EXPERIENCE OF PARTICIPATORY
ORGANIZATION OF THE EDUCATIONAL
PROCESS AT ARZAMAS BRANCH
OF N. I. LOBACHEVSKY STATE
UNIVERSITY OF NIZHNI NOVGOROD**

В статье рассмотрены особенности организации образовательного процесса в условиях перехода отечественных вузов к так называемой субъект-субъектной образовательной парадигме. Представлены инновационные технологии организации образовательного процесса.

Ключевые слова: модель обучения, инновационные технологии, партисипативная организация, самостоятельная работа студентов.

The features of the organization of the educational process in the transition of national universities to the so-called subject-subject educational paradigm are considered. The innovative technologies of organization of the educational process are presented.

Keywords: learning model, innovative technologies, Participatory Organization, students' independent work.

Вследствие изменения образовательной парадигмы вуз должен формировать качественно новую образовательную среду, побуждающую студентов приобретать знания самостоятельно.

В рамках новой модели обучения организация учебной деятельности рассматривается сквозь призму проблемы становления и развития личности студента как полноправного субъекта этого процесса. Иными словами, перед преподавателем стоит задача организации процесса обучения, обеспечивающего субъектную позицию студента. Перевод студента в субъектную позицию приводит к следующим преобразованиям его деятельности: формированию социально ценной профессиональной и на ее основе познавательной мотивации учения, осознанию и определению перспективных и конкретных целей учебной деятельности, совершенствованию общеучебных умений и навыков в результате овладения учебными действиями, развитию рефлексивно-оценочных способностей студента. В условиях реализации новых образовательных стандартов высшего профессионального образования указанные результаты достигаются на основе партисипативной организации образовательного процесса, способствующей формированию отношений взаимной ответственности, сотрудничества, развития творческого отношения к учебе, повышения мотивации деятельности.

Основой реализации партисипативной организации образовательного процесса являются инновационные технологии, выбор которых зависит от ряда факторов, а именно: закономерностей и принципов образования; общих и конкретных образовательно-воспитательных задач; уровня мотивации, индивидуальных особенностей студентов; особенностей методики преподавания конкретной учебной дисциплины; взаимоотношений преподавателя и студента; материально-технического обеспечения, наличия оборудования, наглядных пособий, технических средств; особенностей личности преподавателя, его квалификации.

В подготовке будущих учителей начальных классов на факультете дошкольного и начального образования ННГУ им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал) применяют следующие виды современных образовательных технологий: технологии проектного, проблемного, модульного обучения, имитационные технологии обучения (неигровые и игровые), информационно-коммуникационные и дистанционные образовательные технологии. В учебной деятельности используются и такие формы работы, как диалоговая лекция, лекция-конференция, лекция-провокация, семинар-дискуссионная площадка, мозговой штурм, фокус-группа, кейс-стади. При проведении практических и семинарских занятий особое внимание уделяется деловым играм и ситуационным семинарам.

Под деловой игрой понимается процесс выработки и принятия решений ее участниками в условиях поэтапного многошагового уточнения необходимых факторов, анализа информации, дополнительно поступающей и вырабатываемой на отдельных шагах в процессе игры [1, с. 26–28]. Деловая игра направлена на решение комплексных задач усвоения нового, закрепление пройденного материала, развитие творческих способностей, формирование общеучебных умений. Она дает возможность студентам понять и изучить учебный материал с различных позиций. Среди модификаций деловых игр различают имитационные и ролевые игры. На практическом занятии можно имитировать деятельность какой-либо конкретной организации, предприятия, а также обстановки, условий, в которых осуществляется деятельность. Ролевые игры целесообразно использовать для отработки тактики поведения, действий.

Особую актуальность в подготовке будущих учителей начальных классов приобретает лекция-проблематизация, характерными особенностями которой являются диалог, обсуждение, высказывание собственных суждений, выбор позиции в процессе изучения методических средств [2, с. 112].

Рассмотрим технологию организации одной из таких лекций со студентами 4 курса по теме «Формирование у младших школьников умения ставить и решать орфографические задачи. Методика подготовки предполагает изложение материала в соответствии с планом, который выстраивает сам преподаватель: понятие орфографической задачи; этапы обучения детей постановке и решению задачи; приемы, способствующие обучению детей постановке и решению задачи; трудности учащихся в овладении данным умением и способы их предупреждения. Для решения поставленных задач преподаватель должен постараться создать ситуацию совместной деятельности. Студентам следует предложить восстановить собственный школьный опыт в процессе письма: выбрать варианты правильного написания или проанализировать письменные детские работы (диктант, сочинение, изложение) на предмет поиска орфографических ошибок. Так, при анализе орфографических ошибок, допущенных младшими школьниками в диктанте, студенты выясняют, что наиболее распространенными являются ошибки в написании безударных гласных в корне слова. У них появляются вопросы: почему ребята чаще всего допускают именно эти ошибки в словах? Почему младшие школьники не могут применять правило в процессе письма? Что поможет ребенку писать грамотно: правило или какие-то действия? Что же это за действия? Как учителю организовывать совместную деятельность, чтобы ребята вышли на необходимость выполнения определенных действий, которые приведут к грамотному письму? В последнем вопросе зафиксирована проблема в организации обучения детей, которая станет предметом осмысления и построения собственно образовательной деятельности на лекции, а затем и на практическом занятии. Сформулировав вопросы, студенты активно участвуют в построении проблемного поля и в вычленении проблемы, предлагают пути ее решения. Избранная методика дает возможность студенту стать субъектом обучения, приобрести новые знания, овладеть новыми способами действия.

Одним из методов, активно используемых в подготовке студентов факультета дошкольного и начального образования, является метод *case-study*, или метод конкретных ситуаций (от английского «*case*» – случай, ситуация) – метод активного проблемно-ситуационного анализа, основанный на обучении путем решения конкретных задач – ситуаций [3]. В процессе работы с кейсами на семинарских занятиях студентам предлагают описывать свою практику, фиксировать затруднения, возникающие при вхождении в профессию. Причем студенты не только описывают конкретные случаи из своей практики, но и предлагают методические рекомендации по решению кейса. При этом осваивается методика составления кейса, происходит осмысление и решение ситуаций, возникающих в практической деятельности.

Особое место среди современных образовательных технологий занимают информационно-коммуникационные. Это связано прежде всего с тем, что роль преподавателя как транслятора знаний неуклонно снижается. Студент получает большую часть сведений из Интернета. В этих условиях преподаватель из транслятора знаний должен стать транслятором смыслов.

Информационные ресурсы применяются преподавателями факультета практически на всех этапах учебного процесса: при подготовке теоретического материала, при создании информационно-методического обеспечения по дисциплине, при разработке демонстрационных материалов для занятия, при проверке знаний. Сетевые технологии используются для предоставления электронных версий учебных изданий, полнотекстовых баз лекционных материалов, электронных версий периодических изданий, информационно-справочных и библиографических баз данных, видеоконференций, электронной почты.

Преподаватели факультета дошкольного и начального образования Арзамасского филиала ННГУ в настоящее время разрабатывают сетевой электронный учебно-методический комплекс по методике преподавания русского языка и литературного чтения, основная цель которого – создание информационно-образовательной среды, способствующей повышению эффективности процесса обучения.

Материал комплекса структурирован на модульной основе с использованием внутренних связей материала, с планированием деятельности обучающихся (студентов). Такое построение обусловлено рядом преимуществ: четкостью в структурировании и подаче материала, быстротой и удобством навигации и возможностью в динамическом режиме иллюстрировать учебный материал конкретными примерами [4, с. 60]. Следует отметить проблемность в изложении материала, использование объяснительного принципа вместо описательного. При этом знания не просто сообщаются, а показываются пути, которые привели к данным выводам. Проблемные ситуации ставят обучающегося перед необходимостью анализировать расчетные параметры, устанавливать причинно-следственные связи. В инвариантную часть комплекса включены учебные элементы, посвященные новым технологиям.

Предлагаемый комплекс предназначен для студентов третьего-четвертого курсов, обучающихся по направлению «Педагогическое образование», и может быть использован для самостоятельного и дистанционного обучения. Он включает три модуля: «Методика языкового образования и речевого развития», «Методика правописания и культуры письма», «Методика литературного чтения и работы с детской книгой». Каждый из них состоит из системы занятий. Так, модуль «Методика языкового образования и речевого развития» состоит из десяти занятий, модуль «Методика правописания и культуры письма» – из пяти, модуль «Методика литературного чтения и работы с детской книгой» – из шести. В разрабатываемом комплексе мы пытаемся объединить возможности текстового редактора, электронной почты, электронных журналов, поисковых систем и многих других атрибутов современной компьютерной технологии. Структурными компонентами каждого модуля являются текстовая страница, веб-страница, ссылка на файл или веб-страницу, книга, пояснение, рабочая тетрадь, лекция, форум, чат, упражнение, семинар, тест, вебинар.

Создание качественных обучающих программ, учебно-методических комплексов и учебных пособий для студентов – это сложный, довольно трудоемкий процесс, требующий ресурсных, временных, материальных затрат. Однако

нужно помнить, что использование информационных технологий в образовательном процессе значительно расширяет возможности преподавателя, предоставляя большую свободу для творческого поиска новых методов и приемов обучения.

Таким образом, знание и грамотное применение инновационных технологий как основы партисипативной организации образовательного процесса создают условия для самостоятельного приобретения студентами знаний, дают возможность постоянно получать объективную информацию о результатах своей познавательной деятельности, приобретать организаторский, управленческий, коммуникативный опыт.

1. Денисова К. Г. Примшиц В. В. Деловые игры в организации учебного процесса при повышении квалификации

УДК 338: 378.47: 372.833

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ БАКАЛАВРОВ-ЭКОНОМИСТОВ ПОСРЕДСТВОМ ИНТЕРАКТИВНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Статья предлагает анализ интерактивных методов обучения, используемых в ходе преподавания дисциплины «Комплексный анализ хозяйственной деятельности предприятия» и способствующих эффективному формированию профессиональных компетенций студента по направлению бакалавриата 080100.62 Экономика.

Ключевые слова: интерактивные методы обучения, компетентностный подход, профессиональная компетенция, высшее образование, комплексный анализ хозяйственной деятельности предприятия, эвристическая беседа.

Современное общество ориентирует высшие учебные заведения на подготовку экономически мобильного выпускника, готового к деятельности в условиях открытой мировой рыночной экономики. В этом контексте реализация современных интерактивных способов обучения является необходимым условием эффективной образовательной деятельности вуза. Вуз придает особое значение созданию условий и механизмов внедрения современных информационных и коммуникационных технологий преподавания, являющихся основой реализации компетентностных стандартов.

Интерактивные образовательные технологии, в основе которых лежат «принципы деятельностной активности, партнерского взаимодействия и единства познавательной, исследовательской и будущей профессиональной деятельности» [1, с. 77–78], активизируют коллективную деятельность студентов, являющихся участниками мини-

работников // Инновационные образовательные технологии. 2012. № 4(32). С. 26–30.

2. Переход к открытому образовательному пространству. Ч. I. Феноменология образовательных инноваций: коллективная монография / под ред. Г. Н. Прокументовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 484 с.

3. Кейс-метод. Окно в мир ситуационной методики обучения (case-study). URL: <http://www.casemethod.ru> (дата обращения 19.10.2014).

4. Соколова Э. Я. Сетевой электронный учебно-методический комплекс как образовательный ресурс для обучения профессиональному английскому языку (для студентов технических вузов) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 4. С. 59–63.

© Жестокова Е. А., 2014

*Е. В. Зернина, Ю. А. Чурсина
E.V. Zernina, Yu.V. Chursina*

MOULDING ECONOMISTS' PROFESSIONAL COMPETENCE THROUGH INTERACTIVE EDUCATIONAL TECHNOLOGIES

The article suggests interactive methods to be used while teaching complex analysis of the enterprise's economical activity as a means to ensure professional competence of the students getting their Bachelor's degree in Economics.

Keywords: interactive teaching methods, competence approach, professional competence, higher education, complex analysis of the enterprise's economical activity, heuristic discussion.

проектов, деловых игр и проблемных ситуаций, и позволяют «обогащать опыт и добыть через учебную деятельность те компетенции социального взаимодействия, которые затем могут оказаться необходимыми в будущей профессиональной и социальной жизни» [2, с. 135].

Среди ключевых компетенций, связанных с социальными функциями современного экономиста (ФГОС ВПО по направлению бакалавриата 080100.62 Экономика), называют профессиональные компетенции, которые способствуют развитию умений анализировать социально-значимые экономические проблемы и процессы общества и отдельного предприятия и прогнозировать их развитие в будущем, такие как:

– способность осуществлять сбор, анализ и обработку данных, необходимых для решения поставленных экономических задач (ПК-4);

– способность выбрать инструментальные средства для обработки экономических данных в соответствии с поставленной задачей, проанализировать результаты расчетов и обосновать полученные выводы. Формирование этих компетенций (ПК-5);

– способность анализировать и интерпретировать финансовую, бухгалтерскую и иную информацию, содержащуюся в отчетности предприятий различных форм собственности, организаций, ведомств, и использовать полученные сведения для принятия управленческих решений (ПК-7).

Формирование компетенций анализа и интерпретации экономической информации оптимально при создании интерактивной обучающей среды, способствующей развитию познавательной активности обучающегося за счет развития когнитивных и психоэмоциональных качеств [3; 4], помогающей обеспечить нужный уровень индивидуализации обучения, а также контроля над самостоятельной работой студентов.

Одна из дисциплин профессионального цикла – «Комплексный анализ хозяйственной деятельности предприятия» – нацелена на формирование системы знаний о методах и средствах, используемых при анализе и диагностике финансово-хозяйственной деятельности предприятия, а также при выявлении резервов повышения эффективности деятельности предприятия. В соответствии с компетентностным подходом, в ходе освоения данной дисциплины студент, помимо общей совокупности знаний о методиках, позволяющих выполнить комплексный финансовый анализ, должен иметь соответствующий уровень умений практического использования основных методов и приемов анализа для оценки ликвидности, финансовой устойчивости, деловой активности и диагностики банкротства предприятия.

Рассмотрим процесс формирования перечисленных профессиональных умений при изучении второго модуля дисциплины «Методика проведения комплексного финансового анализа предприятия». Дисциплинарная часть компетенции, уточняющая требования к результатам освоения дисциплины, предполагает приобретение студентами способности анализировать и интерпретировать финансовую, бухгалтерскую и иную информацию, содержащуюся в отчетности предприятий различных форм собственности, и использовать данные анализа для принятия управленческих решений для повышения эффективности использования имеющихся у предприятия ресурсов.

Исходя из содержания теоретического материала данного модуля интерактивные элементы используются с целью проблематизации обучения и обеспечения промежуточного контроля выполнения заданий. Лекционная часть этого модуля включает эвристические методы обучения, которые позволяют вывести студентов на уровень идентификации и уровень применения усвоенной информации на практике. Ценность этих занятий заключается в том, что студенты самостоятельно добывают новые знания, учатся их применять, исходя из имеющегося опыта, при этом задача педагога – подвести к принятию верного логически обоснованного решения. Такие лекционные занятия способствуют формированию личностно обоснованной точки зрения за счет разбора конкретных ситуаций, которые со-

держат достаточную информацию для ее оценки. Обсуждение ситуации может использоваться как в качестве своеобразного пролога к последующей части лекций, так и для повторения и обобщения изученного материала.

Общение в ходе обсуждения ситуаций побуждает студентов искать различные способы для выражения своей мысли, повышает восприимчивость к новым сведениям и способствует активизации мышления. В частности, при изучении темы «Анализ формирования и размещения капитала предприятия», которая является вводной в рассматриваемом модуле, используются формы годовой бухгалтерской отчетности (далее «ГБО») Ф-1 «Бухгалтерский баланс» и Ф-2 «Отчет о прибылях и убытках». Основой для приобретения новых знаний в данном случае являются знания, полученные в ходе изучения дисциплины «Бухгалтерский учет и анализ», на которой студенты уже приобрели навыки составления бухгалтерской отчетности. Основываясь на этих знаниях, преподаватель предлагает студентам использовать данные форм ГБО для целей финансового анализа как способа управления эффективностью работы предприятия: происходит повторение состава и структуры активов и пассивов предприятия с акцентом на то, что в активах прописываются средства предприятия, а в пассивах – источники формирования этих средств. Зная формы ГБО, студенты осмысливают значимость записанной в данных отчетах информации, применяемой для вторичных целей, а именно для выполнения комплексного финансового анализа предприятия. Освоение навыков анализа происходит в следующей последовательности:

1. Разбор ситуации с использованием метода эвристической беседы, при котором с помощью проблемно поставленных вопросов, на основе имеющихся знаний о ГБО и личного жизненного опыта студенты приходят к новым для себя выводам.

2. Определение параметров для составления баланса семьи (при беседе преподаватель записывает все озвученные данные на аудиторной доске). Ход такой беседы включает следующие вопросы и возможные варианты ответа на них:

– Представьте, что нам нужно составить баланс семьи. Определим активы семьи и источники их финансирования. Что у семьи есть в собственности?

– За счет каких средств приобретено это имущество? Почему этот вопрос важен?

– Каков месячный доход семьи, и какие планы составляются ежемесячно, как правило, в день получения дохода (зарплаты)?

– Что будет, если мы за кредит заплатим в день получения дохода, а коммунальные оплатим на следующий день?

– Представьте, что в день получения дохода также будут сделаны определенные запасы продуктов, даны деньги в долг другу и куплен подарок близкому человеку. Определите сумму по каждой из этих категорий затрат.

Предположим, что в процессе беседы были определены следующие показатели для составления баланса: семья владеет квартирой стоимостью 2 млн руб. и автомобилем – 600 000 (квартира выкуплена у банка, а за автомобиль на данный момент выплачено 240 000 руб., так как

ДЕЛИМСЯ МЕТОДИЧЕСКИМ ОПЫТОМ

120 000 руб. будет выплачено в текущем году, оставшиеся 240 000 – в течение последующих двух лет); месячный доход семьи – 60 000 руб. Ежемесячная плата банку за автомобиль 10 000 руб. (120 000 руб./12 мес.), коммунальные платежи и услуги связи составляют 8 000 руб. Сделаны запасы продуктов на 5 000 руб., даны деньги в долг 4 000 руб. и куплен подарок на 2 000 руб.

1. Сейчас у нас достаточно данных, чтобы составить баланс семьи на конец дня, когда был получен доход (см. таблицу). Назовите основные признаки активов.

Баланс семьи на день получения дохода

АКТИВ		ПАССИВ	
Внеоборотные активы	2 600 000 (2 000 000+ 600 000)	Капитал и резервы (собственные средства)	2 290 000 (2 000 000 + 250 000 + 31 000 + 5 000 + 4 000)
Оборотные активы в т.ч.:	48 000	Долгосрочные обязательства	240 000
Запасы	5 000	Краткосрочные обязательства, в т.ч.:	118 000
Дебиторская задолженность	4 000	Займы и кредиты	110 000
Деньги	39 000	Кредиторская задолженность	8 000
БАЛАНС	2 648 000	БАЛАНС	2 648 000

2. Что будет прописано в разделе I «Внеоборотные активы» и разделе II «Оборотные активы»?»

3. Докажите, что те деньги, на которые был куплен подарок, никак не отразятся в активах предприятия.

4. Назовите главные признаки пассивов. Что мы запишем в разделы «Капитал и резервы», «Долгосрочные обязательства», «Краткосрочные обязательства».

5. Глядя на таблицу, сделайте вывод, почему баланс по пассивам всегда равен балансу по активам?

6. Какие активы можно назвать основными при оплате своих долгов? Аргументируйте свой ответ.

7. Наличие достаточных средств в активах обеспечивает нашу ликвидность, т. е. нашу способность своевременно и в полном объеме платить по своим долгам – это юридический аспект баланса. Почему мы, говоря о ликвидности, имеем в виду именно юридический аспект?

8. Просмотрев составленный баланс, перечислите источники финансирования деятельности предприятия?

9. Наличие достаточных собственных средств и эффективное их вложение обеспечивает нашу результативную работу и независимость от внешних источников финансирования нашей деятельности, говоря профессиональным языком – нашу финансовую устойчивость. Это экономический аспект баланса. Почему мы, говоря о финансовой устойчивости, имеем в виду экономический аспект?

10. Сделайте вывод в данном конкретном случае: можно ли сказать, что семья ликвидна и финансово устойчива или нет? Аргументируйте свой ответ.

11. Что будет, если квартира тоже была куплена в кредит, и на момент анализа была бы выплачена только треть суммы?

Разбор ситуации с использованием эвристических вопросов позволяет вывести студентов на несколько взаимосвязанных уровней обучения:

1) уровень идентификации – составление баланса семьи позволяет воспринимать баланс не только как форму ГБО, но и как источник данных для комплексного финансового анализа;

2) уровень репродукции – осмысление значения баланса для финансового анализа помогает понять и выделить особенности изучаемого предмета;

3) уровень применения усвоенной информации на практике – в конце беседы студенты готовы на основе составленного баланса определить ликвидность и финансовую устойчивость семьи;

4) уровень трансформации, позволяющий студенту ориентироваться в новых ситуациях (при выполнении финансового анализа любого предприятия по формам его ГБО) и вырабатывать программу действий.

Для формирования устойчивого навыка проведения комплексного анализа каждый студент работает с формами ГБО различных предприятий и рассматривает, кроме основных, обсуждаемых на лекциях, разработанные финансовыми и государственными институтами методики проведения анализа хозяйственной деятельности предприятий различных форм собственности. Часть анализа планируется как самостоятельная работа студентов и включает изучение основных направлений финансового анализа в рамках индивидуальных заданий: ликвидности, финансовой устойчивости, деловой активности по показателям оборачиваемости, деловой активности по показателям рентабельности и диагностики банкротства предприятия.

В конце изучения модуля запланировано выполнение анализа по комплексной методике, которая охватывает все стороны финансового анализа. Как правило, используется «Методика правил» для проведения финансового анализа арбитражными управляющими, утвержденная Постановлением Правительства РФ от 25 июня 2003 г. № 367. По итогам выполненного анализа студентам предлагается вернуться к предыдущим выводам и определить наиболее оптимальную методику ликвидности среди рассмотренных.

Приведем пример выводов, к которым приходят студенты по итогам такого анализа.

«Был проведен комплексный анализ предприятия N. В первую очередь была применена классическая методика рейтинговой оценки платежеспособности предприятия: произведена группировка активов и пассивов за два года и проведен расчет коэффициентов, характеризующих кредитоспособность предприятия, а также оценка рейтинга предприятия, которая показала, что в 1-й год (сумма баллов 250) предприятие можно отнести ко 2-му классу платежеспособности, а во 2-й год ситуация улучшается, что вызывает сомнение ввиду недостаточности абсолютно ликвидных активов для погашения наиболее срочных обязательств. Это противоречит основному условию ликвидности бухгалтерского баланса предприятия, при невыполнении которого предприятие нельзя считать платежеспособным и кредитоспособным.

Анализ финансовых коэффициентов, характеризующих платежеспособность предприятия по методике, использу-

емой Сбербанком РФ, показал примерно те же результаты, что и классическая методика. Однако можно отметить некоторые противоречия, а именно ситуация во 2-й год на предприятии не лучше, чем в 1-й. Эти противоречия вызваны системой показателей, которые используются при оценке финансового состояния предприятия разными методиками.

Результаты анализа по методике Е. В. Неволной, особенностью которой является методологии расчета обобщающего показателя платежеспособности предприятия, в качестве которого выступает синтетический коэффициент кредитоспособности, свидетельствуют об удовлетворительном уровне его платежеспособности в 1-й год и о высоком уровне платежеспособности во 2-й год.

Для оценки платежеспособности необходимо также прогнозировать финансовое состояние предприятия в будущем. Для подкрепления анализа диагностикой вероятности банкротства предприятия можно применить модель Альтмана, анализ по которой показал, что в течение рассматриваемого периода вероятность банкротства предприятия можно расценивать как крайне низкую.

Помимо вышеперечисленных методик, для оценки финансового состояния предприятия был проведен анализ кредитоспособности по методике исследования денежных потоков (cash-flow) на основании отчетов о движении денежных средств предприятия за два года, который показал совершенно противоположные результаты, а именно, что предприятие не может быть признано платежеспособным в анализируемый период, поскольку положительный остаток денежных средств образуется только за счет чистых денежных средств от инвестиционной деятельности.

Как видно, каждая из вышеприведенных методик обладает достоинствами и недостатками. Основным достоинством методик рейтинговой оценки является их простота, а недостатком – неполнота охвата деятельности предприятия (поскольку для расчета практически всех показателей используются данные только бухгалтерского баланса), возможные противоречия при сопоставлении результатов. Основным достоинством методики анализа денежных потоков является возможность определения направлений использования денежных средств и путей их оптимизации, однако существенные недостатки данной методики заключаются в том, что она позволяет отслеживать динамику и направления использования только наиболее ликвидных активов и относительно трудоемка в подготовительном плане (в частности, при составлении отчета о движении денежных средств).

Сравнивая выводы по всем этим методикам с выводами, полученными при анализе по методике правил для арбитражных управляющих, которая выполняет комплексный финансовый анализ, мы видим, что фактическая ситуация на предприятии более соответствует методикам Сбербанка РФ и Cash-flow. Комплексная методика показала, что в анализируемом периоде предприятие не являлось абсолютно платежеспособным, финансово-устойчивым и обладало низкой деловой активностью.

Исходя из проведенного анализа, считаю, что методика, применяемая Сбербанком РФ, лучше всего подходит для оценки платежеспособности предприятия ввиду ее

простоты и попытки комплексного охвата деятельности предприятия».

Сравнительный анализ применяемых методик позволяет определиться с наиболее достоверной методикой, которая позволит эффективно заниматься управлением финансами в дальнейшей профессиональной деятельности, формирует у студентов «способность выбрать инструментальные средства для обработки экономических данных в соответствии с задачами анализа хозяйственной деятельности, проанализировать результаты расчетов и обосновать полученные выводы по анализу».

Для подведения итогов и промежуточного контроля над уровнем освоения материала в конце модуля рекомендуется проведение круглого стола с элементами мозгового штурма, где студенты делятся выводами, полученными в ходе сравнения изученных методик, и формулируют общие выводы, обобщающие результаты исследований группы. В ходе подготовки сравнительного анализа и группового обсуждения студенты получают навыки в решении следующих профессиональных задач, прописанных в Федеральном государственном образовательном стандарте (ФГОС) по направлению подготовки 080100 Экономика (квалификация (степень) «бакалавр»):

- поиск информации по полученному заданию, сбор и анализ данных, необходимых для проведения конкретных экономических расчетов;

- обработка массивов экономических данных в соответствии с поставленной задачей, анализ, оценка, интерпретация полученных результатов и обоснование выводов;

- построение стандартных теоретических и эконометрических моделей исследуемых процессов, явлений и объектов, относящихся к области профессиональной деятельности, анализ и интерпретация полученных результатов;

- анализ и интерпретация показателей, характеризующих социально-экономические процессы и явления на микро- и макроуровне как в России, так и за рубежом;

- подготовка информационных обзоров, аналитических отчетов.

Аттестация по модулю может проводиться в форме дисциплинарной олимпиады, участниками которой выступают все студенты группы. На первом этапе предлагается решить тестовое задание, которое направлено на проверку знаний методик анализа ликвидности, финансовой устойчивости, деловой активности и рентабельности предприятия, диагностики банкротства предприятия. На втором этапе, на основании данных ГБО предприятия, студентам предстоит провести комплексную оценку финансового состояния предприятия (студент сам должен выбрать методики для анализа) и определить резервы улучшения финансовых показателей с рекомендациями по улучшению финансового состояния предприятия.

Задания итоговой аттестации, как и участие во внеаудиторной научно-исследовательской работе кафедры в рамках исследований предприятий металлургической отрасли, сельского хозяйства и сферы услуг по теме «Финансовый анализ в отраслях и сферах деятельности» закрепляют и контролируют навыки дисциплинарной части компетенций ПК-4 и ПК-5, при этом студенты стабильно

демонстрируют высокий уровень умений анализировать социально-значимые экономические проблемы и процессы, прогнозировать их развитие в будущем.

Внедрение интерактивных технологий обучения, формирование профессионально востребованных комплексных умений сбора данных, их анализа и интерпретации являются необходимой частью образовательного процесса в рамках современных требований ФГОС и способствуют достижению поставленной цели – подготовки выпускника-экономиста, способного интерпретировать изучаемое явление в соответствии с собственными действиями, демонстрировать высокий уровень качества знаний при промежуточной и итоговой аттестации; проявляющего желание и готовность к квалифицированной профессиональной деятельности в рамках современных социально-экономических реалий.

1. Бекирова Р. С., Рыков С. П. Интерактивные технологии обучения в контексте компетентностного подхода

УДК 82.09

О ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ К ФОРМИРОВАНИЮ И РАЗВИТИЮ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

В качестве одного из важных направлений реализации развивающей функции обучения, в частности, обучения математике, следует назвать развитие мышления, интуиции, воображения обучающихся. Пространственное мышление, будучи разновидностью образного, обеспечивает свободу и легкость создания образов и оперирования ими и является одним из важных качеств личности. Наиболее успешно процесс развития пространственного мышления проходит в младшем школьном возрасте. В статье охарактеризованы возможные направления совершенствования профессиональной подготовки студентов к формированию и развитию пространственных представлений младших школьников.

Ключевые слова: пространственные представления, студент, математика, формирование, развитие, младший школьник.

Целью обучения сегодня является не только овладение знаниями, умениями и навыками, но и формирование ведущих качеств личности школьника. Одним из таких качеств является творческая, познавательная активность, которая проявляется в направленности и устойчивости познавательных интересов, стремлении к эффективному овладению знаниями и способами деятельности, в мобили-

зации волевых усилий на достижение учебно-познавательной цели. В качестве одного из важных направлений реализации развивающей функции обучения, в частности, обучения математике, следует назвать развитие мышления, интуиции, воображения обучающихся. Внедрение новых форм и методов обучения имеет конечной целью создание благоприятных условий для развития творческо-

в образовании // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2010. № 1. С. 77–84.

2. Макаренко О. В. Интерактивные образовательные технологии в вузе // Высшее образование в России. 2012. № 10. С. 134–139.

3. Зимняя И. А. Педагогическая психология: учебник для вузов. Изд. 2-е, доп., испр. и перераб. М.: Издат. корпорация «Логос», 2000. 384 с. Портал Московского городского психолого-педагогического университета. URL: <http://www.psychlib.ru/mgppu/zim/zim-001-.htm> [дата обращения 11.03.2014]

4. Свалов Е. А. Электронный учебник как средство обеспечения продуктивного типа познавательной деятельности учащегося // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. Т. 75. № 2. С. 62–70.

© Зернина Е. В., Чурсина Ю. А., 2014

Э. В. Маклаева
E. V. Maklayeva

ABOUT FUTURE PRIMARY SCHOOL TEACHERS' TRAINING FOR THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF PRIMARY SCHOOL STUDENTS' SPATIAL CONCEPTS

The development of thinking, intuition, and imagination of students should be named among the important directions of realization of developing learning function, in particular in learning mathematics. Spatial thinking, being a variety of figurative thinking and providing freedom and ease of creating images and operating them, is one of the most important qualities of the person. The most successful development of spatial thinking takes place in the early school years. The possible ways of improving university students' training for the formation and development of primary school students' concepts are described in the article.

Keywords: spatial concepts, student, mathematics, formation, development, primary school student.

зации волевых усилий на достижение учебно-познавательной цели. В качестве одного из важных направлений реализации развивающей функции обучения, в частности, обучения математике, следует назвать развитие мышления, интуиции, воображения обучающихся. Внедрение новых форм и методов обучения имеет конечной целью создание благоприятных условий для развития творческо-

го мышления личности с учетом ее интересов и способностей. Как считают психологи, творческое мышление тесно связано с воображением, а такой его компонент, как интуиция имеет непосредственную связь с геометрическими представлениями, с визуальным (образным) мышлением.

Пространственное мышление, будучи разновидностью образного, обеспечивает свободу и легкость создания образов и оперирования ими и является одним из важных качеств личности. Эти обстоятельства требуют осуществления формирования и развития пространственных представлений обучаемых как школе, так и в вузе. Наиболее успешно этот процесс проходит в младшем школьном возрасте и, естественно, что будущий учитель начальных классов должен получить необходимую подготовку к руководству данным процессом еще в ходе обучения в вузе [1, с. 25].

В настоящее время существует противоречие между психологической готовностью младших школьников к формированию и развитию у них пространственных представлений, возможностью использования пропедевтического курса для решения этой проблемы и отсутствием в педвузе необходимой целенаправленной подготовки студентов к руководству данным процессом. В результате анализа состояния названной подготовки учителей начальных классов, изучения и обобщения опыта работы преподавателей вузов были выявлены следующие возможные направления совершенствования подготовки будущих учителей начальных классов к формированию пространственных представлений младших школьников:

1. Развитие пространственных представлений студентов в процессе изучения вузовского курса математики.

2. Вооружение студентов знаниями и умениями, лежащими в основе методики формирования и развития пространственных представлений младших школьников.

С одной стороны, необходимость реализации данных направлений объясняется установлением связи курса методики обучения математике в начальных классах с вузовским курсом математики. Изучая вопросы математики, важно показать студентам, что полученные ими знания в области геометрии являются основой для овладения методикой формирования и развития пространственных представлений младших школьников в процессе их обучения в школе. Будущие учителя должны понимать ту роль, которую будут играть развитые пространственные представления для успешного разрешения данной проблемы. С другой стороны, должна осуществляться связь курса методики преподавания математики с курсом математики для начальных классов, который непрерывно совершенствуется за счет распространения передового опыта, внедрения в школе результатов научно-методических исследований. Актуальными являются исследования, связанные с созданием и внедрением в школьную практику пропедевтических курсов геометрии, усилением геометрической составляющей в различных учебниках математики для начальной школы. Основной целью изучения геометрического материала в начальных классах является развитие пространственных представлений школьников и рассмотрение окружающего мира с геометрических позиций. Таким образом, выделенные направления находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости.

Для реализации первого направления нами отобрано математическое содержание, в процессе изучения которого осуществляется развитие пространственных представлений студентов; выделены и охарактеризованы основные типы упражнений, ориентированных на развитие пространственных представлений; рассмотрено выполнение методических условий, способствующих развитию пространственных представлений студентов; выявлены некоторые методические приемы их реализации при изучении выделенного содержания и решении упражнений данных типов.

При отборе содержания математической подготовки будущего учителя к формированию и развитию пространственных представлений младших школьников мы руководствовались общими критериями отбора содержания учебного материала, представленными в педагогической и методической литературе, а также учитывали результаты исследований, в которых формирование и развитие пространственных представлений в процессе обучения математике являлось основной целью. С этих позиций предлагается построить стереометрическую часть раздела «Элементы геометрии», который включен в программу по математике для студентов факультетов подготовки учителей начальных классов:

1. Взаимное расположение прямых и плоскостей в пространстве. Параллельность и перпендикулярность в пространстве. Углы в пространстве.

2. Многогранники и тела вращения. Теорема Эйлера о многогранниках.

3. Методы изображения пространственных фигур на плоскости.

4. Построения в пространстве. Построения на изображениях многогранников.

5. Геометрические преобразования на плоскости и в пространстве.

Упражнениями, ориентированными на развитие пространственных представлений обучаемых, мы называем такие упражнения, решение которых способствует формированию и развитию комплекса действий, составляющих содержание понятия пространственных представлений и характеризующих их сформированность. Виды деятельности, лежащие в основе процесса формирования и развития пространственных представлений при обучении математике – узнавание, воспроизведение, оперирование образами геометрических объектов и конструирование новых образов – были положены в основу разработки типологии таких упражнений. К упражнениям I-го типа мы отнесли упражнения на исследование свойств геометрических объектов (узнавание); к упражнениям 2-го типа – упражнения на изображение геометрических объектов с помощью модели, рисунка, чертежа и построения на изображениях (воспроизведение); к упражнениям 3-го типа – упражнения на выполнение геометрических преобразований на плоскости и в пространстве (оперирование); к упражнениям 4-го типа – упражнения на конструирование новых пространственных образов (конструирование).

Практика обучения показала, что выполнение общих условий формирования и развития пространственных представлений, использование некоторых специальных

методических приемов их реализации, не только способствует развитию пространственных представлений студентов, но и создает предпосылки для овладения будущими учителями общеметодическими умениями по их применению в дальнейшей работе в школе, т. е. обеспечивает профессионально-педагогическую направленность курса.

Реализовать второе направление совершенствования подготовки студентов к формированию и развитию пространственных представлений младших школьников мы предлагаем посредством введения курса по выбору «Формирование и развитие пространственных представлений младших школьников в процессе обучения математике», изучение которого поможет систематизировать, углубить и расширить знания и умения студентов в этой области.

Анализ психолого-педагогической и научно-методической литературы позволил определить основные знания и умения, которые должен получить студент в ходе изучения предлагаемого раздела. В процессе методической подготовки студенты имеют возможность получить знания содержания и структуры деятельности по формированию пространственных представлений, закономерностей их формирования и развития в процессе обучения математике; знание различных направлений решения данной проблемы, представленных в научно-методической литературе; знание методических условий формирования и развития пространственных представлений в процессе обучения математике; знание психологических и методических особенностей формирования пространственных представлений у младших школьников; знание различных подходов к изучению геометрического материала, представленных в существующих учебниках математики для начальной школы; знание основных принципов, направлений, методов и средств формирования пространственных представлений у учащихся начальных классов. Студенты овладевают умениями анализировать различные учебники математики для начальной школы с целью выявления возможностей формирования и развития пространственных представлений материала; владеть методическими приемами и средствами формирования и развития пространственных представлений у младших школьников; составлять упражнения, направленные на формирование и развитие пространственных представлений младших школьников, и использовать их в процессе обучения; диагностировать пространственные представления младших школьников и др.

В содержание курса целесообразно включить следующие вопросы:

1. Понятие пространственных представлений. Специфика формирования пространственных представлений в процессе обучения математике.
2. Варианты решения проблемы формирования пространственных представлений обучаемых.
3. Особенности формирования пространственных представлений у детей младшего школьного возраста.
4. Различные подходы к изучению геометрического материала в существующих учебниках математики для начальной школы.
5. Направления, принципы, методические приемы и средства формирования пространственных представ-

лений младших школьников, используемые в процессе изучения элементов геометрии в курсе математики для начальных классов [2].

В программу спецкурса, кроме лекционных, введены семинарские и практические занятия, на которых студенты включаются в соответствующую деятельность, структура и операционный состав которой определяются темами занятий спецкурса.

Семинарские занятия посвящены обсуждению теоретических проблем. На каждом занятии заслушивается несколько докладов продолжительностью приблизительно десять минут. Затем проводится обсуждение докладов, на котором участники семинара дополняют докладчиков. Каждый участник семинара представляет соответствующим образом оформленный текст доклада. Материалы для докладов студенты отбирают из журналов «Вопросы психологии», «Педагогика», «Математика в школе», «Начальная школа», «Квант», «Математика» (приложение к газете «1 сентября») и другой рекомендованной преподавателем литературы, в Интернете, а также накапливают на педагогических практиках. Тематика докладов со студентами согласуется заранее.

Практические занятия посвящены анализу и созданию условий, использованию методических приемов и дидактических средств, а также рассмотрению основных видов задач, направленных на формирование и развитие пространственных представлений младших школьников. На этих занятиях студенты ставятся в условия, имитирующие деятельность учителя на уроке.

При подготовке к занятиям студенты проводят сравнительный анализ действующих программ по математике для начальной школы с целью выделения тем, которые, по их мнению, целесообразно использовать для формирования и развития пространственных представлений школьников. Далее осуществляется разработка фрагментов уроков или внеклассных мероприятий по выбранным темам, для чего студенты подбирают упражнения, занимательный и исторический материал, дидактические игры, изготавливают средства наглядности и т. д. Подбору необходимых заданий, занимательных материалов, изготовлению наглядных пособий, разработке фрагментов уроков и внеурочных занятий предшествует самостоятельный анализ содержания учебного материала.

На занятиях студенты инсценируют подготовленные фрагменты, которые могут быть посвящены использованию тех или иных видов задач; использованию демонстрационного и индивидуального дидактического оснащения; использованию тех или иных специальных методических приемов, дидактических игр, занимательных задач, ребусов, загадок; формированию пространственных представлений при организации самостоятельной работы учащихся, ее проверке, при формировании навыков самоконтроля; формированию пространственных представлений при организации внеклассной работы и т. п. После просмотра фрагментов уроков и внеклассных мероприятий под руководством преподавателя проходит их обсуждение.

На занятиях курса по выбору необходимо организовать деятельность студентов таким образом, чтобы она способствовала развитию их мышления. Для этого можно

использовать конкретные проблемные ситуации, взятые из опыта профессиональной деятельности. В зависимости от дидактических целей и особенностей содержания материала в учебном процессе могут быть применены различные виды ситуаций: ситуация-иллюстрация (на конкретных примерах из практики демонстрируется эффективность использования определенных приемов, методов, способов обучения); ситуация-оценка (студентам предлагается описать конкретное событие и принятие мер); ситуация-упражнение (студенты делятся на группы по 3–5 человек, изучают ситуацию, обращаются к специальным источникам информации, литературе, справочникам, проводят исследовательскую работу, они вырабатывают план действий, проекты решений, прогнозы конечного результата); ситуация-проблема (студентам предлагается для решения задача, которая реально стояла или стоит на практике).

Приведем пример ситуаций каждого вида, которые можно использовать в методической подготовке студентов к формированию пространственных представлений младших школьников.

В качестве ситуации-иллюстрации можно рассмотреть решение задачи, ориентированной на формирование пространственных представлений младших школьников, с подробным разбором всех этапов формирования пространственных представлений в процессе деятельности визуального мышления: перевод условия задачи в визуальную информацию, ее анализ, выявление стандартов, получение дополнительной информации и т. д.

Ситуация-оценка создается при проведении студентами перед группой фрагмента урока, на котором осуществляется формирование пространственных представлений школьников, решения задачи того или иного типа, ориентированной на развитие пространственных представлений и т. п.

В качестве ситуаций-упражнений и ситуаций-проблем могут использоваться следующие задания:

1. Продумайте руководство деятельностью учащихся на различных этапах решения задачи, ориентированной на развитие пространственных представлений младших школьников.

2. Подготовьте фрагмент опорного конспекта, который может быть использован при решении задач, ориентиро-

ванных на формирование пространственных представлений младших школьников, того или иного типа.

3. Разработайте план решения задачи, ориентированной на развитие пространственных представлений младших школьников, того или иного типа. Дайте характеристику деятельности учителя и учащихся на каждом этапе решения задачи.

4. Составьте конспект урока, основной целью которого является формирование и развитие пространственных представлений младших школьников.

Использование таких заданий в процессе изучения курса предполагает анализ педагогических ситуаций, проигрывание фрагментов уроков в аудитории, обращение к литературным источникам, выработку плана действия со стороны учителя начальных классов, способствует формированию определенного стиля мышления учителя, характеризующегося проникновением в мыслительную деятельность ребенка, пониманием процессов, происходящих в его сознании, учетом личности ученика.

Такое построение занятий курса по выбору позволит студентам не просто усвоить отдельные теоретические сведения, методические приемы и средства формирования пространственных представлений у младших школьников, но и осмыслить и усвоить общепедагогические закономерности этого процесса, его технологию.

Опыт показывает, что целенаправленное внедрение в практику обучения разработанных направлений способствует повышению качества общей математической и методической подготовки будущих учителей начальных классов, а также подготовке их к формированию пространственных представлений младших школьников и развитию творческих способностей студентов.

1. Маклаева Э. В. Структура деятельности формирования пространственных представлений в процессе обучения математике // Школа будущего. 2012. № 1. С. 23–29.

2. Маклаева Э. В. Реализация развивающей функции обучения математике в начальной школе // Нижегородское образование. 2011. № 4. С. 116–120.

© Маклаева Э. В., 2014

**ОПЫТ РАЗРАБОТКИ УЧЕБНОГО КУРСА
«РЕЧЕВОЕ МАСТЕРСТВО ПЕДАГОГА»**

В статье раскрываются цель и задачи курса, логика его построения, методические средства. Предлагаются задачи и упражнения, обеспечивающие его успешное освоение студентами.

Ключевые слова: компетентность, профессиональная деятельность, педагогический процесс, коммуникативная компетентность, коммуникативные умения, речевое мастерство.

Одной из приоритетных идей образования в последние годы стала идея формирования профессиональной компетентности. Профессиональная компетентность педагога – это сложная система психических состояний и свойств субъекта профессиональной деятельности, в которых выражено единство теоретической и практической готовности и способности специалиста к ее осуществлению [2, с. 54]. Необходимым основанием профессиональной компетентности является речевое мастерство. В соответствии с Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования предмет «Речевое мастерство педагога» был введен в учебные планы факультетов дошкольного и начального образования в рамках национально-регионального компонента. Для студентов-бакалавров, обучающихся по направлению «Педагогика», нами была разработана учебная и рабочие программы этого курса, а также методические рекомендации по изучению данной дисциплины для специальностей «Педагогика и методика начального обучения», «Дошкольная педагогика и психология»..

Цель курса – формирование коммуникативной компетентности студентов, развитие умения использовать языковые средства в различных условиях общения, с разными целями и содержанием речи. Коммуникативная компетентность, кроме всего прочего, предполагает формирование у студентов таких личностных качеств, как общительность, открытость во взаимодействии с другими людьми, развитие практических умений, способностей управлять своей учебной деятельностью.

В соответствии с этим в процессе преподавания данной дисциплины решаются следующие задачи:

- помочь студентам в овладении речью как важнейшим инструментом в профессиональной деятельности педагога;
- познакомить с основами знаний теории речевой деятельности, коммуникативными качествами речи;
- научить будущих учителей владеть своим голосом, речевым аппаратом с тем, чтобы педагогическое общение было максимально эффективным;
- подготовить к созданию профессионально значимых речевых произведений;
- сформировать навыки профессионально-педагогического общения.

**EXPERIENCE IN DEVELOPMENT
OF THE TRAINING COURSE
“SPEECH PROFICIENCY OF THE TEACHER”**

The article reveals the aim and tasks of the course, the logic of its formation, and methodical means. The tasks and exercises providing students' successful learning of the course are offered.

Keywords: competence, professional activity, pedagogical process, communicative competence, communicative skills, speech proficiency.

Содержание предмета предполагает изучение обширного круга теоретических вопросов, касающихся структуры речевого общения, основных его единиц и условий успешного осуществления, особенностей, свойств и средств устной речи как основной формы профессионально-педагогического и межличностного общения, коммуникативных качеств речи педагога и их реализации в будущей профессиональной деятельности, невербальных средств общения, речевого этикета, стилей педагогического взаимодействия, а также педагогической риторики, находящих свое отражение в лекционном курсе.

Практические занятия предусматривают не только изучение учебно-методической и научно-популярной литературы, работу с различными типами словарей и справочников, но и формирование у студентов коммуникативной компетенции, комплекса коммуникативных умений, основанных на синтезе лингвистических, культурологических, психологических и социальных знаний, практических навыков правильной, чистой, богатой, выразительной, точной, логичной, уместной, ясной и доступной речи, речевого артистизма яркой проявленности в речи педагога умения творить, вызывая у учащихся эмоционально-чувственный отклик [2, с. 85]. Компонентами речевого артистизма выступают энергетика, интенсивность, ассоциативность, образность, выразительность речи. В процессе профессионального общения необходимо владение моделями речевого этикета в конкретной ситуации школьного урока, а также различными стилями педагогического общения, приемами и средствами конструирования его «партитуры». Важную роль в овладении речевым артистизмом играет использование педагогом коммуникационных эффектов «риторического инструментария».

Для достижения поставленных задач формирования коммуникативной компетенции необходимо по-новому посмотреть на систему методов и приемов, организующих деятельность обучающего пространство. Мы предлагаем активно использовать лекции-беседы, лекции-дискуссии, проблемные лекции, на практических занятиях – разнообразные практикумы, представляющие собой систему упражнений, для индивидуальной и групповой отработки навыков успешного педагогического общения и оттачивания речевого и педагогического мастерства, например

такие, как «Мобилизация творческого самочувствия педагога», «Выразительность мимики и жестов», «Внимание. Наблюдательность», «Воображение. Фантазия. Ассоциативная память», «Педагогическая интуиция», «Развитие общих речевых умений, диапазона голоса и интонаций», «Темпоритм речи. Ее эмоциональность, образность, метафоричность», «Коммуникабельность педагога», «Импровизация», «Артистичное поведение в типичных ситуациях» и др. Кроме того, мы активно привлекаем методы моделирования педагогических ситуаций, деловые и ролевые игры, различные виды гимнастик (дыхательная и артикуляционная), тренингов.

Для развития навыков саморегуляции настроения и психического состояния рекомендуется использовать метод физических действий К.С. Станиславского, сущность которого состоит в выполнении определенных действий, соответствующих конкретному эмоциональному состоянию и способных вызвать в человеке нужные эмоции; рефлексии (осмысление своего внутреннего мира), аутогенную тренировку (метод психической саморегуляции, самовнушения, самонастройки психики, позволяющий управлять физиологическими и психическими процессами организма), релаксацию (снятие стрессовых нагрузок, психического напряжения, достижение состояния покоя, расслабленности), музыкотерапию (воздействие посредством музыки с целью снятия психического напряжения, чрезмерной возбудимости, болезненных состояний психики).

В целях регуляции психических состояний на практических занятиях предлагаем специальные упражнения-тренинги, которые целесообразно выполнять со студентами и в процессе самостоятельной работы.

1. *Мысленное кино.* Создайте образ самого себя, делающего то или обладающего тем, что вам на самом деле хочется. Вы можете вообразить себя уверенным, артистичным педагогом, работающим с вдохновением, изобретательностью и выдумкой. В этом мысленном представлении важны три момента: не упускайте подробности, подключая все ваши ощущения; представьте себя наслаждающимся ходом событий; вообразите сцену происходящего в определенный день и час. Мысленный образ повышает мотивацию и внутреннюю энергию.

2. *Дыхание.* Перед беседой с учеником глубоко вдохните. При выдохе резким движением в воображении как бы «сорвите» маску с лица: «погасите» глаза, расслабьте губы, освободите шею, грудь. Представьте, что через выдох вы снимаете с себя мышечные «кольца».

3. *Рисуем настроение.* Для снятия неприятного осадка после тяжелого разговора возьмите цветные карандаши и чистый лист бумаги. Расслабленно, левой рукой нарисуйте абстрактный сюжет – линии, цветовые пятна, фигуры, выбрав цвет в соответствии с настроением. На другой стороне листа напишите 5–7 слов, отражающих ваше настроение. Еще раз посмотрите на рисунок, переживая заново свое состояние, пересчитайте слова, разорвите листок и выбросьте. Ваше эмоциональное состояние должно перейти в рисунок и быть уничтожено.

Для формирования педагогической интуиции полезными окажутся следующие упражнения.

1. *Правилен ли прогноз?* (по С. А. Гильманову). Предскажите преподавателю, как отреагирует тот или иной студент на: ваше обращение к нему с шуткой, необычный поступок с вашей стороны, обращение к нему педагога с вопросом. Попытайтесь представить внутреннее состояние конкретного знакомого вам школьника при произнесении вами фразы «открой книгу и начинай работать» в тоне: грубого приказа, строгого указания, мягкого приказа, мягкой просьбы с улыбкой, проникновенной, убеждающей просьбы. Предскажите и опишите ситуацию.

2. *Речь.* Выступите с речью перед студенческой аудиторией на тему «Быть или не быть учителем?» от лица: старого, опытного педагога; молодого, начинающего учителя; школьной технички и т. д. Постарайтесь сделать это с юмором.

Развитию общих речевых умений, диапазона голоса и интонаций способствуют следующие упражнения.

1. *Голосовой тренинг.* Встаньте, ноги на ширине плеч, руки раскинуты параллельно полу ладонями вверх. Представьте на одной из ладоней воздушный шарик. Посмотрите на него, легким движением перебросьте на другую руку, сопровождая это звуками: МУ-МУ-МУМ; МО-МО-МОМ; МА-МА-МАМ; МЭ-МЭ-МЭМ; МИ-МИ-МИМ; МЫ-МЫ-МЫМ.

2. *Скороговорки.* Быстро и четко произнесите следующие скороговорки: От топота копыт пыль по полю летит. Корабли лавировали, лавировали, да не вылавировали. Осип охрип, Архип осип. Курьера курьер обгоняет в карьер. Краб крабу сделал грабли, дал грабли крабу краб – сено граблями, краб, грабь. Расчувствовавшаяся Варвара расчувствовала нерасчувствовавшегося Вавилу.

3. *Цветок.* Встаньте, сложите из пальцев фигуру, напоминающую бутон с сомкнутыми лепестками. Глубоко вдохните, представляя, что нюхаете цветок. После этого на звук «п-фф» медленно и плавно выдыхайте. Вдох – короткий, выдох – длинный. Повторите 2–3 раза.

4. *Интонирование.* Мысленно представьте себе (смоделируйте) различные жизненные ситуации, в которых вас о чем-то просят, и отвечайте «да»: 1) спокойно и благожелательно; 2) спокойно и жестко; 3) резко; 4) удивленно; 5) с дрожью в голосе; 6) с раздражением.

После изучения теоретического материала о структурно-содержательной организации общения студентам могут быть предложены для самостоятельной работы следующие виды заданий.

1. Прочитайте следующие высказывания. Какая основная мысль объединяет их? Сформулируйте и запишите эту идею в тезисной форме.

– Лишенные общения с другими созданиями, мы щипали бы траву, а не размышляли о своей природе.

– Человеческая сущность налицо только в общении, в единстве человека с человеком, опирающимся лишь на реальность различия между «Я» и «Ты»

– Для человека не существует более чудовищного наказания, чем быть предоставленным в обществе самому себе и оставаться абсолютно незамеченным.

2. Раскройте содержание этапов речевого общения, составляющих его структуру: а) моделирование предстоящего общения; б) организация непосредственного общения в момент начального взаимодействия; в) управление

общением; г) анализ системы общения и моделирование ее на предстоящую деятельность.

3. Разыграйте сцену «Встреча незнакомых людей в офисе». С чего обычно начинается разговор? Подумайте, что может сблизить, установить общий интерес.

4. В течение трех дней записывайте ваши роли в различных ситуациях общения: встреча с лучшим другом, на тренировке, разговор с родителями и др. Проанализируйте свои ощущения. В какой степени различалось ваше поведение в зависимости от ситуации, оставалось ли оно неизменным на протяжении всего общения? Когда вы были довольны «исполнением» принятых на себя ролей? Корректировали ли вы свое поведение с учетом реакции собеседников? В каких ситуациях вам было наиболее комфортно? Почему?

Выполнение подобных упражнений с рефлексивно-аналитическими заданиями способствует тому, что студенты не только знакомятся с содержанием понятия «речевое общение», его структурой, этапами речевого общения, составляющими основу любой профессиональной деятельности человека, но и учатся самостоятельно высказывать свою точку зрения, конструировать и анализировать связанные высказывания, применять свои навыки в условиях естественной коммуникации.

После изучения раздела «Служебно-деловое общение» могут быть предложены такие задания.

1. Составьте таблицу «Жанры официально-делового стиля и формы речи». Наполните ее конкретными примерами.

2. Подготовьте для демонстрации перед аудиторией текст деловой беседы. Тему выберите самостоятельно. Продумайте и запишите речевые модели, характерные для каждого этапа беседы.

3. Составьте рекомендации для успешного проведения делового совещания, деловых переговоров.

4. Напишите реферат на тему «Этика делового общения».

Таким образом, коммуникативная компетенция – это знания, умения и навыки, необходимые для понимания чужих и порождения собственных программ речевого поведения, адекватных целям, сферам, ситуациям общения. Она включает в себя: знание основных понятий лингвистики речи (речеведческие знания) – стили, типы, способы связи предложений в тексте; умения и навыки лингвистического анализа и, наконец, собственно коммуникативные умения – умения и навыки речевого общения применительно к различным сферам и ситуациям с учетом адресата и цели.

Для успешной работы по формированию коммуникативной компетенции необходимо прежде всего поставить четкую цель – для чего мы это делаем и что нам дает такая работа? Конечной целью представляется формирование коммуникативных умений: понимать текст, воспроизводить его, строить собственное связанное высказывание, организовать деловое общение, сделать речевое взаимодействие эффективным в ходе изучения курса «Речевое мастерство педагога», ведь это так необходимо в будущей профессиональной деятельности, помогает расширить круг потенциального общения и легче адаптироваться в социальной среде.

1. Варданян Ю. В. Становление и развитие профессиональной компетентности педагога и психолога: монография / под ред. В.А. Сластенина. М., 2002. 180 с.

2. Булатова О. С. Педагогический артистизм: учеб. пособие. М. : Академия, 2001. 240 с.

© Филиппова Л. В., 2014

СЛОВО МОЛОДЫМ



Ковалевский А. А.

Постнигилизм как форма современного мировоззрения

Новикова И. В.

Способы репрезентации категории эмотивности в библейском тексте (на материале англоязычного варианта Книги притчей Соломоновых)

ПОСТНИГИЛИЗМ КАК ФОРМА СОВРЕМЕННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

XIX век смог породить из всего накопленного философией за столетия знания нигилизм, определенную форму мировоззрения, которая была достойным и гармоничным детищем своей эпохи. И хоть и сейчас нигилизм не устарел в своей классической форме, но все же ему на смену пришла его более современная версия – постнигилизм, отвечающая новым вопросам времени. Но в силу отсутствия четкого определения второго, смешения его с первым, возникают трудности понимания, ошибки интерпретации, которые мы постараемся устранить, описав постнигилизм, как современную форму мировоззрения.

Ключевые слова: нигилизм, постнигилизм, постмодернизм, ценности, отрицание.

Классический нигилизм представляется формой мировоззрения, отрицающей наличие объективных, допытных, сверхъестественных ценностей, смыслов и целей. Разрушая, таким образом, классическое (современное мифологическое) миропонимание путем абсолютной негативности, нигилизм все же имеет нечто, что можно назвать позитивной программой, выраженной в концепции переоценки ценностей. Переоценка ценностей в данном случае представляет собой замену «высших» ценностей, исходящих из устаревших идеалистических конструктов, ценностями внутри нашего наличного бытия, что сделало бы само бытие имманентно осмысленным, устранило страдания и конфликты.

Что же касается феномена постнигилизма, то он не имеет проработанной теоретической базы. И если собрать всю массу разносторонних интерпретаций постнигилизма, то можно поделить их на две основные группы: постнигилизм отрицающий и постнигилизм утверждающий.

1. Постнигилизм утверждающий.

Европа приняла нигилизм как свой здоровый и естественный путь. И тогда нигилизм достиг своего предела, и целое нигилизма раскололось на части, оставив после себя то, что не смогло разрушиться. К нему прибавилась методология позитивной философии, так как свою отрицательную, очищающую, деструктурирующую функцию он уже выполнил, и настало время ему созидать. Этот этап напоминает «пограничную ситуацию» в экзистенциализме, он ставит историю перед картиной технократического ужасного мира и требует дальнейшего выбора нового пути [1, с. 364]. Тут постнигилизм показывает, что уже пало под влиянием нигилизма, а что еще смогло остаться, а следовательно, имеет внутренний потенциал для существования и на нем должна строиться новая система смыслополагания. Тогда настоящее «священное» снова им станет, так как вся деструкция постмодерна не смогла его разрушить [2, с. 334].

POSTNIHILISM AS A FORM OF MODERN IDEOLOGY

XIX century was able to generate of all accumulated knowledge of philosophy for centuries nihilism, definite form of worldview that was dignified and harmonious product of his era. And though now nihilism is not outdated in its classical form, but still, it was replaced by a more modern version of it - postnihilism which can fit to new issues of time. But because of absence of a precise definition of the second, mixing it with the first, can arise complexity in understanding, errors of interpretation, which we will try to removal describing postnihilism as a modern form of ideology.

Keywords: nihilism, postnihilism, postmodernism, values, negative.

Постнигилизм заявляет о половинчатости классического нигилизма и о том, что он свою роль уже выполнил и теперь выработкой ценностей займется он. Но легко заметить, что методология переоценки ценностей у нигилизма и постнигилизма значительно различается: первый должен был уничтожить все, все ценности и само полагание ценностей в подобных проявлениях. А второй говорит о том, что нигилизм лишь очистил сферу ценностей и смыслов от всего лишнего и произошла не переоценка ценностей, а их выборка. Таким образом, можно сказать, что утверждающий постнигилизм является не логичным продолжением нигилизма, а его прерыванием, которое лишь использует его методологический язык для теоретического подкрепления своих действий, которые на самом деле нигилизму противоречат.

2. Постнигилизм отрицающий.

По-другому дело обстоит в отрицающем постнигилизме, который вместо позитивного прерывания нигилизма, увеличивает его отрицание, отрицая и сам нигилизм тоже. Так, например, если нигилизм ставил условные рамки, которые можно было бы расценивать как добро и зло, правильное и неправильное, то постнигилизм отрицает вообще все оценивающие факторы, например, такие как «воля к власти» или «сверхчеловек» в традиционной философии Ф. Ницше [3, с. 70]. Переоценки ценностей тоже больше не требуется, теперь человек способен жить в мире без какого-либо смысла и ценностей, находя это вполне приемлемым, а любые ограничения считая ущемлением своих прав, свободы, которых, получается, тоже нет.

Так он переходит к полному шизофреническому абсурду, полностью принимая и отрицая все одновременно, без аннигиляции противодейственного. Происходит утверждение голого отрицания, беспредметного. Требуется и отрицание отрицаемого с путем выхода к изобретению того, что невозможно в феноменальном мире, и поэтому, очевидно,

не произойдет, если остаться в фазе тотальной абсурдной негативности.

В формировании методологии отрицания постнигилизма можно отдать преобладающее значение идее негативной диалектики. Она гласит, что непосредственному познанию не поддается нетождественное (положительное) или отрицаемое отрицаемое. Позитивное выходит результатом отрицания. Тогда получается, что позитивное есть превосходящее, что является утверждением антидиалектическим. Ведь целое негативно, а значит, отрицание его частей должно вести и к их отрицательности. Их положительность может быть только в критике, т. е. опять в отрицательности. Позитивность Г. В. Ф. Гегеля в таком случае недиалектична и воспроизводит непроницаемую непосредственность, закрывающую от нас истину. Из этой ошибки вытекает разрушение субъективности и провозглашение позитивного, возвышающего субъективность до самости. Это демонстрирует абстрактность субъективности и законность его отрицания, которое представляет из себя идеологию. Позитивность тоже распространяется как идеология из-за того, что отрицание у Г. В. Ф. Гегеля вырастает из его метода, а не из вещи. Отрицание идет альтернативной дорогой, не подвергая сущее санкциям. Смысл отрицания отрицания не в отрицании первого отрицания, а в увеличении отрицания вообще, а отрицаемое негативно лишь пока оно отрицается. Утверждать, что отрицание отрицания ведет к позитивности можно лишь в том случае, если считать позитивность более универсальным понятием. Истина же добывается только в том случае, когда проявляется негативное отношение знания к объекту. Отрицание не ведет к позитивности, потому что находится не только в субъекте, но и в объекте [4, с. 146].

Эта теория неоспоримо действует, несмотря на то, что в постнигилизме не признается ни объекта, ни субъекта. Объекта нет из-за слишком больших объемов информации, которые просто не могут восприниматься. Предметы познания все время массово копируются, повторяются, что разрушает первообраз, связь объекта с бытием, копия становится важнее реальности. Отсюда кризис чувств и чувствительности. Субъект пропадает из-за отсутствия возможности в этой массе информации выбора и оценки. Он исчезает и потому что нет Другого для его оценки, для его самоидентификации посредством Другого [5, с. 88]. Тема субъекта вообще пополняется помимо субъекта потребительского, информационного субъекта и постчеловека также понятием «радикальный субъект». Радикальный субъект – то, что технически представляет собой сверхчеловека Ф. Ницше в операции разложения парадигмы. Его характерная черта в процессе этого разложения в том, что сам он находится вне парадигмальных рамок. Он теряет свою субъектность, человечность, он человекоэкран. Он разрывает связь с человеческим прошлым, с животным, с волюнтаризмом, с ризомой. Радикальный субъект теряет понятие сакральности, но от нее не переходит еще к ничто [6, с. 605].

Одним из основных человеческих качеств и вообще главным символом постнигилизма начинает выступать ирония [7, с. 154]. Если в классическом нигилизме ирония и цинизм могли быть лишь посредственным инструментом

достижения цели, демонстрации неустойчивости общественных норм, то когда ирония выходит на первый план, она закрывает ощущение метафизической тоски нигилизма ощущением метафизической насмешки. Постнигилизм презрительно насмехается над всем, а не высмеивает пороки, как нигилизм, что закрывает путь к исправлению, но ведет лишь к голому отрицанию, глумлению, негативности.

Таким образом, видим, что постнигилизм отрицающий, так же как и утверждающий, отвергает нигилизм, но, не прерывая негативной тенденции, а усиливая настолько, что провозглашает абсолютное и тотальное отрицание всего, что тоже не соответствует классическому нигилизму. Отрицающий постнигилизм есть состояние нахождения вне координат и отрицание движется в нем лишь по одному пути, что должно вести к непрерывному нарастанию деструкции внешних и внутренних систем, что не может являться оптимальным выбором для цивилизации, как, впрочем, и постнигилизм утверждающий.

Чтобы лучше понять, что такое философия постнигилизма вообще, рассмотрим идеи философа, которого, хоть и с некоторой натяжкой, можно представить как того, кто воплощал некоторые аспекты постнигилизма в своих работах. Это колумбийский католический философ-реакционер Николас Гомес Давила. Вся его суть заключается в том, что он не подвергает современность какой-то конструктивной критике, а просто отвергает ее полностью. Он выражает отвращение к миру, больному и грязному. Культура в таком мире больше не является культурой, по крайней мере той, какой должна быть, какой была в античности. Она не конструктивна в нашем мире, так как никогда не будет заполнять праздник трудящихся, потому что она труд праздных. Вся культура теперь представляется вульгарными развлечениями. А вся Европа это смесь борделей, подземелий и цирков [8]. Его возмущение было направлено против любых форм современной культуры, против всех духовных, моральных, эстетических, политических, идеологических течений современности. Все типичные выражения современной эпохи являются закамуфлированными богохульствами. С этих позиций он совершил радикальную, безжалостную деконструкцию рационализма, утилитаризма, либерализма, демократии, детерминизма, сциентизма, психоанализа, экономизма, идеологии прогресса, гуманизма и т. п. Он не признавал никаких компромиссов с современной культурой, которую считал проявлением продолжающейся профанацией человека.

Гомес пишет, что наша цивилизация основывается на ценностях и устоях эллинов и ранних христиан, и утрата их ведет к смерти этой цивилизации. Последние несколько веков люди, забывая о своих корнях, утрачивали моральность и глупели. И, если раньше то, что имело ценность, не имело цены, то сейчас наоборот: не имеющее цены не имеет и ценности. Но не стоит думать, что Гомес так обожествлял прошлое, видел в нем только плюсы, а в современности только минусы. Так, например, он пишет, что Афинская демократия вызывает энтузиазм только у тех, кто не знаком с греческой историей. Реакционер для Гомеса Давилы чем-то родственен революционеру, которому совсем не жаль настоящего. Отличие заключается в том,

что именно отвергается в настоящем. Реакционер жаждет не реставрации прошлого, но невероятного разрыва будущего с этим печальным настоящим. Но стремление к уничтожению всех идеалов или ценностей он считает глупостью. Их отрицание всегда несет личные интересы, за которыми придет возвеличивание ценностей тех, кто отверг старые [9, с. 103]. Но момент отрицания важен не в вопросе старости или новизны идеи, так как idiotские идеи бессмертны и каждое поколение открывает их заново. От времени своего возникновения не зависит качество идеи, но все видят его только в современности, где его меньше всего. Ведь сейчас мир формируют кока-кола и порнография.

Таким образом, можно сказать, что философские взгляды Николаса Гомеса Давила имеют такие характерные черты постнигилизма, как тотальное отрицание современности, но основано оно на самом деле не на прошлом, как кажется сначала, в котором есть и свои минусы и отсталые идеи. Прошлое им берется для сравнения, но его аспекты тоже отрицаются. При этом нет никакой оформленной конструктивности, как и формальности в самой структуре его текстов. Можно сказать, что он отрицает мир.

И если попробовать после этого тезисно оформить концепцию постнигилизма, то мы получим несколько таких идей, как:

- отрицание нигилизма, его вырождение, перерождение;
- все уже отвергнутое нигилизмом не восстанавливается;
- критика современного общества;
- теряется ощущение метафизической тоски, присущее нигилизму;
- отсутствие конструктивизма и собственной позитивной программы;
- опора на идеи постмодернизма и экзистенциализма.

К тому, что может носить полярный характер в различных концепциях постнигилизма можно отнести:

– объективное существование морального комплекса, смысла жизни и прочее может признаваться, а может и не признаваться;

– разное понимание (пост)антропологии и процесса познания.

А сам постнигилизм мы определим как форму перерождения нигилистического мировоззрения под влиянием философии постмодернизма и экзистенциализма в самостоятельное философское течение, характеризующееся отрицанием идей классического нигилизма с последующим либо ослаблением его негативности, либо его увеличением.

1. Григорьева Т. П. Дао и Логос (встреча культур) М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1992. 424 с.

2. Тульчинский Г. Л., Уваров М. С. Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков. СПб. : Алетейя, 2001. 409 с.

3. Эвола Ю. Оседлать тигра. СПб. : Владимир Даль, 2005. 509 с.

4. Адорно Т. Негативная диалектика. М. : Научный мир, 2003. 374 с.

5. Горичева Т. М. Эпоха постнигилизма // Беседа. 1986. № 4. С. 84–97.

6. Дугин А. Г. Постфилософия. М. : Евразийское движение, 2009. 744 с.

7. Маньковская Н. Б. Париж со змеями (Введение в эстетику постмодернизма). М. : ИФРАН, 1994. 220 с.

8. Воронов А. Е. Мир, лишенный очарования // Культура в современном мире. 2010. № 4. URL: <http://www.infoculture.rsl.ru> (дата обращения 19.10.2014).

9. Руткевич А. М. Католический реакционер Н. Гомес Давила // Философские науки. 2011. № 1. С. 98–110.

© Ковалевский А. А., 2014

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАТЕГОРИИ ЭМОТИВНОСТИ В БИБЛЕЙСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ВАРИАНТА КНИГИ ПРИТЧЕЙ СОЛОМОНОВЫХ)

В статье рассматриваются вербальные средства выражения эмотивности. Цель исследования – выявление стилистических средств реализации категории эмотивности в Книге притчей Соломоновых

Ключевые слова: эмотивность, стилистические приемы, когнитивно-дискурсивный подход.

THE CATEGORY OF EMOTIVITY AND THE WAYS IT IS REPRESENTED IN THE BIBLICAL TEXT (ON THE ENGLISH VARIANT OF THE PROVERBS)

In this article different verbal means of expressing emotivity are considered. The basic objective of this study is to identify different stylistic devices which serve for representing the category of emotivity in the Biblical text (the Proverbs).

Keywords: emotivity, stylistic devices, cognitive-discourse approach.

Представленное в статье исследование выполнено в рамках такого направления в лингвистике, как эмоциология текста. Цель статьи – выявление стилистических средств реализации категории эмотивности в Книге притчей Соломоновых.

В своем анализе мы опираемся на теоретические работы Ю. Д. Апресяна, Е. М. Вольф, О. Е. Филимоновой, В. И. Шаховского, Е. С. Кубряковой, О. В. Александрова, С. З. Агранович и др.

Эмотивность рассматривается нами как реализация эмоций на языковом уровне. Основная функция эмотивности – выражение лексическими, грамматическими и стилистическими средствами чувств, настроений и переживаний человека.

В нашем анализе функциональный подход к исследованию будет сочетаться с когнитивно-дискурсивным, поскольку эмотивность как полистатусную категорию отличает широкий спектр репрезентации.

Книга притчей Соломоновых – это книга наставлений в области морали и этики, затрагивающая многие аспекты жизни человека. Содержащиеся в ней наставления учат, как жить благочестиво и мудро, как избегать на своем пути ловушек, которые люди расставляют самим себе и друг другу в результате неразумного и неугодного Богу поведения.

Должное и недолжное отношение к вещам, похвальные и непохвальные свойства характера, приличное и неприличное поведение – обо всем этом постоянно говорится на страницах Книги в сжатой, но затрагивающей ум и сердце манере.

Тема Книги притч – становление личности посредством религиозно- нравственных убеждений, обретение мудрости через Бога, а идея заключается в том, чтобы помочь читателю овладеть искусством мудрой жизни посредством наглядных примеров.

По мнению С. З. Агранович, притчи Соломона – это скорее премудрость, «изложенная как житейский совет, обоснованная волей единого Бога, придающий мудрости объективный и непреходящий характер» [1, с. 51].

В качестве примера можно привести следующее изречение:

«The fear of the Lord is the beginning of knowledge; fools despise wisdom and instruction» [Prov. 1:7].

В данном случае, понятие «страха Господнего» (the fear of the Lord) – наиболее существенный элемент ветхозаветных представлений о том, как человек обретает знание и истину. Мысль, что только страх Господень может быть основой подлинного знания, выступает в Книге притчей как ее основополагающая идея. При этом имеется в виду не безотчетный ужас, а благоговейный трепет перед Богом, когда верующий с почтением внимает Его откровению.

Поскольку данный текст относится к произведениям назидательного характера, содержащим религиозное или моральное поучение в иносказательной (аллегорической) форме, то его эпическая тональность выражена обилием стилистических приемов, которые несут в себе определенную психологическую и эмоциональную нагрузку. Например:

«For the lips of a forbidden women drip honey and her speech is smoother than oil, but in the end she is bitter as wormwood, sharp as a two-edged sword. Her feet go down to death; her steps follow the path to Sheol» [Prov. 5:3–5].

Приведенное изречение можно считать интертекстуальным, поскольку оно несет в себе смысл одной из заповедей Божьих сформулированных в Ветхом Завете [Исх. 20:14]. В данном случае речь идет о прелюбодеянии, и посредством яркого эпитета *forbidden women* втор указывает на запретность желаемого. Для выражения предостережения своим ученикам от последствий несоблюдения заповеди в данном высказывании употребляются следующие сравнения *bitter as wormwood, sharp as a two-edged sword*. Автор сравнивает мягкие и сладкие речи с горечью полыни и острием копья, ссылаясь на то, что запретный плод всегда сначала сладок, но расплата за него велика [Быт. 2:3]. Используя метонимию *feet go down to death*, автор указывает на то, что распутная жизнь приводит к смерти, однако в данном контексте слово «смерть» (*death*) означает

не просто преждевременную кончину, к которой приводит распутная жизнь, – сама неправедная, грешная жизнь, которую ведут люди вопреки установленным Богом законам, рассматривается здесь как равносильная смерти. На тот факт, что в данном контексте акцент смещен на духовную смерть, указывает также использование еврейского слова *Sheol*, что в переводе означает место, где, по представлениям израильтян, обитают умершие. Православная энциклопедия отмечает, что библейские тексты Ветхого Завета рассматривают шеол как место обитания всех умерших независимо от их образа жизни на земле. Однако шеол означает не только ад (греч. хадес), но и могилу, смерть, также духовную смерть.

Речь Соломона носит назидательный и поучающий характер, это подчеркивается активным использованием повтора. Возвышенная речь подразумевает собой наставления Бога через Соломона, на это указывает постоянное обращение к читателю *My son; Hear, O sons, a father's instruction*, таким образом, вызывая у читателя ощущение, что данное сообщение адресовано лично ему, ведь он и есть дитя Бога. Применяя повторы, в стилистических функциях эмфазы автор использует все его типы, например:

«*Her ways are ways of pleasantness and all her paths are peace*» [Prov. 3:17].

В данном примере используется анадиплосис, акцентируя тем самым внимание читателя на важности выбора правильного пути. Существительные *pleasantness (pleasant – giving pleasure or contentment to the mind or senses)* [2] *peace (freedom from disquieting or oppressive thought sore motions)* [2] вызывают у читателя положительные эмоции, чувство удовлетворения, радости от собственного выбора, также ощущения покоя. Используемая автором анафора, начинающая два предложения в повелительном наклонении, служит средством побуждения оставаться при выбранном праведном пути и мудрости. Например:

«*Do not be afraid of sudden terror or of the ruin of the wicked, when it comes for the Lord will be your confidence Do not withhold good from those to whom it is due, when it is in your power to do it*» [Prov. 3:25–27].

Это – пример аллюзии на Откровения, речь идет о том самом пришествии Бога на Землю, когда все неправедные и нечестивые будут истреблены [Откр. 14]. Об этом свидетельствуют существительные *terror – a source of persistente motional distress* [2], *ruin – the state or fact of being rendered non existent, physically unsound, or useless* [2], которые вызывают негативные эмоции у читателя, и прежде всего страх. Использование эпифоры также несет в себе функцию воздействия на читателя:

«*If you turn at my reproof, behold, I will pour out my spirit to you; I will make my words known to you*» [Prov. 1:23–24].

Повтор личного местоимения в объектном падеже *to you* вызывает у читателя положительные эмоции, прежде всего – спокойствие, потому что данное изречение выступает в роли неких гарантий обретения мудрости и Духа Божьего, если человек идет правильным путем.

Употребление параллельных конструкций также несет в себе эмотивную функцию:

«*Whoever is righteous has regard for the life of his beast, but the mercy of the wicked is cruel. Whoever works his land*

will have plenty of bread, but he who follows worthless pursuits lacks sense. Whoever is wicked covets the spoil of evildoers, but the root of the righteous bears fruit» [Prov. 12:10–12]. Акцентируется внимание читателя на важности труда, прежде всего на таких видах деятельности, как земледелие и скотоводство – самых важных в ветхозаветные времена. Однако главная мысль заключается в том, чтобы вызывать у читателя положительное отношение к любому труду – за что он будет благословен.

Для того чтобы вызвать у читателя яркое представление о масштабности благословений от Божьих Заповедей, о важности их соблюдения в течение всей жизни автор использует градацию:

«*My son, do not forget my teaching, but let your heart keep my commandments, for length of days and years of life and peace they will add to you*» [Prov. 3:1–2].

Из данного изречения видно, что постижение Божественных законов важно не только на протяжении некоторых дней или лет, а в течение всего жизненного пути человека. Однако главное заключается в том, чтобы не просто слепо следовать закону, но следовать ему от всего сердца и искренне. Об этом свидетельствует метонимия *let your heart keep my commandments*, где под словом «сердце» подразумевается некая совокупность умственных и физических действий человека при выборе того или иного пути (в конкретном случае – соблюдение заповедей). Таким образом, у читателя возникают положительные эмоции: радость от найденного решения и обретение покоя за свое будущее.

Как известно, любая притча характеризуется метафоричностью, и в анализируемом нами тексте присутствует большое количество метафор. Так, например, щит служит олицетворением Бога:

«*He is as shield to those who walk in integrity guarding the paths of justice*» [Prov. 2:7–8], тем самым гарантируя читателям спасение и защиту.

Часто используется и такой стилистический прием, как антитеза:

«*Death and life are in the power of the tongue and those who love it will eat its fruits*» [Prov. 18:21].

В данном примере речь идет о важности слова. Произведением уст своих человек насыщается не только сам, но и насыщает других, поэтому, прибегая к контрасту посредством таких понятий, как *жизнь и смерть*, акцентируется внимание читателя на возможном результате, к которому в конечном итоге придет человек. Например, используется такое противопоставление, как *любовь/ненависть*:

«*Hatred stirs up strife but love covers all offenses*» [Prov. 10:12].

Таким образом, на основе противопоставлений происходит воздействие на читателя, вызывая чувство переживания, страха, если человек уклоняется от Божьего закона, и одновременно вызывая положительные эмоции, такие как радость, счастье, покой от осознания того, что человек идет правильным путем.

В другом изречении указывается на то, что любой поступок, даже тот, который человек еще не совершил, не остается тайной для Бога:

«*Sheol and Abaddon lie open before the Lord how much more the hearts of the children of man*» [Prov. 15:11].

Поскольку из контекста Откровений ясно, что Авадон – царь саранчи, которая призвана вредить людям, противящимся Богу [Откр. 9:11], используется антономазия, употребление вместо «противящихся душ» в преисподней (*шеол* с еврейского) имя собственное Авадон.

Структура предложений в анализируемом нами тексте достаточно проста, однако структура глагольных времен развернута. Поскольку притча как жанр несет в себе поучительную функцию, часто используется повелительное наклонение:

«...keep my commandments and live», «keep my teaching as the apple of your eye» [Prov. 7].

Содержание притч Соломоновых составляют разнообразные правила практической мудрости, благоразумия и благоповедения в жизни религиозно-нравственной, общественной, семейной, трудовой, хозяйственной, опытные наблюдения над ходом жизни, дел и судеб человека и мира. Для данного типа дискурса основополагающими концептами являются концепты «Бог» и «вера». Исходя из анализа притч Соломоновых, можно сказать, что концептуальное пространство в них формируется следующими специфическими концептами, характерными для данного типа общения: «вера», «Бог», «дух», «душа», «храм», «мудрость».

Так, например, уже в первой главе повествуется о мудрости:

«To know **wisdom** and instruction, to understand words of insight, to receive instruction in wise dealing, in righteousness, justice, and equity» [Prov. 1: 3–5].

Wisdom – мудрость.

Ш1. knowledge of what is proper or reasonable: **good** sense or judgment [2]

Ш2. Good – с (1) agreeable, **pleasant** [2]

Ш3. Pleasant – causing a **feeling** of happiness or pleasure [2].

При анализе словарных дефиниций существительного *wisdom*, которое является в данном изречении ключевым, уже на первом шаге выявляется сема положительной рациональной оценки, выраженной прилагательным *good*, на третьем шаге анализа дефиниций выявляется сема эмотивности, выраженная существительным *feeling*

В своих притчах Соломон говорит о важности Божьих наставлений, которые были получены либо в виде заповедей, либо в виде откровений через ветхозаветных пророков. Например, в следующем изречении важность божественных наставлений и следование им ставится в один ряд с послушанием матери:

«Hear, my son, your father's **instruction**, and forsake not your mother's teaching» [Prov. 1:8].

Instruction n – наставление.

Ш1. the action of process of **teaching**: the act of instructing someone [2].

Ш2. teaching – something that is taught – the ideas or **beliefs** that are taught by a person or religion [2].

Ш3. belief – a **feeling** that someone is **good**, right or valuable [2].

Ш4. Good – с (1) agreeable, **pleasant** [2].

Исходя из анализа словарных дефиниций существительного *instruction*, мы приходим к выводу, что данное

слово содержит в себе сему эмотивности, выраженную существительным *feeling*, а также сему положительной рациональной оценки, выраженную прилагательным *good*.

В своих притчах Соломон призывает человечество во всех своих делах полагаться на Бога, а не на свой разум, об этом же позже будут упоминать в своих книгах и ученики Иисуса Христа. Приведем пример:

«**Trust** in the Lord with all your heart, and do not lean on your own understanding» [Prov. 3:5].

To trust vb – доверять.

Ш1. – **belief** that someone or something is reliable, good, honest, effective [2].

Ш2. belief – a **feeling** that someone is good, right or valuable [2].

Ш3. feeling – an **emotional** state or reaction [2].

Таким образом, при анализе словарных дефиниций на втором шаге обнаруживается сема эмотивности, выраженная существительным *feeling* и сема положительной эмоциональной оценки, выраженная прилагательным *emotional*, усиленная фразой в самом тексте *with all your heart*, что подкрепляет идею автора о доверии и искреннем послушании Богу.

Продолжая тему послушания, Соломон призывает к соблюдению еще одной заповеди Божьей – «не прелюбодействуй» [Быт. 20:14]. В своих притчах он ярко описывает последствия невыполнения заповеди:

«...and at the end of your life you groan, when your flesh and body are consumed, and you say, "How I hated discipline, and my heart despised reproof!"» [Prov. 5:11–12].

Togroan vb – стонать, томиться [2].

Ш1. to make a deep sound because of **pain** or some strong **emotion** [2].

Ш2. **pain** – highly **unpleasant** physical sensation caused by illness or injury [2].

На основании анализа словарных дефиниций уже на первом шаге выявляется сема эмотивности, выраженная существительным *emotion*, и сема отрицательной эмоциональной оценки *unpleasant*, усиленная интенсификатором *highly*.

В следующем изречении указывается на то, что не всегда легко заметить действительно верного и преданного человека:

«Many a man proclaims his own steadfast love but a faithful man who can find» [Prov. 20:6].

Faithful adj – верующий, преданный [2].

Ш1. having or showing **faith** and constant support [2].

Ш2. belief in the existence of God: strong religious **feeling** [2].

Ш3. the **mental** act, condition, or habit of placing **trust** or confidence in another [2].

Ш4. a belief that something is reliable, **good**, honest [2].

На втором шаге анализа словарных дефиниций становится известно, что прилагательное *faithful* содержит в себе сему эмотивности, выраженную существительным *feeling*, усиленную интенсификатором *strong*, на третьем шаге выявляется ментальная сема, выраженная прилагательным *mental*, указывающим на то, что признание чего-либо верным и правильным складывается лишь в силу внутреннего, субъективного убеждения. На последнем

шаге анализа словарных дефиниций выявляется сема положительной рациональной оценки, выраженная прилагательным *good*.

В своих притчах Соломон часто предостерегает читателя от людей, которые совершают неугодные Богу поступки:

«Be not envious of evil men, nor desire to be with them, for their hearts devise violence, and their lips talk of trouble» [Prov. 24:1].

Evil adj – злой, злонамеренный, порочный [2].

Ш1. morally **bad**, causing **discomfort** or repulsion [2].

Ш2. **discomfort** – a **feeling** of being somewhat worried unhappy, etc. [2].

Ш3. a **mental** or physical uneasiness [2].

Исходя из анализа словарных дефиниций уже на первом шаге выявляется сема отрицательной эмоционально-рациональной оценки, выраженной прилагательным *bad* и существительным *discomfort*; на втором шаге выявляется сема эмотивности, выраженная существительным *feeling* и ментальная сема, выраженная прилагательным *mental*.

Завершая статью, можно сделать следующие выводы:

1. В силу своеобразия религиозного дискурса и жанра, в котором написана Книга притчей, эмотивную лексику и стилистические приемы, выражающие категорию эмотивности, можно встретить в каждом изречении.

2. Наиболее ярко эмотивность проявляется при трактовке и пояснении заповедей, а также при описании последствий в случае несоблюдения данных заповедей.

3. Анализ проявления эмоций в Книге притчей показал, что среди стилистических средств выражения эмотивности наиболее часто встречаются следующие: метафора, сравнение, повтор, антитеза, градация. Особое место в Книге притчей занимает аллюзия. Практически каждое изречение интертекстуально.

4. Анализ словарных дефиниций позволил сделать вывод о существовании тесной связи между ментальным и эмоциональным.

5. Поскольку притчи носят назидательный характер, то, обучая мудрости и вере, автор чаще всего использует слова, в которых наличествует сема положительной эмоциональной оценки, создающая атмосферу спокойствия, умиротворенности.

1. Агранович С. З., Саморукова И. В. Гармония-цель-гармония. Художественное сознание в зеркале притчи. М. : Логос, 1997. 135 с.

2. Merriam-Webster Dictionary / Merriam-Webster Inc., 2014. URL: <http://www.merriam-webster.com/> (дата обращения 20.10.2014).

© Новикова И. В., 2014

РЕЦЕНЗИИ



Карпова Л. М.
Наука в «кривом зеркале» антисциентизма

**НАУКА В «КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ»
АНТИСЦИЕНТИЗМА**

В статье представлена рецензия на книгу: Денисов С. Ф. Антициентизм: конфликтность и негативность. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2013. 318 с.

Ключевые слова: наука, образы науки, сциентизм, антициентизм, философско-антропологические смыслы, ирония, пророчество, нигилизм, опасность, метафора.

Антициентизм как критика роли науки в культуре, точнее, того образа науки, который сформировался в обществе в определенных социокультурных условиях, имеет уже достаточно длительную историю, существует как в скрытых, так и явных формах, становится сегодня широкой социокультурной ориентацией.

Осмыслению негативного характера антициентистской ориентации в общественном сознании, ее опасности посвящено немало работ как в зарубежной, так и в отечественной философии.

Оригинальность монографии С. Ф. Денисова состоит в том, что представленная в ней авторская концепция совершенно по-новому раскрывает не только сущность антициентизма в трех формах негативизма (ирония, пророчество, нигилизм), но также его смыслы и цели.

Новой является и разработанная автором стройная концептуальная схема, которая выполняет как методологическую, так и методическую функции, открывая новые пути исследования феномена антициентизма, с одной стороны, и давая возможность систематизации имеющихся в научной и учебной литературе представлений об этом феномене – с другой.

Необычен и интересен сам поход С. Ф. Денисова к сущностной специфике антициентизма – сквозь призму феномена «анти» (негативизма) как определенной мировоззренческой позиции, сигнализирующей о возникающей со стороны действительности в целом или ее отдельных форм опасности для человека и человечества.

Для построения своей концептуальной схемы автор очень удачно, на наш взгляд, использует метафорические средства – цветовые и географические. Так, три уровня вышеупомянутой опасности, соответствующие трем уровням негативизма, фиксируются тремя цветами: синий – умеренный негативизм (потенциальная опасность); желтый – умеренно-радикальный негативизм (возрастание опасности); красный – радикальный негативизм (высший уровень опасности). Уровни негативизма выражаются также и интересными географическими метафорами: потенциальная опасность – сибирская тайга; возрастание опасности – Васюганское болото; высший уровень опасности – трясина. Эти образные средства, которые могут показаться на первый взгляд странными в научной работе, позволяя С. Ф. Денисову виртуозно легко ввести читателя в сферу строгих логических конструкций и глубоких обоснований.

**SCIENCE IN «DISTORING MIRROR»
OF ANTISCIENTISM**

In the article there is a review of the book by S. F. Denisov. Antiscientism: conflictiveness and negativeness. Omsk: OSPU, 2013. 318p.

Keywords: science, images of science, scientism, antiscientism, philosophical and anthropological senses, irony, prophecy, nihilism, risk, metaphor.

В первой главе автор, кратко проанализировав то, что уже исследовано в литературе под углом зрения философско-антропологической сущности антициентизма, переходит к изложению своей концепции. Он исследует дискурсивные формы негативизма: иронический (умеренный), пророческий (умеренно-радикальный), нигилистический (радикальный). И здесь в полной мере проявляется мастерство автора не только как исследователя, но и как Учителя: исследование иронии, пророчества, нигилизма, предпринятое, казалось бы, с целью вполне узкой, «служебной», не только систематизирует то, что читатель, возможно, знал об этих феноменах культуры, но и дает приращение новых знаний, позволяя по-новому их осмыслить и оценить. Действительно, та же ирония является предметом не только философского, но и филологического исследования, и автор это учитывает, он напоминает нам также о ее исторических формах: античной, романтической, постмодернистской, в которых он усматривает определенную диалектику негативизма.

Столь же серьезными и глубокими предстают разделы книги, посвященные пророческому и нигилистическому негативизму. Причем как бы глубоко ни проникал автор в исследование этих феноменов, сколь бы широкий круг источников ни привлекал, он нигде не теряет основной линии своего исследования. Так, ирония, сигнализируя об опасности, представляя ее первый уровень, формирует стратегию возврата; пророчества, свидетельствуя о возрастании опасности, ориентируют на стратегию ухода; нигилизм, предупреждая о высшем уровне опасности, – на стратегию отказа.

Вторая глава книги раскрывает образы науки и стратегии разрешения конфликтов в антициентистской традиции. Здесь автор так же успешно, как и в первой главе, применяет метафоры. С. Ф. Денисов, строго следуя логике своего исследования, разворачивает, наполняет новым содержанием, конкретизирует уже знакомые читателю формы негативизма, обнаруживая их в философско-антропологических построениях, прежде всего в форме иронического антициентизма, который представляет науку в образе заблудившейся, некой Грешницы и выдвигает стратегию возврата. Интересно то, что С. Ф. Денисов исследует истоки такого отношения к науке, обнаруживая их в идеях заблудившегося (греховного) бытия в религиях спасения, в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера, в идеях си-

муляционного бытия постмодернистов. Автор убедительно доказывает, что ироническое восприятие науки, предполагая процедуру ее деконструирования, т. е. возвращения в то состояние, когда она еще не была в состоянии заблуждения, по сути, отказывает ей в существовании.

Далее автор анализирует промежуточную форму антициентизма – пророческий антициентизм, согласно которому наука предстает в образе Врага, Неприятеля, способствует становлению и развитию неподлинного бытия, массового общества, обезличенного человека. Об этом свидетельствуют Ф. Ницше, К. Ясперс, Ж.-П.Сартр, Г. Маркузе, Х. Ортега-и-Гассет и др. Стратегия спасения, предлагаемая пророческим антициентизмом, – уход, осуществляемый в различных формах экзистирования.

Последней, наиболее радикальной формой негативизма, с точки зрения автора, является нигилистический антициентизм, который рассматривает науку как Губительницу. Истоки этой формы С.Ф. Денисов обнаруживает в идее губительного (т. е. неестественного) бытия киников, в концептуальных позициях Ж.-Ж.Руссо и Ф. Ницше, в идее бунта А. Камю, в ярких образах бунта против машин и науки, представленных в художественной литературе XIX–XX вв. Стратегия спасения, предлагаемая этой формой негативизма, – отказ (кинизирование).

Монография заканчивается коротким и ясным заключением, в котором автор подводит итоги, а также

облегчает задачу рецензента, самокритично указывая на те результаты своего исследования, которые ему не удалось представить в полной мере, намечая тем самым перспективу дальнейшего исследования феномена антициентизма.

Итак, рецензируемая монография представляет собой труд, в котором оригинальная авторская концепция излагается с учетом и опорой на философские традиции, с привлечением и осмыслением обширного материала из самых различных сфер духовной культуры.

Монографию отличает прекрасный литературный язык, в котором научность сочетается с художественностью и неповторимой авторской интонацией, иронией и юмором, что, несомненно, способствует пониманию сложных и дискуссионных проблем, о которых идет речь в данной работе.

Книга С. Ф. Денисова читается с большим интересом еще и потому, что автор вовлекает читателя в диалог, побуждает к вопросам. Думаю, что она захватит не только профессионального философа, студента, аспиранта, но и любого думающего читателя, интересующегося проблемами науки.

© Карпова Л. М., 2014

ПРОЕКТЫ ОМГПУ



Скок Т. Н.

Использование электронных образовательных ресурсов при реализации социального просветительского проекта, популяризирующего грамотность и культуру речи

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА, ПОПУЛЯРИЗИРУЮЩЕГО ГРАМОТНОСТЬ И КУЛЬТУРУ РЕЧИ

В статье представлена специфика использования электронных образовательных ресурсов в деятельности социального проекта, популяризирующего русский язык. Проект «Современный русский» работает в Омском государственном педагогическом университете более шести лет и оказывает лингвистическую помощь жителям 26 стран мира. В проекте действуют девять направлений практической филологии, что делает его весьма востребованным среди различных возрастных и социальных групп.

Ключевые слова: социальный образовательный проект, мультимедиа-коммуникация, прикладная лингвистика, образовательный ресурс, русский язык.

THE USE OF ELECTRONIC EDUCATIONAL RESOURCES IN THE IMPLEMENTATION OF SOCIAL AND EDUCATIONAL PROJECTS THAT PROMOTE LITERACY AND CULTURE OF SPEECH

The article presents the specifics of the use of electronic educational resources in the activities of the social project, popularizing the Russian language. The project "Modern Russian" has been implemented at the Omsk State Pedagogical University for more than six years and offers linguistic assistance to residents of 26 countries. There are nine areas of practical philology in the project, which makes it very popular among different age and social groups.

Keywords: social and educational project, multimedia communication, applied linguistics, educational resource, Russian language.

Использование инновационных технологий в продвижении русского языка – одно из актуальных направлений современной филологии. Имеющиеся в интернет-пространстве образовательные ресурсы (сайты, порталы, специальные страницы), как показывает практика, не достаточно широко известны пользовательской аудитории и нуждаются в профессиональном комментировании и сопровождении для введения в повседневный образовательный процесс. Деятельность отдельных направлений Международного социального информационно-просветительского проекта ОмГПУ «Современный русский» напрямую связана с использованием интернет-ресурсов в образовательных целях.

Возникший на базе ОмГПУ в 2008 г., проект уже в 2010 вошел в сборник «Инновационная Россия» [1, с. 174–187], его материалы были рекомендованы к распространению в РФ журналом «Стратегия России» [2, с. 82–88]. В 2011 и 2014 г. деятельность проекта была отмечена грантами фонда «Русский мир». Публикации о проекте появились в журналах «Русский мир.ru» [3, с. 11–15; 4, с. 12–15], «Лаборатория рекламы» [5, с. 73–78], «Русский язык за рубежом» [6, с. 107–112], сборнике «50 лучших проектов XII Национальной премии в области развития общественных связей "Серебряный Лучник"» [7, с. 237–247] и др.

«Современный русский», изначально имевший своей целью стать частью городской образовательной среды, ныне имеет статус международного проекта. В различных направлениях реализуется заявленная цель проекта ОмГПУ – повышение статуса современного русского языка среди его носителей, развитие интереса к культуре речи среди населения, противодействие губительным для русского языка и культуры в целом тенденциям снижения

грамотности, получившим в последнее время катастрофические масштабы.

Одно из самых популярных направлений проекта носит название «Чисто по-русски!», адресовано широкой общественности и реализуется в сотрудничестве с коммерческим рекламным агентством, которое откликнулось на предложение лингвистов и стало размещать в эфире своего мобильного телевидения в общественном транспорте просветительские ролики ОмГПУ различной тематики, содержащие сведения по орфоэпии, орфографии, лексикологии, этимологии и другим разделам языкознания. Тематическое обновление роликов происходит раз в неделю, темы разнообразны: «Склоняем правильно!», «Сочетаем правильно!», «Что такое? Кто такой?», «Осторожно: чужое слово!», «Что бы это значило?», «Говорим правильно!» и т. д. Охват целевой аудитории очень широк: ежедневно просматривать ролики могут около 170 тысяч пассажиров автобусов. По данным опроса общественного мнения, свыше 90 % пассажиров высоко оценивают просветительскую деятельность ОмГПУ в данном направлении. Образцы видеороликов размещены на сайте проекта <http://www.oshibok-net.ru/blog/> и могут служить удобным материалом для преподающих и изучающих русский язык. СМИ регионального и федерального уровня широко анонсировали данное направление проекта.

В рамках проекта с марта 2008 г. бесплатно оказывает населению экстренная лингвистическая помощь. В будни с 10 до 16 часов (время омское) по телефону (3812) 23-44-84 и ICQ 583-621-708 желающие получают консультации лингвистов ОмГПУ по всем разделам языкознания. Сотрудниками проекта также осуществляется редакция текстов, присланных по электронной почте (bezoshibok@

omgpu.ru). В 2011 г. у направления появились новые каналы коммуникации: стена вопросов Ask.fm/russian и Skype. Данное направление очень популярно: по данным на сентябрь 2014 г. лингвистической помощью проекта пользуются жители 540 городов, 290 из которых – РФ, 250 – ближнее и дальнее зарубежье. После россиян самыми активными посетителями страницы являются украинцы и белорусы, представители 121 и 40 городов соответственно, далее по убывающей располагаются жители Казахстана, Молдовы, Латвии. Среди пользователей дальнего зарубежья жители 54 городов, в том числе Лондона, Вашингтона, Чикаго, Сан-Франциско, Нью-Йорка, Бухареста, Оттавы, Монреаля, Стамбула, Берлина, Варны, Форталезы, Кракова, Праги, Рима, Парижа и др.

На начало сентября получено 12 378 вопросов от населения по телефону, 8373 – по ICQ, 33 120 – на странице Ask/fm/russian (отметок «Понравилось» – 167 787). За время существования проекта лингвисты ответили на более чем 53 000 вопросов от жителей 26 стран мира. Традиционно самыми популярными являются вопросы по орфографии (35 % от общего количества). Далее в порядке убывания располагаются следующие разделы: лексикология (19 %), морфология (13 %), пунктуация (10 %), фонетика и орфоэпия (8 %), синтаксис (5 %), стилистика (3,6 %), словообразование (2 %), этимология (2 %), вопросы по теории языка (0,2 %). В последнее время стало возрастать количество вопросов, напрямую не относящихся к русскому языкознанию (вопросы из области литературоведения, истории, психологии, философии).

В течение учебного года сотрудники проекта выходят в образовательные учреждения с просветительскими лекциями в рамках направления «Филологический класс». Особенно востребованными являются мастер-классы об электронных образовательных ресурсах. Далеко не все преподаватели русской словесности эффективно используют в работе сайты и порталы с образовательными программами. О том, как искать в Интернете материалы для подготовки к ЕГЭ и ГИА, какие сайты содержат демоверсии тестов, где можно найти словари, справочные и энциклопедические издания, что предлагают электронные библиотеки – обо всем этом рассказывают преподаватели ОмГПУ школам. Сотрудники проекта, выходя с просветительскими лекциями в городские учреждения образования и культуры, говорят со слушателями о различных проблемах современной филологии, показывают презентационные материалы, распространяют раздаточный материал. Отзывы (устные и письменные) позволяют говорить об актуальности и нужности таких встреч, сокращающих дистанцию между вузом и школой. Для удобства пользователей сотрудниками «Современного русского» на сайте проекта был размещен раздел «Готовимся к ЕГЭ и ГИА», содержащий перечень специально подобранных образовательных порталов и сайтов по филологии (http://www.oshibok-net.ru/index/gotovimsja_k_eghe_i_gia/0-135).

Еще одним практикоориентированным направлением проекта является выпуск малоформатных справочных изданий из серии «За словом в карман». Печатные варианты словарей-справочников безвозмездно распространяются по запросам от предприятий и организаций, но существ-

уют и электронные версии словарей, которые доступны для скачивания на сайте проекта (http://www.oshibok-net.ru/index/slovar_spravochnik/0-20). Представители бизнес-структур отмечают, что удобное и емкое карманное издание содержит актуальную информацию, необходимую для успешного ведения переговоров и деловой переписки.

Вся деятельность проекта отражается на специальном сайте <http://www.oshibok-net.ru/>. На нем в открытом доступе находятся архивы видеороликов и радиопередач о русском языке, созданных при участии сотрудников проекта. Фото-, аудио- и видеоматериалы проекта могут быть использованы посетителями для преподавания и самообучения. В разделе «Наши публикации» посетители сайта (а на сегодня это жители ста стран мира) могут найти написанные в увлекательной форме статьи о различных аспектах современного филологического образования. Раздел «Что почитать?» предлагает списки литературы по возрастам. Сайт предполагает обратную связь: для пользователей есть гостевая книга, где они оставляют свои отзывы и пожелания создателям проекта. Первая тройка стран по количеству посещений сайта выглядит следующим образом: Россия, Украина, США. Сайт посетили все регионы РФ.

На сайте проекта размещены работы участников конкурса рисунка и плаката «Палитра русского языка», который проводился педагогическим университетом в рамках проекта «Современный русский» и имел целью вовлечь детей в активную деятельность по популяризации грамотности, культуры речи, пользы чтения. Лучшие работы легли в основу электронного каталога для изучающих русский язык как иностранный «Образы русского слова» (http://www.oshibok-net.ru/index/color_gallery/0-74).

В просветительских целях создана группа проекта в соцсети «ВКонтакте», в которой сейчас состоит более 4300 человек. В ней подписчики узнают о новостях, размещенных на сайте [oshibok-net.ru](http://www.oshibok-net.ru/), а также просматривают видеоролики из серии «Чисто по-русски!», читают просветительские материалы, участвуют в опросах. Информер о группе «ВКонтакте» размещен на сайте проекта, благодаря чему люди могут вступать в группу и подписываться на новостную рассылку от проекта «Современный русский». В группе размещены информационные аудиоматериалы, ролики, рекламирующие услуги экстренной лингвистической помощи и популяризирующие чтение книг, и многое другое.

За период январь-июнь 2014 г. в рамках гранта фонда «Русский мир» сотрудники проекта создали мультимедийный образовательный ресурс «Ближе к России. Омск» для изучающих русский язык как иностранный (http://www.oshibok-net.ru/index/russia_omsk/0-76). Тесты об истории города, его промышленном и культурном потенциале, рассказы о деятелях науки, искусства и литературы, чьи судьбы связаны с Омском, а также тестовые и методические материалы, иллюстрации, фото и видео об Омске – все это поможет иностранным пользователям составить более полное представление о регионе Сибири, его своеобразии.

Цель мультимедийного интернет-ресурса была сформулирована следующим образом: повышение уровня языковой, речевой, страноведческой компетенций иностранцев, изучающих русский язык, через формирование у них целостной лингвокультурной картины русского мира, которая не-

постижима без обращения к широкому контексту российской действительности в ее региональной интерпретации.

Поделившись планами создания данного ресурса с иностранными коллегами, преподающими русский язык и пользующимися услугами проекта «Современный русский», мы получили их положительные отзывы. Так, преподаватели-русисты из Австрии, Италии, Болгарии с энтузиазмом восприняли идею омских лингвистов.

В качестве целевой аудитории ресурса «Ближе к России. Омск» были избраны иностранцы, изучающие русский язык в объеме базового, первого и второго сертификационных уровней (A2-B1-B2) и желающие получить более широкое представление о регионах, входящих в состав России. С учетом того, что в настоящее время ощущается некий дефицит лингводидактического материала, отражающего особый колорит российских городов, было решено акцентировать внимание на самобытности Омска как одного из крупных сибирских культурно-промышленных центров. Перед создателями мультимедийного интернет-ресурса стояла задача сформировать на основе страноведческих материалов исторической, географической, экономической, культурологической направленности такое пособие, которое давало бы возможность изучать русский язык и при этом получать комплексное представление о нашем городе.

Оригинальность ресурса «Ближе к России. Омск» состоит не только в широком тематическом диапазоне входящих в него текстов об Омском регионе, но и в ориентированности материалов на иностранных пользователей с разным уровнем владения русским языком. Каждый раздел структурирован по принципу возрастания сложности, что дает возможность обучающемуся отбирать тексты и задания к ним в соответствии с индивидуальным уровнем владения русским языком. Все тексты снабжены пояснениями, методическими рекомендациями, заданиями разной степени сложности, иллюстративным материалом.

Ресурс представлен четырьмя тематическими разделами: «Омск на карте мира», «Омск – культурный и промышленный центр Сибири», «Литературный вернисаж», «Омск молодой».

В первом тематическом разделе Омский регион представлен как центр Прииртышья со своей историей, как интересный географический объект, как многонациональный и поликультурный регион. В текстах пользователи найдут упоминания о покорителе Сибири Ермаке, исторические хроники о периоде правления Колчака, когда Омск был «третьей столицей» России, познакомятся с легендами омского края, совершат виртуальные прогулки по городским улицам и паркам.

Второй раздел включает в себя тексты, отражающие культурно-промышленный потенциал Омска как одного из крупнейших городов Сибири: музеи и театры города, своеобразие архитектурных памятников, музыкальное искусство, Омск – земля талантов (люди, прославившие наш край); Омск – крупный нефтехимический, промышленный и аграрный кластер, значимый для России.

В третьем разделе отражен современный Омск как город спортивный, креативный, студенческий, стремящийся достойно встретить свой 300-летний юбилей.

Четвертый раздел – «Литературный вернисаж» – представлен галереей выдающихся литераторов, судьбы кото-

рых связаны с Омском (Ф. М. Достоевский, Р. И. Рождественский, Т. М. Белозеров, Л. Н. Мартынов и др.). Раздел содержит обзорные материалы, дающие представление о литературе Прииртышья, отрывки из художественных текстов, по которым можно изучать жизнь и быт горожан.

С учетом специфики ресурса все тексты были снабжены подсказками и пояснениями: притекстовые части содержат толкования лексических значений отдельных слов и выражений, трудных для восприятия иностранного пользователя, что позволяет облегчить процесс освоения неадаптированных художественных текстов. Для организации бесед под руководством преподавателя (или самостоятельной работы обучающихся) после каждого из текстов раздела сформулированы вопросы и задания, позволяющие лучше понять содержание прочитанного.

Данный ресурс, размещенный в открытом доступе, был использован преподавателями и иностранными студентами во время работы Летней школы русского языка и страноведения в августе 2014 г. Отзывы зарубежных коллег и студентов носят исключительно положительный характер.

То, что вузовский филологический проект существует уже более шести лет, говорит о его востребованности и популярности. В ходе реализации социального информационно-просветительского проекта «Современный русский» сотрудникам удалось обратить внимание населения на современное состояние языковой культуры, оказать реальную поддержку всем нуждающимся в лингвистической помощи. Девять практических направлений проекта, адресованных широким массам общественности, сегодня доступны всем возрастным и социальным категориям граждан, разнообразны по тематике и реализуются с использованием различных современных каналов коммуникации. Все это в комплексе способствует популяризации грамотности и культуры речи, содействует формированию бережного отношения к русскому языку.

1. Скок Т. Н. Современный русский // Инновационная Россия: сб. работ лауреатов и дипломантов Всероссийского конкурса интеллектуальных проектов «Держава-2009». М. : ФОРУМ, 2010. С. 174–187.

2. Скок Т. Н. Современный русский // Стратегия России. М. : Изд-во «Известия» Управления делами Президента Российской Федерации. 2010. № 2(74). С. 82–88.

3. Скок Т. Н. Лингвистика для всех и каждого // Русский мир.ru. М. : Периодика, 2013. № 11. С. 11–15.

4. Скок Т. Н. Подсказано жизнью // Русский мир.ru. М. : Периодика, 2010. № 3. С. 12–15.

5. Скок Т. Н. Современный русский // Лаборатория рекламы, маркетинга и public relations. М. : РИП-холдинг, 2009. № 2(63). С. 73–78.

6. Скок Т. Н. Практическая филология на каждый день // Русский язык за рубежом. 2012. № 3. С. 107–112.

7. Скок Т. Н. Чисто по-русски! // Пятьдесят лучших проектов Национальной премии в области развития общественных связей «Серебряный Лучник». М., 2011. С. 237–247.

СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ



Воробьева З. В., Вострова К. О.

Реликвии и раритеты семейной библиотеки Воробьевых:
к 80-летию со дня рождения Ю. В. Воробьева

З. В. Воробьева, К. О. Вострова

РЕЛИКВИИ И РАРИТЕТЫ СЕМЕЙНОЙ БИБЛИОТЕКИ ВОРОБЬЕВЫХ К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ю. В. ВОРОБЬЕВА



Остановись! Ведь это жизнь уходит.
Кусочек жизни, незаметный с виду.
Уходит так, как свечи догорают,
Без жалобы, без стона, без остатка.

Ю. Воробьев

Печатное слово никогда не исчезнет из нашей жизни. Его не смогут вытеснить никакие обстоятельства и супер-современные технологии. Придя из глубины веков, книга проложила дорогу в настоящее и будущее! Богатейший опыт и традиции позволяют сохранить семейные библиотеки. Увы, сейчас они редки, что свидетельствует о разрушающихся устоях семьи как ячейки общества, а ведь совсем недавно все было иначе. Конечно, и раньше какие-то книги попадали на полки букинистических магазинов или даже шли на растопку. Но это свидетельствовало, как правило, о том, что угас род или остались совсем уже скудные осколки семьи, которым и само имя предков не дорого. Тот же, кто почитал отчий дом, никогда не пустил бы книги в расход, не стал бы даже при великой бедности жертвовать такой реликвией, какой является семейная библиотека. Она как скрепляющее звено поколений, умирала последней.

Библиотека семьи Воробьевых формируется вот уже на протяжении пятого поколения. А начало ей положил Яков Абрамович Суриц (1881–1941), отец Д. Я. Воробьевой, человек чрезвычайно начитанный и любознательный (см. фото 1).

Яков Абрамович хорошо играл на скрипке, умел музицировать на других инструментах. До революции он имел собственное фотоателье, а после прихода к власти большевиков работал в прежнем своем ателье фотографом.

В семье Якова Абрамовича было три дочери, которым он помог получить отличное филологическое образование. Дом считался по тем временам не бедным – в нем были серебро и хрусталь, но главным богатством почитались книги. Они приобретались для разностороннего развития детей. А. С. Пушкина девочки изучали по первому в России полному изданию – 1907–1911 гг. (его потом передавали из рук в руки пять поколений семьи Воробьевых) (см. фото 2). Кстати, этого издания нет даже в Омской государственной областной научной библиотеке им. А. С. Пушкина. Эти книги за много лет обветшали, поэтому их пришлось реставрировать. И делали это профессионалы.

В годы НЭПа были приобретены тома «Детской энциклопедии», под редакцией профессоров Ю. Н. Вагнера, С. А. Князькова, И. П. Козловского, Н. А. Морозова, С. И. Метальникова, М. В. Новорусского, типография Т-ВА И. Д. Сытина, Москва, 1913–1914 гг., тома с 1 по 9 (кроме 6) (см. фото 3). В них можно было найти ответ на любой вопрос детей и взрослых.

На каждой книге энциклопедии есть штамп «Михаил Гельфонт», на пятом – полустертый штамп «Дина Суриц». Издание богато иллюстрировано рисунками и цветными таблицами, в его основу положено английское издание «Детской энциклопедии». Книги зачитаны и требуют ремонта.



Фото 1



Фото 2

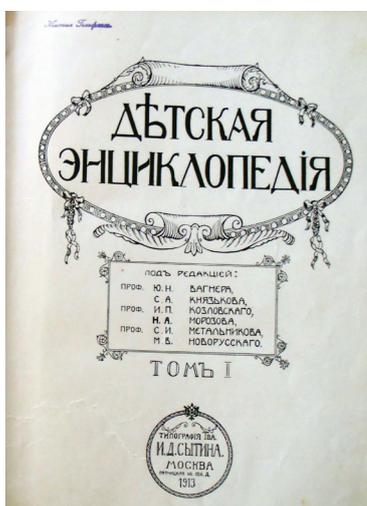


Фото 3

Большая часть этой библиотеки по семейным обстоятельствам впоследствии перешла к старшей дочери – Дине Яковлевне. Д. Я. Воробьева получила высшее образование в Ленинградском государственном университете по специальности лингвист-романист. Работала в Ярославле, во время Великой Отечественной войны в Казанском пединституте преподавала французский язык на только что созданной кафедре. В 1950-е гг. оказалась в Омске в связи с направлением мужа В. М. Воробьева на завод СК. Преподавала немецкий язык, в 1964 г. создала кафедру французского языка на факультете иностранных языков в Омском государственном педагогическом университете.

Дина Яковлевна пополнила библиотеку учебными изданиями, которые в наше время считаются редкими. На книжные полки встали:

– Учебник испанского языка (начальный курс) О. Васильевой (М., 1937 (см. фото 4)). Книга с дарственной надписью на испанском языке. Судя по всему, по этой книге Дина Яковлевна учила испанский язык в ЛГУ в 1934–1939 гг.;

– Русско-испанский словарь, сост. К. А. Марцишевская, Ю. С. Ясельман (М., 1938, 706 с., 10 000 слов, тираж 15 000 экз.);

– Испанско-русский словарь, сост. К. А. Марцишевская (М., 1938, 700 с., 10 000 слов).

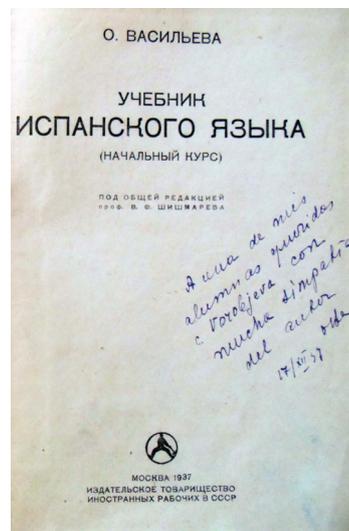


Фото 4

Создателем семейной библиотеки в ее современном виде был Юрий Викторович Воробьев.

Юрий Викторович родился 22 января 1936 г. в Ярославле. В Казани прошли его школьные годы (с 1 по 8 класс). В 1954 г. он окончил школу № 72 в Омске и поступил в Омский педагогический институт им. А. М. Горького (ныне Омский государственный педагогический университет) на отделение английского и немецкого языков факультета иностранных языков. В школе он изучал лишь немецкий, но в детстве немного освоил французский. Сразу после окончания вуза работал в научно-исследовательском институте связи в должности инженера-переводчика, а с 1960 г. – старшим инженером-переводчиком, руководителем группы. С 1963 г. он старший референт-переводчик. Редактировал стенгазету, был заядлым КВН-щиком.

В 1964 г. Юрий Викторович поступил в аспирантуру при кафедре английской стилистики Московского педагогического института иностранных языков им. М. Тореза (теперь Московский государственный лингвистический университет) под руководством профессора И. Р. Гальперина.

В 1968 г. Юрий Викторович успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Некоторые особенности строфики в английской поэзии XVII–XIX вв.». После защиты Ю. В. Воробьев возвращается в Омск, работает в омских вузах: политехническом, где заведует секцией английского языка и методическим объединением преподавателей кафедры иностранных языков (1968–1971), в СИБАДИ – заведует кафедрой иностранных языков (1971–1977), в Омском педагогическом институте, где заведует кафедрой иностранных языков (межфак) 17 лет (1977–1994).

Ю. В. Воробьев пользовался большим авторитетом у коллег и студентов. Он являлся председателем бюро городского межвузовского методического объединения

преподавателей иностранных языков и членом совета по иностранным языкам Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР. В 1979 г. его избрали председателем совета по иностранным языкам зоны Западной Сибири и членом Ученой комиссии по иностранным языкам Министерства просвещения РСФСР. По его инициативе в Омске проводились ежегодные межвузовские научные конференции по проблемам филологии и методики преподавания иностранных языков. Он постоянно участвовал в подготовке и проведении городских межвузовских олимпиад и фестивалей художественной самодеятельности на иностранных языках.

Кандидат филологических наук, доцент, он на протяжении многих лет занимался изучением строфики английской поэзии Дж. Г. Байрона, Дж. Китса и других поэтов. Опубликовал более 30 научных работ. Был талантливым поэтом-переводчиком и сам писал стихи.

Книга всегда была в почете в семье Воробьевых. Она приобреталась в подарок и просто так. Хорошие книги могли быть куплены независимо от цены и никогда не оставались не востребованными. Ведь их приобретали не для «украшения».

Сегодня библиотека насчитывает более 3 000 томов, и почти с каждой связана какая-то памятная история. Премстственность – главная особенность библиотеки Воробьевых.

В библиотеке представлены все виды изданий: литературно-художественные, справочные (энциклопедии, словари, справочники), учебные, научные (сборники, монографии, брошюры), издания по изобразительному искусству (книги, альбомы, наборы открыток, каталоги), картографические (атласы, карты и др.). Люди, собиравшие библиотеку, имели разные профессии, интересы, вкусы.

Библиотека Воробьевых в 1941 г. пережила длительную эвакуацию из Ярославля в Казань. В 1950-е гг. в связи с переездом в Омск семьи Дины Яковлевны Воробьевой библиотека оказалась в Омске.

Что считать раритетом библиотеки? Это редкие ценные книги, изданные много лет назад, обычно небольшим тиражом. Семейные реликвии – это книги, особо хранимые в семье как память о прошлом, о людях близких, родных, передающиеся по наследству из поколения в поколение. Раритетами являются книги Ю. В. Воробьева, изданные посмертно малыми тиражами (от 100 до 500 экземпляров).

Наиболее широко представлены литературно-художественные издания – это около 50 многотомников: российских и зарубежных классиков.

На наш взгляд, к раритетам можно отнести уже названное издание А. С. Пушкина (4 тома из первого в России 6-томного издания 1907–1911 гг.). У этих книг непростая история: при издании пожар уничтожил почти готовый тираж 6-го тома (поэтому его нет в коллекции).

В фонд литературно-художественных изданий входят серия «Библиотека исторического романа» и отдельные книги на историческую тематику, в том числе «Воспоминания политических деятелей», изданные в 1960–1980 гг. Госполитиздатом. Основа для домашнего чтения – это книги, вышедшие в 1950–1970-х гг. в издательствах: «Детская литература», «Художественная литература» и др.

(М. Рид – 6 томов, Ф. Купер – 6 томов, Ч. Диккенс – 30 томов, В. Скотт – 20 томов, Г. Сенкевич – 9 томов, Дж. Лондон, М. Твен, Р. Л. Стивенсон, Пр. Мериме и многие другие). Естественно сюда входит и подборка для чтения русских классиков.

У каждого раритета своя история, своя жизнь. 4-томное полное издание Н. С. Гумилева «совершенно случайно» оказалось у Ю. В. Воробьева в его аспирантские годы в Москве. Поэт серебряного века был тогда под полным запретом. Пришлось сменить обложку, вновь переплести, так как издание вышло в США (см. фото 5).



Фото 5

Сказки всегда были любимым чтением в семье, особенно с появлением детей, каждое поколение училось на своих сказках, по-разному оформленных и переработанных. Предпочтение отдавалось классическим (академическим) изданиям: Г. Х. Андерсен «Сказки и истории» (в 2-х т. 1969 г.), «Сказки Братьев Гримм» (1985 г.). Учитывалось художественное оформление книг (И. А. Билибин, «Сказка Марья-Моревна». Издательство Главного управления «Гознак» министерства финансов СССР, 1967)

В 1970–1980 гг. издавалось много детских книг, в том числе национальных сказок (африканские, удмуртские, немецкие, еврейские, тунгусские, эвенкийские, корейские), «Книга тысячи и одной ночи» в 8 томах и др. Вот ничем не примечательная, в тонком переплете, с редкими черно-белыми рисунками книга «Сказки Омской области» Западно-Сибирского издательства, Новосибирск 1968 г. (см. фото 6). Она заняла раритетное место среди прочих ярких сказочных сундучков. Подобные подборки сказок в необычном, ярком оформлении были получены в подарок Ксенией Востровой, внучкой Ю. В. Воробьева).

Юрий Викторович очень любил поэзию, он сам писал стихи и делал поэтические переводы. Он был знаком со многими выдающимися литераторами. В библиотеке есть серии «Сокровища лирической поэзии» (Шекспир, Ронсар, Дю Белле, Джакомо Леонарди, Поль Верлен, Ду Фу), «Библиотека поэта» (И. Сельвинский, Н. Тихонов, А. Навои, А. Блок и др.); «Поэтическая Россия» (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А. К. Толстой, И. С. Тургенев и др.), многотомники Н. Гумилева, С. Есенина, И. Северянина, С. Маршака. М. Цветаевой, А. Ахматовой, Б. Пастернака, М. Светлова, В. Высоцкого и других поэтов двадцатого столетия.



Фото 6

В серии «Сокровища лирической поэзии» есть томик лирики Ронсара, который может считаться реликвией. Перевод с французского сделан Вильгельмом Левиком, он же сделал дарственную надпись: «Дорогому Юре Воробьеву с самыми лучшими пожеланиями. Сердечно ваш. В. Левик 12.05.1968». Кстати, Ю. В. Воробьев посвятил талантливому переводчику новеллу «В. В. Левик» в раритетной книге «Встречи с прошлым».

Заслуживает внимания томик Александра Блока малой серии «Библиотека поэта» с дарственной надписью: «Прекрасной Зиночке – на память Г. Ременик. 6.03.1964 г.». Доцент Григорий Ременик был исследователем творчества А. Блока. В предвоенные годы он был репрессирован, а затем реабилитирован без права работы в столичных вузах, преподавал в Ярославском пединституте.

Юрий Викторович очень ценил творчество Булата Окуджавы, чьи стихи невозможно было достать в то время. Однажды он заказал книголюбу, отправлявшемуся в Москву книжку Булата Окуджавы. Затем эта книга была подарена жене на новый год со стихами:

Мамуля! Я дарю тебе Булата!
Он твой и мой, один для нас двоих.
Ведь это он впервые нам когда-то
Пропел про муравьев и муравьих,
Про то и се, и как потя в гамме,
Всему на зло, на перекор судьбе,
Заезжий музыкант в оконной раме
И день и ночь играет на трубе...

Эти стихи были опубликованы в домашней «Новогодней газете» в 1985 г., а затем изданы в 1996 г. в книге Ю. В. Воробьев «Мне в жизни очень повезло» (см. фото 7).

Несомненно, книги самого Юрия Викторовича также можно отнести к семейным реликвиям.

Сборник стихов «Ты мне нужна» издан в 1993 г. в связи с 55-летним юбилеем Зинаиды Васильевны Воробьевой. («Любинский проспект», Омск; художник – Инна Воробьева, дочь автора, выпускница школы искусств) и содержит пояснение автора: «Моей жене З. В. Воробьевой посвящается». Следующая книга Юрия Воробьева «Мне в жи-

ни очень повезло» («Восточный ветер», Москва – Омск 1996 г.) издана женой Юрия Викторовича к первой годовщине со дня смерти мужа, 20 экземпляров книги пронумерованы, тираж 270 экземпляров.



Фото 7

Книга «Я знаю много разных тайн» – стихи для детей (издательство «Восточный ветер», Москва – Омск, 1998; тираж 200 экземпляров) посвящена 25-летию дочери Инны. Два экземпляра содержат цветные иллюстрации, остальные – черно-белые. Было и второе, дополненное нотами к стихам, издание этой книги.

К 75-летию Юрия Викторовича издана книга прозы «Встречи с прошлым», составленная Зинаидой Васильевной Воробьевой. В нее вошли воспоминания, эссе, переводы. Тираж книги 140 экземпляров.

В библиотеке хранится реликвия – книга Ирвина Стоуна «Муки и радости», которая была подарена Юрию Викторовичу матерью, Диной Яковлевной, на день рождения. В книге есть надпись: «Дорогому Юре от мамы. Январь 1972 г.» (см. фото № 8). В семье вообще существовала традиция дарить книги по разным поводам. И это считалось очень дорогим подарком.

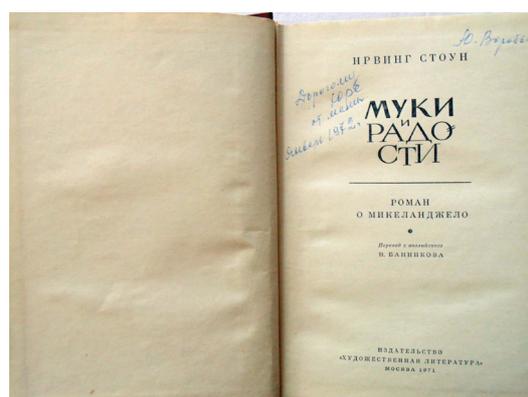


Фото 8

В библиотеке собрано много изданий по искусству, прежде всего по изобразительному (около 140 книг), альбомы и около 40 наборов открыток.

Ю. В. Воробьев очень любил музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, ему посвящены стихи «Пуш-

кинский музей», опубликованные в книге «Мне в жизни очень повезло»:

Кариатиды, портики, портреты,
Задумчивые лики на стене,
Венцы и маски, шпаги и колеты,
Еретики, горящие в огне.
Вон там Ван-Гога маковое поле
И сероватой Сены берега,
И бронзовые девочки Майоля,
И голубые девочки Дега.
Твои богатства мне необходимы,
Я в каждом зале нахожу друзей.
Приветствую тебя, о мой любимый,
Мой незабвенный Пушкинский Музей!

Все члены семьи, бывая в Москве, хоть ненадолго, посещали этот музей. Однажды Юрий Викторович повел жену, которая была с забинтованными глазами после офтальмологической операции, именно туда, чтобы хоть как то поднять ей настроение. Понятно почему именно книги по искусству стали семейной реликвией. Инна Юрьевна, обучаясь на художественном отделении школы искусств, использовала эти издания. Кстати, самой Инне был когда-то подарен очень редкий каталог областной выставки произведений самодеятельных художников «Художественный музей имени В. В. Верещагина (на русском языке)» (г. Николаев, Украина, 1983, 60 с., тираж 2000 экз. Автор текста и составитель, один из участников выставки В. Малина); в каталоге есть надпись: «Инночке на память о пребывании в городе корабелов с пожеланиями будущих боевых изо-успехов. М. Ковалевский» Михаил Ковалевский, заведующий кафедрой иностранных языков Николаевского кораблестроительного института, был одним из участников выставки.

Юрий Викторович хорошо знал и любил искусство импрессионистов. Однажды он сделал своей жене незабываемый подарок – альбом Анри Матисса с шедеврами живописи и скульптуры из музеев Советского Союза. Книга содержит надпись: «Моей дорогой мамуле Ю. 14.07.86». Лучшего подарка на день рождения Зинаида Васильевна не ожидала.

Справочные издания представлены почти 150 наименованиями, к ним относятся в том числе 4 тома «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, 7 томов «Жизни животных», 4 тома «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина, 8 томов «Детской энциклопедии», 5 томов «Краткой географической энциклопедии», 10 книг серии «Природа мира», 18-томное собрание сочинений С. Н. Соловьева. Десятки словарей с английского, немецкого, французского, испанского и других языков, «Имена на карте» (топонимический словарь Америки) (составители: Ю. В. Воробьев, З. В. Воробьева), словарь составлен к 500-летию открытия Америки.

Интересен экземпляр «Поэтического словаря» А. Квятковского, тиражом 1000 экземпляров, с автографом автора: «Ю. В. Воробьеву – за любовь к поэзии и поэтике. А. Квятковский. 14.03.1968» (см. фото 9). Кстати, А. Квятковскому Ю. В. Воробьев посвятил новеллу «Квятковский – скромное имя таланта» в книге «Встречи с прошлым».

Конечно, часть библиотеки составляют учебные издания. Некоторые из них: «English grammar Foreign languages publishing house. Moscow. 1954» (по этой книге Юрий Викторович учил английский в ОГПИ им. Горького); I. R. Galperin. Stylistics. Издательство «Высшая школа». М., 1971 г. с надписью «Дорогому Юрию Викторовичу Воробьеву от автора». И. Р. Гальперин был научным руководителем Юрия Викторовича.

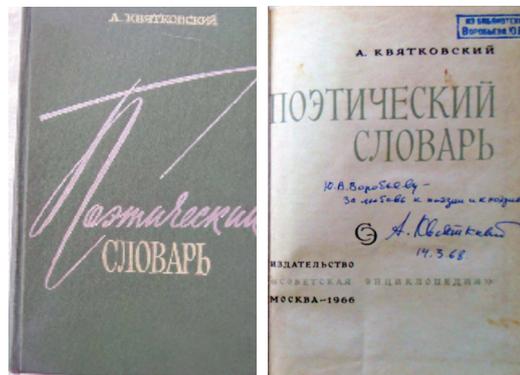


Фото 9

Научная деятельность создателей библиотеки способствовала накоплению прежде всего научного фонда: академических изданий по филологии, языкознанию, лингвистике, поэтике, теории перевода, стихосложению, ландшафтоведению, географии. Научные сборники содержат материалы международных, региональных конференций по различным темам. Среди них немало редких изданий:

«Сибирский сад – территория мечты». Сборник материалов регионального научно-художественного проекта, Омск-Новокузнецк, 2002. Омск, 2004, тираж 200 экз.

«Реки Сибири и их образы в динамике природного и культурного ландшафта». Материалы научно-практической конференции с участием регионов Сибири и Казахстана. Омск: Издательский дом «Лео», 2006, тираж 60 экземпляров.

Раритетом являются монографии выдающихся ученых филологов:

И. Р. Гальперин «Опыт стилистического анализа» (на английском языке) (М.: Высшая школа, 1968) с надписью «Моему способному ученику и почти коллеге Юре Воробьеву на память от автора».

Е. Г. Эткинд «Поэзия и перевод» (М.; Л.: Советский писатель, 1963); к книге приложены два письма от Е. Г. Эткинда. Юрий Викторович Воробьев посвятил этому замечательному человеку новеллу «Е. Г. Эткинд», опубликованную в книге «Встречи с прошлым».

Книга самого Ю. В. Воробьева «Строфика английской поэзии» (М.; Омск: Восточный ветер, 1997) была издана после смерти ее автора.

З. В. Воробьева в 2005 г. издала свою книгу «Храм над Иртышом (храм Всех Святых в земле Сибирской просиявших)» (Омск: Изд-во ОмГПУ, Издат. Дом «Наука»); в ней имеется надпись: «Внучке Ксенечке. В этом храме тебя крестили 27.10.2005 г. Автор и бабушка Зинаида Васильевна».

В домашней библиотеке немало картографических изданий. Более десятка атласов, десятки карт, преимущественно Омской области. Интересны и ценны «Физико-географический атлас мира» (М., 1964); «Атлас ареалов и ресурсов лекарственных растений СССР» (М., 1976). «Трехмерный атлас мира» Ш. Конноли с надписью «Ксюше 6.02.2002 г. В. Мельников», был подарен Ксении ее крестным.

Сокровищам человечества на пяти континентах посвящено издание «Сто лучших национальных парков» (М.: Мир книги, 2006). Все картографические издания использовались в учебном процессе на географическом факультете. Карта-схема «Православные храмы и часовни г.Омска (схема для паломников)» – первая подобного рода работа,

была составлена З. В. Воробьевой в соавторстве с И. Баблонкиным.

Нельзя себе представить жизнь семьи Воробьевых без книг, они становились участницами всех значимых событий. К праздникам выпускалась домашняя стенгазета (ее материалы вошли в состав нескольких сборников). Сами сборники становились поводом для праздников, детских утренников, презентаций.

К 60-летию юбилею Зинаиды Васильевны вышел домашний журнал «Воробьи», созданы уникальные семейные фотоальбомы.

Так, постепенно, в течение многих лет складывались традиции, которые служат фундаментом семейных уз и по сей день.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Будехин Сергей Юрьевич, Российский университет дружбы народов (Москва), аспирант. sergey.budekhin@mail.ru

Валевич Елена Степановна, Омский государственный педагогический университет, кандидат философских наук, доцент. valevich18@yandex.ru

Воробьева Зинаида Васильевна, Омский государственный педагогический университет, кандидат географических наук, доцент. vostrova.k@mail.ru

Вострова Ксения Олеговна, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, студент. vostrova.k@mail.ru

Глотова Елена Анатольевна, Омский государственный педагогический университет, кандидат филологических наук, доцент. elena_glotova_62@mail.ru

Гопко Владимир Васильевич, Омский государственный педагогический университет, кандидат философских наук, доцент. go.vladi@yandex.ru

Горбачева Юлия Сергеевна, Омский государственный педагогический университет, студент. j-585-a@yandex.ru

Горнова Галина Владимировна, Омский государственный педагогический университет, доктор философских наук, доцент. gornovagv@yandex.ru

Гунбина Светлана Васильевна, Челябинская государственная академия культуры и искусств, преподаватель. kaf-ped@chgaki.ru

Гусев Дмитрий Александрович, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, кандидат педагогических наук, доцент. dimigus@rambler.ru

Езан Ирина Евгеньевна, Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат филологических наук, доцент. kulirina@mail.ru

Жесткова Елена Александровна, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, кандидат педагогических наук, доцент. ezhestkova@mail.ru

Зернина Елена Владимировна, Лысьвенский филиал Пермского национального исследовательского политехнического университета, доцент. zernina@lf.pstu.ru

Карпова Лариса Михайловна, Омский государственный педагогический университет, кандидат философских наук, доцент. larissee2005@mail.ru

Кассал Борис Юрьевич, Омский государственный педагогический университет, кандидат ветеринарных наук, доцент. by.kassal@mail.ru

Кениспаев Жума Кубжасарович, Алтайская академия экономики и права (Барнаул), доктор философских наук, профессор. kenispaev@mail.ru

Ковалевский Артем Александрович, Омский государственный педагогический университет, магистрант. lilsmith@mail.ru

Кравцова Татьяна Владимировна, Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, аспирант (Омск). k786758@mail.ru

Красноярова Наталья Георгиевна, Омский государственный педагогический университет, кандидат философских наук, доцент. kra-nataliy@yandex.ru

Литвак Римма Алексеевна, Челябинская государственная академия культуры и искусств, доктор педагогических наук, профессор. kaf-ped@chgaki.ru

Лихачев Алексей Сергеевич, Омский государственный педагогический университет, магистрант. gf793@mail.ru

Лупаренко Светлана Евгеньевна, Харьковский национальный педагогический университет им. Г. С. Сковороды, кандидат педагогических наук, доцент. swetka1408@mail.ru

Маклаева Эльвира Владимировна, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, кандидат педагогических наук, доцент. mak_ela@mail.ru

Мельникова Наталья Александровна, Омский государственный педагогический университет, кандидат филологических наук, доцент. nata_aleks@mail.ru

Мыльникова Светлана Андреевна, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доцент. lanamilnik@yahoo.com

Нефедова Людмила Константиновна, Омский государственный педагогический университет, доктор философских наук, профессор. konstans50@yandex.ru

Николенко Ольга Юрьевна, Омский государственный педагогический университет, кандидат филологических наук, доцент. nikolenkoolga@mail.ru

Новикова Ирина Вячеславовна, Омский государственный педагогический университет, студент. anna_paley@mail.ru

Ощепкова Тамара Владимировна, Омский государственный педагогический университет, кандидат филологических наук, доцент. omelta@bk.ru

Пивоваров Даниил Валентинович, Уральский федеральный университет (Екатеринбург), доктор философских наук, профессор. daniil-pivovarov@yandex.ru

Попова Александра Николаевна, Омский автобронетанковый инженерный институт, преподаватель. oger@hotmail.ru

Серикова Айгуль Казисовна, Казахский национальный университет искусств (Астана), специалист высшего уровня в приемной комиссии. pedagog@omgru.ru

Скибицкий Эдуард Григорьевич, Сибирская академия финансов и банковского дела (Новосибирск), доктор педагогических наук, профессор. gf793@mail.ru

Скок Тамара Николаевна, Омский государственный педагогический университет, кандидат филологических наук, доцент. skok87@mail.ru

Степнов Павел Александрович, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, кандидат экономических наук, доцент. s1a2p3@2rambler.ru

Уланов Андрей Владимирович, Сибирский институт бизнеса и информационных технологий (Омск), кандидат филологических наук, доцент. ulanov.andrey.2014@mail.ru

Фадеева Ольга Александровна, Омский государственный педагогический университет, кандидат педагогических наук, доцент. olgad2012@inbox.ru

Файлерт Надежда Андреевна, Омский государственный педагогический университет, магистрант. rlingv@mail.ru

Федяев Дмитрий Михайлович, Омский государственный педагогический университет, доктор философских наук, профессор. fedyayev@omgru.ru.

Федяева Людмила Викторовна, Омский государственный педагогический университет, кандидат педагогических наук, доцент. lvfed2007@yandex.ru

Филиппова Людмила Владимировна, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, кандидат педагогических наук, доцент. ezhestkova@mail.ru

Чечулина Наталья Александровна, Омская гуманитарная академия, кандидат педагогических наук, доцент. gf793@mail.ru

Чуркин Михаил Константинович, Омский государственный педагогический университет, доктор исторических наук, профессор. proffchurkin@yandex.ru

Чуркина Наталья Ивановна, Омский государственный педагогический университет, доктор педагогических наук, профессор. n_churkina@mail.ru

Чурсина Юлия Анатольевна, Лысьвенский филиал Пермского национального исследовательского политехнического университета, кандидат экономических наук, доцент. julija-chursina@rambler.ru

Шадрина Анастасия Алексеевна, Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, аспирант. ermiona@yandex.ru

Шаров Анатолий Сергеевич, Омский государственный педагогический университет, доктор психологических наук, профессор. sharov@omgru.ru

Шестова Анна Александровна, Омский государственный педагогический университет, кандидат филологических наук, доцент. annshestova@yandex.ru

Штехман Елена Александровна, Омский автобронетанковый инженерный институт, доцент. shte-elena@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционно-издательский совет ОмГПУ объявляет о наборе статей в очередной номер журнала «Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования».

Для публикации в журнале принимаются статьи, отражающие широкий спектр проблем современных гуманитарных наук: исторических, филологических, философских, культурологических, педагогических и психологических.

Помимо статей, могут быть опубликованы аналитические обзоры, рецензии, материалы научных дискуссий и т. п. Также редакционная коллегия будет благодарна за материалы для рубрики «Страницы памяти», посвященной ученым-гуманитариям, которые прославили университет.

Статьи, оформленные в соответствии с требованиями, необходимо до 15 января 2015 г. выслать по электронному адресу vestnik.omgпу@yandex.ru в строке «Тема» указать «Заявка на публикацию».

Журнал является рецензируемым, редакционная коллегия оставляет за собой право вернуть присланные материалы на доработку или отказать в публикации.

Журнал имеет международный индекс периодического издания – ISSN 2309-9380, включен в систему РИНЦ и зарегистрирован как печатное издание.

Архив номеров доступен на сайте ОмГПУ (<http://omgпу.ru/science/vestnik/index.htm>); размещение материалов в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU (<http://elibrary.ru>) осуществляется с соблюдением правил портала. Предоставление рукописи означает согласие автора на размещение статьи в указанных интернет-источниках.

Публикация бесплатная, иногородним авторам журнал будет выслан наложенным платежом.



Требования к публикации

1. Рекомендуемый объем статьи 6–8 страниц. Основной текст: шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал одинарный, поля по 2 см с каждой стороны, абзацный отступ 1 см, выравнивание по ширине.

2. Ссылки на литературу оформляются следующим образом: [1, с. 238], где первая цифра – номер источника в библиографическом списке. Библиографические примечания оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 2008: шрифт Times New Roman, кегль 12, интервал одинарный; источники размещаются в порядке ссылок по тексту; наличие библиографического перечня обязательно.

Требования ГОСТ Р 7.0.5 2008 см.: <http://protect.gost.ru/v.aspx?control=8&baseC=-1&page=0&month=-1&year=-1&search=&RegNum=1&DocOnPageCount=15&id=165614&pageK=466BEF73-A91A-4347-AD85-14FA584A6CCC>

3. Каждая статья должна быть снабжена: индексом УДК (см., например: <http://udc.biblio.uspu.ru>; для проверки можно воспользоваться автоматической расшифровкой индекса на <http://scs.viniti.ru/udc/Default.aspx>);

переводом названия и имени автора на английский язык;

аннотацией на русском и английском языках (около 100 слов; Times New Roman, кегль 12, интервал одинарный);

ключевыми словами (5–8) на русском и английском языках (Times New Roman, кегль 12, интервал одинарный).

4. К статьям аспирантов должна быть приложена рецензия научного руководителя с указанием актуальности и научной новизны проводимого исследования.

5. Статьи магистрантов (единственный автор – магистрант) принимаются на конкурсной основе (не более 5 статей в одном номере) и размещаются в особом разделе «Слово молодым». Объем предоставляемых материалов – 4–5 страниц. К статьям должна быть приложена рекомендация научного руководителя; сведения о руководителе указываются в постраничной сноске.

6. Редакция оставляет за собой право на сокращение и редактирование статей.

Примечание: В описании источника обязательно должно быть указано издательство; общее количество страниц, если следует ссылка на книгу, или указание на количество страниц статьи, размещенной в сборнике.

Сведения об авторе (авторах)

(в присланном файле размещаются после текста статьи)

Фамилия, имя, отчество (полностью)	
Наименование организации – места работы, учебы (для магистрантов, аспирантов)	
Структурное подразделение, должность	
Ученая степень, ученое звание	
Сведения о научном руководителе (для магистрантов): ФИО, ученая степень, ученое звание, место работы, должность	
Контактный телефон, E-mail	
Почтовый адрес	
Согласие на размещение электронной версии статьи на сайте ОмГПУ и в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU (наличие ответа «согласен/согласна» – обязательное условие публикации)	

ВЕСТНИК
ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал

2014. № 3(4)



Редактор *Г. Н. Орлов*
Технический редактор *Л. Л. Штаненко*

Подписано в печать 15.12.2014. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 21,0. Уч.-изд. л. 26,2
Тираж 100 экз. Заказ Ш-26

Издательство ОмГПУ.
Отпечатано в типографии ОмГПУ,
Омск, наб. Тухачевского, 14, тел./факс: (3812) 23-57-93